АДЕНАУЭР

Всеволод Ежов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга «Конрад Аденауэр — немец четырех эпох» — первое в России солидное исследование жизненного пути и деятельности выдающегося немецкого политика.

В основу книги легли документальные и мемуарные материалы, не в последнюю очередь воспоминания самого Аденауэра, высказывания и оценки печати того времени. Представляются интересными личные впечатления автора, доктора исторических наук, профессора В. Д. Ежова, который во второй половине 50-х — начале 60-х годов был вторым секретарем посольства СССР в Бонне, неоднократно присутствовал на выступлениях К. Аденауэра в бундестаге, на его пресс-конференциях, мог наблюдать канцлера на приемах и других мероприятиях.

Книга призвана реабилитировать искаженный советской пропагандой образ К. Аденауэра, дать объективную оценку его вклада в мировую политику.

- Всеволод Дмитриевич Ежов
  - Глава I (Вместо введения)
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI На пепелище
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII
  - Глава XIX
  - Глава XX
  - Глава XXI
  - Глава XXII
  - Послесловие

    - Основные даты жизни и деятельности Конрада Аденауэра
    - Краткая библиография
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

Всеволод Дмитриевич Ежов
Конрад Аденауэр — немец четырех эпох

Глава I (Вместо введения) Необычные похороны

В солнечный апрельский день 1967 года местечко Рёндорф, что на правом берегу Рейна напротив Бонна, было взбудоражено с раннего утра. Его обитатели группами и поодиночке подтягивались к дому 8а по Ценнигсвег, оцепленному неплотным кордоном полиции. На лужайке перед входов в дом стояли несколько человек в черном. Царила тишина. Не слышались ни гудки пароходов с Рейна, ни свистки локомотивов с прибрежной железной дороги.

По узкой улочке бесшумно подъехал военный джип. В доме наметилось движение. Медленно, ритуальным шагом, десять офицеров пограничных войск — первого вооруженного формирования, созданного после образования ФРГ, вышли с гробом, покрытым государственным флагом. Его бережно поставили на лафет. Немногочисленная процессия, главным образом родственников, направилась к Рейну.

Так началась церемония похорон Конрада Аденауэра, умершего на девяносто втором году жизни спустя три с половиной года после отставки с поста канцлера Федеративной Республики Германия.

Джип с гробом въехал на паром «Христоферус П». Отвалив от пристани, он направился к Бонну. Рядом шел катер с родственниками и близкими. На левом берегу процессия направилась по Кобленцерштрассе, которую уже переименовали в Аллею Аденауэра и только что снабдили новыми табличками к дворцу Шаумбург — рабочей резиденции канцлеров. Умерший патриарх проделывал путь, которым неизменно пользовался четырнадцать лет своего правления в стране, восставшей из пепла во многом благодаря его мудрости и радению.

Перед дворцом выстроилась почетная сотня пограничных войск. Под приглушенную дробь барабанов гроб сняли с лафета и внесли в зал заседаний кабинета министров. У входа его встретили глубоким поклоном канцлер Кизингер с супругой. Гроб установили на невысоком постаменте. У ног поместили бархатную подушечку с орденом «Большой Крест за заслуги». Аденауэр был единственным из немцев, удостоенным этой награды.

Бесшумно сменялся караул из высших офицеров пограничных войск. Справа сидели и стояли близкие. Проходили люди, прощаясь с тем, кто возродил достоинство немцев, утраченное

ими после сокрушительного поражения в развязанной нацистами войне.

Уинстон Черчилль, умерший двумя годами раньше, сказал об Аденауэре: «Он — самый умный немецкий государственный деятель со времен Бисмарка». А Джон Кеннеди выразился так: «Этот человек уже живет в истории».

Многие сравнивали Аденауэра с Бисмарком — «железным канцлером». Их разделяли несколько общественно-исторических эпох в развитии страны. Происхождение, черты характера, политические амбиции, методы властвования указывали на коренные несходства. И лишь историческая значимость этих выдающихся деятелей позволяет допускать условные аналоги. Черчилль подчеркивал, что при всем различии Аденауэра и Бисмарка у них есть общее: они достигли того, о чем немцы их периода деятельности не могли и мечтать.

Известный немецкий журналист В. Рихтер писал, что Аденауэр — сын буржуазной культуры, уходящий корнями в атмосферу старых рейнских городов и глубоко погруженной в католицизм с его вековыми традициями. Бисмарк — отпрыск восточногерманского дворянства, не очень усердный протестант, строил свою власть, опираясь на восточно-эльбские владения прусской династии. Аденауэра точнее сравнить с Джорджем Вашингтоном. Главное создание этого американского президента — конституция, не подвластная бегу времени. Творение Аденауэра — всеми признанный Основной закон ФРГ. При этом Вашингтон при жизни подвергался примерно таким же нападкам, какие Аденауэр испытывал в годы своего правления.

Исследователи подсчитали, что на Аденауэра при жизни было опубликовано 22 тысячи карикатур. Он лишь посмеивался, говорил, что ценит уделяемое ему внимание. Политическая и общественная жизнь послевоенной Германии рождала вихри вокруг «лиса из Рёндорфа». Многие деятели, близкие к Аденауэру, колебались, бросались подчас в крайности. Он твердо шел избранным путем. Маневрировал, прибегал к хитрости, проявлял гнев, но больше — спокойствие и невозмутимость. И не изменял принципам, положенным в основу внутренней и внешней политики.

ХДС/ХСС четырежды выигрывал выборы. Победу приносили имя и дела Аденауэра. Его популярность не вызывала сомнений. Работало «экономическое чудо». Жизнь улучшалась из года в год. Федеративная Республика Германия уверенно выходила на мировую арену. Немецкий канцлер завоевывал международное признание себе и стране. Ему удалось решить ряд проблем, десятилетиями считавшихся неразрешимыми. Немцы стали

ощущать себя равноправными членами международного сообщества, строившего жизнь на основе демократических и христианских ценностей.

Аденауэр правил в условиях правового и федеративного государства. Он умел настаивать и убеждать, выслушивать других, а приняв решение, жестко требовать его выполнения, умел быть непререкаемым, не нарушая конституции и демократических норм и не давая повода для обвинений в диктаторстве. Природный ум и богатый жизненный опыт сделали его политиком мудрым и расчетливым, избегавшим импульсивных, непродуманных решений с плохо предсказуемыми последствиями.

Как личность и политический деятель, Аденауэр начал формироваться в кайзеровской Германии, пережил две проигранные его страной мировые войны, разброд и беспомощность веймаровского периода, мрачные годы диктатуры национал-социалистов. Он стал канцлером в преклонном возрасте и жизненный опыт оберегал его от опасного радикализма. Если Бисмарк, как артист, жонглировал одновременно несколькими шарами (характеристика историка Голо Манна), то Аденауэр подбрасывал только один шар твердой рукой и в одном направлении. Немцы быстро поняли, что именно такой лидер нужен для страны, когда она, по выражению одного из немецких публицистов, являла собой дурно пахнущую и дымящуюся кучу мусора, в которой копошилось сорок миллионов людей под взглядами озлобленных победителей.

Оппозиция обычно ожесточенно нападала на канцлера по принципиальным вопросам и отдельным решениям, но с годами капитулировала, а придя к власти, продолжила его курс. История отпустила немного времени оппонентам Аденауэра. Его партия вновь и на длительный период взяла руль правления в свои руки.

Современники по-разному оценивали Аденауэра. Время убрало личные пристрастия, отсеяло второстепенное и утвердило то, что имеет непреходящую историческую значимость. Теперь можно смело поставить Аденауэра в один ряд с великими государственными деятелями масштаба Рузвельта, Черчилля, де Голля.

…В ночь на 24 апреля 1967 года гроб с телом Аденауэра доставили в Кёльнский собор. Несмотря на поздний час, на улицах города, в котором Аденауэр родился, потом стал его управителем, а затем и политиком национального уровня, стояли люди, молча провожая медленно едущий джип с гробом. На следующий день на площади перед собором собралось 200 тысяч человек.

К отпеванию великого немца в Кёльн прибыли главы государств всех континентов. Президент Соединенных Штатов Л. Джонсон два года назад не счел необходимым участвовать в похоронах Черчилля. Теперь он прибыл в ФРГ в сопровождении государственного секретаря Д. Раска. В соборе на траурной мессе почетные места наряду с американским президентом заняли генерал де Голль, премьер-министр Великобритании Вильсон вместе с его предшественником Макмилланом и лидером оппозиции Хитом, премьер-министр Италии Моро, первые лица всех западных стран Европы, лидеры азиатских, африканских, латиноамериканских государств.

Не было представителей Советского Союза и его союзников по социалистическому лагерю. «Правда» дала сообщение в четыре строки о смерти бывшего западногерманского канцлера. «Известия» писали о нем как о ловком политике, составившем четкий план сговора с западными державами против Советского Союза. Заложив им ФРГ, он стремился включить немцев в новый антисоветский блок и забрать ключи от него в собственные руки. Аденауэр хотел подправить Гитлера и превзойти его, воодушевлял политику милитаризма и реванша, снискал себе звание «рыцаря холодной войны».

Кардинал Фрингс в поминальной молитве в Кёльнском соборе наряду с другими важными делами Аденауэра отметил его переговоры в Москве, которые привели к установлению дипломатических отношений с СССР, к освобождению десяти тысяч немцев из советского плена и к улучшению обстановки в Европе.

Гроб из собора вынесли солдаты бундесвера. Его сопровождали высшие чины католического духовенства, члены правительства ФРГ и руководители оппозиционных партий. За ними из собора вышла впечатляющая группа иностранных лидеров. Многие из них вместе с Аденауэром открывали путь к европейской интеграции, призванной дать новый облик старому континенту.

Машина с гробом двинулась в направлении Рейна. За ней шли высшие офицеры бундесвера с подушечками, на которых лежали 116 орденов и других высоких наград разных стран. Четким шагом следовал почетный батальон, составленный из представителей всех родов войск. Процессия двигалась сквозь плотные шпалеры жителей Кёльна.

На пристани гроб доставили на катер «Кондор». В сопровождении кораблей он поплыл вверх по Рейну. Кёльн проводил Аденауэра салютом из 23 залпов. В Бонне его встретили 68 залпами. Так были отмечены все годы жизни Аденауэра.

На кладбище в Рёндорфе присутствовали только члены семьи. Последнее прощальное слово перед могилой сказал сын умершего, священник Пауль. Так завершилось посмертное чествование одного из крупнейших деятелей XX века, оставившего столь заметный след в истории Германии, Европы и мира.

Об Аденауэре написано много. Есть биографические книги, изданные еще при жизни канцлера. Их авторы, среди них и ближайшие сотрудники канцлера, дали полное представление о его образе жизни, методах работы, отношениях с друзьями и противниками. Немецкая мемуарная литература во многом посвящена разбору и оценкам деятельности канцлера. В ней достаточно критических замечаний по частным вопросам и политическим позициям. Но во всех трудах — будь-то воспоминания или исторические исследования — отдается должное канцлеру как человеку незаурядных способностей, снискавшему уважение даже у своих непримиримых противников.

Историки, оценивая внешнюю политику Аденауэра, отмечают: она содействовала сплочению Запада и созданию надежной системы атлантической безопасности. Вместе с де Голлем канцлер подвел черту под вековой враждой французов и немцев. «Боннский старец» смотрел свежим взглядом на современный мир, осознал его взаимосвязанность и взаимозависимость, отказался от узконациональных эгоистических интересов, которые долгое время делали Германию очагом опасности для народов.

Особое значение приобрели воспоминания самого Аденауэра. Написаны они довольно сухо, обильно снабжены документами, газетными и иными материалами, отражавшими ход мысли, суть событий и политических действий канцлера, его сторонников и оппонентов. Они дают возможность представить систему взглядов Аденауэра в контексте развития его страны и мирового сообщества. Его нравственные и политические критерии формировались под воздействием впитанных с детства религиозных постулатов, полного неприятия тоталитаризма, готовности отстаивать принципы демократии и свободы.

Современники часто вменяли Аденауэру в вину то, что он не пошел на воссоединение Германии на основе ее нейтрализации. А он сделал Западную Германию привлекательной для всех немцев и считал возможным восстановление единства только путем преодоления коммунистического режима и приобщения всей страны к западному демократическому миру. Здесь Аденауэр не шел ни на какие компромиссы. История посмертно подтвердила его правоту.

Привлекали человеческие качества Аденауэра. Строгий, любящий и заботливый глава большой трудолюбивой семьи. Четко организованный в жизни и буквально фанатичный в работе. Умеющий достойно встречать удары судьбы. Прекрасное физическое и духовное здоровье. Набожность и уравновешенность души. Он жил открыто, без семейных неурядиц и всего того, за что так охотно хватается бульварная пресса. Он спокойно относился к власти и не был ослеплен своим величием.

В нашей стране об Аденауэре написано мало. Нет ни исторических исследований, ни популярных очерков. Для многих он так и остается в том образе, который создала советская идеологизированная пропаганда: в образе непримиримого врага, боровшегося против Советского Союза. Аденауэр не был противником России. Он был врагом коммунизма и всеми силами препятствовал распространению его на свою страну и другие европейские государства. О российском народе он отзывался уважительно, считал, что высокие нравственные качества россиян не могут быть истреблены никакими катаклизмами.

Работая в 1950-е годы в советском посольстве в Бонне, автор этой книги частенько слушал выступления Аденауэра в бундестаге, на избирательных и иных мероприятиях. Высокий старик без единого седого волоса, но с лицом, похожим на маску из-за множества морщин, уверенной твердой походкой выходил на трибуну, говорил неторопливо, ровным голосом, время от времени подкрепляя свои аргументы поднятым вверх указательным пальцем правой руки. Речь его отличалась лаконичностью, доказательностью и логикой. Слушали канцлера охотно и политики, и простые люди.

Позднее в книгах и статьях мне не раз доводилось описывать и анализировать политические шаги Аденауэра. Я относился к нему как к противнику нашего общественного строя и внешнеполитического курса страны. Собственно, таковым он и был. Подходя к оценкам Аденауэра с классовых позиций, я рассматривал его как защитника интересов немецкой буржуазии и противником людей труда. Идеологические критерии того времени исключали иной подход. Но я не опускался до неприличных штампов, которыми пестрели тогда наши пропагандистские материалы.

Освобождение от идеологических шор дало возможность непредвзято описать жизнь и деятельность одного из выдающихся людей своего времени. Именно эту задачу я ставил перед собой, приступая к работе над книгой о Конраде Аденауэре.

Глава II
Детство

В старинном рейнском городе Кёльне, сохранившем следы пребывания римлян, 5 января 1876 года в семье Аденауэров родился третий сын. Назвали его по имени отца Конрадом. Немецкие бюргеры того времени обычно имели по многу детей. После Конрада появятся сестренки Элизабет и Лили.

Родители главы семьи владели небольшой пекарней в Бонне. Но их сыну не довелось продолжить дело отца. Его призвали в прусскую армию. Добросовестный солдат стал вскоре унтер-офицером. Пруссия, разгромив датчан, вела войну с Австрией за гегемонию среди германских государств. Битва при чешской деревне Садова определила не только дальнейшее возвышение Пруссии, но и судьбу унтер-офицера Аденауэра.

Шло трудное и долгое сражение. Прусскими войсками командовал Мольтке. Недалеко от него за ходом боя наблюдал Бисмарк, на огромной рыжей лошади, в серой армейской шинели и стальной каске. Обе стороны несли большие потери. Но вот подошли свежие прусские силы под командованием кронпринца. Они с марша вступили в бой и решили судьбу битвы. Австрийцы обратились в паническое бегство.

На поле боя нашли раненого Конрада Аденауэра. Он лежал в обнимку с отбитым австрийским знаменем. Его исключительную храбрость отмечали и солдаты и командиры. Быстро оправившегося от раны Аденауэра наградили орденом Красного Орла и произвели в лейтенанты. Такое в прусской армии случалось крайне редко.

Военная карьера, однако, не состоялась. Невеста Аденауэра, дочь банковского служащего Елена Тарфенберг, настояла на поступлении жениха на гражданскую службу. Офицерское звание давало возможность сыну пекаря выйти в иное сословие. Пройдя курс вечернего обучения и сдав экзамены на аттестат зрелости, он стал чиновником-секретарем Высшего земельного суда в Кёльне.

Поселились на Болдуин-штрассе в небольшом двухэтажном доме. Когда стали рождаться дети, заработка судейского чиновника оказалось недостаточно. Решили сдавать жильцам верхний этаж и половину первого. Пришлось потесниться. Три сына жили в одной небольшой комнате. Места хватило лишь для двух кроватей. Младшему Конраду пришлось до 17 лет спать на одной кровати с братом.

С семейных фотографий смотрят добропорядочные немцы. Отец: продолговатое лицо, прямой нос с еле заметной горбинкой, большой лоб, строгий взгляд, усы, как у императора Вильгельма, небольшая бородка клином — облик умного, благочестивого бюргера. Мать: добрые глаза и улыбка, тщательно прибранные волосы со скромной прической по тогдашней моде. Братья Август, Ганс, Конрад и сестра Лили похожи друг на друга — широкоскулые лица, чуть оттопыренные уши, одинаковые прямые носы. У Конрада короткая стрижка, выразительное лицо. Он смотрит не по годам серьезно и даже самоуверенно. Младший сын с детства проявлял незаурядный характер, при трудностях не жаловался и не роптал.

Труд и экономия были девизом и образом жизни семьи. Заработную плату отец целиком отдавал матери. Она и определяла семейные возможности. При взаимном согласии неделями отказывались от мясных блюд по воскресеньям, питаясь подчас одной картошкой. На сэкономленные деньги покупали и наряжали рождественскую елку.

Мать часто брала работу на дом — шила фартуки. Конрад помогал распутывать нитки. За каждый фартук получал пфенниг — первые заработанные деньги. Он рос спокойным, уравновешенным ребенком. Не плакал, не кричал, не топал ногами, требуя чего-либо. Добивался своего терпением и настойчивостью.

За домом Аденауэров находился небольшой сад с одним деревом и двумя виноградными кустами. Отец посадил еще и сливовое дерево, тщательно ухаживал за ним. Маленький Конрад полюбил сад. Ему выделили две небольшие грядки. На одной он посадил цветы, на другой — редис. Каждое утро приходил смотреть, как идет рост. А когда появились зеленые листочки, он выдернул куст редиса — захотел узнать, что там в земле выросло. Убедившись, что ничего нет, воткнул куст снова в землю и на следующий день страшно расстроился, найдя его завядшим.

— Всему свое время, — сказал, утешая, отец, — нужно уметь ждать. Запомни: торопливость, поспешность могут обернуться в жизни большими бедами.

И в зрелые годы Конрад не забывал отцовскую мудрость.

С раннего детства и до конца жизни Аденауэр любил цветы, особенно те, которые выращивал сам. Школьником он попросил у матери деньги на книгу по ботанике. Она стоила целых 3 марки, и денег мать не дала. В течение получаса Конрад подходил к матери пять раз все с новыми аргументами в пользу покупки. Он убеждал: книга даст возможность по-новому работать в саду, а это окажется полезным для семьи. В конце концов мать сдалась и

деньги выделила.

Отец и мать окружали детей любовью. Воспитывали строго, но так, чтобы строгость не угнетала. Упорядоченность семейной жизни, подчинение ее незыблемым правилам принимались всеми как должное. Родители являли пример во всем, пользовались неизменным уважением. Простая жизнь делала маленькие радости большими. Дети на праздники получали скромные подарки, но это становилось для них целым событием. Поощрялось здоровое честолюбие, требовавшее любую работу выполнять как можно лучше. Вкус к простой жизни сохранился у братьев и сестер на всю жизнь вместе с уважением к труду и честным отношениям к своим обязанностям.

Пауль Веймар — биограф Аденауэра, опубликовавший свою книгу еще при жизни канцлера, в своем первом разговоре с ним услышал:

— Вы хотите писать историю моей жизни? Но я вел очень простую жизнь. Я даже не знаю, что тут описывать.

Аденауэр имел в виду бытовую повседневность. Деятельность его как политика и государственного деятеля протекала бурно, с событиями национального и мирового масштаба. О детстве же и юности он говорил мало и скромно. Постоянно подчеркивал, что они протекали в добропорядочной, набожной и весьма типичной немецкой семье.

Религия занимала особое место у Аденауэров. Рейнская область была истово католической. Если в большинстве немецких земель католики жили вместе с протестантами, то здесь подданные Папы Римского доминировали полностью.

В 70-е годы XIX века Бисмарк — выходец из протестантской Пруссии — попытался потеснить католицизм в Рейнской и других областях. Под лозунгом «культуркампфа» «железный канцлер», не отличавшийся религиозностью, повел борьбу против клерикализма и влияния католической церкви. Партия Центра, уходившая корнями в рейнские и южногерманские земли, заняла в рейхстаге антибисмарковские позиции, блокируясь со всеми антипрусскими политическими силами.

Бисмарк, как обычно, действовал решительно и напористо. В министерстве культов он расформировал отдел, ведавший делами католиков, лишил их правительственной поддержки. В рейхстаге ему удалось протащить закон о ликвидации ордена иезуитов и связанных с ним организаций. Католические епископы и священники, сопротивлявшиеся всему этому, арестовывались и высылались из своих епархий и приходов.

И все же Бисмарк не достиг желаемого. Католические области проявили характер. Быстро росло число сторонников партии

Центра. Широко распространялись антипрусские настроения. Не обошли они и семью Аденауэров.

«Культуркампф» сделал Аденауэров, как и многих других рейнских немцев, еще более набожными. Стали чаще ходить в церковь, больше молиться и строже отправлять религиозные обряды. Библейские заветы добра и примирения строго выполнялись взрослыми и прививались детям. Религия оставалась одной из главных сторон их жизни.

Набожность у Аденауэров исходила в первую очередь от отца и матери. Они внушали детям, что все земные блага исходят от Бога. Но они не сваливаются просто так с неба. За них надо бороться. Но без нарушения законов и заведенных порядков. Все революционное, радикальное, выходящее за пределы привычного, отвергалось. Труд ставился во главу угла при любых обстоятельствах.

День в семье начинался с утренней молитвы при участии всех детей, даже самых маленьких. Вечером перед сном — вновь общая молитва. В воскресенье все отправлялись в Кёльнскую Апостольскую церковь к утренней мессе, а после обеда — к новому богослужению. Конрад и другие дети не испытывали тягости от столь ревностной религиозности. Принимали ее как должное. Нравственные принципы, прививавшиеся на основе библейских заповедей, сохранили навсегда.

Семье пришлось пережить потрясение. Заболела шестимесячная Элизабет. Врачи долго не могли определить болезнь. Наконец установили — менингит. Пожилой доктор — друг дома — не скрыл правды.

— Если девочка останется жить, — тихо говорил он, опустив глаза, — то будет слабоумной.

Все были в трансе. Вечером отец сказал, что надо помолиться за Элизабет. Он, мать и дети опустились на колени. Отец произнес:

— Господь Бог, возьми ребенка к себе. Убереги его от ужасной судьбы — жить на свете без разума.

Дети замерли. Мать вскочила на ноги, закрыла лицо руками и выбежала из комнаты. Элизабет умерла через два дня.

Этот случай Конрад Аденауэр вспоминал всю жизнь как самый тяжелый эпизод своего в общем спокойного детства.

Религиозное воспитание не превратило Конрада в святошу. Жизнь, практика заставляли временами закрывать глаза на христианские догмы, особенно если это требовалось для дела. Разумность и рациональность поступков Конрада проявлялись с детских лет. В его ранних фотографиях угадывалось отсутствие внутренней напряженности и страстей, вместе с упорством,

выдержкой и самообладанием. И что примечательно, католическая вера в семье никогда не обращалась во враждебность к другим религиям. Терпимость к протестантству сыграла позднее важную роль в деятельности Аденауэра-политика.

Аденауэры жили дружно. Отношения между родителями и детьми, старшими и младшими отличались уважительностью и любовью, постоянной готовностью помочь советом и делом. Осенние каникулы родители проводили с детьми у друга детства отца в небольшой деревне недалеко от Бонна. Все работали по разным сельским надобностям, радовались природе, заряжались бодрым духом здорового крестьянского быта.

В народной школе и потом в Апостольской гимназии Конрад учился старательно и легко. Он не был первым учеником, но всегда входил в число пяти-шести лучших. Особенно хвалил его учитель немецкого. Он ставил в пример его сочинения: они были кратки, с хорошей и ясной композицией.

Отношения с товарищами по школе складывались ровные, доброжелательные. Он пользовался уважением, ибо охотно давал списывать задания из своих тетрадей. Особенной дружбы Конрад не заводил. Исключение являл Ильдефонс Хервеген. Дружба с ним сохранилась на долгие годы. Хервеген стал потом настоятелем католического монастыря Мария Лаах и во времена нацистов оказал важную помощь скрывавшемуся Аденауэру.

Конрад много читал. Как и большинство детей, он прошел через леса и прерии с Кожаным Чулком, изучал морские глубины с капитаном Немо. Ф. Купера и Ж. Верна буквально глотал.

В школе преподавал историю учитель, который дружил со знаменитым археологом Шлиманом и не раз ездил к нему на раскопки Трои. Учеников, проявлявших интерес к классической древности, он приглашал по воскресеньям к себе домой. Рассказывал многое, что выходило за рамки школьной программы, показывал фотографии и рисунки, отражавшие историю Древней Греции, ее искусство. Конрад стал непременным участником воскресных встреч. Восторженно слушал учителя. Под его влиянием много читал об искусстве, завел альбомы с фотографиями картин и скульптур.

Ровный с товарищами, спокойный, неторопливый, с приглушенной и монотонной речью, Конрад порой проявлял неожиданную гибкость и изобретательность. Одному из учеников в классе трудно давалась математика. Он придумал, как ему помочь. Ученики на контрольную работу приносили иглы и нитки, чтобы сшивать отдельные листы. Конрад быстро справился с задачами, выписал решение на маленький листок и закатал его

в клубок с нитками. На глазах у учителя он передал клубок незадачливому ученику. Дальше уже проблем не было. Весь класс написал контрольную на «хорошо» и «отлично».

Однажды старый больной учитель Апостольской гимназии, любивший свой выпускной класс и решивший ему помочь, позвал домой нескольких учеников и дал им темы выпускного сочинения и текст перевода с немецкого на латинский. Весь класс собрался в близлежащей пивной. Разгорелись споры, как поступить. Конрад попросил слова и сказал:

— Мы провалимся, если все напишем одинаково отлично. Да и подведем доброго учителя.

Ученики молча смотрели на Конрада. Они поняли, что у него есть решение.

— Надо распределить, кто и сколько сделает ошибок, но таких, чтобы отметки получились хорошие.

Так и сделали. Класс прекрасно сдал экзамены и долго считался лучшим выпускным классом гимназии.

Среди жильцов в доме Аденауэров был торговец Тонгер. Он привязался к семье и стал крестным отцом Конрада. Прожил недолго. Воспаление легких не удалось излечить. Тонгер завещал все, что имел, Аденауэрам. Конраду достались золотые карманные часы. С ними он не расставался чуть ли не всю жизнь. Главную часть наследства составили 30 тысяч марок. Они позволили оплатить дальнейшее обучение старших братьев после окончания ими гимназии. Когда же подошло время младшего брата, денег на его учебу уже не осталось.

Отец переживал за сына. Он знал, что Конрад мечтает учиться, получить юридическое образование и делать в этой сфере карьеру. Пришлось, однако, искать работу. В кёльнском банке Зелигмана освободилось место ученика. Отец рассудил, что в уважаемой фирме младший сын при его способностях и старании может добиться успеха. Но в душе он чувствовал себя виноватым: Конрад хотел стать адвокатом, а не банковским служащим.

Обстановка в банке и сама работа удручали. Конрада использовали как мальчика на побегушках. Он должен был являться раньше всех, открывать сейф и раскладывать по столам сотрудников бухгалтерские книги и папки с делами. Во время завтрака разливал кофе. Потом уносил на почту корреспонденцию и приносил письма, адресованные фирме. Настоящей банковской работы не предвиделось.

Конрад не жаловался. Но отец видел его подавленное состояние.

— Что же нам делать, мать, жаль парня.

— Будем экономить на всем.

— Много ли мы наэкономим? Попробую направить прошение в городской фонд — там, говорят, выделяют средства на обучение наиболее способных жителей Кёльна. Надежд мало, нас никто не знает. Но, может, повезет.

Прошло некоторое время. О прошении начали забывать. Серьезно-то о нем и не думали. И тут, ко всеобщей радости, пришло сообщение: стипендия сыну героя войны выделена. Он мог теперь поступить в один из университетов.

Две недели проработал Аденауэр в банке Зелигмана и прочно усвоил, что значит заниматься неинтересным, нелюбимым делом. Теперь появились новые возможности. В образовании он видел прежде всего средство достижения жизненного успеха, шанс стать значимой личностью. Нельзя сказать, чтобы его не влекли сами знания. Он с интересом изучал многие предметы. Думал же он вполне прагматически: университетский диплом открывает широкую дорогу к любой цели.

К будущим занятиям готовился тщательно. Старательный подход к учебе выработался еще в школе. Там это было проявлением чувства долга и воспитания. Сейчас к ним добавлялись, пусть небольшой, но собственный опыт и разум.

Глава III
Становление

Аденауэру исполнилось пятнадцать лет, когда ушел в отставку Бисмарк. Созданная им империя набирала силы, становилась мошной континентальной державой Европы. За счет миллиардов, полученных от разгромленной Франции в качестве контрибуции, нарастала торгово-промышленная активность. Резко увеличилось производство сырья и готовых изделий. Жажда предпринимательства, быстрого обогащения охватывала широкие слои населения.

Германия начала индустриализироваться позднее, чем другие государства Западной Европы. Промышленный взрыв бросил ее в погоню за конкурентами. Формировалась капиталистическая экономика. Возникали мощные банки, страховые компании, крупные промышленные фирмы. Гамбург и Бремен, присоединившиеся к империи, создали условия для расцвета заморской торговли. В 80-е годы стала возникать германская колониальная империя.

Многочисленные и слабые еще вчера немецкие королевства и княжества консолидировались в хорошо организованное и дисциплинированное государство, управляемое железной волей Пруссии. Четко отработанную систему централизованной власти Берлин распространил на всю империю. Прусский военный опыт позволил создать сильную армию, которая заставила уважать себя в стране и за ее пределами.

Свежо еще было воспоминание о столь внушительных победах над Данией, Австрией, Францией.

Росли благосостояние и самосознание немцев. Укреплялось чувство национальной гордости, переходившее подчас в высокомерие. Дисциплина и порядок, воцарившиеся в стране, нарастающий экономический и военный потенциал рождали пренебрежительное отношение к иным государствам, подогревали ощущение превосходства над другими. Немцы не подозревали, к каким роковым последствиям их приведут подспудно, подсознательно расцветавшие ростки шовинизма.

Власть германского императора, сохранявшего одновременно и титул короля Пруссии, действовала непререкаемо. Вместе с тем развивалась и партийно-парламентская система, с которой всесильный монарх все чаще оказывался вынужденным считаться. Наиболее влиятельные национал-либеральная и консервативная партии являли скорее опору, чем противовес власти кайзера.

Оппозиционные настроения чаще возникали в католической партии Центра, доминировавшей в Рейнской области. Она ближе стояла к народным массам, привлекала верующих крестьян и рабочих. С партией Центра окажется связанной судьба Аденауэра с первых его шагов в самостоятельной жизни.

Весной 1894 года Конрад Аденауэр стал студентом Фрайбургского университета.

— Почему так далеко от Кёльна? — спрашивали дома. Конрад все тщательно взвесил и рассчитал.

— В небольшом южном городе жизнь менее дорогая, чем в крупных центрах. Я смогу прожить там на девяносто марок в месяц, разумеется, не позволяя ничего лишнего.

Он подумал немного и добавил:

— Я навел справки: во Фрайбурге более глубоко преподают правовые дисциплины, а не экономические, как в большинстве других. Это меня устраивает.

Студенческое время Аденауэра не отметилось чем-либо значительным. Жил в основном одиноко и малозаметно. Вступил в католическое общество студентов. В нем состояли выходцы из небогатых семей, что позволяло чувствовать себя среди равных. Время от времени участвовал в студенческих походах по пивным. Никогда не жаловался, что ограничен в средствах. Платил всегда сам, не брал в долг даже мелких сумм. Тщательно следил за одеждой, но выглядеть модником не старался. С молодых лет питал пристрастие к темным костюмам и белым рубашкам с галстуком. Время от времени отращивал усы. Манеры его были всегда безупречны. Особую предупредительность проявлял к женщинам, но она не переходила в ухаживание.

Бережливость студента из Кёльна не осталась незамеченной. Один из сокурсников попросил распоряжаться его деньгами. Аденауэр точно рассчитал возможности коллеги и объявил, сколько будет выдавать ему в день. И никакие просьбы превысить лимит не оказывали воздействия. Студент прожил семестр без долгов, имея все необходимое.

Не обошлось и без молодеческих проделок, хотя и не частых. Как-то студенты после посещения пивной вышли в поздний час с песнями на тихие улицы города. Полиция оштрафовала их за нарушение покоя жителей. Разгоряченные студенты решили отомстить. Лучшим оказался план Аденауэра.

У одного из домовладельцев взяли напрокат лестницу. Крадучись пошли с ней по городу, но так, чтобы попасться на глаза полицейскому. Тот заподозрил неладное и привел всю компанию в полицейский участок. Студенты предъявили квитанцию об уплате одной марки за наем лестницы и были с

извинениями отпущены. Отправились на другой конец города и вновь оказались в участке. Пять раз проделывали студенты трюк с лестницей. Дежурного полицейского офицера довели чуть ли не до припадка. Разошлись веселыми и довольными.

Однажды тридцать членов католического ферейна отправились в субботу в пеший поход по Швардцвальду. Ближе к вечеру остановились у горы Фельдберг, пропировали почти всю ночь и с рассветом решили идти дальше. Постепенно группа редела: нестойкие возвращались домой по железной дороге. Лишь трое из начавших поход вернулись в воскресенье вечером пешком во Фрайбург, прошагав в целом 85 километров. На следующий день на занятия из этой тройки явился лишь один — Конрад Аденауэр.

Студенты не питали особой приязни к чересчур правильному кёльнцу. Их порой раздражало его обостренное чувство долга, проявлявшееся и в учебе, и в повседневной жизни. Он не схватывал на лету, а брал выдержкой и упорством. Во время экзаменов занимался как одержимый. Сидел над книгами день и ночь, а когда становилось невмоготу, наливал таз холодной воды и держал в нем ноги. У него не было любовных увлечений, столь обычных для студенческих лет. Лекции, книги поглощали его всего.

Конрад не отличался физической силой, но и не был болезненным человеком. Во время университетской учебы ему предстоял призыв в армию. Медицинская комиссия, однако, забраковала его из-за слабой грудной клетки и плохих легких.

Набожность, привитая в семье, влекла его к религиозным авторам. Он увлекся книгами швейцарского протестанта Хильти «Счастье» и «Что есть вера». Мысли Хильти импонировали Аденауэру, сочетались с его представлением о поведении человека, с его отношением к людям и к жизни. Он соглашался с автором, что склонность к одиночеству необходима для спокойного духовного развития, как и для обретения счастья вообще. Подлинное счастье, не зависящее от жизненных случайностей, утверждал Хильти, заключается в способности мыслить большими категориями и постоянно совершенствовать мозговую работу. Этот процесс исключает ненужное, бесполезное общение с людьми и дает возможность человеку избегать воздействия случайных настроений, не воспринимать безоглядно мнение других, а спокойно и рассудительно прислушиваться к собственным ощущениям и стремлениям, трезво оценивать, что важно в них, и уклоняться от желаний, противоречащих долгу.

Нельзя сказать, чтобы характер молодого человека формировался исключительно под воздействием книг Хильти.

Однако многое, утверждаемое швейцарским протестантом, прочно осело в сознании католика Аденауэра.

Фрайбургский университет не оправдал надежд. Лучшие преподавательские силы предпочитали крупные центры. Сдав экзамены первого семестра и получив соответствующее удостоверение, Аденауэр отправился в Мюнхен. Немецкая система университетского образования давала студентам возможность самим выбирать, где учиться и что изучать. После шести семестров полагалось держать выпускные экзамены, чтобы получить диплом о высшем образовании.

В Мюнхенский университет за Аденауэром потянулся Раймунд Шлютер — такой же бедный студент из Кёльна. Земляки вместе ходили на занятия, вели неторопливые беседы в свободное время. Конрад по-прежнему проявлял упорство в учебе. И тем не менее, а может быть благодаря этому, оставалось порядочно времени для приобщения к культурным ценностям, накопленным столицей Баварии. Частенько бывали со Шлютером на стоячих местах в драматическом театре и опере. Увлекались Рихардом Вагнером. С восторгом обсуждали его бравурность и мощь. Позднее, однако, Аденауэр полностью утратил интерес к этому своеобразному композитору.

Особое удовольствие испытывали в Старой Пинакотеке — одной из крупнейших картинных галерей Европы. Ходили в нее раз за разом. Подолгу останавливались перед каждой картиной. Внимательно рассматривали живопись немецкой школы. Вглядывались в портреты Альбрехта Дюрера, его четырех апостолов, в распятого Христа Лукаса Кранаха Старшего и его Марию с ребенком, в мрачноватые лица на портретах Христофа Амбергера, в загадочные пейзажи Альбрехта Альтдорфера.

В зале нидерландской школы проходили мимо непонятных картин Хиеронимуса Босха, но обсуждали каждую деталь запоминающегося лица «Старой крестьянки» Питера Брейгеля Старшего.

Поражали картины Рубенса. Они занимали два просторных зала, влекли не только выразительностью и яркостью красок, но и своими огромными размерами, усиливавшими эффект восприятия его мифических и библейских героев. Молча, несколько смущаясь, любовались роскошными полнотелыми красавицами, обнаженную плоть которых художник выписывал с особой тщательностью. Надолго приковывали к себе внимание рубенсовские «Низвержение в ад грешников» и «Страшный суд» с бесчисленным количеством человеческих фигур, обреченных на вечные муки.

В соседнем зале спокойная живопись Антониса ван Дейка как

бы уравновешивала неистовство Рубенса.

Голландскую живопись представляли немногие и весьма выразительные полотна с религиозными сюжетами Рембрандта ван Рейна. С ними контрастировали пейзажи и бытовые сцены малоизвестных художников. Бесконечные ровные ландшафты, веселые лица крестьян, красочные натюрморты поднимали настроение. Друзья по несколько раз возвращались к впечатляющим полотнам.

Меньше внимания уделяли итальянцам. Сошлись во мнении, что хороши лишь «Голова Марии» Сандро Боттичелли да мадонны Рафаэля. Испанских же мастеров разбирали тщательно. По своему трактовали необходимость удлиненных, надолго запоминающихся лиц и фигур Эль Греко, говорили о строгости портретов Веласкеса, о прекрасных жанровых сценках с детьми Мурильо, о малоизвестных картинах Гойи. Среди немногих работ французских мастеров выделяли «Аполлона и Дафнию» и «Мидаса и Бахуса» Никола Пуссена.

Пришли каникулы. Конрад подсчитал финансовые возможности и решил, что денег хватит на небольшое путешествие. Шлютер горячо одобрил идею. На поездах по самым дешевым билетам, частично пешком добрались до Швейцарии, побывали в Северной Италии и Богемии. Ночевали в крестьянских домах, иногда на вокзале. Видели жизнь иную, чем в Германии. Общим оказывалось только то, что степень благополучия простых людей определял лишь их труд. Подобные наблюдения занимали друзей больше, чем пейзажные красоты.

Мюнхен многое дал молодому Аденауэру. Расширился его эстетический кругозор. Крепла любовь к живописи, театру, музыке. Он не стал одержимым поклонником искусства, но навсегда научился радоваться ему, черпать в нем духовные силы для прозаических жизненных дел. Аденауэр формировался прежде всего как прагматик. Учеба и перспективы, открывавшиеся ею, доминировали в его практическом уме. Он был уверен, что сделает карьеру на юридическом поприще. Увлечение искусством лишь дополняло и делало более разносторонней и интересной его целеустремленную жизнь.

Из столичного Мюнхена после двух семестров Аденауэр переехал поближе к дому в тихий провинциальный Бонн. Город вел свою историю от римлян, но среди рейнских городов был, пожалуй, самым незаметным. Мало кто помнил, что здесь родился Бетховен, ибо вся творческая жизнь композитора прошла в других городах. Выделялся лишь университет, чьи здания дворцового типа и прекрасные обширные газоны перед ними являлись главными достопримечательностями Бонна.

Университет основал прусский король Фридрих Вильгельм II в первой четверти XIX века. Для гогенцоллернов стало традицией учиться именно здесь. Принцы, князья, придворный люд почитали своим долгом отметиться в боннском университете.

В Бонне Аденауэр завершил университетское образование. Выпускные экзамены за шесть семестров и дипломную работу сдал на «хорошо». Чтобы стать официальным кандидатом на административную или судебную должность, нужно было выдержать вторые специальные экзамены. Он отправился для этого в Берлин. Здесь пришлось удовольствоваться лишь оценкой «удовлетворительно». Из имперской столицы возвращался с сильно задетым самолюбием. К тому же он знал, что с такой оценкой труднее претендовать на должность.

Аденауэр вернулся в родной Кёльн с дипломом в первый год XX века. С устройством все обошлось благополучно. Он получил место в городской прокуратуре. Мать перекрестила младшего сына. Отец пожал руку и сдержанно поздравил.

— Не сомневаюсь, что будешь работать старательно и продвигаться по службе.

Он не ошибся. Вскоре на усердие и деловую четкость Аденауэра обратил внимание советник юстиции Каузен, известный в городе адвокат и политический деятель. Он успешно выступал по гражданским делам в Высшем земельном суде в Кёльне и был председателем фракции партии Центра в городском собрании. Каузен предложил Аденауэру работать в его адвокатской конторе. Судьба улыбнулась начинающему юристу.

Многому научился Аденауэр у Каузена. С присущей ему выдержкой скрупулезно разбирался в самых запутанных делах. Вскоре он уже самостоятельно выступал в судебных заседаниях. Его речь не блистала красивыми оборотами, яркими пассажами. Но она всегда отличалась безупречным логическим построением и надежными аргументами. Он научился убеждать судей в своей правоте и методично разбивать позиции противников. Многие дела выигрывались благодаря целеустремленной защите молодого адвоката, подкрепленной советами многоопытного советника юстиции Каузена.

В двадцать восемь лет Конрад Аденауэр женился. С Эммой Вейер — девушкой из старинной бюргерской, но малозажиточной семьи — он познакомился в теннисном клубе с веселым названием «Мокрый до нитки». Теннисом и вообще спортом Конрад не увлекался ни в молодости, ни в последующие годы. В клуб он, как и многие другие, ходил посидеть за кружкой пива со знакомыми, поговорить о событиях в Кёльне, о предстоящем карнавале, поиграть в скат.

Ухаживал за понравившейся девушкой чинно, в рыцарском духе кайзеровского времени. Помолвка состоялась в 1902 году, когда Аденауэр работал асессором в конторе Каузена. В темном костюме, с высоким стоячим воротничком сорочки и галстуке бабочкой пришел он к матери Эммы (отец к тому времени умер) просить руки дочери.

Фрау Вейер доброжелательно встретила жениха. Расспросила о семье, о службе.

— На какие средства вы думаете содержать семью? — задала она прямой вопрос.

Аденауэра он не смутил. Добропорядочная немецкая мать не могла не спросить об этом. Надежность и благополучие для нее были куда важнее любых эмоций.

— Я уже накопил порядочный юридический опыт, — солидно сказал жених. — В скором времени намереваюсь открыть нотариальную контору и зарабатывать шесть тысяч марок в год.

Ответ удовлетворил мамашу Эммы. Помолвку объявили. В то время Аденауэр серьезно думал о деятельности нотариуса в каком-нибудь спокойном городке, о занятии садоводством, о жизни в тишине и скромном достатке. Он ушел из конторы Каузена и стал помощником судьи в кёльнском земельном суде. Работая здесь, думал он, легче реализовать идею о нотариальной конторе. Жизнь, однако, пошла по иному пути.

Бракосочетание состоялось два года спустя после помолвки. Брак оказался удачным. Осенью 1906 года у супругов родился первый сын — Конрад, за ним последовал второй — Макс, а потом и дочь Мария, которую с детства и до преклонного возраста в семье звали Риа.

В 1906 году началась муниципальная карьера Аденауэра, определившая его жизненный путь на долгие годы. На этой стезе он вырос в деятеля крупного масштаба, приобрел качества организатора и руководителя.

В кёльнском магистрате освободилась должность заместителя депутата. Депутаты избирались населением, а их заместители — самим депутатским корпусом. Самой влиятельной фракцией в городском собрании располагала партия Центра. Ее председателем был Каузен, хорошо знавший деловые качества Аденауэра. Молодой юрист пришел к Каузену и предложил себя на освободившуюся должность. Каузен не удивился и без каких-либо сомнений выставил его кандидатуру. В первом же туре голосования Аденауэр оказался избранным чуть ли не единогласно, получив 35 голосов из 37. Депутаты поверили маститому лидеру.

Умирал отец. Он знал об избрании сына и благословил его.

— Ты будешь обер-бургомистром Кёльна, — сказал он слабеющим голосом.

В семье не приняли всерьез слова умирающего. Но они оказались пророческими.

Прошло три года. Аденауэр в возрасте 35 лет становится первым заместителем обер-бургомистра. Члены магистрата успели оценить его деловые качества, как и неучастие в интригах, неизбежных для любой парламентской структуры.

Градоначальники крупных городов Германии играли не последнюю роль в политической жизни страны. С их мнением считались правительство и сам кайзер. Обер-бургомистр Кёльна Вальраф охотно занимался политической деятельностью и много времени проводил в Берлине. Муниципальные дела интересовали его мало. Когда появился трудолюбивый и способный помощник, Вальраф и вовсе отошел от них. Он представительствовал, а Аденауэр работал.

Постепенно в руках первого заместителя сосредоточились все городские дела. Чиновники магистрата его признали и именно с ним решали крупные и все иные вопросы, связанные с управлением городским хозяйством, распределением финансовых средств, планированием строительства и т. д.

Особое внимание Аденауэр уделял финансам. Сказывалась его врожденная бережливость. Он терпеть не мог расточительства. Выделяя деньги на те или иные нужды, дотошно контролировал их использование. Ограничил в протокольных и иных непроизводительных расходах даже самого обер-бургомистра.

Работа поглощала его всего. День подчинялся точному графику: в 9 часов утра он приезжал на работу, в 13.30 обедал дома и отдыхал, в 15.30 — снова в рабочем кабинете, где занимался делами до 20.00, а иногда и до поздней ночи. Четкости и размеренности в работе он требовал и от всех городских служащих. Впрочем, это достигалось без особого труда. Немецкий чиновник любого уровня обычно отличался добросовестностью и упорядоченностью. Кёльнский городской магистрат действовал слаженно и эффективно.

Управляя делами города, Аденауэр брался за любую работу, взваливал на себя все новые и новые обязанности. Члены магистрата решили повысить первому заместителю обер-бургомистра оклад с 15 тысяч марок до 18 тысяч в год. Пришел относительный достаток. В 1911 году Аденауэр осуществил свою давнишнюю мечту и построил собственный дом в Кёльне на тихой Макс-Брух-штрассе.

Семья жила размеренной жизнью. Дети воспитывались так

же, как в детские годы сам глава семьи. Заработной платы хватало на жизнь безбедную, но скромную. Экономия ставилась во главу угла. Аденауэр не пил и не курил. Одевался скромно. Вещи носил подолгу, пока они не изнашивались полностью. Но его костюмы всегда были безупречно отглажены и чисты, а ботинки начищены до блеска. Аккуратность и бережливость прививались и детям. Мальчиков стригли наголо, что, как говорил отец, гигиенично и дешево.

Воля отца была непререкаема. Он частенько говорил, что дети свободны в своих желаниях и поступках. На самом же деле они не могли выйти за рамки, предписанные родителями. Как позднее выразилась Риа, дети обладали свободой в выполнении воли отца. Тем не менее в семье царила здоровая атмосфера взаимного уважения и родственной привязанности. Высоко ставились нравственные ценности, вытекавшие из религиозных догматов. Посещение церкви и домашние молитвы были неизменной частью жизненного уклада взрослых и детей.

Эмма Аденауэр не обладала крепким здоровьем. Обострилась болезнь почек. Вся семья заботливо ухаживала за ней. Муж проводил с ней, не вставшей уже с постели, обеденное и вечернее время. До позднего часа читал, рассказывал о событиях в городе и, лишь когда она засыпала, шел в кабинет и брался за работу.

Врачи ничего не смогли поделать. Эмма умерла в октябре 1916 года. Аденауэр, внешне спокойный, глубоко переживал утрату. Лишь сильная воля не позволила ему ослабить служебную деятельность и пустить на самотек семейные дела. Жизнь продолжалась. Впереди предстояло еще много печального и радостного.

Началась Первая мировая война. Многие не понимали, почему благополучная, быстро развивающаяся экономически Германия ввязалась в эту схватку. Мало кто представлял масштабы, в которые выльется военное столкновение великих держав, и последствия, к которым оно приведет их. Аденауэр энергично занимался городскими делами и не касался высокой политики, вершившейся в Берлине.

Волна шовинизма прокатилась по всей стране. В газетах на все лады повторялись высказывания Мольтке о том, что мир — это иллюзия, а война — часть миропорядка, созданного Богом. Именно в войне проявляются наиболее благородные свойства человека: мужество и самоотверженность, верность долгу и самопожертвование.

Некоторые коллеги Аденауэра по партии Центра требовали аннексировать Бельгию, значительную часть северо-западной

Франции, французское и бельгийское Конго, создать пояс государств-сателлитов в Польше, Прибалтике и на Украине, оплатить немецкие государственные долги за счет контрибуции с побежденных.

Аденауэр не разделял подобных взглядов. Войну он воспринимал как свершившийся факт и проявлял готовность вместе со всей страной прилагать повышенные усилия. Он избегал крикливо патриотических лозунгов. Просил военные власти Кёльна воздерживаться от частых победных реляций. После них, в частности, нарушалась работа гимназий, ибо школьникам давали лишний выходной день. В военную победу Германии Аденауэр не верил. Говорил об этом открыто. Даже предсказывал конец монархии.

Городской парламент поручил Аденауэру уделить особое внимание снабжению населения продовольствием. В военное время эта проблема всегда выходит на первое место. Заместителю обер-бургомистра удалось заключить соглашения с рядом крупных крестьянских хозяйств, расположенных в близлежащих районах. Город предоставлял крестьянам семена и удобрения, а они сдавали ему значительную часть урожая. По поручению Аденауэра скупался, где только можно, скот и отдавался на откорм крестьянам. В обусловленное время город получал от них мясные продукты.

Распахали близлежащие земли, принадлежавшие городу и не использовавшиеся до сих пор. Засадили их картофелем, другими культурами и осенью сделали необходимые запасы. Аденауэр ввел в Кёльне карточную систему и рационирование продовольствия. Вначале в Берлине отрицательно отнеслись к кёльнской инициативе. Вскоре, однако, карточки ввели по всей стране.

Благодаря этим мерам Кёльн оказался самым благополучным городом рейха в части снабжения населения продовольствием. Городской парламент полностью полагался на Аденауэра и безоговорочно поддерживал его инициативы. Чиновники магистрата беспрекословно подчинялись ему.

Летом 1917 года обер-бургомистр Вальраф, давно уже не занимавшийся городскими делами, получил желанную должность статс-секретаря министерства внутренних дел в Берлине и освободил свой пост в Кёльне. У членов городского собрания не было сомнений. Обер-бургомистром единогласно избрали Аденауэра.

Сам он в это время находился в больнице после аварии. Служебный автомобиль, когда он ехал из дома в ратушу, каким-то странным образом столкнулся с трамваем. У Аденауэра оказались

сломанными скула и переносица, разбита нижняя челюсть, выбито несколько зубов, разорвана в нескольких местах кожа на голове. В крови он пешком дошел до больницы. Оперировали без наркоза — слабые легкие не позволяли дать его. Без единого звука выдержал манипуляции хирургов, а когда все кончилось, упал в обморок.

После операции его и так выделявшиеся скулы стали еще более заметны, как у индейца или китайского мандарина. Изменилась конфигурация лица. Явившись после больницы в свой рабочий кабинет и увидав удивленные лица сослуживцев, Аденауэр, улыбаясь, сказал:

— Не смущайтесь, другой стала лишь внешность, внутри я остался тем же.

Состоялся торжественный акт вступления в должность нового обер-бургомистра. Депутаты выступали с напутственными речами. Общие пожелания чередовались с перечислением практических дел, которые ждали обер-бургомистра.

Аденауэр внимательно выслушал выступления. Их деловой, будничный тон не соответствовал его душевному подъему. Он взял слово. Краткую, энергичную речь закончил так:

— Возможность использовать себя полностью, все силы разума и души, отдать созидательному делу все свои личностные способности — это самое прекрасное, что есть в человеческой жизни. Такую возможность вы мне дали, избрав обер-бургомистром города Кёльна.

Присутствовавшие встретили возвышенные слова аплодисментами.

Избрание обер-бургомистром мало что изменило в рабочем распорядке Аденауэра. Но оно подняло его на новую, более высокую ступень, как деятеля, теперь уже известного за пределами города. Кёльн, один из крупнейших городов Германии, играл немалую роль в формировании государственной политики страны. Отныне Аденауэру нужно было не только заниматься городскими делами, но и участвовать в общеимперских мероприятиях в Берлине.

К сорока годам Аденауэр проявил себя как личность сложившаяся и незаурядная. Обладая неограниченной властью в городе, он не принимал волюнтаристских решений. Он никогда не полагался на импульс, а только на глубокий расчет. У него четко проявлялись национальные черты немцев — склонность к порядку, дисциплине, самоконтролю. К ним добавлялись целеустремленность, настойчивость и высокая работоспособность.

Одаренность Аденауэра не вызывала сомнений у людей,

окружавших его. Но в то время мало кто мог предсказать ему большое будущее. Лишь с высоты прошедших десятилетий видно, что основа для крупной политической и государственной карьеры сформировалась у Аденауэра задолго до того, как ему суждено было стать канцлером страны, восставшей из пепла Второй мировой войны.

Глава IV
Обер-бургомистр Кёльна

В 51 году нашей эры на месте теперешнего Кёльна возникла римская колония. Прошло несколько веков, пока она не превратилась в город. В IV столетии Кёльн стал резиденцией епископа и получил определенную известность. В Средние века город — один из богатых и красивых в Европе. Здесь скрещивались европейские торговые пути. Главная транспортная артерия — Рейн несла в город и через него самые разнообразные товары. Богатели торговые люди. Благополучно чувствовали себя горожане. На формирование их культуры оказывали воздействие восточногерманские и южногерманские государства и в немалой степени Франция. В подавляющем большинстве кёльнские обыватели исповедовали католичество.

Наполеон в ходе завоевательных войн и перекройки карты Европы присоединил рейнское левобережье к Франции. После девятнадцати лет пребывания в составе наполеоновской империи в 1815 году по решению Венского конгресса Кёльн вместе с Рейнской областью отошел к Пруссии. Началась длительная упорная борьба за сохранение самобытности и самостоятельности города перед лицом наступления протестантского пруссачества и централизма на свободолюбивые католические прирейнские города.

Согласно Прусскому уложению 1856 года для Рейнской провинции городское собрание Кёльна избиралось гражданами города. Таковыми являлись все лица, проживавшие в Кёльне не менее года, платившие налоги, не получавшие пособия для бедных из общинных средств. Кроме того, избирательным правом пользовались независимо от временного ценза лица, имевшие жилой дом в городской черте или занимавшиеся ремесленным делом в городе и имевшие как минимум двух наемных вспомогательных работников. В распределении мест в городском собрании играл роль имущественный ценз. Те, кто платил высокие налоги, составлявшие одну треть налоговых поступлений, получали и одну треть мест в парламенте города. Депутаты городского собрания избирали обер-бургомистра на двенадцать лет. Переизбранию в эти годы он не подлежал. Градоначальник обладал широкими правами и управлял городскими делами практически единолично. Согласие городского собрания требовалось лишь при принятии принципиальных долгосрочных решений и перераспределении

крупных бюджетных средств.

При избрании Аденауэра первым заместителем обер-бургомистра еще раздавались голоса против него. В газетах писали, что он слишком молод и не в меру клерикален, что у него нет опыта. Ко времени избрания его обер-бургомистром подобные мнения исчезли. Повсеместно признавались его самоотверженность в работе и умение вести городские дела в сложных условиях. Аденауэр стал полным хозяином Кёльна. Его распоряжения выполнялись неукоснительно. Через городское собрание он мог провести практически любое решение. Известный немецкий публицист Ицкюль, много позднее оценивая возможности Аденауэра в то время, скажет: «Идеальное состояние для такого человека, как Аденауэр, который всегда знал, чего он хочет, и для которого демократия была искусством собственную волю делать волей большинства».

Обер-бургомистр безразлично относился к партийной принадлежности работников магистрата. Главным критерием служили деловые качества. Нужного ему работника он не спрашивал ни о прошлом, ни о политических взглядах. Он мог работать и с социал-демократами, не пренебрегал некоторыми социалистическими идеями в тех рамках, которые давали практическую пользу. По мнению Ицкюля, социализм для Аденауэра был не указателем пути в будущее, а шкафом с инструментами, из которого он время от времени брал то, что ему нужно, не меньше, но и не больше.

В молодые годы Аденауэр не был ревностным демократом. Но он считал демократический строй более прогрессивным, чем монархический. Много позднее он скажет, что демократия — мировоззрение, ведущее немцев в лучшее будущее.

…Германия проигрывала войну. От шовинизма первых военных лет не осталось и следа. Аденауэр старался не вмешиваться в государственные дела — это было прерогативой Берлина. У него достаточно муниципальных забот. И тем не менее в феврале 1918 года указом Вильгельма II Аденауэр в качестве представителя партии Центра был введен в состав Палаты господ Пруссии — совещательный орган при императоре, призванный разработать реформу избирательного права. Состоялся первый его выход на общегерманскую арену. Он не оставил заметного следа. Просуществовала Палата недолго. Надвигались революция, крушение монархии, Версальский договор.

В начале ноября 1918 года в Кёльне появился поезд с восставшими кильскими матросами. Аденауэр пытался воспрепятствовать его прибытию и обратился к губернатору с

требованием принять надлежащие меры. Тот не решился на столкновение.

В Кёльне объявили республику Советов. Воцарилась анархия. По улицам на грузовиках с песнями разъезжали вооруженные матросы. Разгуливали толпы людей с красными знаменами. Матросы требовали от магистрата продовольствия и горючего.

Аденауэр отрицательно относился к революционным потрясениям. Он верил в порядок, а его изменение допускал лишь легитимным способом. Немцев считал законопослушными, добропорядочными и терпеливыми. Ноябрьские выступления принимал как нелогичные и случайные. Кто-то в его окружении бросил шутку:

— Если немецкие революционеры надумают штурмовать железнодорожный вокзал, то они сначала купят перронные билеты.

Обер-бургомистр рассмеялся, соглашаясь. Но кильские матросы в Кёльне — это была реальность, с которой нельзя было не считаться. Аденауэр решил договориться с революционерами. Принял в ратуше представителей Советов и несколько часов убеждал их не учинять беспорядков, не вывешивать красных знамен на ратуше. Выделил им несколько комнат в помещении магистрата с телефонами, пишущими машинками и другим канцелярским оборудованием.

Революционные власти возложили управление городом на капитана Швинка. Он довольно быстро оценил обстановку и решил работать вместе с Аденауэром. Ратушу осаждали толпы людей, требуя хлеба. На окраинах голодающие начали громить продуктовые лавки. Подбирались к винным погребам. По приказу обер-бургомистра алкогольные напитки из винных хранилищ ночью под покровом темноты слили в Рейн. На улицах установили походные кухни и кормили кашей голодающих. Из жителей создали отряды гражданской охраны. Через несколько дней они сумели навести порядок и взять под защиту граждан и их собственность.

Аденауэр работал по 18 часов в сутки. Домой возвращался молчаливый и усталый, чтобы, поспав несколько часов, рано утром вновь отправиться в ратушу. Капитан Швинк не вмешивался: он видел, что обер-бургомистр и его подчиненные действуют самоотверженно и рационально.

В середине ноября после подписания перемирия в Кёльн вошли четыре армейских корпуса, возвращавшихся с фронта. Аденауэр с согласия Швинка решил осуществить демобилизацию военнослужащих. Солдаты и офицеры сдавали оружие и получали свидетельство о демобилизации, проездной билет до места

жительства, денежное содержание и продовольствие. Магистрат устроил распродажу военного имущества, армейских автомобилей и повозок. Покупали спекулянты, подпольные дельцы. Но они давали деньги. На них и проводилась демобилизация. Оставалось и на продовольствие для жителей города.

Добывать продукты питания было особенно трудно. Закупалась в основном перловая крупа. Ею и заправлялись походные кухни, день и ночь дымившие на улицах города. Кёльнцы прозвали своего обер-бургомистра «Граупенауэром» (граупен по-немецки — перловая крупа). Шутили беззлобно, хорошо понимая, каких усилий стоит добывание этой крупы.

Власть Советов в Кёльне оказалась недолгой. В декабре в Кёльн вступили английские оккупационные войска. Англичане промаршировали по пустым улицам, поглядывая на закрытые магазины. Жители затаились в ожидании новых событий.

Перед зданием ратуши остановилась громада танка. Два молодых английских офицера потребовали провести их к обер-бургомистру. В кабинете Аденауэра они повели себя развязно, развалились в креслах, закурили и стали стряхивать пепел прямо на пол.

Понять, что они хотят, оказалось непросто. Аденауэр вызвал посыльного и громко сказал:

— Офицеры желают получить пепельницы.

— Что там? — любопытствовали чиновники в коридоре.

— Господин обер-бургомистр воспитывает английский детский сад, — солидно отвечал посыльный.

По отношению к оккупационным властям Аденауэр вел себя корректно. Умел, не повышая голоса, поставить на место не в меру распоясавшихся. Выполняя распоряжения англичан, смягчал те, что считал неразумными или унижающими достоинство горожан.

В Кёльне разместились пехотная бригада и кавалерийский полк под командованием генерала Лоусона. Им предоставили пустующие казармы. Лоусон издал распоряжение, чтобы все жители города постоянно имели при себе удостоверения личности, зарегистрированные в полиции. Движение по городу прекращалось в 20.00. Запрещалось ездить на велосипедах и верхом на лошадях. Свет в домах после 21.30 мог зажигаться только по специальному разрешению. Пользоваться телефоном и телеграфом также можно было с разрешения оккупационных властей. Подлежало сдаче все оружие, включая охотничьи ружья.

Распоряжение отпечатали в виде прокламации, чтобы развесить ее по городу. Самым любопытным оказался параграф

13-й. В нем предписывалось всем немцам-мужчинам приветствовать английских офицеров снятием головного убора. Аденауэр прочитал прокламацию, врученную ему английским представителем, и сказал после некоторого раздумья:

— Никогда не думал, что английский джентльмен может таким образом унизить побежденный народ.

Англичанин смутился.

— Я лишь выполняю распоряжение вышестоящих властей доставить в магистрат прокламации. Ваше дело, господин обер-бургомистр, решить, что с ними делать.

Аденауэр положил в угол увесистый пакет и заметил:

— Разумеется, я буду выполнять распоряжение оккупационных властей, насколько позволяет мне совесть.

Представитель оккупационных властей ушел, ничего больше не сказав. Присутствовавшие работники магистрата поздравили Аденауэра с победой.

Англичане по достоинству оценили деловые качества обер-бургомистра и его готовность к разумному сотрудничеству. Ему частенько удавалось отменять указания, ущемлявшие горожан. Прекратились реквизиции продовольствия для войсковых нужд. Снабжение стало осуществляться по взаимной договоренности. С английскими солдатами у населения недоразумений не возникало. Англичане и немцы проявляли взаимную корректность.

Кёльн не затронули революционные бури ноября в той степени, как это произошло в Берлине и ряде других городов страны. Английская оккупация тоже не привела к потрясениям. Мало что изменилось в жизни горожан и после замены монархии республикой. Хотя более активно стали действовать коммунисты. Они критиковали обер-бургомистра по любому поводу, называя его реакционным клерикалом, а магистрат — цирком Аденауэра. Ставили ему в вину скудость снабжения продовольствием. Действительно, перловая крупа порядком надоела. Однако жители города были благодарны и за нее. Критика в адрес Аденауэра в массовом порядке не поддерживалась.

Сам Аденауэр спокойно воспринимал наскоки на магистрат и на него лично. Экстремисты соорудили в парке могилу. Поставили на ней крест и написали на нем: «Здесь покоится Конрад Аденауэр». Обер-бургомистр во время прогулки увидел сооружение, прочел надпись, ухмыльнулся и спокойно прошел мимо. Никакой реакции с его стороны на эту выходку не последовало.

Поражение в войне подорвало имперские позиции Пруссии. Крушение монархии разрушило централизованную систему

управления. Германские государства, аплодировавшие Берлину после разгрома Франции в 1871 году, теперь готовы были взвалить на него все беды. Росли антипрусские настроения. В Рейнской области они вылились в довольно сильное сепаратистское движение.

В конце 1918 года в партии Центра активно велись разговоры об обособлении католической и либеральной Рейнской области от протестантской и консервативной Пруссии. Аденауэру были понятны и близки подобные настроения. Однако он, взвешивая множество факторов, пришел к выводу, что речь надо вести о самостоятельности, не нарушая общегерманских связей. При всей его неприязни к Пруссии он считал, что полный разрыв с ней приведет к развалу германского государства, созданного с таким трудом и добившегося неплохих успехов в предвоенные годы.

Радикально настроенные сепаратисты собрались в начале декабря 1918 года в Кёльне с целью объявить о создании независимого рейнского государства. Аденауэра пригласили, но он в последний момент отказался от участия в собрании. Единодушия не оказалось и у собравшихся. Провозглашение независимости не состоялось. Несколькими днями позже Аденауэр заявил германскому министру внутренних дел Братшайду, что он против создания Рейнского государства.

К этому времени у Аденауэра сложилось твердое убеждение, что сепаратистское движение необходимо ограничить созданием в рейнских провинциях, включая Рурскую область и Вестфалию, самостоятельного образования в рамках германского федеративного государства. В январе 1919 года возник Комитет по созданию Рейнско-Вестфальской республики. Председателем избрали Аденауэра. Комитет издал меморандум, в котором указывал, что новая республика должна иметь собственные вооруженные силы (разумеется, с согласия английских оккупационных властей), но оставаться в составе германского рейха.

Противники Аденауэра долгие годы, включая и время после Второй мировой войны, обвиняли его в стремлении развалить общегерманское государство и стать главой его западных областей, объединенных в рейнскую республику. Не исключено, что подобные мысли появлялись у Аденауэра. Но они быстро ушли. Трезвый анализ обстановки, складывавшейся после войны в Европе, требовал консолидации. Аденауэр неоднократно повторял, что он никогда не был сепаратистом и не помышлял о расколе Германии. Антипрусские настроения сильно давили на кельнского обер-бургомистра. Католицизм, близость к западноевропейской культуре вызывали симпатии к Франции. Но

он прежде всего был немцем и исходил из интересов немецкого государства.

Дальнейшие события развивались так. В феврале 1919 года в Кёльне по приглашению Аденауэра собрались обер-бургомистры рейнских городов, парламентарии, общественные деятели. На заседании столкнулись две точки зрения — провозгласить выход из германского рейха или объявить о самостоятельности в составе рейха.

С основным докладом, длившимся три часа, выступил Аденауэр. Он подробно остановился на позиции Франции.

— Некоторые политики в Париже ратуют за присоединение всего рейнского левобережья к Франции, другие — за создание буферного рейнского государства под французским контролем. Для англичан Франция после разгрома Германии становится главным политическим и экономическим конкурентом на континенте. Они против усиления Франции за счет рейнских территориальных присоединений. Но в то же время Англия не может решительно выступить против французских планов, ибо Франция нуждается в гарантиях на случай возрождения германской мощи.

В этих условиях необходимо такое решение, которое на длительное время успокоит Францию и предотвратит включение в ее состав рейнских земель. Создание рейнского государственного образования в составе германского рейха должно устроить всех.

Аденауэру бросили упрек, что он фактически разваливает рейх, разрушает центральную власть, вступает в конфронтацию с Берлином.

— В складывающейся обстановке я выбираю меньшее зло, — последовал ответ. — Понятно, самостоятельность рейнской республики нарушит некоторые общегерманские связи, что может, в частности, негативно отразиться на экономическом положении восточных областей страны. Но рейх будет сохранен, ибо рейнское государство останется в его составе, пусть и при значительной самостоятельности.

Собрание решило образовать комитет для разработки конкретных мер по созданию рейнской республики в рамках немецкого рейха и на основе имперской конституции, которую должно принять германское Национальное собрание. Председателем комитета стал Аденауэр.

Многие аналитики позднее высказывали мнение, что Аденауэр встал во главе сепаратистского движения для того, чтобы ввести его в легальное русло, а позднее и покончить с ним. Во всяком случае комитет, который он возглавил, не собрался ни

разу.

Радикалов, выступавших за отделение от германского рейха, не устроила позиция Аденауэра. В июне 1919 года они провозгласили в Майнце создание независимой и суверенной рейнской республики.

Военная администрация в Кёльне срочно вызвала Аденауэра. Английский генерал спросил, как он оценивает действия сепаратистов и какими, по его мнению, могли бы быть шаги оккупационных властей.

После некоторого размышления Аденауэр посоветовал издать распоряжение о том, что любые изменения формы государственности в английской оккупационной зоне невозможны без разрешения британских властей.

Генерал немедленно продиктовал текст распоряжения дежурному офицеру и тут же подписал его.

5 июня 1919 года Аденауэр с группой представителей партии Центра и социал-демократов отправился в Версаль, где шли мирные переговоры. Посланцы изложили главе немецкой делегации графу Брокдорфу-Рантцау свою антисепаратистскую позицию. Граф заверил, что союзники не ставят вопрос об образовании рейнского государства. Не поднимает его, разумеется, и немецкая сторона.

Сепаратисты узнали о действиях Аденауэра и резко осудили его. Наиболее решительные созвали в Кобленце революционный суд и приговорили кёльнского обер-бургомистра к смертной казне. Позднее Аденауэр скажет, что кобленцкий приговор значил для него больше, чем самый почетный орден, ибо он дал убедительный ответ всем, кто обвинял его в сепаратизме.

По Версальскому мирному договору, подписанному 28 июня 1919 года, немецкие земли на левом берегу Рейна подвергались на 15 лет оккупации французскими, английскими, бельгийскими и американскими войсками. По истечении 15 лет эти области, как и 50-километровая зона на правом берегу Рейна, подлежали демилитаризации. Кёльн остался под английской оккупацией.

Новая вспышка сепаратизма произошла в 1923 году, когда под предлогом невыплаты репараций французские и бельгийские войска вступили в Рурскую область. Сепаратисты, опираясь на поддержку французов, активизировались во многих прирейнских районах. Осенью дело дошло до создания мобильных отрядов и попыток захватить Аахен, Трир и другие города вблизи границы с Францией. На улицах шли столкновения. Полиции удалось вытеснить отряды сепаратистов из городов. Они продолжали сопротивляться в сельской местности, но недолго. Многие бежали во Францию и вступили во французский иностранный легион.

Любопытным отголоском рейнского сепаратизма стала встреча канцлера Штреземана с делегацией оккупированных рейнских земель и Вестфалии в Берлине в ноябре 1923 года. Теперь уже германское правительство поставило вопрос об обособлении рейнских областей, поскольку не могло их финансировать. Рурская промышленность не работала. У Берлина не было средств для поддержки безработных. Но имелось в виду не юридическое отделение, а временное обособление. Представителям земель предлагалось обратиться к оккупационным властям за разрешением ввести собственные налоги.

Аденауэр, возглавлявший делегацию, заявил Штреземану, что он против такого плана. Отделение левобережья и Рура провести легко, обратный же процесс окажется трудным и растянется на неопределенное время. Берлин должен поддерживать оккупированные земли при любых обстоятельствах. Нельзя по финансовым соображениям отказываться от немецких земель.

Дискуссия продолжалась до позднего вечера. Аденауэр и члены делегации решительно отстаивали свои позиции. У Штреземана в конце концов случился сердечный приступ. Решение не состоялось.

Штреземан через десять дней ушел в отставку. Сменивший его канцлер Маркс вскоре пригласил Аденауэра в Берлин и вновь заговорил об отделении. Натолкнувшись на решительное сопротивление, канцлер снял его с обсуждения. Больше этот вопрос не поднимался.

…Три года спустя после смерти Эммы Аденауэр вступил во второй брак. Его женой стала Августа Цинсер. Дом семьи Цинсеров соседствовал с Аденауэрами. Глава семьи — профессор-дерматолог отличался гостеприимством. Устраивал вечеринки для коллег-преподавателей и студентов. Нередко случались и утренники для детей. Дочери Лотта и Августа, которую обычно звали Гусей, играли на рояле и скрипке, а брат Эрнст — на виолончели. Сестры к тому же недурно пели. Дети Аденауэров частенько бывали у Цинсеров. Дружеское общение соседей прервалось после смерти Эммы. Но через некоторое время возобновилось.

Гусей выросла в симпатичную девушку, стройную брюнетку с продолговатым лицом, классическим носом и большими мечтательными глазами. Всех поражала ее доброта. Она могла отдать свои ботинки босому оборванцу или деньги, предназначенные для покупок, нищему, встретившемуся на пути в лавку. Гусей любила цветы и увлекалась садоводством. На этой почве случились ее первые контакты с Конрадом Аденауэром.

Благоговейно воспринимались его советы по уходу за цветами и деревьями. Поначалу говорили только о цветах. Потом стали появляться и другие темы.

Вскоре дело приняло серьезный оборот. Родители Гусей пребывали в смущении. Они уважали и ценили Аденауэра. Но ведь он старше Гусей на 18 лет, вдовец с тремя детьми, которые совсем недавно играли с их дочерью в детские игры. К тому же Цинсеры исповедовали протестантскую религию. На всякий случай отправили Гусей на полгода к родственникам в Висбаден. Но через несколько недель она вернулась. Твердо заявила, что не откажется от Аденауэра, и вскоре перешла в католическую веру.

25 августа 1919 года состоялось венчание в кёльнской Апостольской церкви. Обряд совершил брат Конрада Ганс — капеллан этой церкви. Свадьба прошла скромно, без излишнего шума. Кёльн переживал трудное время и его обер-бургомистр не смог позволить себе настоящую свадебную поездку. Отправились в Бад-Годесберг, всего в тридцати километрах от Кёльна, чтобы в одном из тихих отелей на берегу Рейна провести несколько спокойных дней. Но и в эти дни постоянно приезжали служащие магистрата, чтобы решать неотложные вопросы.

Когда молодожены вернулись, Гусей сказала матери:

— Лучше бы Конрад занимался садоводством и заботился о своей семье, чем обо всем городе.

Гусей родила пятерых детей. Первый умер сразу после рождения. Два сына — Пауль и Георг и две дочери — Лотта и Либет росли и воспитывались вместе с детьми от первого брака. Со старшим Максом возникли некоторые проблемы — он не хотел называть Гусей мамой, ибо совсем недавно видел ее со школьным ранцем за спиной. Гусей с ее покладистым характером быстро преодолела недоразумения и стала любимицей всей семьи. Аденауэр приучил старших ухаживать за младшими. В немногие свободные часы старался побольше уделять внимания детям.

Жили дружно. Гусей любила мужа. Ласково провожала его на работу. За полчаса до возвращения бросала все и приводила себя в порядок: встречала мужа красивой и ухоженной. Семьей занималась самоотверженно. И так продолжалось все тридцать лет их совместной жизни.

Как-то близкий к семье священник сказал об Августе:

— У нее чистое и доброе сердце. На ступеньках ее любви выше всех стоит Бог, потом муж, а за ним дети и родственники. Есть только сомнение — не меняет ли она тайно в своем сердце местами Бога и мужа.

В 20-е годы Аденауэры проводили отпуск в маленькой

швейцарской деревушке, затерявшейся в Альпах на высоте две тысячи метров. Добирались туда всей семьей на мулах. Прогулки по горам, игры с детьми, чтение, изолированность от остального мира приносили умиротворение, спокойную радость. Но кончались счастливые дни. В голове обер-бургомистра уже роились новые мысли и проекты. Семья возвращалась и ее глава вновь окунался в повседневную деятельность.

Управляя городскими делами, Аденауэр, сам работая самоотверженно, добивался максимальной отдачи и от сотрудников. Его не могли упрекнуть в излишней требовательности, ибо от самого себя он требовал не меньше, чем от других. Он был интуитивным психологом и быстро распознавал людей. Презирал болтунов и бездельников, людей, не умевших концентрировать себя на главном и создававших вокруг себя лишь пустую суету. Одному из служащих магистрата, пожаловавшемуся на бессонницу, Аденауэр посоветовал:

— Работайте до усталости и сон придет.

Часто соприкасавшиеся с ним люди говорили, что у обер-бургомистра нет представления о границах человеческих возможностей.

Заработная плата у городского главы была достаточно высокой. Кроме того, он получал компенсацию, поскольку жил в собственном доме, тогда как ему полагалась бесплатная квартира. Приносило доход и его участие в наблюдательных советах ряда фирм и компаний. Некоторые исследователи считают, что в то время он являлся самым высокооплачиваемым чиновником в Германии, что его доходы превышали доходы президента страны. Некоторые рурские компании предлагали ему баснословные оклады, если он перейдет к ним на службу. Но Аденауэр гордился постом обер-бургомистра и не хотел бросать кёльнские дела.

Деньги он умел считать, тратил их расчетливо и прижимисто. Проявлял интерес к хорошей еде и вину, но соблюдал умеренность. Одевался строго, но добротно и не без элегантности.

О нем говорили как о холодном и малоприветливом человеке. Это было верно отчасти. К людям, полезным и деятельным, Аденауэр умел проявлять внимание. Правда, дружбу заводил крайне редко. Близким его другом в 20-е годы стал банкир Роберт Пфердменгес. Их тесные отношения продолжались все годы жизни Аденауэра. Среди знакомых, с которыми он часто общался, были и протестанты, и евреи. Глубоко верующий католик, он уважал вероисповедание других.

Аденауэр любил свой Кёльн — столицу католической

Германии. Один из близко знавших его знакомых сказал:

— Он — кёльнец не только по рождению, но и по профессии.

Даже в самые трудные времена Аденауэра не оставляли намерения превратить город в самый крупный, красивый и мощный центр Рейнской области. Он видел его связующим звеном между Востоком и Западом, витриной всей Германии.

После поражения в войне мало кто думал о планах на будущее. Аденауэр же вынашивал все новые и новые проекты по развитию города.

Одной из первых забот стало возрождение университета. Его основали еще в XIV веке вслед за пражским, венским и гейдельбергским. Французы во времена наполеоновских завоеваний закрыли университеты в Кёльне, Трире, Бонне и Майнце. После победы над Наполеоном прусское правительство открыло вновь лишь боннский. Аденауэр неоднократно ставил в Берлине вопрос о возрождении университета в Кёльне и наконец добился своею. Летом 1919 года в нем начались занятия. Вскоре он стал одним из крупнейших в Германии.

Медицинский и государственно-экономический факультеты присудили Аденауэру степень почетного доктора. Выступая с речью при вручении диплома, он сказал:

— Целью университета должно стать примирение народов и овладение европейским наследием, ибо в Кёльне сходятся немецкая культура и культуры западных демократий.

В первом веке нашей эры кельты, обороняясь от римлян, построили на месте теперешнего Кёльна земляные валы. Они полукольцом охватывали довольно большую территорию и упирались в Рейн. Валы сохранились. Аденауэр превратил их в 20-километровый зеленый пояс, украшающий город и по сей день.

По заранее разработанному плану велась жилищная застройка. Строились многоэтажные дома, а в окраинных районах — коттеджи с садами. Активно расширялся порт. Воздвигались мосты через Рейн. На правом берегу поднимались выставочные сооружения. Проводимые в них ярмарки и иные мероприятия чаще всего носили общегерманский характер. А на международную выставку печати съехались политические деятели и журналисты буквально со всего мира. Посетил ее и президент Гинденбург.

Обер-бургомистр выдвинул предложение о закладке стадиона. Члены магистрата удивились: Аденауэр не занимался спортом и не увлекался им как зритель. Раздались голоса:

— У нас достаточно других, более насущных проблем, требующих финансовых средств.

Аденауэр возразил:

— После тяжелой войны спорт — это врач для больного немецкого народа. А на врачей и лекарства денег не жалеют.

Магистрат принял решение начать строительство большого спортивного комплекса в районе Мюнгенсдорф. Он и сейчас является главным спортивным сооружением Кёльна.

Кёльн расцветал, становился центром международного туризма. Из многих стран, даже из далекой Японии приезжали сюда муниципальные деятели для ознакомления с местным опытом развития городской инфраструктуры.

Не так-то легко давались обер-бургомистру средства на нужды города. Депутаты городского собрания частенько называли Аденауэра утопистом, авантюристом, самым дорогим градоначальником в Германии. Но он добивался своего. Приходил на заседания парламента в окружении экспертов и с многочисленными папками, содержавшими скрупулезные расчеты по объектам строительства. Материалом владел великолепно. До конца выслушивал противников, а потом опровергал их доводы хорошо продуманными и вескими аргументами. Не вмешивался в перепалки между депутатами. Убеждал терпеливо и упорно. Иногда умышленно затягивал заседания до поздней ночи и, когда депутаты уставали от бесконечных дебатов, предлагал нужные резолюции и их принимали. Случалось, действовал на собственный страх и риск и ставил городское собрание перед свершившимся фактом. Обычно это сходило ему с рук.

Обер-бургомистр умел маневрировать. Однажды рурская компания резко повысила тарифы на электроэнергию. Переговоры о снижении платы не дали результатов. Тогда Аденауэр договорился с обер-бургомистром Франкфурта-на-Майне совместно купить угольный карьер и построить собственную электростанцию. Намерение широко разрекламировали в печати. Рурская компания быстро согласилась с ценами, предложенными кёльнцами.

А вот как действовал Аденауэр при обсуждении проекта моста через Рейн после включения в 1926 году в состав города правобережного района Мюльгайм. Организационный комитет магистрата высказался за арочный мост и предоставление заказа фирме Круппа. Аденауэр выступил за постройку висячего моста с помощью фирмы Харкорт. На заседании городского собрания Аденауэр доказывал, что тяжелый арочный мост испортит вид города, а легкий висячий украсит его. Но парламент значительным большинством поддержал решение организационного комитета.

Аденауэр не сдался. Часами вел беседы с отдельными

членами собрания. Наиболее влиятельных приглашал в ресторан на бокал вина. Депутатам-коммунистам показывал фотографии Ленинграда с висячими мостами и всячески расхваливал красоту революционного города. Главный удар по противникам подготовил перед решающим голосованием. Один инженер-строитель высказал предположение, что прирейнская почва не выдержит тяжелые конструкции арочного моста. Аденауэр посадил его за расчеты и, вооружившись ими, отправился на заседание парламента. Он спокойно слушал своих противников, а потом попросил слова и в течение часа обрушил на депутатов массу цифр и других данных, которые толком никто не понимал. Сделав наконец вывод — строительство арочного моста невозможно, — он спокойно отправился на свое место. 43 голосами против 36 городское собрание приняло решение строить висячий мост.

История с мостом вызвала противоречивые отклики в прессе. Некоторые газеты писали, что Аденауэр слишком увлекается лавированием, другие — что он проявляет диктаторские черты и не умеет прислушиваться к голосу большинства. Некоторые его сторонники стали отходить от него.

Обер-бургомистр уловил эти настроения. Стал чаще общаться с депутатами и городскими служащими. Говорил о новых проектах перестройки города, о создании на месте узких и кривых улочек просторных проспектов с высотными домами, о строительстве вокруг города поселков с коттеджами и садами, которые свяжут с центром города специальные автобусы-экспрессы.

Приглашал в ресторан или домой деятелей своей и оппозиционных партий. Во время бесед проявлял добросердечие и обходительность. Не забывал поздравить нужных ему людей с днем рождения или повышением по службе, по другим радостным поводам, а по нерадостным — выразить участие и соболезнование. Умел показать симпатию, сделать маленький подарок, выполнить просьбу. У человека частенько складывалось впечатление, что именно он пользуется особым расположением обер-бургомистра.

Даже противники признавали, что Аденауэр постоянно переполнен идеями и проектами. Борется за их воплощение в жизнь упорно и настойчиво. Почти не знает колебаний и не любит компромиссов. У многих складывалось впечатление, что преодолевать сопротивление доставляет ему удовольствие. Политика возбуждала его, как игрока в рулетку. Французская газета «Ле Темпе» назвала Аденауэра сверхчеловеком, заполнившим своими делами город, порт и прилегающую

местность. Однажды, писала газета, он станет рейхсканцлером и никто этому не удивится, ибо он обладает — и это признают даже его противники — качествами администратора высокого ранга, лидера, которому дан дар повелевать.

Во время экономического кризиса, начавшегося в 1929 году, Аденауэр разработал программу борьбы с безработицей. Главным в ней было строительство сети магистральных дорог — автобанов, при этом государство должно было выступить в качестве подрядчика. Канцлер Брюнинг отверг программу со ссылкой на то, что ее осуществление подорвет и без того шаткую устойчивость валюты.

За строительство дорог взялся Гитлер после прихода к власти. Оно стало одним из главных факторов ликвидации безработицы при нацистах.

Обер-бургомистр Кёльна пользовался популярностью у населения. Выступая, он не подделывался под настроение масс, а убеждал их в своей правоте и направлял мысли людей в нужное ему русло. Он не злоупотреблял красноречием, ораторскими приемами. Основное внимание уделял логике и качеству аргументов. Слушали его обычно с вниманием и интересом.

В январе 1926 года английские оккупационные войска ушли из Кёльна. Магистрат устроил празднество. Ближе к полуночи тысячи жителей собрались у собора, красиво освещенного прожекторами. Многие забрались на крыши близлежащих домов. В полночь ударили колокола. На трибуну, сооруженную на ступеньках собора и украшенную гирляндами из лампочек, вышел Аденауэр. Он говорил с пафосом о свободе и патриотизме, о сплоченности немцев и величии Германии. Каждый из собравшихся вслед за ним поднял вверх руку и дал клятву быть верным народу и любить отечество.

Энергичный обер-бургомистр Кёльна приобретал популярность в стране. После войны в Берлине был создан Государственный совет из представителей прусских провинций. Он имел законодательную инициативу. Законы, принятые ландтагом, требовали его одобрения. Госсовет мог наложить вето на любой закон и имел право проводить референдум по вопросу о роспуске ландтага. В 1920 году президентом Государственного совета от партии Центра избрали Аденауэра. В Берлине у него появилась казенная квартира. В этой должности он пробыл до прихода к власти национал-социалистов, совмещая ее с постом обер-бургомистра Кёльна.

Поначалу он пытался активно действовать в Госсовете. Внес предложение об увеличении в стране рабочего времени с восьми до девяти часов. Доказывал, что уплатить репарации и поднять

экономику можно не за счет увеличения налогов, а путем подъема производства. Немецкая социал-демократия, полвека боровшаяся за введение восьмичасового рабочего дня, провалила предложение Аденауэра. После этого он заметно охладел к общегерманской деятельности и сосредоточился на заботах о Кёльне.

Крушение монархии предопределило развитие республиканских институтов. Демократический строй, однако, прививался плохо. Немцы, привыкшие к авторитарному управлению и порядку, установленному свыше, с трудом осваивали конституционные права и свободы. Борьба многих политических партий в условиях инфляции и разрушенной экономики представлялась явлением непонятным и непродуктивным. Правительства сменялись одно за другим. Они отправлялись рейхстагом в отставку даже при голосовании по второстепенным вопросам. Над всем этим стоял старый, популярный, но не владевший политической ситуацией президент Гинденбург. Говорить об осуществлении каких-либо общегосударственных долгосрочных стабилизирующих программ не приходилось.

При очередном правительственном кризисе вспомнили об удачливом обер-бургомистре Кёльна, президенте прусского Государственного совета, члене правления партии Центра. В мае 1926 года Аденауэра в срочном порядке вызвали в Берлин. Руководители партии Центра вознамерились образовать большую коалицию с социал-демократами и Немецкой народной партией, чтобы сформировать стабильное правительство. Пост канцлера предложили Аденауэру.

Начались политические консультации. Кандидат в канцлеры убедился, что предполагаемых партнеров по коалиции разделяют непримиримые противоречия. Возглавить ему предстоит лишь правительство меньшинства. Оно поначалу получит поддержку рейхстага, но будет свергнуто очень скоро.

Не соглашался Аденауэр с модными в то время в Берлине концепциями внешней политики. Он не видел возможности продолжать линию Штреземана на балансирование между Западом и Востоком. Раппальский договор считал ошибкой. Выступал за безоговорочную ориентацию на Запад, за сотрудничество западноевропейских стран при участии Соединенных Штатов Америки.

Немаловажную роль играло для Аденауэра то обстоятельство, что рейнцу трудно сговориться с прусским юнкерством, оказывавшим решающее влияние на Гинденбурга. Соперничество множества партий, активизация коммунистов и национал-

социалистов неизбежно будут дестабилизировать политическую и экономическую жизнь страны, воспрепятствовать чему у канцлера не окажется возможности.

Аденауэр отказался стать главой нестабильного и беспомощного правительства. Канцлером избрали Маркса. Его правительство стало тринадцатым в Веймарской республике. После него до прихода к власти Гитлера будет еще шесть таких же быстросменяемых правительств.

Обер-бургомистр Кёльна продолжал оставаться президентом Государственного совета. Его избрали также председателем ландтага Рейнской провинции и председателем Собрания немецких городов.

В 1929 году кончился срок пребывания Аденауэра на посту обер-бургомистра. Партия Центра вновь выдвинула его кандидатуру. Кёльн к этому времени вместе со всей страной втягивался в кризис. Росла безработица. Сокращались бюджетные расходы на больницы, школы, театры, спортивные сооружения. Экономилась электроэнергия, уменьшалось освещение улиц.

Двенадцать лет тому назад молодой, малоизвестный, но хорошо зарекомендовавший себя в работе служащий магистрата был избран почти единогласно. Теперь искушенный деятель, известный не только в городе, рейнских землях, но и во всей стране, оказавшийся участником многих политических схваток и нажививший много противников, прошел на новый срок с трудом. За него проголосовали 49 депутатов городского собрания, против — 47.

Веймарская Германия с нестабильной властью, вялой экономикой и социальной напряженностью, так и не научившаяся демократии, шла навстречу национал-социалистической диктатуре. В жизни Аденауэра наступал период длительной устраненности от активной деятельности.

Глава V
При нацистах

В 20-е годы мало кто из немцев понимал, какую страшную судьбу уготовят их стране национал-социалисты. Никто не думал о возможности новой мировой войны. Горечь Версальского договора давала о себе знать, но проявлялась подспудно. Нацисты разбудили реваншизм и шовинизм, покончили с демократией и установили такую авторитарную власть, которую немцы не знали и во времена вильгельмской империи, власть, державшуюся на насильственном подавлении инакомыслия и физическом устранении противников.

В Кёльне деятельность национал-социалистов не проявлялась столь бурно, как в Берлине и Баварии. Аденауэр до поры до времени не воспринимал нацистов в качестве серьезной политической силы. К ним и к коммунистам он питал неприязнь, ибо считал их экстремистами, врагами закона и порядка.

Партия Центра выступала против национал-социалистов. Однако вела борьбу вяло. Пыталась было создать коалицию из партий центристской ориентации, но действовала так нерешительно, что идея повисла в воздухе. О сотрудничестве с социал-демократами, не говоря уже о коммунистах, речи не шло вовсе. Аденауэр однажды выступил с предложением включить представителей НСДАП в правительство Брюнинга, чтобы нейтрализовать нацистов. Но к нему серьезно не отнеслись.

Лишь в 1932 году Аденауэр стал более серьезно оценивать угрозу прихода к власти нацистов. На митинге молодежи в Дортмунде, на публичных мероприятиях в Кёльне и других рейнских городах он тревожно, предостерегающе говорил о национал-социализме. Но ни Аденауэр, ни его партия не предприняли решительных шагов. 7 февраля 1933 года на одном из собраний партии Центра Аденауэр рассуждал о необходимости укреплять этические устои государства, свободы и законопослушания. Звучало это идиллически, ибо Гитлер уже овладел властью.

Национал-социалисты взяли государственную власть не революционным, а парламентским путем. Они устраивали дебоши и уличные драки, терроризировали избирателей, но все же свершилось это бескровно и законно. Народ быстро привык к новой власти, ибо увидел возможность покончить с политическим разбродом и нестабильностью. В нацистском порядке немцы, уставшие от веймарской чехарды, почувствовали нечто

привычное и необходимое. Гитлер поспешил придать правительственной власти великолепие и блеск, которыми она обладала при кайзере в годы процветания и победоносного шествия Германии. Немцы охотно восприняли знамена и униформу, военные оркестры и факельные марши. Они легко приняли шовинистические лозунги и призывы, ибо нацисты, умело используя несправедливость Версальского договора, возродили германское имперское мышление. Импонировало и четкое определение врагов: евреи, марксисты, декадентские западные демократии, большевистский Советский Союз.

Первое крупное столкновение с национал-социалистами у обер-бургомистра Кёльна произошло в первые же дни канцлерства Гитлера. Предстояли новые выборы. Гитлер на самолете облетал крупные города и выступал перед избирателями. 17 февраля он прибыл в Кёльн. Аденауэр уклонился от встречи его на аэродроме, ссылаясь на то, что Гитлер прибыл не в качестве канцлера, а как партийный лидер. Фюрер удивился отсутствию обер-бургомистра и запомнил сей случай.

СА и СС устроили марши по кёльнским улицам. На домах вывесили множество знамен со свастикой. Аденауэр распорядился, чтобы на официальных городских учреждениях знамен не было. Гитлер должен был выступать в ярмарочном павильоне на правом берегу Рейна. Национал-социалисты ночью разукрасили мост через реку своими знаменами. Узнав об этом, Аденауэр дал команду полиции знамена с моста как городского объекта убрать и разместить их в крайнем случае на флагштоках павильона, который на время выступления Гитлера можно рассматривать как партийное помещение.

Нацисты не простили это Аденауэру. Бурно шла кампания по выборам в рейхстаг, намеченным на 5 марта 1933 года. В печати, на уличных сборищах сторонники Гитлера вели планомерную и ожесточенную травлю обер-бургомистра. Молодчики из СА собирали на улицах пожертвования в пользу своей партии под лозунгом «Каждый грош — выстрел в Аденауэра!». По городу распространялись листовки со стишками, в которых обер-бургомистр назывался сепаратистом и свиньей, предателем, которого немецкий народ повесит на уличном фонаре. Аденауэр получал множество анонимных писем с угрозами расправы. Люди, совсем недавно певшие обер-бургомистру дифирамбы, считавшие за честь быть его соратниками, отворачивались от Аденауэра. Вокруг него возник вакуум.

На выборах в рейхстаг и на последовавших за ними коммунальных выборах в Кёльне национал-социалисты получили

заметный прирост голосов. Положение Аденауэра осложнилось до предела. Когда в день коммунальных выборов он пришел на традиционное мероприятие, посвященное памяти жертв войны, с ним никто не хотел разговаривать. Незнакомый человек отвел обер-бургомистра в сторону и сказал, что молодчики из СА готовят на него покушение. По приходе его в ратушу они ворвутся в кабинет и выбросят его из окна.

Вернувшись домой, Аденауэр позвонил начальнику полиции. Еще сутки назад тот обещал защищать его при всех обстоятельствах. Теперь на просьбу о помощи он ответил, что ничего не может сделать без указаний из Берлина. Нацисты выставили у дома обер-бургомистра пост охраны, чтобы предотвратить какие-либо действия с его стороны.

В этот же день фракция партии Центра в рейхстаге вместе с другими депутатами проголосовала за предоставление Гитлеру чрезвычайных полномочий. Диктатура национал-социалистов обрела легитимную основу. Аденауэр не одобрил действия руководства партии, однако воздержался от каких-либо выступлений.

Созрело решение покинуть Кёльн. Ранним утром следующего дня банкир Пфердменгес прислал за ним машину. Он вышел на улицу мимо спящих нацистских охранников, сел в автомобиль и поехал в Дортмунд. Там он пересел на поезд и вскоре был в Берлине. Жена, как и договорились, сообщила в ратушу о его отъезде, а сама отправилась к знакомому их семьи в сельскую местность, где уже несколько дней находились дети.

13 марта перед зданием ратуши выстроились отряды штурмовиков. Их предводитель с балкона объявил о низвержении обер-бургомистра Аденауэра. Газеты на следующий день оповестили о его бегстве из города. Они всячески измывались над смещенным, обливали его грязью, уверяли, что все население города пребывает в радости по поводу избавления от своего хозяина. Кёльнские обыватели не проявляли восторга в связи со смещением обер-бургомистра — давнишнего, привычного и уважаемого. Но и защищать его не были готовы — нацистская пропаганда делала свое дело: она последовательно развенчивала Аденауэра и внушала страх перед торжествующим национал-социализмом.

В Берлине Аденауэр попросил аудиенции у Геринга, занимавшего кроме прочих еще и пост министра внутренних дел Пруссии. Ждать пришлось три дня. На встрече Геринг вел себя надменно. Беседу, едва поздоровавшись, начал агрессивно:

— У меня есть сведения о серьезных финансовых злоупотреблениях в кёльнском магистрате, и вы ответственны за

них.

Аденауэр не ожидал подобного.

— Вам предоставили неверную информацию, — спокойно сказал он. — Финансовая деятельность магистрата систематически проверяется. Никаких нарушений обнаружено не было.

Геринг резко изменил тему:

— Почему вы убрали знамена национал-социалистов с моста через Рейн, когда по нему проезжал Гитлер?

Аденауэр дал объяснение и попытался перехватить инициативу:

— Я пришел к вам как к министру внутренних дел, чтобы уведомить: меня сняли с поста обер-бургомистра вопреки действующему законодательству. Надеюсь, что законы и порядок существуют в стране. Прошу вашего вмешательства.

Подумав немного, Геринг ответил:

— Мы дадим распоряжение провести расследование. О результатах вам сообщат.

Кивком головы нацист дал понять, что беседа окончена. Никаких сообщений от Геринга Аденауэр не получил.

В Кёльне между тем начались гонения на служащих муниципалитета — членов партии Центра. Их стали увольнять под надуманными предлогами. Аденауэр из Берлина обратился за помощью к Ризену — нацисту, поставленному на его место. Тот грубо ответил, что считает бывшего обер-бургомистра предателем, погрязшим в коррупции и принесшим несчастье жителям города и служащим муниципалитета.

В берлинской служебной квартире, еще не отобранной у него, Аденауэр жил тихо, на публике не появлялся. Помещение охранялось полицией, что давало надежду не подвергнуться спонтанному налету нацистских молодчиков. Банк Кёльна по указанию новых властей арестовал счет Аденауэра. Кончались наличные деньги, взятые при спешном отъезде.

Выручил старый знакомый американский промышленник Д. Н. Хайнеман, находившийся в это время в Брюсселе. Он навестил Аденауэра и вручил ему десять тысяч марок — сумму внушительную, дававшую возможность длительное время не испытывать финансовых проблем. Аденауэр навсегда остался благодарен Хайнеману. После войны, совершая официальные визиты в Соединенные Штаты, он непременно навещал Хайнемана и его семью.

Тревожно жилось Аденауэру в Берлине. Нацисты шумно утверждали добытую власть. Штурмовики вели себя непредсказуемо. Все партии, кроме НСДАП, были распущены. За

коммунистами и социал-демократами велась охота. Арестовывали подчас всех, кто попадался под горячую руку.

Школьный товарищ Хервеген предложил пожить в монастыре Мария Лаах, где он служил настоятелем. Тихая местность в Эйфеле, недалеко от Андернаха, удаленность от крупных городов делали монастырь, живописно расположившийся на берегу озера, идеальным местом для уединения. Аденауэр разместился в одной из монастырских келий. Вместе с монахами участвовал в ежедневных службах. В дни, когда в монастырь съезжались посторонние люди, из кельи не выходил. Появилась возможность встречаться с женой и детьми. Из-за предосторожности не пользовался монастырской гостевой комнатой, а гулял с Гусей и детьми в саду или близлежащем лесу.

Как-то его посетил старый знакомый из Кёльна. Прохаживаясь по саду, Аденауэр расспрашивал о родном городе. И вдруг спросил:

— Как долго продержатся нацисты у власти?

— Думаю, два года, не больше, — услышал в ответ.

— Боже, тогда я стану слишком старым, чтобы восстановить свое положение.

Возраста Аденауэр не чувствовал. Говорил так в шутку. Собеседник не сомневался в этом и лишь укоризненно покачал головой.

В монастырской тиши Аденауэр много читал, выбирая книги преимущественно по истории и искусству. Размышлял над религиозными текстами. Некоторые биографы Аденауэра утверждают, что именно в то время, отталкиваясь от христианских догм, он пришел к выводу о возможности преодолеть классовую борьбу, депролетаризировать пролетариат и создать общество социальной справедливости. Подобные идеи легли в основу политического кредо Аденауэра в послевоенный период.

В начале 1934 года Хервеген получил указание от властей удалить Аденауэра из монастыря. Кто и почему дал такой приказ, осталось неизвестным. Аденауэр решил поселиться вместе с семьей в берлинском пригороде Нойбабельсберг. Он исходил из того, что, живя на виду, проще избегать преследований. Противодействовать национал-социалистам в какой-либо форме Аденауэр не намеревался. Легитимная власть оставалась для него понятием непререкаемым. К тому же нацисты еще не проявили в полной мере свою авантюристическую сущность, не обнажили до конца политику, основанную не на законе, а на волюнтаризме. Новый порядок, основанный на подавлении свободы человека, на безудержном, граничащем с безумием национализме и

шовинизме, находился еще в стадии становления.

Семья Аденауэра арендовала недорогой дом. Продавали ранее приобретенные картины. Получили крупную сумму денег по страховке за украденные драгоценности. Старшие дети не обременяли семью. Конрад закончил учебу и поступил на работу в компанию АЕГ в Штутгарте, Макс работал в земельном суде в Кёльне, Риа училась в Париже, но прервала учебу и отправилась воспитательницей в Шотландию. Вскоре она вышла замуж за промышленника Вальтера Райнерса.

Расправа эсэсовцев с Ремом и его штурмовиками в конце июня 1934 года вызвала волну арестов и репрессий. Арестовали и Аденауэра. Оснований для предъявления ему какого-либо обвинения не нашлось. Через два дня он вернулся домой. Полиция установила за ним постоянное наблюдение, хотя осуществлялось оно не слишком строго.

В августе 1934 года Аденауэр обратился с письмом к нацистскому министру Фрику, в котором заверял, что он лоялен по отношению к национал-социалистической партии и имперской власти. Инцидент с флагами на мосту в Кёльне объяснял желанием порядка и ответственностью за него городских властей, а не антинацизмом и антигитлеризмом. В заключение письма обращался к министру с просьбой о назначении ему пенсии для содержания семьи. Аденауэру в то время шел 59-й год.

Прошение приняли благосклонно. Нацистов устраивало, что столь заметная личность проявляет покорность. Определили весьма приличную пенсию в 12 тысяч марок в год. Более того, выплатили компенсацию за два его дома в Кёльне, конфискованные новыми властями. На случившиеся деньги Аденауэр приобрел земельный участок в Рёндорфе, построил удобный для семьи дом, в котором и прожил все оставшиеся ему годы.

Рёндорф лежит на правом берегу Рейна в живописной местности почти напротив Бонна. Невысокие, покрытые лесами горы спускаются уступами к реке. Название им — Семигорье — дали четкие контуры семи вершин. В хорошую погоду они покрываются легкой прозрачной дымкой. В предвестии же ненастья мрачнеют и приобретают особую отчетливость. Глядя на них, жители близлежащих мест безошибочно предсказывают погоду на ближайшие два-три дня.

Дом Аденауэра стоит на склоне Скалы Дракона — Драхенфельз, отлого сближавшейся с Рейном. В стороне от Драхенфельза виднеется Петерсберг — одна из верхних точек Семигорья. Многие века здесь жили монахи. В самом начале двадцатого столетия гору откупил владелец известной фирмы

4711, производившей знаменитую «кёльнскую воду» — одеколон. Он построил на ней фешенебельный отель, чье белое здание хорошо видно из Бонна и всех окрестных селений. В 1939 году отель удостоил своим посещением Гитлер, где провел очередную встречу с миротворцем Чемберленом, так и не умиротворившим агрессивного фюрера.

Позднее Аденауэр напишет, что его потрясло, как это Чемберлен не понимал сущности национал-социализма и пытался договориться с Гитлером, как свободные народы позволили провести в 1936 году в Берлине Олимпийские игры и оказывали почтение немецкому фюреру, поработившему своих соотечественников и готовившемуся ввергнуть мир в ужасную войну.

Но это потом. А пока в Рёндорфе шла спокойная, размеренная жизнь. Семья Аденауэра поддерживала контакты с соседями, со священниками из близлежащих церквей, с некоторыми старыми знакомыми, которые вели уединенную жизнь в Бонне и его окрестностях. Дружеские отношения связывали Аденауэра с майором Шлибушем, находившимся в Бонне в качестве представителя Генерального штаба вермахта. Майор приносил свежую информацию о событиях в стране. Позднее он, не одобрявший действий нацистов, окажет Аденауэру помощь в последние месяцы гитлеровской власти.

С началом Второй мировой войны многие контакты прервались. Гитлеровский режим закручивал гайки. Многих арестовывали без всяких обвинений, в превентивных целях. Аденауэр удвоил осторожность, избегал рискованных встреч и разговоров. Сыновья Конрад, Макс и Пауль были призваны в вермахт. Их жены с детьми поселились в Рёндорфе. Вскоре к ним присоединилась Риа с двумя детьми. В доме стало многолюдно и шумно. Аденауэр охотно проводил время с внуками, копался в саду, примыкавшему к дому, разводил свои любимые розы. Всем образом жизни подчеркивал, что погружен в частную жизнь и не интересуется политикой. Не давал нацистским властям никаких поводов для репрессий.

В 1939 году Аденауэр вместе с Гусей провел несколько недель в Швейцарии в сельской местности, пережидая волну шовинистического психоза, охватившего Германию с началом Второй мировой войны.

Появлялись мысли об эмиграции. Но быстро уходили. К Рёндорфу привязывали многочисленная семья, опасение за судьбу сыновей, служивших в армии, да и надежда, что худшее позади и можно относительно спокойно жить дальше.

В середине 1930-х годов бывший деятель партии Центра Якоб

Кайзер пытался привлечь Аденауэра к участию в Сопротивлении. В разговоре с ним Кайзер рассказал о группе противников нацизма, якобы действующей в Берлине, и о ее связях с такой же группой в вермахте. Военных он оценивал как решительных людей, готовых устранить Гитлера.

Аденауэр решительно отказался примкнуть к антинацистскому движению. Он скептически говорил о его возможностях, как и об установлении власти военных.

В конце 1943-го — начале 1944 года Кайзер сделал еще одну попытку вовлечь Аденауэра в борьбу с нацистами, но тот просто отказался встречаться с ним.

В это же самое время в Кёльне находился обер-бургомистр Лейпцига Гёрделер — идеолог антинацистского Сопротивления, разработавший платформу преобразований, призванных устранить гитлеровскую диктатуру. Он попытался вступить в контакт с Аденауэром, но получил однозначный отказ.

В успех заговора против Гитлера Аденауэр не верил. Считал, что заговорщики не в силах сокрушить мощную партийно-государственную машину, созданную национал-социалистами. По природе своей он не был заговорщиком. Не обладал и достаточной храбростью. Рассчитывал, что нацистский режим сам изживет себя в силу внутренних противоречий и воздействия извне. Гитлер шел к пропасти, и нужно дать ему упасть в нее.

Трезвый прагматик не мог позволить себе непродуманных шагов, свойственных горячим идеалистам. Аденауэр испытывал страх перед репрессиями, боялся за семью, за собственную жизнь. Его антинацизм выражался в том, что он не участвовал в деяниях режима и терпеливо ждал его крушения. Аденауэр не был героем, способным умереть в борьбе против того, что считал антигуманным и антинародным.

После крушения национал-социализма Аденауэр проявил себя честным человеком. Он осуждал нацизм, но проявлял сдержанность, избегал излишней крикливости. Никогда не причислял себя к борцам Сопротивления, как это делали многие, пережившие нацизм немцы, даже сотрудничавшие с режимом. Его арестуют в связи с заговором 20 июля 1944 года. Но он открыто заявит потом, что никогда не был в контакте с заговорщиками. Он будет с уважением вспоминать казненных Гёрделера, Штауфенберга, но не даст и малейшего повода заподозрить себя в приобщении к их посмертной славе.

Позицию — выжить и обеспечить выживание семьи Аденауэр не считал безнравственной. После войны он избегал осуждать или упрекать людей, бывших на государственной службе при Гитлере, но при удобном случае любил подчеркнуть свою внутреннюю

эмиграцию во времена нацистской диктатуры.

Военные годы в Рёндорфе текли спокойно вплоть до покушения на Гитлера. После него в доме Аденауэра появились шесть гестаповцев и предъявили ордер на обыск. Пять часов искали крамолу, взяли несколько папок и книг, опечатали кабинет хозяина. На следующий день обыск продолжили, но ничего так и не нашли.

В конце августа 1944 года гестапо провело по всей Германии акцию под кодовым наименованием «Гроза». Арестовывали известных деятелей Веймарской республики, оставшихся в стране. К Аденауэру пришли гестаповец и полицейский и объявили об аресте. Втроем на трамвае отправились в Бонн.

Местная тюрьма оказалась переполненной, а арестованные все прибывали. Тогда 200 заключенных вывели в тюремный двор, построили и колонной по десять человек в шеренге направили на железнодорожный вокзал. Здесь их ждал специальный поезд. Арестантов привезли в Кёльн, где в ярмарочных павильонах разбили большой концентрационный лагерь. В творение своих рук, которым он гордился, в котором проводил крупные национальные и международные выставки, Аденауэр прибыл в качестве узника.

У вновь поступивших отобрали деньги, перочинные ножи, часы, воротнички, галстуки и подтяжки. Выдали засаленные одеяла. Аденауэра провели в камеру с трехъярусными нарами. Там шла очередная охота на клопов. Двое заключенных трясли одеяла, а третий, сидя на полу, бил клопов молотком.

Капо в блоке был коммунист Цандер. Он узнал Аденауэра и взял его под свою опеку. Видя плачевное состояние бывшего обер-бургомистра, так и не научившегося спать с клопами, Цандер испросил у начальства разрешение поместить его в своей каморке. Тюремщик ухмыльнулся и сказал, что не возражает против объединения красного и черного. Положение Аденауэра улучшилось. Можно было полежать на матрасе, когда тело охватывала слабость. Случалось это все чаще.

В ранние утренние часы заключенные выстраивались во дворе на утреннюю проверку. Коммунистов и социал-демократов затем уводили на работу. Остальные или возвращались в камеры или, когда позволяла погода, проводили время во дворе, опоясанном забором с колючей проволокой.

За забором собирались люди, чтобы хоть помахать рукой близким. В один из дней Аденауэр увидел жену и младшую дочь. Они попытались что-то сказать, но стражник прогнал их. Аденауэр выглядел исхудавшим до предела. Пиджак болтался на опустившихся плечах. В кармашке рубашки без воротничка

торчала алюминиевая ложка. Лицо осунулось. Под глазами чернели большие мешки.

Ежедневно из Кёльна отправлялись транспорты в лагеря уничтожения. Ночами в камерах появлялись люди из зондер-команды и уводили заключенных. Больше их никогда не видели. В документах обычно появлялась запись: «убит при попытке к бегству» или «скончался от сердечного приступа».

Однажды заключенных согнали во двор в неурочное время. Предстояло публичное наказание двух молоденьких русских парней, пытавшихся украсть еду. Связали им руки за спиной и били деревянными дубинками до тех пор, пока переломленные кости плечей не выступили наружу из окровавленных тел.

Аденауэр, подавленный, вернулся в камеру, не мог есть, всю ночь ворочался на своем матрасе, издавая громкие стоны.

Через несколько дней Цандер увидел имя Аденауэра в списке на отправку в Бухенвальд. Сговорившись с врачом из заключенных, он доложил начальству, что у Аденауэра сердечный приступ, и получил разрешение направить его в больницу. Шеф больницы узнал Аденауэра и устроил ему благоприятный режим. Его даже могли навещать жена и дети.

Война шла к концу. Американцы заняли Аахен в нескольких десятках километров от Кёльна. Распространился слух, что перед отступлением эсэсовцы уничтожают всех узников концлагерей. Аденауэр решил бежать. Гусей связалась в Бонне с майором Шлибушем, и он взялся помочь старому другу. Улучив удобный момент, Шлибуш на машине вермахта подъехал к зданию больницы, предъявил заранее подготовленное предписание и потребовал выдать ему Аденауэра для доставки на допрос в Берлин.

Бегство прошло удачно. Аденауэр укрылся на хуторе Нистер Мюле в Вестервальде.

На следующий день Гусей вызвали в кёльнское гестапо и потребовали сказать, где скрывается муж. Домой она не вернулась. Десять дней ее держали в тюрьме Браувайлер, подвергая ежедневным допросам. Посадили в камеру с воровками и проститутками. Узнав жену бывшего обер-бургомистра, те стали изводить ее насмешками и издевательствами.

На очередном допросе появился новый гестаповец. Он долго молча смотрел на поникшую Гусей и наконец, не повышая голоса, произнес:

— Нам надоели ваши запирательства. Если вы немедленно не скажете, где прячется муж, завтра в соседней камере окажется ваша дочь. Ей, насколько я знаю, исполнилось шестнадцать — пусть пообщается с видавшими виды женщинами. Разумеется, ее

безопасность гарантировать трудно.

Густава сдалась и назвала Нистер Мюле.

Аденауэра доставили в ту же тюрьму и посадили в темную одиночную камеру. Начальник тюрьмы, знавший его, сказал:

— Не совершайте только самоубийства — мне это доставит большие неприятности. Вам же 68 и жизнь так или иначе идет к концу.

Под камерой находилась комната для допросов и оттуда часами слышались крики пытаемых. Тюремщики не скрывали, что жестоко избивают допрашиваемых. К Аденауэру относились иначе. В его деле не было порочащих материалов, кроме побега из больницы.

Шлибуша вместе с сыном арестовали и отправили в концентрационный лагерь. Оба умерли там от тифа.

Перед освобождением Гусей дали короткое свидание с мужем. Она расплакалась и рассказала, что выдала его, спасая от ареста детей. Аденауэр не упрекал жену. Он лишь сказал:

— Все будет хорошо, все мы ходим под Богом. Вернувшись домой, Гусей связалась с сыном Аденауэра Максом — лейтенантом вермахта. Он испросил отпуск и отправился в Берлин в имперскую службу безопасности хлопотать за отца. У гестапо не было материалов об антинацистской деятельности Аденауэра и его причастности к заговору 20 июля. По распоряжению заместителя Гимлера, шефа Главного управления имперской безопасности Кальтенбруннера 26 ноября 1944 года Аденауэра выпустили из тюрьмы. На следующий день он добрался до Рёндорфа.

Американские войска подходили к Рейну. Через реку велись артиллерийские дуэли. Семья Аденауэров большую часть времени проводила в подвале дома. К ней присоединились четверо французов, бежавших из лагеря для военнопленных. В саду взорвалось несколько снарядов. Дом получил повреждения.

Форсировать Рейн американцы решили в районе Ремагена, километрах в тридцати от Рёндорфа вверх по течению. Здесь был мост, который защищали подростки, только что призванные в ополчение по тотальной мобилизации. Немецкое командование отвело войска, забыв в суматохе про ополченцев. Не получая иного приказа, мальчишки отчаянно сопротивлялись и погибли все до одного с винтовками в руках. Немцы отступили по всему фронту. Наступило затишье.

Погожим мартовским днем в Рёндорфе появились два американских офицера. Аденауэр работал в саду и вышел к ним в фартуке, старой соломенной шляпе, с садовыми ножницами в руке. Офицеры попросили Аденауэра отправиться в Кёльн. Через

четверть часа он вместе с женой на американском джипе отъезжал от дома.

Комендант города подполковник Р. Л. Хайле встретил Аденауэра любезно и после непродолжительной беседы предложил занять пост обер-бургомистра. К работе надлежало приступить немедленно. Аденауэр не колебался. Он лишь опасался за сыновей, продолжавших служить в вермахте. Договорились огласить его назначение после окончания военных действий, а пока объявить советником при коменданте.

Почти в семидесятилетнем возрасте начинался новый, наиболее впечатляющий отрезок жизни Конрада Аденауэра.

Глава VI На пепелище

Германия капитулировала, военные действия прекратились. Аденауэр вновь обер-бургомистр Кёльна.

От процветавшего, во многом образцового города мало что осталось. Он стал первой жертвой массированных атак англо-американской авиации. Тысячи бомбардировщиков обрушили свой груз на город, оставив после себя дымящиеся развалины. После Кёльна таким же налетам подверглись другие рурские города, а также Гамбург, Лейпциг, Дрезден. Бомбардировки продолжались вплоть до вступления в них союзных войск.

Кёльнский дом Аденауэров лежал в развалинах. Вместе с женой Аденауэр поселился в уцелевшей больнице. Американцы танками расчистили узкую полосу, по которой можно было добраться до работы.

Здание ратуши подверглось общей участи. Администрация кое-как разместилась в помещении страховой фирмы «Альянс». Аденауэр проводил здесь все время — с утра и до позднего вечера. Не хватало людей. Оккупационные власти запрещали брать на работу тех, кто служил при нацистах. Тем немногим, которых удалось привлечь, обер-бургомистр не мог обещать вознаграждения. Он апеллировал к их пониманию обстановки и кёльнскому патриотизму.

Более половины зданий в Кёльне оказались полностью разрушенными, остальные — частично. Обследование показало: уцелело лишь 300 домов. Не было газа, электричества, воды. Разрушенные мосты прервали связь с правобережьем. Жители ютились в подвалах разбомбленных домов. Пищу готовили на кострах, разжигавшихся на улице. Воду брали из нескольких действовавших каким-то чудом колонок. Из почти восьмисот тысяч жителей в городе осталось немногим более тридцати тысяч. Редких прохожих можно было увидеть на улицах. Не ходили трамваи и автобусы, не ездили автомобили. Время от времени мелькали лишь военные джипы.

Американцы удивлялись: среди хаоса развалин, вблизи разрушенного вокзала и других зданий возвышался нетронутый Кёльнский собор. И только многочисленные выбоины на вечном камне его стен говорили о том, что вокруг рвались бомбы.

В первые дни Аденауэр бродил по улицам, не узнавая хорошо знакомые места. Мрачнели мысли, возникала психическая неуравновешенность. С трудом подавлял в себе раздражительность, нежелание общаться с людьми, стремление замкнуться в мире собственных переживаний.

Во время одной из прогулок он подошел к большому полуразрушенному дому на Аппельхофплац. Здесь недавно помещалось кёльнское гестапо. Пройдя по опустевшим развалинам, Аденауэр увидел в одной из комнат с выбитыми окнами и дверью медный подсвечник. Он поднял его, подумал и унес с собой. Подсвечник стал в рёндорфском доме символом — напоминанием о нацистских временах.

Ситуация в Кёльне была типичной для немецких городов в первое время после войны. Омертвели заводы и фабрики. Горожане в поисках продуктов питания потянулись в сельские районы. Но война опустошила и поля. Толпы беженцев не находили пропитания в деревнях и возвращались в города. Здесь царствовали черные рынки. Американские солдаты делали бизнес на сигаретах и тушенке. Немки шли на связь с оккупантами, чтобы хоть как-нибудь накормить изголодавшихся детей.

Население побежденной страны переживало глубокую депрессию. Людей охватили безразличие и апатия. Ими управляло первобытное чувство голода. Перестал существовать огромный, разветвленный по всей стране и четко организованный аппарат власти. Немцы, привыкшие к порядку и дисциплине, оказались предоставленными сами себе.

Американцы понимали, что без привлечения немцев к управлению они не смогут наладить общественный порядок на занятых территориях. Заранее они составили «Белый список для Германии», куда вошли известные деятели, которых следовало использовать в административных целях. Под номером один в нем значился Конрад Аденауэр.

Военные власти в Кёльне с уважением относились к обер-бургомистру и помогали ему. В город постепенно стали возвращаться бежавшие жители. Шли пешком, использовали случайный транспорт, товарные поезда. По просьбе Аденауэра американцы выделили для вернувшихся некоторое количество продовольствия. Своим распоряжением обер-бургомистр конфисковал имевшиеся в городе автомобили и отправил их в сельские районы за зерном, мясом, овощами. Оккупационная администрация вернула немцам городские автобусы. Аденауэр послал их в Бухенвальд, Дахау и Терезиенштадт, чтобы привезти кёльнцев — узников концентрационных лагерей.

Кроме продовольствия, нужны были жилье и работа. Аденауэр и его немногочисленные помощники взялись за налаживание торговли, восстановление городского транспорта, оживление уцелевших предприятий. Людей занимали на строительстве временных бараков для жилья, на разборке развалин и восстановлении того, что представлялось возможным

восстановить. С помощью американцев на рурских заводах удалось достать значительное количество стальных конструкций и приступить к восстановлению мостов через Рейн. Город постепенно оживал. По указанию обер-бургомистра архитекторы начали разрабатывать план строительства нового Кёльна.

В это время Аденауэр решил еще одну проблему. Он получил информацию о месте хранения в Южной Германии картин из кёльнских музеев. Если о них узнают военные власти, последует немедленная конфискация. За картинами отправили похоронную машину, которая и доставила их благополучно в Кёльн. Полотна спрятали в подвале одного из домов, где священники оборудовали молельню. Расчет оказался правильным: подвал не подвергся обыску, а картины — конфискации.

Выбрав удобный момент, Аденауэр предъявил картины оккупационным властям и доказал, что они принадлежат городским музеям и не относятся к ценностям, награбленным во время войны нацистами. Американцы разрешили оставить их в Кёльне.

В июне 1945 года Аденауэр направил верховному главнокомандующему западными союзными войсками генералу Эйзенхауэру записку, в которой изложил соображения об использовании немцев, служивших в нацистских учреждениях. Он писал, что закрыть им возможность работать означает исключить их из процесса становления новой жизни и освобождения сознания от национал-социализма. Большинство из них, считал Аденауэр, сотрудничали с нацистами не по убеждению, а из страха подвергнуться репрессиям. Таково тоталитарное общество. Люди сначала боятся диктатора, потом свыкаются с жестким режимом и вживаются в него. Они не становятся его безусловными апологетами, но тем не менее идут вместе с властями, находят свое место в созданной системе. После ее слома люди какое-то время неизбежно находятся под воздействием старых идей и сожалеют о крушении того, к чему привыкли. Если им не дать возможность вписаться в новые структуры, не привить свежие идеи, они еще долго не смогут освободиться от национал-социализма и будут являть собой питательную среду для его возрождения в том или ином виде. А страна окажется разделенной на два лагеря: большинство — запятнанных, меньшинство — чистых.

В заключение Аденауэр предлагал провести быструю проверку немцев, работавших в нацистских учреждениях, и при отсутствии отягчающих обстоятельств допускать их к работе.

Соображения Аденауэра совпали с намерениями американцев. Денацификацию они провели таким образом, что

большинству немцев она позволила вернуться к нормальной жизни. В американской зоне оккупации при населении 15,5 миллиона человек заполнили анкеты 12 миллионов. Виновными в сознательной нацистской деятельности признали 0,1 процента. Остальные получили справки о прохождении денацификации и возможность спокойно жить и работать.

Особенно внимательно оккупационные власти наблюдали за ходом денацификации на промышленных предприятиях. Они не допускали увольнения рабочих за их членство в НСДАП. Любое увольнение руководителей предприятий, служащих и рабочих по политическим мотивам могло состояться только с согласия военной администрации.

Случались и курьезы. Бывший нацистский полицай-президент Любека, служивший также гитлеровским наместником в Латвии и активно участвовавший в репрессиях против еврейского населения, обергруппенфюрер СС Вальтер Шрёдер также получил справку о денацификации. Через некоторое время он предъявил требование компенсировать ему имущество, которое конфисковали оккупационные власти. Среди вещей Шрёдер перечислил винные бокалы и рюмки, вазы для цветов, пивную кружку и метлу.

Разумеется, при такой беглой проверке многие нацистские преступники смогли избежать наказания. Главное, однако, заключалось в ином: немцы ощутили готовность союзников отнестись к ним по-человечески, исключить массовые репрессии, дать возможность заново осмыслить прошлое.

В большинстве своем немцы лишь после войны и далеко не сразу осознали преступный характер деяний национал-социализма, его стремление к уничтожению и порабощению иных народов. Шел Нюрнбергский процесс. И хотя все в мире понимали, что судят подлинных преступников, большинство немцев рассматривали процесс как акт мести, а не заслуженного возмездия.

Аденауэр улавливал эти настроения. Он сам пострадал от национал-социализма и тем не менее считал, что не следует увлекаться наказанием, что главное — создание условий, при которых преступные идеи больше не смогут воплотиться в жизнь. Особое внимание при этом необходимо было обратить на молодежь, ибо ей предстояло строить новую Германию.

21 июня 1945 года американскую военную администрацию в Кёльне сменила английская. В соответствии с ранее принятыми договоренностями области Северного Рейна, рурский район, Кёльн и Бонн вошли в английскую зону оккупации.

Новые власти сформировали муниципальный Совет из 24

членов. Выступая перед Советом, Аденауэр определил первоочередные задачи: жилищное строительство и ремонт тех домов, которые можно восстановить, обеспечение населения питанием и топливом, создание сети здравоохранения. Он не скрывал трудностей при решении насущных проблем, призвал членов Совета к энергичной работе, высказал надежду на помощь и поддержку оккупационных органов.

Общего языка с англичанами Аденауэр, однако, не нашел. К серьезному столкновению привело распоряжение военных властей вырубить на топливо деревья зеленого пояса Кёльна. Обер-бургомистр отказался выполнять распоряжение — он не забыл, сколько усилий потребовалось в 20-е годы, чтобы такой пояс создать и как кёльнцы гордились им. Аденауэр предложил взамен разморозить немалые запасы угля в рурском районе и пустить их на отопление домов.

Английский комендант вел жесткую линию по отношению к населению. Военнослужащим запрещались всякие контакты с немцами. Английского офицера, тайно женившегося на немке, уволили из армии и отправили домой. Денежным штрафом каралась даже передача немецким детям хлеба или сладостей.

В первом же интервью для печати Аденауэр призвал английские власти пересмотреть отношение к немецкому населению, что вызвало в комендатуре открытое недовольство.

Обер-бургомистр и его сотрудники разработали план развития города на ближайшие десять лет. Английская администрация даже не стала его рассматривать и потребовала заниматься расчисткой завалов и решением других насущных проблем, не тратя время на ненужное прожектерство.

Против Аденауэра действовали и социал-демократы, которые начали борьбу за ведущие позиции в Кёльне. Его заместитель социал-демократический бургомистр Гёрлингер направил в английскую службу безопасности письмо-донос на своего обер-бургомистра. Он писал, что Аденауэр — выходец из партии Центра, которая не боролась против национал-социализма. Как католик-центрист Аденауэр не в состоянии сплотить вокруг себя представителей других партий и прежде всего социал-демократов и коммунистов. И наконец, обер-бургомистр пытается привлечь к работе людей, которые служили при национал-социалистах.

Донос нашел положительный отклик. В Англии пришло к власти лейбористское правительство. Оно сделало ставку на немецких социал-демократов, видя в них наиболее влиятельную силу в Германии, близкую по своим взглядам к британским лейбористам. К тому же наметилось некоторое соперничество между английскими и американскими оккупационными

властями. А Аденауэра поставили управлять городом американцы.

Против обер-бургомистра сработало также его интервью корреспонденту «Ньюс кроникл» и «Ассошиэйтед Пресс».

Журналиста интересовал лишь один вопрос: как складываются отношения Аденауэра с английскими властями?

— Говорят, вы не ладите с военными? — спросил он.

— Я полностью выполняю их предписания, — ответил Аденауэр. Он проявлял осторожность. Но и решил использовать предоставленную возможность для нажима на оккупационную администрацию. — Победители взяли на себя управление — это законно. Но они несут и ответственность за тех, кем управляют. Октябрь — преддверие зимы. А военные власти оставляют население без топлива.

Корреспондент затронул другую тему:

— Генерал де Голль заявил недавно о необходимости примирения между французами и немцами. Как вы относитесь к этому?

— В заявлении генерала речь идет о том, чтобы подвести черту под прошлым и сделать так, чтобы оба народа почувствовали себя европейцами. Я полностью согласен с ним. — Аденауэр подумал и добавил: — Мне хотелось, чтобы кто-либо из государственных деятелей Великобритании высказался о немцах как о европейцах.

Слова его прозвучали довольно резко. Так они и были переданы корреспондентом.

Интервью вызвало возмущение у англичан. На следующий день после его опубликования Аденауэра вызвали в канцелярию и вручили письмо за подписью военного губернатора провинции Северный Рейн бригадира Бараклафа. В нем указывалось, что оккупационные власти недовольны ходом восстановительных работ, расчисткой улиц от развалин и подготовкой города к зиме. Аденауэру вменялось в вину, что он не сумел преодолеть трудности и не исполнил свой долг перед населением. Поэтому он увольняется с поста обер-бургомистра.

Губернатор предписывал Аденауэру незамедлительно покинуть Кёльн. Отныне ему запрещается принимать участие в общественной жизни, служить в администрации Кёльна и других городов северорейнской провинции, а также прямо или косвенно участвовать в политической деятельности. При невыполнении этого распоряжения Аденауэру грозил военный суд.

Смещенному обер-бургомистру предложили расписаться на оригинале письма и спросили, есть ли у него какие-либо вопросы или замечания. Аденауэр твердо ответил «нет» и спокойно вышел

из помещения. Когда он покидал Кёльн, никто из сотрудников не пришел проститься. Вокруг была пустота, похожая на ту, что создалась в свое время при увольнении его нацистами. Лишь его секретарша попыталась убедить англичан, что Аденауэр — ценный руководитель, что он, не жалея сил, делает все возможное для города. В результате ее тоже уволили и запретили поступать на работу в какие-либо городские службы.

В кёльнской больнице лежала жена Аденауэра. Он обратился к англичанам с настойчивой просьбой разрешить навещать ее. Согласие дали. Посещать Гусей он мог два раза в неделю и быть у нее не более часа. Определили время посещений и маршрут следования до больницы.

Бараклаф, которого работавшие с ним характеризовали как грубияна и солдафона, продолжал увольнять немцев, назначенных на те или иные посты американцами. Также действовали английские военные власти в Дюссельдорфе, Бохуме и других городах. С поста президента кёльнской промышленной и торговой палаты уволили банкира Пфердменгеса, занявшего его при американцах.

Однако некоторые служащие английской администрации уважительно относились к Аденауэру и ценили его опыт. Однажды в Рёндорф приехал полковник из оккупационной штаб-квартиры и попросил совета в решении некоторых городских проблем.

Аденауэр сказал:

— Для такого разговора нам надо переехать во французскую зону, ибо в английской мне запрещена общественная и политическая деятельность.

Полковник удивился. Через два дня Аденауэру официально сообщили, что запрет на политическую деятельность отменен.

Много лет спустя к Аденауэру во время его визита в Великобританию на одном из приемов подошел Бараклаф с бокалом вина. Генерал без всякого смущения спросил, как он воспринял тогда увольнение с поста обер-бургомистра Кёльна.

Аденауэр внимательно посмотрел на улыбающегося Бараклафа и ответил:

— У меня дома хранится папка с материалами, озаглавленная: «Увольнение нацистами». Пришлось завести еще одну — «Увольнение освободителями».

Бараклаф ухмыльнулся и сказал:

— Не сделай я тогда этого, вы бы остались градоначальником и не стали канцлером.

Отстраненный от каждодневной работы, требовавшей максимума сил и внимания, Аденауэр занялся любимыми розами

в саду рёндорфского дома. В кабинете просматривал накопившиеся материалы и размышлял о причинах деградации Германии и ее возможном будущем.

Аденауэр не был склонен объяснять приход к власти национал-социалистов только лишь действиями политиков и военных. Нацисты нашли благодатную почву для посева своих идей в широких народных массах. После победы в войне 1870–1871 годов и создания империи государство превратилось для немцев в идола. Они уверовали в приоритет государства, в том числе и перед важными человеческими ценностями. Крестьяне, средние слои, рабочие, интеллигенция готовы были принести в жертву этому идолу достоинство и честь индивидуальности. Роль человеческой личности, духовных и этических категорий падала. Материалистические догмы марксизма, получившие широкое распространение в конце XIX века, способствовали централизации власти в руках государства. Теория классовой борьбы подавляла свободу личности и расчищала путь к диктатуре.

Национал-социалисты довольно быстро создали культ власти, вытекающий из материалистического мировоззрения. Они внушили немцам веру в тоталитарное государство и его способность вести массы. А затем заставили поверить и в расовую теорию: собственная арийская раса — это раса господ, собственный народ — это народ-господин. Другие народы подлежат порабощению или уничтожению в силу их неполноценности.

Глубоко верующий Аденауэр в своих размышлениях отталкивался от духовных ценностей, проповедуемых христианством. Материалистическое мировоззрение пагубно, ибо делает человека безликим, мелкой деталью в огромном чудовищном механизме классового государства. Достоинство, свобода и самостоятельность личности должны установить предел государственной власти. Государство по отношению к личности выполняет лишь служебную функцию. Но свобода не означает своеволие и произвол. Человек не должен забывать об ответственности перед ближними и всем обществом.

Немецкий народ, возрождая Германию, должен воспитать в себе ответственность, выработать умение самостоятельного политического мышления. Аденауэр не сомневался в том, что будущая германская государственность, если ей суждено восстановиться, должна покоиться на приоритете личности, ее прав и свобод и объединять различные интересы, мировоззрения и мнения. В основу воспитания молодежи необходимо положить христианские и демократические принципы. Надо укреплять в народе идеи демократии, прививать политическую

сознательность и ответственность индивидуума перед обществом.

Мысли о демократии вновь и вновь приводили к выводу, что она — нечто большее, чем парламентская форма правления. Это — мировоззрение, которое покоится на признании достоинства и ценности личности, прав каждого отдельного человека — не только декларированных, но и реально обеспеченных общественным устройством и гарантированных государственной властью. Мыслить демократически — значит уважать других, их честные желания и стремления.

До реализации таких идей было далеко. Ведь позади — война, необычная не только по масштабу втянутых в нее человеческих и материальных ресурсов, по количеству жертв и разрушений, но и в силу того, что произошло столкновение не только государственных интересов, но и идеологических принципов. Западные демократии вступили в схватку с тоталитарными фашистскими государствами. А немецкие нацисты, переоценив силы Германии и ее союзников, развязали битву против другого тоталитарного государства — Советского Союза. Фашистская угроза объединила демократические государства с коммунистической страной, которая идеологически являлась их антиподом.

Окончание войны привело к созданию разграничительной черты. В первое время она была мало заметна. Но интересы недавних союзников начали быстро расходиться. Граница между двумя мирами стала обозначаться более отчетливо. Постепенно она превратилась в «железный занавес». Он завис над центральной частью поверженной Германии. Предсказать будущее немецкого народа и его государства представлялось невозможным. Ялтинские и Потсдамские соглашения определили границы, наметили зоны оккупации, поставили задачу искоренения национал-социализма. Но они не предусмотрели, да и не могли предусмотреть послевоенной глобальной идеологической схватки демократии и тоталитаризма, в эпицентре которой оказалась проблема будущего Германии.

Западные лидеры еще в ходе войны думали о расчленении Германии после победы над ней. Американский государственный департамент разработал несколько вариантов раскола Германии и создания на ее территории трех, пяти и даже семи отдельных государств. На встречах Рузвельта с Черчиллем и Иденом мнение оказалось единым: Германия должна прекратить существование как целостное государство.

На Тегеранской конференции американцы при поддержке англичан предложили создать в Германии пять следующих автономных государственных образований: 1) Пруссия, 2)

Ганновер и Северная Германия, 3) Саксония и район Лейпцига, 4) Гессен-Дармштадт, Гессен-Кассель и район Южного Рейна, 5) Бавария, Баден и Вюртемберг. В особые территории предполагалось выделить районы Кильского канала и Гамбурга, Рурскую и Саарскую области, поставив их под контроль четырех держав или международной организации.

Сталин это предложение не принял. И не только потому, что расчленение американцы произвели сугубо произвольно, показав весьма посредственные знания европейской географии. У него зрели иные соображения.

В Соединенных Штатах идею расчленения не оставили. В сентябре 1944 года опубликовал свой план Г. Моргентау, занимавший в правительстве Рузвельта один из министерских постов. Он предлагал отдать Польше ту часть Восточной Пруссии, которая не отходит к СССР, а также южную часть Силезии. К Франции присоединить Саар и соседние территории Рейнско-Мозельского района. В Рурской области и примыкающих к ней промышленных районах образовать особую зону под международным контролем. Оставшуюся часть Германии разделить на два автономных независимых государства: Южногерманское, включающее Баварию, Вюртемберг и Баден, и Северогерманское, составленное из территорий Пруссии, Саксонии и Тюрингии.

Советская сторона не приняла и план Моргентау. В Потсдамском соглашении было зафиксировано намерение победителей оставить Германию единым государством, развивающимся на демократической и миролюбивой основе.

Ратуя за расчленение Германии, западные страны стремились ликвидировать очаг агрессии и войн, а также избавиться от торгово-промышленного конкурента. Вскоре, однако, у них определилось и другое стремление — овладеть как можно большей частью Германии и превратить ее в передовой заслон против экспансии коммунизма.

Сталин никогда не высказывал намерений лишить Германию государственности и расчленить ее. Советские войска далеко продвинулись на Запад, в том числе и на немецких землях. Страны, освобожденные Красной Армией, Сталин включал в зону своего активного влияния в политическом и идеологическом плане: в них должна была восторжествовать демократия советского образца при правлении коммунистических партий и быть избран путь социалистического развития с планово-распределительной государственной экономикой. Он верил в то, что, установив такой порядок в оккупированных советскими войсками немецких землях, можно будет, используя возросший в

ходе войны авторитет Советского Союза, распространить его на всю Германию и таким образом создать благоприятные позиции для дальнейшего наступления на Западную Европу.

Трудно сказать, думал ли Сталин о силовом воздействии на западных союзников. Идеологическое же наступление принимало в его мыслях реальное очертание с учетом возросшего во многих европейских странах влияния коммунистических партий, полностью подчинявшихся Москве.

В рёндорфской тиши у Аденауэра было много времени для размышлений, но мало информации для углубленного и точного анализа складывающейся обстановки. Он видел неизбежность противоборства с коммунизмом. Исходя из этого ставил под сомнение способность четырех держав совместно управлять побежденной Германией как единым целым. Различие принципиальных ценностей вызывало и различие политических задач. Союзники не могли совместно осуществлять общественные преобразования, ибо по-разному понимали суть демократии: западные деятели — как всеобщую категорию, а коммунисты — как классовое явление. Сотрудничество во время войны неизбежно должно было смениться конфронтацией в мирное время.

Аденауэр в тот период недооценивал фактор американского присутствия в Европе, значимость и влияние Соединенных Штатов на мировые и европейские дела. Он размышлял о необходимости сплочения западных европейских стран под руководством Англии и Франции, кооперации экономик Германии, Франции, Бельгии, Люксембурга, Голландии.

Вновь и вновь возвращался Аденауэр к истории франко-германских отношений, к тем бедам, какие принесла обоим народам вековая вражда. Напрашивался очевидный вывод: необходимы примирение и сотрудничество немцев и французов. Без них не бывать спокойной жизни в Европе.

Глава VII
Рождение ХДС

Союзнические решения предусматривали, что побежденная Германия будет управляться сообща органами, образованными из представителей четырех держав: СССР, США, Великобритании и Франции. Реальное управление, однако, осуществлялось в каждой оккупационной зоне по-своему, с помощью военных губернаторов и их аппарата. Власть их практически не ограничивалась ничем.

На первых порах западные державы ввели в своих оккупационных зонах политический карантин. Немцам запрещалось организовывать собрания и другие массовые мероприятия и даже собираться на улицах группами свыше трех человек.

В советской зоне подобные меры не имели смысла. Из Москвы еще до окончания военных действий прибыли лидеры немецких коммунистов В. Пик и В. Ульбрихт. Они энергично взялись за формирование местного самоуправления и общественных организаций под руководством коммунистов. У советских оккупационных властей не было сомнений в том, что коммунисты будут не только четко выполнять их указания, но и вести идеологически-воспитательную работу в нужном направлении.

В западных зонах подобной общественно-политической опоры не было. Оккупационным властям еще предстояло определить, на кого они могут опереться, кто их поддержит, а кто выступит против. В то же время они понимали, что без активного участия немецкого населения в управлении порядок в их зонах поддерживать не удастся. В конце августа 1945 года политический карантин отменили американцы, в сентябре — англичане, в декабре — французы.

Военные администрации западных зон ориентировались на политических и государственных деятелей еще веймарского периода. Но таких объявилось немного. Стали привлекать чиновников, служивших при нацистах, но не запятнавших себя преступными деяниями. Американцы предпочитали опираться на католическое духовенство и охотно привлекали к сотрудничеству лиц, так или иначе связанных с церковными кругами. Англичане делали ставку на социал-демократов. Влиятельная среди населения партия во многих своих воззрениях была близка к правящей лейбористской партии. Это учитывалось и в Лондоне, и в английской оккупационной зоне Германии.

В таких условиях в Западной Германии возникла новая партия — Христианско-демократический союз, с которой неразрывно связано имя Аденауэра. Ячейки партии стали создаваться во многих районах Западной Германии летом 1945 года еще до отмены политического карантина. Они числились религиозными организациями, а на таковых карантин не распространялся. Центром действий и сплочения отдельных ячеек стал Кёльн. Принципиально новым при формировании партии явилось участие в ней обеих основных христианских конфессий — католической и протестантской.

В это же самое время в Берлине ряд деятелей партии Центра провозгласили образование Христианско-демократического союза Германии и разослали гонцов в оккупационные зоны с намерением объединить все религиозные организации. Кёльнцы не признали берлинскую группу и продолжали действовать самостоятельно. Постепенно деятели ХДС в Берлине отошли на второй план, уступив пальму первенства рейнской организации. Именно здесь и были заложены основы западногерманского Христианско-демократического союза.

Аденауэр активно участвовал в создании ХДС. Его избрали в правление рейнской провинциальной организации. Вскоре, однако, он вынужден был выйти из правления, так как при увольнении с поста обер-бургомистра ему запретили заниматься политической деятельностью.

Многие из коллег Аденауэра по веймарскому периоду выступали за возрождение партии Центра. Он мыслил иначе. Партия Центра опиралась на католиков. В этом ему виделся главный ее недостаток. Аденауэр выступил за примирение и объединение католиков и протестантов. ХДС следовало превратить в народную партию с программой, учитывающей новую обстановку, настроения широких масс населения и общие перспективы развития. Общенародный характер ХДС давал ему серьезное преимущество перед социал-демократами и коммунистами, объявившими себя классовыми партиями.

В нравственной сфере Церковь была для Аденауэра непререкаемым авторитетом, набожность его с годами не уменьшалась. В рёндорфской церкви на одной из дальних скамеек за колонной у него сохранялось постоянное место. Церковь он посещал регулярно, садился на скамью и погружался в раздумья о Боге и себе. Вместе с тем Аденауэр твердо придерживался мнения, что Церковь не должна вмешиваться в политику.

— Здесь она может произносить только «аминь», — сказал он как-то в домашней беседе с банкиром Пфердменгесом.

Как только с Аденауэра сняли запрет на политическую

деятельность, он взялся за дело. Надо было отыскать и привлечь к работе бывших деятелей и активистов партии Центра. Исполнявший обязанности обер-бургомистра Кёльна зять Аденауэра Зут предоставил ему машину с шофером. Кончилось затворничество в Рёндорфе. Аденауэр ездит по всей провинции, выступает перед местными организациями, образует новые группы, не без труда преодолевает амбиции католиков, не желавших сотрудничать с протестантами.

Жажда деятельности и энергия все возрастали. Из очередной поездки он вернулся в Рёндорф под утро. Выйдя из машины и посмотрев в предрассветных сумерках на часы, Аденауэр сказал шоферу:

— Теперь можно и выспаться: следующий выезд будет в 9 часов утра.

В дороге питался бутербродами, которые ему давала жена. На ходу работал над текстами выступлений. Возил с собой смокинг и лакированные ботинки. Перед выступлениями переодевался прямо в машине.

Приходилось преодолевать не только организационные, но и психологические трудности. Многим прежним функционерам, да и молодым немцам обстановка представлялась удручающей, а перспективы безрадостными. Оккупационные власти с ними не считались, поэтому партийно-политическая деятельность представлялась бессмысленной. Аденауэр старался рассеять упаднические настроения, внушал людям оптимизм, побуждал к политической активности.

По инициативе берлинских лидеров в декабре 1945 года в Бад-Годесберге состоялась общегерманская встреча организаций ХДС. Аденауэр взял на себя руководство встречей. На ней он убедился, что берлинцы заангажированы на сотрудничество с коммунистами и практически идут за ними. Встреча не дала никаких результатов.

Аденауэр сделал ставку на укрепление западногерманских организаций Христианско-демократического союза прежде всего в английской зоне. Он решительно пресекал попытки берлинского ХДС организационно и идеологически подчинить себе западные комитеты и объявить себя общегерманским руководящим центром.

22—23 января 1946 года в вестфальском городе Херфорде состоялся съезд представителей местных организаций ХДС. Аденауэр в качестве старейшины открыл заседание, а затем и председательствовал на нем. Под конец съезда делегаты единогласно избрали его временным первым председателем ХДС в английской зоне.

В Херфорде царило приподнятое настроение. Собравшиеся ощутили общность, впервые почувствовали себя участниками общественного процесса, направленного на восстановление Германии. Делегаты неизменно подчеркивали значимость человеческой личности, ее прав и свобод как главного принципа возрождения, основного постулата христианской демократии. Политических дискуссий и перепалок не возникало. Решения принимались единодушно.

ХДС в английской зоне оказался наиболее многочисленной и сплоченной организацией. Впоследствии он стал притягательным и организующим центром для других образований, а потом и ядром партии, действующей во всей стране. Баварский Христианско-социальный союз выступал как самостоятельная партия. Однако идейно и организационно он примкнул к ХДС и в дальнейшем обе партии действовали как единое целое — ХДС/ХСС.

Активность ХДС в английской зоне продолжала нарастать. Аденауэр во все большей мере признавался лидером. Его возраст и политический опыт, незапятнанность в период господства национал-социалистов, а главное, энергия и трезвое восприятие обстановки давали ему преимущество перед другими деятелями.

В конце февраля 1946 года Аденауэр созвал руководителей местных организаций ХДС рейнской провинции. Заседания проходили в вестфальском женском монастыре в Нехайм-Хюстене. Аденауэр уверенно вел заседания. В первый день он лишь внимательно слушал. Выступили многие. Возникли жаркие дискуссии. Предлагали превратить ХДС в партию труда по образцу английской лейбористской партии, другие высказывались в пользу общенародной партии здравого смысла без четких идеологических и политических критериев, третьи хотели сохранить партию Центра.

Вечером и ночью Аденауэр обдумал услышанное и сформулировал принципы, которые следовало заложить в программу партии. На следующий день он первым взошел на ораторскую трибуну. В зале воцарилась полная тишина. Ровным, чуть приглушенным голосом Аденауэр излагал то, что созрело за долгие годы размышлений, что подсказывал ему политический опыт.

— Мы отвергаем материализм, исповедовавшийся национал-социалистами. Наше христианское мировоззрение гарантирует подлинную демократию и достоинство человеческой личности, возвращение к западной этике и культуре. Перевоспитание немцев в христианском духе призвано преградить путь атеистической коммунистической диктатуре и возрождению

национал-социализма, отвергшего этические ценности. Национализм, в какой бы форме он ни проявлялся, противоречит божественному порядку. Он превращает любое государство в идола для своего народа. Завещанная Богом любовь к ближнему относится не только к отдельному человеку. Народ должен любить и уважать другие народы. Именно этот принцип христианства подрывает национализм.

В зале раздался чей-то кашель. Люди зашикали. Оратор сделал небольшую паузу и продолжил:

— Социалистический эксперимент нацистов провалился. Он принес несчастье и смерть миллионам людей, огромные материальные потери. Германия утратила государственность, а немцы — уважение других народов. Отныне мы не допустим никаких социалистических экспериментов. Социализация экономики — и это доказывает опыт нацистской Германии и коммунистического Советского Союза — неизбежно ведет к концентрации политической и экономической власти в руках государства и ставит людей в слишком большую зависимость от государственной воли. В экономике не должно быть гигантских монополий. Необходимы равноправие и взаимная ответственность работодателей и лиц наемного труда. Следует поощрять образование умеренной частной собственности в руках честных тружеников. Именно умеренная собственность создает существенные гарантии прочности демократического государства. Обобществление собственности и прежде всего промышленного производства сковывает производительные силы, ибо уничтожает конкуренцию. Экономике нужен не диктат государства, а партнерство предпринимателей и рабочих, их сотрудничество при решении вопросов восстановления и прогрессивного развития производства.

После выступления Аденауэра сделали перерыв. Делегаты разбились на группы и горячо обсуждали услышанное.

— Что бы мы ни думали о нацистах, — говорил представитель одной из рурских организаций, — нельзя забывать об экономических успехах при них. Добьемся ли мы чего-либо, демонополизировав экономику? Сомневаюсь.

Подошедший Аденауэр услышал эти слова и включился в дискуссию:

— Не забывайте, народное хозяйство нацистской Германии развивалось крайне однобоко. Долго так продолжаться не могло. И вообще, демократическое государство имеет куда более эффективные рычаги для стимулирования экономики, чем тоталитарное. Нужно лишь их распознать и правильно использовать.

Большинство соглашалось с Аденауэром. Изложенные им принципы были одобрены. Решили положить их в основу политической программы. Аденауэра вновь избрали председателем ХДС в английской зоне, теперь уже опустив слово «временный».

Некоторые католические деятели в партии подозрительно относились к сотрудничеству с протестантами. Аденауэр не уставал в выступлениях и частных беседах убеждать, что такое сотрудничество — огромное достижение, превращающее ХДС в подтинно народную партию. К тому же обе христианские конфессии сохраняют полную самостоятельность. Политическое взаимодействие ни в коей мере не ущемляет религиозных чувств. Наоборот, содействует уважительному отношению к людям иного вероисповедания и тем самым укрепляет общественные и государственные устои.

Не было единодушия и в протестантских кругах. Многие не верили в возможность взаимодействия с католиками. Включился в активную работу друг Аденауэра протестант Пфердменгес. Он разъезжал по западным зонам оккупации и, используя авторитет преуспевающего банкира, агитировал протестантских лидеров за вступление в ХДС. Активность Пфердменгеса сыграла немаловажную роль при формировании единой христианской партии.

Религиозная основа ХДС давала ему ряд бесспорных преимуществ. К деятельности по его созданию и пропаганде основных принципов подключился значительный контингент католического и протестантского духовенства. Церковь при нацистах сумела сохранить свои кадры и организационные центры. После войны на территории Западной Германии действовало 8,5 тысячи католических приходов и более 2 тысяч других церковных инстанций. Католическая конфессия насчитывала 14 тысяч священников и 4,5 тысячи лиц других духовных званий, а также около 100 тысяч монахов и монахинь. Потенциал протестантской церкви в западных землях Германии традиционно уступал католическому, но и он был достаточно сильным, располагал разветвленным и хорошо организованным аппаратом.

Опора на духовенство была для Аденауэра естественной в силу его религиозности. Имелся и политический расчет. Люди, пережившие гитлеризм и войну, испытывающие голод, нищету, моральную депрессию, обращали взоры к Богу. Церковь принимала их в свое лоно, а заодно и собирала голоса избирателей в пользу ХДС. Католические епископы прямо высказались в поддержку новой партии.

Церковные иерархи обеих конфессий вели себя довольно независимо. Не стеснялись требовать от оккупационных властей гуманного отношения к побежденным, критиковали подчас действия военных администраций. Влияние Церкви на все слои населения возрастало. Она помогала формированию ХДС как партии общенародной. В нее вступали рабочие, крестьяне, ремесленники, торговцы. Членами ХДС становились предприниматели, чиновники, лица свободных профессий. Постепенно росла численность партии.

Христианско-демократический союз становился все более заметной политической силой, которую признавали немцы и с которой считались оккупационные власти.

В начале февраля 1947 года зональный комитет ХДС английской зоны, собравшийся в Алене, принял политическую программу партии.

Аленская программа оказалась несовершенной во многих отношениях. Дело в том, что у Аденауэра и других деятелей ХДС не было еще четких представлений о конкретных путях экономического и социального развития страны. Констатируя, что германский капитализм обернулся диктатурой национал-социалистов, авторы программы указывали, что прошлая капиталистическая система хозяйства не соответствует государственным и социальным интересам немецкого народа. Содержанием и целью нового общественного и экономического порядка больше не могут быть стремление к прибыли и власти. Главное — благосостояние народа. Немцы должны получить такую экономическую и социальную структуры, которые обеспечивают права и достоинство человека, служат духовному и материальному возрождению народа и обретению им внутреннего и внешнего мира.

Как достигнуть поставленной цели, в программе не указывалось. Не говорилось и о том, в чем суть нового экономического порядка, каковы его механизмы. Ставился лишь в самой общей форме вопрос о праве трудящихся на участие в управлении, да и то в весьма расплывчатой форме: отдельные работники, многие годы безупречно проработавшие на предприятии, могли кооптироваться в состав правления.

Лишь позднее у Аденауэра сформируется четкое понимание того, что в мире существуют лишь две основные социально-экономические системы: рыночная и планово-распределительная. Позднее он столкнется и с понятием: социальное рыночное хозяйство; по достоинству оценит его сущность и станет последовательным борцом за его внедрение в Западной Германии.

В западных оккупационных зонах формировались и иные политические силы, с которыми Аденауэру и его партии предстояло противоборствовать или взаимодействовать. В декабре 1945 года английская военная администрация официально разрешила деятельность Христианско-демократического союза, социал-демократической и коммунистической партий. Вскоре возникли и более мелкие образования. Но главными силами на политической арене стали ХДС и СДПГ. Они оказались наиболее влиятельными среди населения. Принципиально различные концепции развития предопределили их противоборство на длительный период. Коммунисты же в первое время нашли серьезную поддержку у населения, но затем быстро сдали свои позиции.

Конец 40-х — начало 50-х годов — это период борьбы двух крупнейших германских деятелей — Конрада Аденауэра и Курта Шумахера — лидера социал-демократов. Их публичное противостояние, парламентские схватки были постоянно в центре внимания немецкой и иностранной прессы.

Курт Шумахер вступил в Социал-демократическую партию Германии в 1918 году. В период Веймарской республики играл заметную, но не ведущую роль. В 30-е годы резко выступал против национал-социалистов. Был арестован и брошен в тюрьму, а затем долгие годы вплоть до окончания войны провел в концлагере Дахау. От антинацистских идей не отказался, несмотря на суровый тюремный и лагерный режим и даже пытки.

Во время Первой мировой войны Шумахер потерял руку, после выхода из концлагеря ему ампутировали ногу. Ореол мученика, изможденное лицо, на котором навсегда застыло выражение страдания, и вместе с тем горящие глаза и страстная речь хорошего оратора — все это делало лидера социал-демократов одной из наиболее колоритных фигур на политической арене послевоенной Германии.

Оба деятеля бескомпромиссно осуждали национал-социализм и стремились не допустить его возрождения. Оба были приверженцами демократии и решительными противниками тоталитарного государственного устройства. Оба — непримиримые антикоммунисты. Совпадение в этих убеждениях, однако, не привело их к совместным действиям. Аденауэр руководил народной партией, исповедующей либерально-демократические принципы и христианскую этику. Шумахер возглавлял партию, близкую к марксистскому, материалистическому мировоззрению и стоящую на классовых позициях. Аденауэр выступал за рыночную экономику, развивающуюся на основе частной собственности и конкуренции.

Шумахер — за плановую экономику при обобществлении основных промышленных отраслей.

Добавлялись сюда и личные амбиции. Чем больше укреплялись их позиции в партии и авторитет в стране, тем заметнее у обоих проявлялись властные устремления, желание играть доминирующую роль в обществе.

Шумахеру удалось в короткие сроки организовать социал-демократию и, опираясь на исторические традиции, превратить ее в самую массовую партию в Западной Германии. В первые послевоенные месяцы в Ганновере открылось «Бюро Шумахера», ставшее руководящим социал-демократическим центром западных зон. Берлинские же руководители социал-демократов — Отто Гротеволь и другие пошли на сотрудничество, а затем и на слияние с коммунистической партией в советской зоне оккупации.

Вопрос о слиянии с коммунистами оказался актуальным кое-где и в западных зонах. В ряде крупных городов на промышленных предприятиях возникли объединительные комитеты, вырабатывались программы совместных действий, восстанавливались профсоюзы.

Общие усилия коммунистов и социал-демократов приносили положительные результаты при решении вопросов, касающихся восстановления пострадавших от бомбежек заводов, снабжения рабочих продуктами питания, налаживания их быта. Шумахер, однако, смотрел дальше. Он видел, что объединение с коммунистами в советской зоне привело к утрате социал-демократами их основных ценностей, к торжеству коммунистической идеологии. Москва полностью подчинила себе Социалистическую единую партию Германии и влившихся в нее немецких социал-демократов. О борьбе за демократическое общество, за свободы и права трудящихся не могло быть и речи.

На первом же съезде Социал-демократической партии в мае 1946 года в Ганновере Шумахер провел резолюцию против сотрудничества с КПГ и ее организациями. В ней записали, что агитация в пользу коммунистов и совместные действия с ними несовместимы с пребыванием в рядах СДПГ. Шумахера на съезде избрали председателем партии. Его заместителем стал Эрих Олленхауэр, который во время войны состоял членом эмигрантской группы СДПГ в Англии, а по окончании ее примкнул к ганноверскому «Бюро Шумахера».

Социал-демократы в организационном плане опередили христианских демократов. К концу 1946 года СДПГ насчитывала свыше восьми тысяч местных организаций с четкой вертикалью управления. В них к этому времени состояло свыше 700 тысяч

человек, главным образом рабочих и служащих. Ее первый съезд прошел в рабочей столовой одного из крупнейших ганноверских предприятий — социал-демократы демонстрировали классовый характер партии.

Росла активность Шумахера. По известности и популярности он опережал Аденауэра. Помогал образ мученика нацизма, широко эксплуатировавшийся его окружением. На втором съезде СДПГ Шумахер вышел на трибуну больным. Довел речь до конца и, исчерпав все силы, смог сойти с трибуны лишь с помощью коллег. Зал разразился овациями. Средства массовой информации скудно сообщали о содержании его речи. Зато всячески комментировали мужество и самоотдачу социал-демократического лидера.

Коммунистический всплеск в Западной Германии не вызвал сильной волны. Лидер коммунистов Макс Рейман по известности и популярности, да и по политическому калибру значительно уступал и Шумахеру, и Аденауэру. Часть рабочих пошла за КПГ. Но становившаяся все более очевидной программно-политическая привязанность коммунистов к Восточному Берлину и Москве быстро стала сводить на нет их популярность. Оккупационные власти западных зон, ставившие на первых порах коммунистов на один уровень с другими партиями, начали отдавать предпочтение СДПГ и ХДС.

Лидеры СДПГ стремились завербовать как можно больше людей в партию. В этом они видели залог ее влияния на население. Аденауэр и его сподвижники придерживались иной тактики. Многочисленным местным организациям ХДС не ставилась задача привлечь большое число членов.

Главное — с помощью Церкви и идеологической работы обеспечить голоса избирателей. Перед выборами организации ХДС резко увеличивали активность. В центр агитации ставили местные проблемы и обещания решить их. Такая линия оправдывала себя. ХДС удавалось многократно побеждать социал-демократов на выборах всех уровней, хотя по численности СДПГ и ее партийные организации во много раз превосходили христианских демократов.

Крупные руководители ХДС, и в первую очередь Аденауэр, постоянно подчеркивали, что в центре политической деятельности и общественной жизни должен стоять подлинно свободный человек, обладающий собственным мнением и чувством ответственности. Он должен быть выше религиозных, расовых и политических предрассудков. Все люди для него — братья.

Несмотря на общелиберальный и довольно расплывчатый

характер подобных постулатов, они находили у немцев большее понимание, чем выступления Шумахера и его команды в антикапиталистическом духе. ХДС призывал к общенародному примирению, СДПГ — к защите классовых позиций. ХДС ставил в центр внимания человека как такового, а СДПГ — интересы пусть и многочисленной, но все же ограниченной классовыми рамками части общества.

Английские военные власти открыто отдавали предпочтение социал-демократам. В СДПГ они видели будущую правящую партию, а в Шумахере — главу немецкого государства. К Аденауэру относились прохладно. Он вел себя сдержанно и с достоинством. Старался не вступать в конфликты с оккупационной администрацией. Но и не давал повода считать, что идет у нее на поводу.

Жизнь неизбежно вела к установлению личных контактов между Аденауэром и Шумахером. Англичане создали зональный Консультативный совет. Он заседал в Гамбурге раз в месяц. Повестку определяли в администрации. Ее представители выслушивали немцев и принимали решения, которые подлежали неукоснительному исполнению. В Совет вошли лидеры партий и профсоюзов. Среди них Аденауэр и Шумахер. Немцы понимали, что они мало что могут сделать в Совете, и все же старались использовать его заседания для воздействия на оккупационные власти.

Первое заседание Консультативного совета состоялось в марте 1946 года. Для поездки в Гамбург Аденауэру и представителю профсоюзов Гансу Бёклеру английская администрация выделила автомашину и лимит бензина. Англичане не проявляли особого внимания к членам Совета. Разместили их в неотапливаемой гостинице. Спать приходилось иногда не раздеваясь.

Перед началом заседания военному губернатору маршалу авиации Дугласу представили наиболее авторитетных немецких лидеров. С Шумахером он разговаривал четыре часа, с Аденауэром — полторы минуты.

Вечером на приеме по взаимной договоренности состоялась беседа Аденауэра с Шумахером. В оценке экономического положения в зоне их взгляды совпали. Очевидными были нехватка продовольствия, падение производства, проблемы жилья. Нарушился естественный обмен сельскохозяйственной и промышленной продукцией. Из Соединенных Штатов, Англии и других стран в основном по церковной линии поступала помощь продовольствием и одеждой, но она была незначительна и не меняла общей удручающей картины. В Рурской области ввели

принудительные работы для горняков. Им раздавали пайки и требовали, чтобы их съедали прямо на рабочем месте, а не уносили домой голодным семьям. Повышения производительности труда и увеличения добычи угля достигнуть не удавалось. Положение усугублялось тем, что преимущественно в английскую зону переместилось десять миллионов беженцев из восточных земель Германии. Работы для них не находилось, продовольствия и жилья не хватало.

Сошлись оба лидера и в том, что необходимо всеми силами убеждать союзников отказаться от демонтажа рурской и другой западногерманской промышленности в счет уплаты репараций. В сохранении оставшихся предприятий и восстановлении разрушенных они видели единственную возможность дать немцам работу, улучшить их положение, а часть произведенной продукции использовать для репарационных платежей.

Беседа закончилась далеко неблагополучно. Шумахер взял менторский тон и как-то небрежно сказал:

— Наши партии могли бы сотрудничать. ХДС молод и маловлиятелен, у него нет ни политического, ни организационного опыта. Мы окажем вам покровительство, если вы признаете ведущую роль СДПГ.

Лицо Аденауэра стало каменным. Высокомерие Шумахера задело самолюбие.

— Степень влиятельности партий покажут выборы, — резко ответил он.

Расстались холодно. Аденауэр понял, что договориться с социал-демократами не удастся. Предстоит длительная и бескомпромиссная борьба.

Летом 1946 года Аденауэра и Шумахера как представителей крупнейших партий вызвали в Берлин. Их принял заместитель британского военного губернатора генерал Робертсон, чтобы выслушать их мнения о намерении англичан образовать в английской зоне землю Северный Рейн-Вестфалия с включением в нее всей Рурской области.

Шумахер высказался против. Он доказывал, что столь крупная земля, не существовавшая ранее, будет довлеть над всеми другими землями в будущем германском государстве, придавая ему однобокое развитие. В уме же имел в виду, что присоединение консервативной Вестфалии к рабочему Руру уменьшит шансы социал-демократов на земельных выборах. Он надеялся на безраздельное господство СДПГ в промышленных рейнских районах.

Аденауэр, напротив, поддержал намерение англичан. Он знал, что они поступят так, как сами считают нужным,

независимо от мнения немцев. Были и принципиальные соображения. Франция традиционно зарилась на рейнское левобережье, на Рурскую область. Новое административное образование затруднило бы французам отстаивание их претензий. В отличие от пруссака Шумахера Аденауэр вовсе не считал негативным формирование германского государства вокруг Рейнской области и Вестфалии. Да и уравнивание шансов на выборах за счет нерабочих районов представлялось весьма выгодным для ХДС.

Образование земли Северный Рейн-Вестфалия состоялось. В октябре 1946 года прошли первые выборы в ландтаг — земельный парламент. Расчеты Аденауэра оказались верными. ХДС получил 92 депутатских мандата, социал-демократы — 66, коммунисты — 15. Аденауэра избрали председателем фракции ХДС. Потом ему предложили войти в правительство и занять пост премьер-министра. Аденауэр отказался. Он мыслил более широкими масштабами. Необходимо распространить влияние ХДС и сделать его ведущей политической силой всех западных зон оккупации.

Положение Аденауэра как руководителя ХДС укреплялось с каждым годом. Вокруг группировались деятели, уступавшие ему по влиятельности. Они понимали, что могут добиться чего-либо только с Аденауэром, и не покушались на его ведущую роль. К рейнско-вестфальскому ХДС примкнули бывшие лидеры партии Центра Якоб Кайзер и Эрнст Леммер. До того они занимали руководящие посты в берлинском ХДС. Убедившись, что их партия в советской зоне может действовать только по указаниям коммунистов, перебрались под крыло Аденауэра. Они не могли и не намеревались конкурировать с ним. Но авторитет западного ХДС после прихода Кайзера, Леммера и других видных деятелей с Востока заметно возрос.

Тщательно подбирался партийный аппарат. Случайные люди в него не попадали. Аденауэр привлекал только проверенных сторонников. Многие приходили по рекомендации Пфердменгеса: ему Аденауэр доверял полностью. Создавалась партийная вертикаль власти. Низовые организации работали под руководством Правления ХДС и четко выполняли все его указания. Организации ХДС в английской зоне, действовавшие в условиях жесткой централизации, получили заметное преимущество перед слабыми и разрозненными образованиями в американской и французской зонах. При создании единого западногерманского ХДС они признали главенство хорошо организованной кёльнской структуры.

…Рёндорфский дом в эти годы жил размеренной, упорядоченной жизнью. Старшие дети от первого брака

обзавелись семьями и приезжали в Рёндорф с собственными детьми. Подрастали младшие. Глава семьи радовался, когда в доме становилось многолюдно. Ни дети, ни внуки не мешали ему работать, не отвлекали от проблем, которых становилось все больше.

Порядком в доме заведовала Гусей. Создавала добрую атмосферу спокойствия и согласия. В свое время она посещала музыкальную школу в Кёльне и прекрасно играла на скрипке. Детям прививалась любовь к музыке, литературе, живописи.

Гусей была болезненной. Осенью 1946 года она перенесла двустороннее воспаление легких. Ей стало несколько лучше лишь к весне следующего года. Летом Аденауэр вывез ее на три недели в Швейцарию. Совместная поездка оказалась последней. У Гусей обострилось нарушение кровообращения. Она слегла. Усилия врачей не дали результата. 3 марта 1947 года она умерла в возрасте 53 лет в кругу детей и внуков.

Аденауэр до последнего не отходил от умирающей жены. Ее смерть потрясла его. Примерный семьянин, находивший у семейного очага не только отдохновение, но и силы для активной деятельности, потерял вторую любимую жену. Потребовалось время, чтобы Аденауэр пришел в себя и вновь окунулся в политическую жизнь, становившуюся в Западной Германии все многообразнее и сложнее.

Глава VIII
Выбор пути

Вторая мировая война глобально изменила соотношение сил в мире и особенно в Европе. Разгром фашистского государства привел к резкому усилению роли другого тоталитарного государства — советской империи. Включив в свою орбиту страны Восточной Европы, значительную часть Германии, она нависла над Европой. С обескровленным после войны и обнищавшим народом, но с огромной и хорошо оснащенной армией Советский Союз претендовал на руководящую роль в мировом сообществе. Амбиции Сталина возросли беспредельно. Он и его окружение, одержимые идеей мировой революции и превращения всего и вся в коммунистический рай, вызывали панический страх у народов Европы, только-только освободившихся от нацистского господства.

Во время войны и в первые послевоенные месяцы казались возможными приобщение Советского Союза к западной семье народов, плодотворное сотрудничество с ним. Аденауэр, выступая на митинге в Вупертале в мае 1945 года, говорил о том, что, поскольку значительная часть России расположена в Европе, западные республики СССР могли бы сотрудничать с европейскими государствами.

Иллюзии рассеялись быстро. Со всей очевидностью выявилось, что мир раскололся на два лагеря с противоположной философией, с различными этическими ценностями и политическими задачами. Аденауэр заговорил о неоднородности Европы, о попытках России прибрать к своим рукам европейские страны, внедрить там экономические и политические принципы, не соответствующие западной демократии.

В марте 1946 года Черчилль, выступая в Фултоне, призвал западный мир преградить путь коммунистической экспансии. Тогда не все поняли глубокий смысл и актуальность призыва великого англичанина. Благодушествуя, относили его предостережения на счет закоренелого, слепого антикоммунизма. Предвидеть «холодную войну» дано было не всем, даже крупным политическим фигурам.

Аденауэр оказался одним из первых на Западе, кто осознал складывающуюся обстановку и одобрил фултоновские идеи Черчилля. Он видел неизбежность длительного и напряженного противостояния двух систем, в эпицентре которого будет расколотая Германия. Положение немцев, побежденных и

бесправных, представлялось крайне сложным, а их будущее туманным.

У Аденауэра уже в то время сложилось убеждение, что нейтральная позиция невозможна. Немцы должны примкнуть к тому или другому блоку. У него не было сомнений: нужно быть вместе с теми, кто имеет христианско-гуманистическое мировоззрение, схожие взгляды на государство, личность, свободу и собственность. Экспансии с Востока нужно дать отпор. Недоверие к немцам у западных стран необходимо преодолеть и безоговорочно признать принадлежность к Западу.

Многим представлялось, что Аденауэр проявляет пассивность в вопросе восстановления государственного единства Германии. Вспоминали его всегдашнюю нелюбовь к Пруссии и желание выйти из-под ее опеки. Говорили о его стремлении сделать центром будущей немецкой государственности рейнские провинции и о равнодушии к восточным землям. Социал-демократы и другие партии сделали лозунг воссоединения Германии одним из главных в своих политических выступлениях и обвиняли Аденауэра в нежелании серьезно заниматься этой проблемой.

Громкие требования воссоединения находили поддержку у населения западных зон. Аденауэр не мог не считаться с этим фактором. Тема немецкого единства постоянно присутствовала в его политических выступлениях. Но он не видел реальной основы для решения вопроса в обозримый период. Советский Союз превращал восточную зону в коммунистическое государство. Руководители в Москве не скрывали, что видят в ней прообраз всей будущей Германии. Они пойдут на воссоединение лишь тогда, когда будут уверены, что смогут установить свое господство во всей стране, превратить ее в плацдарм для наступления коммунизма на остальную Европу.

Западные державы вяло занимались общегерманскими делами. Встряхнул их первый берлинский кризис. 2 августа 1948 года послам трех западных держав в Москве официально объявили, что после введения в Западной Германии новых денег Берлин фактически перестал быть столицей Германии, а его четырехсторонний статус оказался нарушенным. Несколькими днями раньше советские войска блокировали наземные пути подхода к Берлину, отрезав его от западных зон. Целью блокады было: вытеснить союзные войска из города.

Западные державы ответили установлением воздушного моста с Берлином. На аэродром Темпельхоф в центре западной части города непрерывно приземлялись американские и английские транспортные самолеты с продовольствием, углем,

медикаментами и всем необходимым для населения города. Через час самолеты вновь взлетали, чтобы вскоре вернуться с новым грузом.

В Москве не предусмотрели подобного развития событий. Блокаду сняли в мае 1949 года, не добившись никаких практических результатов и лишь продемонстрировав стремление СССР к экспансии. Западные державы во время блокады провели в своих секторах выборы и создали единый магистрат Западного Берлина. Вслед за этим они образовали единую трехстороннюю военную комендатуру.

Особых симпаний к Берлину Аденауэр не питал. Из него постоянно исходили попытки опруссачить рейнские области. Он стал в свое время центром нацистской власти. Однако в создавшейся ситуации эмоции ушли на второй план. Аденауэр подбадривал население блокированного города, восхищался его стойкостью и мужеством, говорил о Берлине как оплоте западной демократии. По окончании блокады он заявил, что берлинцы одержали историческую победу и Берлин в еще большей степени утвердился в сердцах немцев как столица всей Германии.

Аденауэр и раньше понимал, что раскол страны приведет к созданию двух германских государств. Теперь этот процесс должен был ускориться. Западная Германия все в большей степени осознавалась им как основной оплот против наступления коммунизма на Европу. Аденауэр не считал нужным отказываться от лозунга воссоединения как общей политической задачи. Но он считал, что государственное единство восстановится только в том случае, если одна из систем — западная или коммунистическая — потерпит решительное поражение. Аденауэр верил в силу демократических ценностей, делал ставку на всемерное укрепление позиций Запада, на его победу над коммунизмом, которая и позволит осуществить воссоединение немцев.

В своих выступлениях Аденауэр часто говорил о европейской интеграции. Сначала ему виделась Европа под руководством Англии и Франции как третья сила между двумя сверхдержавами. Затем он стал выдвигать на первое место франко-германское сотрудничество. Потом пришло понимание того, что Соединенные Штаты заняли ведущее место в западном мире и их присутствие и соответствующая роль в Европе неизбежны и необходимы. Он станет одним из наиболее активных и последовательных сторонников европейской интеграции. Объединенная Европа при американском присутствии и участии — вот единственная возможность противостоять натиску коммунизма и решить проблемы экономического и социального развития континента. Время национальных государств прошло.

Нужно выбирать между закатом и объединением.

С европейской интеграцией увязывал Аденауэр и проблему устранения раскола Германии. Немецкое единство в условиях свободы — это часть европейского единства. Без мирного решения европейских проблем нельзя решить и вопрос объединения Германии. Мысль стремилась и к более широким обобщениям. Раскол Германии возник в результате глобального конфликта между Востоком и Западом. Он может быть ликвидирован лишь в рамках преодоления общемирового конфликта. Необходимы время, терпение и последовательное проведение избранной линии. Пропагандистско-политическими наскоками здесь ничего не сделаешь. Нужно превратить рейнско-вестфальские области в связующее звено. После ликвидации Пруссии сюда, на Рейн, должен переместиться центр немецкой политической жизни.

Размышления приводили к выводу, что американцы могут стать надежными союзниками. В Соединенных Штатах много переселившихся немцев. Американцы традиционно ценят их способности и трудолюбие. Германия никогда не причиняла бед Америке. И в последней войне людские потери американцев оказались минимальными, а экономического ущерба не было вовсе.

Оккупационные власти продолжали действовать, разумеется, в своих интересах. Нужды немецкого населения оказывались на втором плане. Шумахер и многие другие политические деятели подчас резко критиковали военные администрации. Голоса избирателей это приносило. Но практического эффекта не давало. Военные губернаторы, обладая всей полнотой власти, делали то, что считали нужным, игнорируя даже самую острую критику немцев.

Аденауэр поступал иначе. На первых порах он призывал своих сторонников не выпячивать национальные чувства и идеи. Побежденной Германии предстоит длительное время находиться в оккупационном режиме. Немецкая администрация должна функционировать в согласии и под руководством военных властей. Нельзя выдвигать предложения, которые не могут быть одобрены союзниками.

Установив взаимопонимание с военными губернаторами, Аденауэр в осторожной форме, не настойчиво прежде всего добивался отказа от демонтажа немецкой промышленности. В результате его усилий широкого демонтажа и вывоза предприятий в западных зонах не произошло. Основа для развития экономики сохранилась. Запад страны получил огромное преимущество перед восточной зоной, где многие

заводы демонтировались, а их оборудование вывозилось в Советский Союз.

Отказавшись от плана американца Моргехнтау, западные державы взяли курс на превращение немецких территорий, находящихся под их контролем, в единое целое. Аденауэр полностью одобрял эти планы и содействовал их претворению в жизнь.

В течение 1947 года проводились мероприятия по объединению американской и английской зон и превращению их в административное и экономическое целое. Военные власти согласовали статус Бизонии с премьер-министрами земель, а затем и объявили об окончательном слиянии двух зон. Созданный ранее немецкий двухзональный экономический совет был реорганизован в парламентский орган. Создаются Исполнительный комитет с функциями правительственной власти, Верховный суд и объединенный банк земель. В феврале 1948 года французы подписали соглашение о присоединении к Бизонии. Немецкие представители из французской оккупационной зоны вошли во все созданные органы.

ХДС/ХСС поддерживали объединительные действия оккупационных властей. Аденауэр и его сторонники, не видя реальных возможностей для воссоединения всей Германии, приветствовали образование единой западногерманской структуры как основы будущего государства. В экономический совет вошел личный друг и доверенное лицо Аденауэра банкир Пфердменгес. К экономической деятельности подключились многие крупные предприниматели и финансисты. Они одобрили проведение в июне 1948 года денежной реформы. Введение новых денежных знаков отмежовывало рыночное хозяйство Западной Германии от планово-принудительного Восточной зоны. Создавалась возможность для кооперации с экономикой западноевропейских стран.

Денежная реформа стала одной из вех, положивших начало возрождению промышленного потенциала Западной Германии и ее прогрессивному развитию в социальной и иных областях. Начало этого процесса связано с введением в действие плана Маршалла. Он вошел в историю как крупнейшее событие, изменившее экономическое и политическое лицо послевоенной Европы.

Весной 1947 года бывший президент Соединенных Штатов Гувер по поручению действующего президента Трумэна представил доклад о положении в европейских странах. Оно оказалось безрадостным, особенно в экономической сфере. Гувер высказал мысль о необходимости скорейшего восстановления

Германии и Европы. Без процветающей Европы Западу не выжить в противоборстве с коммунизмом. Трумэн согласился с выводами Гувера, добавив, что голодные народы — плохие демократы. Выработалась концепция: Соединенные Штаты должны всячески поддерживать свободные народы, которым угрожает внутренняя опасность или давление извне.

Узнав об оценках и намерениях американцев, Аденауэр буквально пришел в восторг. Он много говорил о доктрине Трумэна, не уставал повторять, что она дает немцам единственный шанс справиться с послевоенной разрухой и оказаться вместе с западными народами.

Его эйфорию разделяли далеко не все даже в рядах ХДС/ХСС. А социал-демократы прямо высказывались за нейтрализацию Германии и предостерегали от чрезмерной привязанности к западным странам.

В апреле 1947 года американский государственный секретарь Джордж Маршалл участвовал в Москве в совещании министров иностранных дел четырех держав. Он вернулся в Вашингтон с убеждением, что взаимодействие с Советским Союзом в восстановлении Европы невозможно, что послевоенный экономический хаос в Европе играет на руку коммунистам и что необходимы односторонние действия Соединенных Штатов, даже если они будут разрушать сотрудничество с их недавним военным союзником.

Соединенные Штаты после войны оказывали гуманитарную помощь европейским странам, в том числе и немцам.

За три послевоенных года из Соединенных Штатов в Германию было направлено 16 миллионов посылок с продовольствием. Перепадали они и семье Аденауэра. Подобная помощь поддерживала минимальный прожиточный уровень. Теперь речь шла о долгосрочной программе восстановления европейской экономики.

В мае 1947 года плановый отдел государственного департамента, возглавляемый известным американским дипломатом Кеннаном, представил Маршаллу свои предложения по возрождению экономики Европы. А 5 июня 1947 года Маршалл выступил со знаменитой речью в Гарвардском университете, в которой изложил план, получивший в дальнейшем его имя. Предполагалось в течение четырех лет направить в Европу 12 миллиардов долларов в виде наличных денег, продуктов питания, предметов первой необходимости, готовой промышленной продукции. Ежегодно выделять для этого 2 процента американского валового внутреннего продукта.

План Маршалла был принят в США в качестве

законодательного акта. За четыре года в европейских странах должен быть достигнут предвоенный уровень производства.

План предусматривал, что европейцы, получая помощь, разработают собственную программу возрождения и будут нести ответственность за ее практическую реализацию. Особое внимание обращалось на восстановление немецкой экономики и указывалось, что оздоровление Германии — решающий фактор подъема Европы.

Конгресс США не утвердил бы план Маршалла, если бы в нем не указывались стратегические цели, отвечающие американским интересам: хаос в Европе отрицательно сказывался на экономике Соединенных Штатов, необходимо было вернуть Европе способность платить за американские товары. США нуждались в сильной Европе — оплоте борьбы против коммунизма.

В конце июня 1947 года в Париже собралась конференция государств, заинтересованных в реализации плана Маршалла. Прибыл на нее и министр иностранных дел СССР В. М. Молотов. В Москве обсуждался вопрос о принятии американской помощи. Но чтобы получить ее, требовалось открыть советскую экономику Западу. Сталин предпочел сделать упор на получении репараций с Германии, контролировать использование которых, кроме Москвы, не мог никто.

Молотов быстро уехал из Парижа. Он выступил против создания наднационального органа по осуществлению помощи, расценив его как орудие вмешательства американцев во внутренние дела европейских стран. Возражал он и против распространения плана Маршалла на Германию. Вместе с Молотовым Париж покинули представители стран Восточной Европы. Средства массовой информации Советского Союза и восточноевропейских стран оценивали план Маршалла как попытку Соединенных Штатов установить свое господство над Европой в условиях зарождавшейся «холодной войны».

Шестнадцать европейских государств, в том числе Западная Германия, принявших план Маршалла, уже в сентябре 1947 года разработали четырехлетнюю программу восстановления экономики. Участники плана Маршалла обязались увеличить сельскохозяйственное производство, наладить энергоснабжение, транспорт, модернизировать промышленность, усилить экономическое сотрудничество между собой, активно использовать импорт американского продовольствия, сырья и капиталов. Восстановлению западногерманской промышленности уделялось в программе приоритетное внимание. Особо говорилось о повышении добычи рурского угля и его поставок в соседние государства.

В первые два года Западная Германия получила по плану Маршалла 1,4 миллиарда долларов из 4 миллиардов, ассигнованных всем 16 участникам. Политика преимущественного предоставления средств Западной Германии продолжалась и в последующие годы. К сентябрю 1951 года ей предоставили 9 миллиардов долларов, что значительно превышало размеры помощи другим европейским странам.

Отношение Аденауэра к плану Маршалла было однозначным. Он понимал, что без американской помощи нормальную жизнь в западных зонах наладить невозможно. Называл американскую помощь лучом света в европейских потемках и призывал с умом и энергией использовать открывающиеся возможности.

Немцев крайне встревожило заявление английского министра иностранных дел Бевина о том, что, несмотря на план Маршалла, следует продолжить демонтаж рурской промышленности. Появился список крупных промышленных предприятий, подлежащих демонтированию. Оставить имелось в виду только средние и мелкие предприятия.

Взволнованный Аденауэр метался от одного Верховного комиссара к другому. Пуская в ход все свое красноречие, оперировал цифрами и данными по каждому объекту, доказывал невыгодность демонтажа. В беседах неуклонно проводил основную мысль: без ключевых крупных заводов не произойдет возрождение западногерманского промышленного потенциала, столь нужного всем европейцам.

Западные военные администрации по мере оживления немецкой экономики взяли курс на укрепление рыночных отношений. А Шумахер и его партия настойчиво требовали государственного планового регулирования производства и национализации основных промышленных отраслей. Предсказывали экономический хаос, инфляцию, безработицу и голод при рынке.

Аденауэр без колебаний сделал выбор в пользу рыночной экономики. Он не обладал глубокими экономическими знаниями. Но плановое хозяйство отождествлял с тоталитарными режимами, а рыночное — с демократическим обществом.

Против плановой экономики глубоко, обоснованно и хорошо аргументированно выступил баварский ученый экономист Людвиг Эрхард. При нацистах он возглавлял Институт промышленных исследований, работавший под патронажем химического концерна «ИГ Фарбениндустри». После окончания войны читал лекции о механизмах и преимуществах рыночного хозяйства. Вскоре разработал теорию социальной рыночной экономики, в которой социальные аспекты, вопросы жизненного

уровня населения заняли приоритетное место.

Нацистская военная экономика, по мнению Эрхарда, парализовала предпринимательство и привела к социальным перекосам. Денежная реформа в западных зонах должна восстановить естественные отношения между трудом и его оплатой. Необходимо постоянно повышать способность людей покупать, что неизбежно повлечет за собой повышение производительности труда. Производство и жизненный уровень населения стоят в прямой зависимости: производство не может развиваться, не имея широкой базы для сбыта; широкая покупательная способность населения в свою очередь постоянно стимулирует производство. Чем выше жизненный уровень населения, тем лучше условия для процветания экономики. И все это должно регулироваться исключительно рыночными механизмами.

По инициативе американцев Эрхарда ввели во Франкфуртский совет — немецкий орган управления, работавший под началом военной администрации, и сделали его директором управления экономики. В июне 1948 года план Эрхарда был официально принят Франкфуртским советом и одобрен военными властями. За него проголосовало 50 членов совета, против — 37, в основном социал-демократы.

Через два дня в трех западных зонах началась денежная реформа. Она сопровождалась принятием пакта социальных законов, обеспечивавших повышение жизненного уровня населения. Налоговая политика способствовала предпринимательской инициативе. Упразднялись директивные методы управления и ценообразования. Отмена контроля за ценами сразу же ликвидировала «черный» рынок.

Аденауэр поначалу с осторожностью отнесся к рыночному саморегулированию социальных и экономических процессов. Ему казалось, что такой подход создаст серьезные трудности и, по крайней мере на первых порах, не обойтись без административных мер. Колебания длились недолго. По ходу реализации денежной реформы и пакета социальных законов он полностью оценил преимущества теории Эрхарда. В своих выступлениях Аденауэр стал делать акцент на необходимость частной собственности у как можно большего числа людей, нельзя было допустить монопольной собственности в руках государства. Он подчеркивал, что фундаментом государства должен стать широкий средний слой населения, независимый духовно и экономически. Именно он поставит заслон против губительного духа принудительного коллективизма и лишения человека его индивидуальности.

Предстояло преодолеть недоверие в рядах ХДС. В Аленской программе, хотя и предусматривалось рыночное хозяйство, но речь шла и о сильных государственных рычагах регулирования. В феврале 1949 года Аденауэр собрал в Кёнигсвинтере зональный комитет ХДС и пригласил Эрхарда. Экономист убедительно доказывал, что плановое хозяйство, установление твердых цен ведут к разрушению естественного баланса «предложение — спрос». Производство уходит в теневые структуры, товары — на «черный» рынок. Конкуренция убивается. При социальном же рыночном хозяйстве конкуренция неизбежно развивается и способствует снижению цен, доходы населения растут и обеспечивают высокую покупательную способность. Лишь когда цены в силу тех или иных причин начнут неоправданно расти, государство может вмешаться, но не путем административного регулирования, а используя такие рычаги, как пошлины, налоги, кредитная политика.

У Эрхарда звучал и такой мотив. Ход мирового развития уже доказал преимущества рыночной экономики. Ни одна другая экономическая система не дает такой самостоятельности, разнообразия путей и возможностей достижения социального благополучия. Именно рыночное хозяйство позволяет экономно и эффективно обращаться с природными ресурсами. Именно оно создает наиболее благоприятные условия для прогрессивного развития общества, процветания его и социальной защищенности для всех.

План и аргументы Эрхарда были настолько убедительными, что получили одобрение без дискуссии. По предложению Аденауэра текст его выступления решили издать в виде брошюры и разослать низовым организациям ХДС в качестве агитационного материала к предстоящим парламентским выборам.

Приближался момент, когда западным зонам оккупации предстояло обрести государственность. Аденауэр и Христианско-демократический союз сделали стратегический выбор: союз с Западом, интеграция в Европе, социальное рыночное хозяйство, воссоединение страны как задача будущего. Достижение этих целей пройдет через несколько этапов. Одним из первых станет преодоление политической нестабильности и экономического хаоса в Западной Германии.

В марте 1949 года Аденауэр по приглашению европейского Межпарламентского союза выступил на его очередной сессии в Берне. Ему удалось убедить парламентариев в том, что события в Германии касаются всей Европы, ибо, не раз повторял он, именно здесь проходит разграничительная черта между двумя противоборствующими блоками. В западногерманских областях с

населением в 43 миллиона человек находится самый крупный промышленный потенциал континента. В настоящее время он пребывает в хаотическом состоянии. Наведение в нем порядка крайне необходимо для Европы.

Аденауэр не жалел черных красок, описывая нужды западных зон. Население пролетаризируется. Резко сокращается средний слой. Перед войной он составлял 40 процентов населения, теперь — 23 процента. Как никогда, остра жилищная проблема. Не хватает продовольствия. Резко сократилась рождаемость. Миллионы переселенцев с Востока усиливают нищету.

Неожиданностью для присутствующих стало высказывание Аденауэра о том, что выигравшие войну державы совершили ошибку, полностью взяв на себя управление Германией. Надо было дать немцам самим поднимать страну и налаживать новую жизнь. В западных зонах положение стало меняться после принятия плана Маршалла и проведения денежной реформы. На смену принудительному хозяйству, регламентируемому военными властями до мелочей, пришло постепенное внедрение рыночных регуляторов, что и предопределило начало экономической стабилизации.

Не обошел оратор и проблемы демонтажа промышленных предприятий. Он хорошо видел, что этот процесс на Западе менее активен и опасен, чем на Востоке. И тем не менее считал нужным постоянно указывать союзникам на его отрицательные последствия.

В зале возникло оживление, когда Аденауэр привел пример: по распоряжению английского офицера — владельца фабрики по производству расчесок у себя на родине начал осуществляться демонтаж аналогичного немецкого предприятия. Сказал выступающий и о том, что в часовой промышленности англичане сделали все возможное, чтобы снизить производство немецких часов, конкурирующих с английскими. Американцев Аденауэр критиковал за захват немецких патентов в химической промышленности, которые дали Соединенным Штатам преимущество на десяток лет вперед.

Тему воссоединения Германии Аденауэр лишь обозначил. Он считал, что активная постановка этого вопроса нецелесообразна и нереальна. При продолжающемся углублении раскола мира на два лагеря достигнуть в таких условиях положительного результата невозможно.

Закончил Аденауэр энергично: призвал немцев не терять национального достоинства, а европейцев — поддержать их. Лишь вместе можно решить нелегкие послевоенные проблемы и отбить усиливавшийся натиск коммунизма.

Бернская речь Аденауэра вызвала нападки со стороны социал-демократов. Его обвинили в возрождении национализма, выпячивании немецких интересов и пренебрежении интересами союзников. Неуместной сочли и критику в адрес англичан и американцев. Впрочем, Шумахер и его команда атаковали Аденауэра по любому поводу. Западная Германия вступала в период парламентских выборов и формирования государственных органов. СДПГ продолжала считать себя ведущей партией, не сомневалась, что получит на выборах большинство.

Аденауэр спокойно относился к противоборству с СДПГ. Такая борьба в демократическом обществе неизбежна и необходима. Трудно сказать, верил ли он в победу христианских демократов, в то, что совсем скоро станет руководителем нового западногерманского государства. Знал лишь, что народная партия, опирающаяся на религию и нравственные ценности, имеет преимущество перед классовыми партиями.

Глава IX
Образование Федеративной Республики Германия

Логика политического развития вела к формированию западногерманского государства. Стало ясно, что раскол Германии и всего мира непреодолим. Западные державы повели дело к предоставлению их зонам оккупации государственности, ограниченной до поры до времени властью военных администраций.

На лондонской сессии Совета министров иностранных дел в ноябре-декабре 1947 года подтвердилось, что у западных держав и Советского Союза практически нет точек соприкосновения. Советский Союз насаждал коммунистическую систему в своей оккупационной зоне, как и в восточноевропейских государствах, что ни в коей мере не совмещалось с демократическими ценностями и рыночной экономикой. Компромисс здесь был просто невозможен.

Но массы немецкого населения еще не осознали, что воссоединение Германии недостижимо. Люди западных и восточных зон оккупации питали надежды на какие-то подвижки, на сохранение хоть каких-либо общегерманских институций как символа и возможную основу будущего единства.

Аденауэр, понимавший бесперспективность ожиданий воссоединения, все же не мог игнорировать чаяния немцев, тем более что другие партии, особенно социал-демократы, делали лозунг воссоединения главным в политической агитации и находили понимание у населения. ХДС также не мог формировать свои позиции без учета настроений избирателей. На лондонскую сессию Совета министров иностранных дел (СМИД) христианские демократы направили предложения об отмене зональных границ, об учреждении эффективной контрольной комиссии для всей Германии, о выработке общегерманского статуса с определением прав оккупационных держав и обязанностей немцев.

Предложения ХДС широко популяризировались в печати, хотя и Аденауэр, и люди его окружения не верили в возможность их реализации. Шла борьба не за воссоединение, а за голоса избирателей. Она растянется на долгие годы и будет обостряться перед каждыми парламентскими выборами.

После лондонской сессии СМИДа, закончившейся

безрезультатно, западные державы приступили к решению германских дел без Советского Союза. В июне 1948 года в том же Лондоне три западные державы при участии представителей Бельгии, Голландии и Люксембурга разработали рекомендации, касавшиеся будущего трех западных зон. Главным в них было: приступить к процессу создания западногерманского государства, образовать немецкий Парламентский совет для принятия конституции.

Предполагалось, что решающую роль в разработке основополагающих государственных документов сыграют западные державы. Аденауэр мыслил иначе: конституцию и другие правовые акты должны вырабатывать немцы. Под его председательством в Бад-Кёнигштайне прошло совещание зональных организаций ХДС. Формально Аденауэр являлся руководителем ХДС английской зоны. Фактически его признавали лидером христианских демократов всех западных областей.

Совещание выступило против лондонских рекомендаций по ряду вопросов, в том числе против непривлечения немцев к определению будущего страны.

Социал-демократы также заняли критические позиции по отношению к лондонским рекомендациям. Аденауэр отправился в Ганновер и встретился с заместителем председателя СДПГ Э. Олленхауэром и другими лидерами социал-демократов. В долгой, неторопливой беседе выявилось, что позиции партий во многом совпадают.

— Почему бы нам не выступить совместно? — предложил Аденауэр.

Олленхауэр переглянулся с коллегами, подумал и сказал:

— Будет лучше, если партии выступят отдельно. Социал-демократы не были готовы к сотрудничеству с ХДС. Тем не менее характер выступлений был согласован. Главное требование — участие немцев в создании западногерманского государства.

Союзники прислушались к мнению крупнейших немецких партий, хотя и не в полной мере. Решили, что конституция западногерманского государства будет разработана немецким Парламентским советом, создаваемым специально для этой цели. Проект конституции будет представлен на рассмотрение военным губернаторам и после их одобрения окончательно принят Парламентским советом.

1 сентября 1948 года в Бонне в здании Педагогического института состоялось первое заседание нового немецкого органа. В него вошли 65 членов: 27 — от ХДС/ХСС, 27 — от СДПГ, 5 — от Свободной демократической партии и по 2 представителя от

Немецкой партии, партии Центра и коммунистической партии. Тон задавали христианские демократы и социал-демократы. Последние имели преимущество. Оккупационные администрации были уверены в победе СДПГ на парламентских выборах и отдавали ей предпочтение как будущей правящей партии.

Встал вопрос о выборе президента Парламентского совета и председателя политического комитета, в котором шла основная работа по выработке конституции. Две крупнейшие партии должны были разделить эти посты.

Представитель баварского Христианско-социального союза вступил в переговоры с социал-демократами и предложил на пост президента Конрада Аденауэра. Он заверил, что пожилой, несколько своевольный, но все же покладистый коммунальный деятель из Кёльна хорошо подходит для представительских функций, меньше — для практических дел. К тому же стареющий кёльнец плохо разбирается в экономике, мыслит категориями прошлого и не имеет политических амбиций. Нужно дать ему почетно завершить карьеру.

Так и договорились: Аденауэр получил пост президента Парламентского совета, а социал-демократ Карло Шмид — председателя политического комитета. Обоих избрали единогласно.

Какое разочарование испытали вскоре социал-демократы, не подозревавшие, что политическая карьера Аденауэра вовсе не завершается! Он уверенно взял в свои руки руководство деятельностью Парламентского совета. Без его участия не принималось ни одно решение. Установил хорошие контакты с военными губернаторами и смело отстаивал немецкие интересы.

В ходе работы возникали проблемы, казавшиеся неразрешимыми. Аденауэр терпеливо и настойчиво, иногда уговорами, а то и давлением решал их. Работа Совета освещалась в печати. Аденауэра оценили и в своей стране, и в западных странах. Он становился политическим деятелем самого высокого уровня. Американский военный губернатор генерал Клей писал в Вашингтон: «Доктор Аденауэр — интересная личность, активность и энергия которой заставляют не верить, что ему 73 года. Его обширные познания в области управления и администрирования, как и парламентских процедур, в сочетании с другими способностями и интеллигентностью делают его настоящим лидером. Поскольку он стоит выше узкопартийной политики и обладает сильным характером, о нем можно говорить как о государственном деятеле».

Об Аденауэре впоследствии много напишут и скажут подобного. Кто-то будет упрекать его в излишнем национализме,

другие наоборот — в чрезмерной уступчивости союзникам, станут критиковать и ставить под сомнение те или иные его действия. Но никто не откажет ему в политических способностях. Генерал Клей оказался первым, кто рассмотрел в Аденауэре масштабного политика с перспективным будущим.

Многомесячная работа над конституцией, или Основным законом, как она впоследствии была названа, изобиловала постоянными схватками и второстепенного, и принципиального значения. На первом же заседании Парламентского совета коммунисты предложили вообще отказаться от разработки западногерманской конституции, собрать представителей немецких партий всех четырех зон оккупации и принять решение об образовании единой демократической немецкой республики. Предложение носило демагогическо-пропагандистский характер. Его единодушно отклонили.

На следующем заседании возникла перепалка между Рейманом и Аденауэром. Лидер коммунистов обвинил христианских демократов в том, что они действуют в интересах и по указке западных держав.

— Мы, коммунисты, — с металлом в голосе говорил Рейман, — настаиваем на запрете крупных капиталистических монополий, предлагаем национализировать природные богатства и ресурсы, важнейшие отрасли промышленности, провести земельную реформу, запрещающую владение свыше 100 гектарами. Этого хотят немцы, но не желают оккупационные власти.

В зале возник шум. Аденауэр сидел с непроницаемым лицом. Когда Рейман ушел с трибуны, он, не вставая с места, поднял руку, восстанавливая тишину, и, не повышая голоса, сказал:

— Господа коммунисты хотят, чтобы у нас было все так, как в Москве и в восточной зоне. Да, Парламентский совет вызван к жизни актом глав военных администраций. Но мы, члены Совета, свободны и независимы, мы представляем здесь 46 миллионов немцев и несем ответственность перед ними за будущее страны.

Прошло несколько дней. Работа вошла в спокойное русло. В один из перерывов Аденауэр, выходя из зала заседаний, столкнулся с Рейманом.

— Что вы думаете о нашей работе теперь? — спросил он коммуниста.

— То же, что и раньше, — парировал Рейман. — Последуйте нашей рекомендации и прекратите работу Совета вообще.

После перерыва Аденауэр со своего председательского места заявил:

— Я только что побеседовал с господином Рейманом и решил

призвать членов Совета как можно скорее закончить работу над конституцией.

Рейман по-своему понял эти слова. Он быстрыми шагами подошел к Аденауэру, вырвал из его рук председательский колокольчик и стал энергично звонить.

— Это не мы, а западные союзники требуют скорейшего завершения работы, — возбужденно кричал Рейман. — Аденауэр только что получил такие указания из Лондона.

Заседание было сорвано.

Иные дискуссии завязывались с социал-демократами. Исходя из концепции плановой экономики они настаивали на таком государственном устройстве, при котором значительно ограничивалась бы роль земель и утверждалась сильная власть центра.

ХДС/ХСС продолжали отстаивать либеральную рыночную экономику, отвергали какую-либо национализацию, выступали за широкие властные полномочия земель. Аденауэр доказывал, что федеративное государство только тогда станет сильным, когда субъекты федерации сами будут решать местные крупные и мелкие проблемы, делегируя центру лишь полномочия общегосударственного значения. Точка зрения ХДС/ХСС при поддержке представителей других партий брала верх.

В месяцы напряженной работы в Парламентском совете Аденауэр не отказывался от интервью и выступлений. Он, как и прежде, высказывался за сотрудничество с военными властями. Однако все чаще он стал подчеркивать: немцам надо самим строить свое государство, нельзя забывать о национальном достоинстве немецкого народа.

Тем временем три западные державы — США, Великобритания и Франция разработали Оккупационный статут, который намеревались ввести в действие одновременно с новой немецкой конституцией. Они оставляли за собой право регулировать внешнюю и финансовую политику западногерманского государства, управлять Руром. Немцы должны были покрывать все оккупационные расходы. Военные администрации по решению своих правительств могли вновь брать на себя частичное или полное осуществление власти, если они сочтут это необходимым для безопасности, для поддержания демократического порядка или для осуществления международных обязательств.

Оккупационный статут исходил из федеративного устройства западногерманского государства с широкими полномочиями земель. Это соответствовало положениям Основного закона, проект которого Аденауэр от имени Парламентского совета

направил военным губернаторам.

Социал-демократы бурно выступили против Оккупационного статута. Они вновь выдвинули требование о сильной централизованной власти и об ограничении полномочий земель. 20 апреля 1949 года на съезде СДПГ в Ганновере был принят и на следующий день опубликован новый проект Основного закона. Военные губернаторы не устояли перед натиском социал-демократов и поддержали их предложения. Все газеты писали о полной победе Шумахера.

Сторонники Аденауэра оказались в тяжелом положении. Насмарку пошли напряженная работа, с таким трудом достигнутые компромиссы и отточенные формулировки. На неопределенное время отодвигалось принятие конституции, ибо представители ХДС/ХСС намеревались жестко отстаивать предыдущий проект.

Аденауэр решил не обострять обстановку. Он убеждал своих сторонников и социал-демократов в Совете, что нельзя затягивать до бесконечности процесс образования германского государства, что необходимо найти компромисс. И он добился его. Удалось сохранить старый проект, включив в него ряд требований социал-демократов.

Через несколько дней Аденауэр от имени Парламентского совета объявил военным губернаторам, что проект конституции готов.

8 мая 1949 года Парламентский совет 53 голосами против 12 принял проект Основного закона. А четыре дня спустя во Франкфурте-на-Майне Аденауэру вручили официальное письмо военных губернаторов об их одобрении выработанной конституции. Одновременно был опубликован Оккупационный статут. Ему предстояло стать соглашением трех держав с немецким государством. Предполагалось, что по мере его становления и развития Оккупационный статут будет пересматриваться с целью предоставления немцам большей самостоятельности.

В эти же дни в Парламентском совете без особых дискуссий приняли название страны — Федеративная Республика Германия. А вот при выборе столицы развернулись баталии. Социал-демократы горой стояли за Франкфурт. Доказывали, что крупный город придаст достоинство немецкому государству. В уме же имели в виду, что Франкфурт находится в земле Гессен, в которой управляли социал-демократы.

ХДС/ХСС предлагали избрать столицей Бонн. Аденауэр считал, что во Франкфурте, где размещается американский военный губернатор и собираются остальные губернаторы,

правительство ФРГ будет под их постоянным надзором. Сложится впечатление, что оно не имеет самостоятельности и действует лишь как исполнительный орган оккупантов. К тому же, подчеркивал Аденауэр, речь идет о временной столице, ибо главным городом всей Германии был и останется Берлин.

В полночь 10 мая 1949 года в Парламентском совете после жарких дискуссий шло голосование. Аденауэр спокойно, с чуть заметной улыбкой стоял за столом президиума и принимал записки членов Совета с пометкой: Франкфурт или Бонн. Через несколько минут он объявил результат: за Бонн — 33 голоса, за Франкфурт — 29. Аденауэр одержал первую крупную победу над социал-демократами.

Впоследствии ходило много шуток и анекдотов по поводу избрания небольшого захолустного города на Рейне столицей крупного европейского государства. Называли его пригородом Рёндорфа, главной федеральной деревней (Bundeshauptdorf) вместо главного федерального города (Bundeshauptstadt). Или на вопрос: почему же Бонн стал столицей, отвечали: да потому, что Рёндорф слишком мал.

Аденауэр смеялся и говорил, что связывать избрание столицы с его местом жительства наивно, хотя в душе и радовался, что можно и впредь не покидать удобный и обжитой рёндорфский дом.

23 мая 1949 года в Бонне состоялся торжественный акт. В присутствии военных губернаторов премьер-министры земель и председатели ландтагов подписали Основной закон. Аденауэр торжественно провозгласил: конституция (Основной закон) Федеративной Республики Германия вступила в силу. Этот день стал отмечаться как главный государственный праздник ФРГ.

Парламентскому совету предстояло еще выработать и принять закон о выборах в бундестаг — парламент ФРГ, избирающий канцлера — главу исполнительной власти. 2 июня 1949 года Парламентский совет без особых затруднений принял избирательный закон, и Аденауэр объявил его работу оконченной.

Политические партии начали втягиваться в предвыборную борьбу. Аденауэр и его ближайшее окружение разработали платформу, максимально приблизив ее к насущным проблемам страны. В каждой предвыборной программе есть доля популизма и демагогии. Аденауэр никогда не стеснялся пользоваться и тем и другим. ХДС/ХСС не скупились на обещания. Не оперировали малопонятными макроэкономическими категориями. Выдвигали на первый план то, что требовало немедленных решений.

Например, население испытывало огромные трудности с

жильем. По подсчетам статистиков не хватало шести миллионов квартир. ХДС/ХСС объявили решение жилищной проблемы первоочередной задачей будущего правительства. Партийные ораторы заявляли, что нельзя надеяться на возрождение материального благополучия и национального достоинства немцев, не обеспечив их достойными квартирами. Избиратели горячо аплодировали.

Остро стоял вопрос о беженцах. В Западную Германию из восточных областей переселилось около десяти миллионов человек. В потенциале они являли собой дополнительную рабочую силу, столь необходимую для восстановления народного хозяйства. Пока же это была огромная масса людей, требовавшая размещения и заработка. ХДС/ХСС обещали немедленно заняться проблемой беженцев.

Основой социальной рыночной экономики ХДС/ХСС провозглашали частную собственность и дифференцированное по социальному положению обложение ее налогами. Они должны быть не просто справедливыми, но и рождать интерес к труду и накоплению собственности. Особо оговаривалась государственная помощь инвалидам и всем пострадавшим от войны. Предполагалось обеспечить благоприятные условия для получения профессий и создания рабочих мест для молодых людей, вступающих в жизнь в столь трудные времена. Достижение максимальной занятости увязывалось с оказанием немедленной помощи угольной и отраслям тяжелой промышленности.

Не обходилось и без любимой темы Аденауэра о европейской интеграции. Граждане ФРГ должны стать европейцами. Оккупационный статут постепенно отойдет в прошлое. Независимое немецкое государство на равноправной основе вольется в семью свободных и демократических европейских государств.

В предвыборных речах обязательно звучали христианские нравственные постулаты. Они увязывались со свободой личности и возможностью человека реализовать свои способности без давления со стороны государства. Оно должно лишь создавать условия для гармоничного развития человека, ограждать его от любого насилия.

Социал-демократы по традиции критиковали рыночную экономику и обещали ввести плановое хозяйство при сильной государственной власти. Они не отвергали частную собственность, но предполагали национализировать основные отрасли промышленности. Лидеры СДПГ атаковали Церковь за поддержку ХДС/ХСС, называли ее пятой оккупационной

державой, а религиозные ценности объявляли абстрактными, ничего не значащими категориями.

ХДС начал предвыборную кампанию митингом в Гейдельберге. Ждали Аденауэра. До начала оставались считанные минуты. Организаторы волновались. Наконец появилась его машина. Аденауэр вышел и сразу прошел на трибуну. Время было рассчитано точно. По дороге из Бонна он остановился в лесу, сел на ствол упавшего дерева и тщательно обдумал речь, делая небольшие заметки на клочке бумаги. Решил усилить критику социал-демократов: ведь многие обозреватели предрекали победу Шумахеру, рассматривали его как будущего федерального канцлера, с этим нельзя было не считаться.

Прямо стоя на трибуне в безукоризненно отглаженном темном костюме и блестящих черным лаком ботинках, белой рубашке с жестким накрахмаленным воротничком и скромным галстуком, Аденауэр произносил простые слова, увязывая их в короткие рубленые предложения. Он не вдавался в подробности экономической программы, а лишь подчеркивал, что только социальное рыночное хозяйство решит проблемы безработицы, беженцев, нехватки жилья. Национализация промышленности, строгое государственное регулирование, как предлагают социал-демократы, заведут страну в тупик, перечеркнут весь мировой прогрессивный опыт, основанный на свободной экономике, конкуренции и рыночном регулировании спроса и предложения. Патетически говорил Аденауэр об антирелигиозных высказываниях социал-демократов, об отрицании ими вековых нравственных ценностей, делающих человека свободным, но и ответственным за свои поступки.

Митинг прошел успешно. Собравшиеся почувствовали, что перед ними выступал политик, четко знающий путь, по которому он призывает их идти. Удивлялись, как Аденауэр при таком возрасте и непростой жизни сохранил энергию, ясность и логичность мышления, способность просто и убедительно говорить о самых сложных проблемах. Люди ощутили в нем подлинного лидера.

А потом выступления пошли чередой. Аденауэр постоянно пребывал в пути. Произносил в день по три-четыре речи. Всегда выглядел свежим и подтянутым, без следов усталости. В машине во время поездок набрасывал наметки следующей речи. Старался не повторяться, много импровизировал, не теряя строгости, простоты и логичности.

14 августа 1949 года — день выборов — Аденауэр провел в Рёндорфе. Вместе с членами семьи он скромно явился на местный избирательный участок и проголосовал. К вечеру стало ясно, что

по боннскому избирательному округу он одержал победу и стал депутатом бундестага. Пришло известие и об избрании Шумахера в Ганновере. По радио непрерывно передавали предварительные итоги. ХДС/ХСС и СДПГ шли примерно одинаково. Аденауэр в обычное для него время отправился спать, спокойно сказав своим близким, что нечего ломать голову — результаты выборов можно узнать и утром.

На следующий день подвели общие итоги: ХДС/ХСС получили 139 депутатских мест из 402, СДПГ — 131, СвДП — 52, КПГ — 15, остальное досталось мелким партиям. Христианские демократы победили, хотя и не получили абсолютного большинства. Шумахер и все, кто ставил на него, испытали глубокое разочарование. ХДС/ХСС и их лидер оказались более понимаемыми для населения.

Теперь Аденауэр и его партия стали ответственны за судьбу страны. Речь уже шла не о борьбе идей, а о претворении их в жизнь, о реальном управлении страной. Предстояло создать и возглавить правительственную коалицию.

В доме Аденауэра в Рёндорфе собрались ведущие политики ХДС/ХСС из всех земель. От дороги, по которой подъезжали машины, к дому вела лестница в 53 ступеньки. Хозяин дома легко всходил по ним и подсмеивался над теми, кто начинал более тяжело дышать: мол, вот какая нынче пошла немецкая молодежь. Советовал почаще пешком преодолевать подъемы, ибо это укрепляет дух и тело.

Примерно половина собравшихся высказалась за коалицию с социал-демократами. Говорили, что в оппозиции сильная СДПГ будет постоянно вставлять палки в колеса и блокировать любые правительственные решения. Как критикующая партия, она через четыре года с выгодных позиций подойдет к выборам и оттеснит ХДС/ХСС от власти. Кроме того, коалицию ХДС/ХСС и СДПГ будут приветствовать военные губернаторы, с мнением которых нельзя не считаться.

Аденауэр решительно высказался против.

— Подумайте, — убеждал он, — ведь оппозиция — это залог полнокровного функционирования демократического государственного механизма. При отсутствии сильной парламентской оппозиции возникнет опасная внепарламентская оппозиция, которая обернется угрозой еще не устоявшейся нашей государственности. Нужно ввести в практику принцип: победившая на выборах партия формирует правительство, вторая — по количеству полученных голосов образует оппозицию. К тому же социал-демократы требуют отдать им министерство экономики. А это означает введение планового хозяйства.

Социальная рыночная экономика, за которую высказалось большинство избирателей, погибнет, так и не дав результата. — Прибегнул к аргументу из истории: — Давайте не будем забывать печальный опыт Веймарской республики. Правительственные коалиции того времени складывались из партий, имевших различные мнения по главным политическим вопросам. Правительства оказались обреченными на бездействие, а к власти пришли национал-социалисты.

Четыре часа длилась дискуссия. Опыт лавирования и терпеливого убеждения, приобретенный Аденауэром еще в кёльнском городском парламенте, пришелся как нельзя кстати. Аденауэр выступал многократно, скрупулезно опровергая аргументы противников. Настойчиво повторял и развивал собственные доводы. Пускал в ход свойственную ему иронию, но так, чтобы не обидеть оппонентов. Его поддерживал Людвиг Эрхард. Но особенно помог Франц Йозеф Штраус, представлявший баварских христианских демократов.

— ХСС выйдет из союза с ХДС, если состоится коалиция с социал-демократами, — решительно заявил молодой баварец.

Почувствовав критическую точку в дискуссии, Аденауэр объявил перерыв и пригласил всех на террасу, где стояли столы с холодными закусками и отборными рейнскими винами.

Хозяин дома непринужденно беседовал с гостями, выпивал по глотку вина с каждым в отдельности и как бы невзначай, дружески убеждал поддержать его точку зрения.

После перерыва Аденауэр оглядел разомлевших гостей и как о решенном деле заговорил о коалиции с СвДП и Немецкой партией, которая давала устойчивое большинство в 208 голосов в бундестаге. Тут же он как-то рутинно предложил решить вопрос о кандидатуре канцлера.

Среди воцарившегося было молчания раздался голос:

— Предлагаю выдвинуть на пост федерального канцлера Конрада Аденауэра.

С председательского места Аденауэр обвел взглядом присутствующих и неторопливо произнес:

— Если все господа придерживаются такого мнения… Я советовался со своим врачом: у него возражений нет.

Участники совещания заулыбались. Вопрос решили без дискуссии и голосования.

Определили и кандидатуру на пост президента Федеративной Республики. Аденауэр предложил одного из лидеров Свободной демократической партии Теодора Хойса. Напомнил, что во времена Веймарской республики он был депутатом рейхстага от Немецкой демократической партии. В «Третьем рейхе»

сотрудничеством с нацистами себя не запятнал. Американцы сделали его министром культуры во временном правительстве в Штутгарте, а затем ввели в Парламентский совет. Именно он внес предложение назвать образующуюся страну — Федеративная Республика Германия.

Кто-то из присутствующих бросил реплику:

— Хойс не очень-то дружит с Церковью.

Аденауэр, не меняя строгого выражения лица, ответил:

— У Хойса весьма набожная жена — этого вполне достаточно.

Обсуждение закончилось дружным смехом.

На совещании в Рёндорфе Аденауэр вел себя уверенно и независимо, демонстрировал тактическую гибкость и абсолютную твердость в принципиальных вопросах. Присутствующие покидали его дом с чувством, что Аденауэр является бесспорным лидером и что лучшего кандидата в канцлеры они не могли бы найти.

В начале сентября 1949 года начал работать бундестаг. Его председателем стал депутат от ХДС Эрих Кёлер. Без особых затруднений президентом ФРГ избрали Теодора Хойса. Бундестаг создавал комитеты, комиссии, другие органы. Все шло так, как предполагал Аденауэр. На 15 сентября наметили избрание канцлера.

Депутаты заняли свои места. Заполнилась трибуна для зрителей. Среди них были дети Аденауэра: Конрад и Макс с женами, Риа с мужем, Пауль, Лотта, Либет с женихом, самый младший Георг. Кто-то проворчал:

— Хорошо, что старик не привел внуков, а то никому не досталось бы места.

Кёлер зачитал письмо президента Хойса с предложением избрать федеральным канцлером Конрада Аденауэра. Дискуссия не предусматривалась. Сразу приступили к голосованию. Депутаты заполняли бюллетени и сдавали их председателю.

Примерно через час Кёлер объявил: Аденауэр получил 202 голоса и таким образом избран канцлером. Он обратился к Аденауэру и спросил, согласен ли он принять сделанный выбор.

Аденауэр встал со своего депутатского места и с подчеркнутой сдержанностью ответил: — Да.

Заседание закрывается. Аденауэра плотно окружают поздравляющие. Через некоторое время канцлер вместе с членами семьи возвращается в Рёндорф. Местные жители встретили его колокольным звоном и факельным шествием. У дома собралась шумная толпа. Аденауэр вышел, поблагодарил за поддержку и сказал, что и дальше будет жить в Рёндорфе. Поаплодировав и пошумев еще немного, люди разошлись.

Остаток дня канцлер провел в кругу семьи.

Длительное время много разговоров велось вокруг того обстоятельства, что Аденауэр был избран большинством в один голос. На все лады комментировалось: Аденауэр сам себя назначил канцлером. Он спокойно реагировал на выпады такого рода. Один досужий журналист спросил, проголосовал ли он за себя. И получил невозмутимый ответ:

— Разумеется! Иначе я выглядел бы лицемером в собственных глазах.

Через несколько дней канцлер представил бундестагу свой кабинет из тринадцати министров. Кёлер зачитал текст клятвы на верность народу. Аденауэр поднялся и сказал:

— Я клянусь, да поможет мне Бог!

Эти слова повторили затем все министры.

Формирование властных структур Федеративной Республики Германия завершилось. У Аденауэра на 74-м году жизни начинался новый и самый ответственный этап деятельности.

Глава X
Федеральный канцлер

Аденауэр канцлером стал в возрасте, в котором Бисмарка отправили в отставку, Сталин не дожил до этих лет… Многие в то время считали, что произошло нечто случайное, что это ненадолго. И ошиблись. Исторический отрезок в Германии, получивший впоследствии название «эра Аденауэра», лишь только начинался.

С первых же шагов канцлер показал, что хорошо знает свои конституционные прерогативы и делить власть ни с кем не намерен. Перед утверждением правительства в бундестаге президент Хойс попросил представить ему список членов кабинета. Аденауэр ответил, что это его дело и ничье больше. В дальнейшем президент не пытался вмешиваться во властные дела и лишь скреплял своей подписью то, что предлагалось канцлером.

После образования Федеративной Республики военные губернаторы продолжали функционировать теперь в качестве Верховных комиссаров. Их резиденция разместилась в отеле Петерсберг на одноименной горе, возвышавшейся над Бонном и окрестностями на правом берегу Рейна.

Аденауэр установил хорошие отношения с Верховными комиссарами: американцем Макклоем, англичанином Робертсоном и французом Франсуа-Понсэ. К последнему испытывал нечто вроде дружеской приязни. Профессиональный дипломат Франсуа-Понсэ свободно говорил по-немецки, обладал чувством юмора. Его беседы с Аденауэром проходили подчас в остроумной пикировке и всегда носили взаимно уважительный характер. С американцем и англичанином Аденауэр шел иногда на небольшие конфликты, демонстрируя независимость мышления, но создавая возможность для взаимных уступок. Тактик он был прекрасный. Тонко чувствовал, где можно поспорить, поднять уровень немецкого мнения, а где нужно безоговорочно соглашаться.

21 сентября 1949 года Верховные комиссары пригласили канцлера и его правительство в Петерсберг, чтобы официально передать Оккупационный статут. Аденауэр просил комиссаров не превращать акт в нечто торжественное, ибо речь шла все-таки об оккупационном документе. Он взял с собой лишь пять министров. Тем не менее у входа в резиденцию выстроился почетный караул из 30 солдат — по 10 американцев, англичан и французов, в парадной форме. В зале Аденауэра и министров встречали три

комиссара. По протоколу канцлер должен был остановиться перед ковром, на котором стояли комиссары. К удивлению всех он сделал еще один шаг и встал на тот же ковер.

Франсуа-Понсэ от имени трех Верховных комиссаров пожелал успехов немецкому правительству и выразил надежду на тесное сотрудничество. Аденауэр в ответном слове не преминул сказать, что Оккупационный статут содержит много ограничений и сковывает правительство. Необходимо создавать условия для постепенного расширения немецкого суверенитета. Федеративная Республика готова внести свой вклад в развитие сообщества свободных народов, в экономическую интеграцию как основу будущей европейской федерации. Особо подчеркнул, что национал-социализм родился и обрел силу из-за разобщенности народов. Нужно бороться за их единство на основе европейской культуры, уходящей своими корнями в христианство.

Принесли шампанское. Общество разбилось на группы. Завязывались оживленные беседы. Франсуа-Понсэ, улыбаясь, переходил от одной группы к другой, время от времени меняя пустой бокал на наполненный. Так прошел примерно час. Об Оккупационном статуте забыли. Лишь когда немецкие гости уходили, помощник Франсуа-Понсэ в гардеробе сунул кому-то из немцев в карман текст документа.

Начались первые парламентские баталии. Аденауэр не пренебрегал бундестагом. При обсуждении важных вопросов часами сидел на канцлерском месте правительственной ложи. Внимательно слушал ораторов, листал документы в лежащей перед ним папке. Иногда выходил в зал, здоровался за руку со знакомыми, вступал в краткие беседы.

Оппозиционные депутаты обрушивали на правительство много критики, подчас весьма резкой. Канцлер редко отвечал, предоставляя делать это членам фракции ХДС/ХСС. Он демонстрировал невозмутимость, терпение, готовность выслушивать самые разнообразные мнения. Решения принимал без спешки. Но, раз остановившись на чем-либо, проводил в жизнь, невзирая на любую критику.

Выступая в бундестаге с первой программной речью, Аденауэр говорил сухо, по-деловому, без красивых выражений и эффектных оборотов. Лишь время от времени прибегал к дозированному юмору. Его слова звучали авторитетно, как деятеля, осознающего возложенную на него ответственность.

Канцлер подчеркнул, что немцы Западной Германии уже многого достигли в сфере обеспечения прав человека, если сравнивать их теперешнее положение с национал-социалистическим прошлым или с тем, что происходит ныне в

восточной зоне. Но тут же предостерег от эйфории: Германия остается расколотой и неравноправной с другими народами. Чем лучше пойдут внутренние дела, тем вернее будет расти авторитет Федеративной Республики вовне.

Особое внимание Аденауэр уделил экономическим задачам. Правительство будет всеми мерами развивать и совершенствовать социально-рыночное хозяйство, укреплять экономические позиции среднего сословия, обеспечивать людей работой. Нужно как можно меньше вмешиваться в систему распределения и как можно больше помогать сфере производства. Необходимо поднять сельское хозяйство: страна ввозит 50 процентов сельскохозяйственной продукции, что в дальнейшем недопустимо. В Федеративную Республику идет пока мало иностранных инвестиций. Новые законы должны создать благоприятные условия для широких капиталовложений. По мере увеличения финансовых возможностей следует содействовать научным исследованиям — без таковых, без их внедрения в производство государство останется слабым и не сможет выжить в экономическом соревновании с другими.

Канцлер призывал всех немцев к активной деятельности. Нельзя делить общество на чистых и нечистых. В годы национал-социализма люди жили при особых обстоятельствах. Снисхождение по отношению к их поступкам в тот период необходимо и неизбежно. Иначе значительная часть народа будет обречена на пассивность, окажется вне процессов становления новой жизни. Необходимо отрешиться от пренебрежительного отношения к другим народам, от национализма и особенно от антисемитизма, которые столь упорно вдалбливались в сознание людей в течение всего нацистского периода.

Об Оккупационном статуте Аденауэр говорил сдержанно. Это — не идеал, но шаг вперед по сравнению с неограниченными правами военных властей. Нельзя забывать, что Германия проиграла войну. Немцы могут лишь постепенно доказывать свою способность к разумной самостоятельности и добиваться пересмотра Оккупационного статута.

Внешняя политика ФРГ оставалась прерогативой трех оккупирующих держав. В правительстве Аденауэра не было министра иностранных дел. Канцлер мог наметить лишь самые общие направления внешней деятельности правительства. Он заявил о готовности жить в мире с восточными соседями, но не признал ни новых границ на Востоке, ни раскола Германии. Тесный союз с западными державами — основа решения всех немецких внешнеполитических проблем. Создать в Федеративной Республике свободное и демократическое государство возможно

только вместе с тремя западными союзниками и опираясь на них.

Аденауэр говорил 82 минуты. Дебаты по правительственному заявлению длились шесть дней. Депутаты ХДС/ХСС и коалиционных партий поддерживали изложенную программу с некоторыми замечаниями непринципиального характера. Сдержанно высказывались представители мелких партий. Коммунисты критиковали все и вся, начиная от самого факта образования ФРГ и кончая назначением пенсий и пособий участникам войны и пострадавшим от нее.

Самым длительным и резким было выступление Курта Шумахера. Социал-демократы не примирились с поражением. Их лидер заявил, что они не будут следовать в фарватере политики правительства и постараются добиться большинства в парламенте с тем, чтобы осуществить принципы социалистической демократии. СДПГ будет защищать интересы рабочих и их профсоюзов, о которых канцлер не счел нужным даже упомянуть в своей речи. Шумахер высказался против односторонней ориентации на западные страны, ибо она препятствует воссоединению Германии. Он прямо обвинил канцлера в нежелании содействовать восстановлению немецкого единства.

Внимательно выслушав Шумахера, канцлер решил не втягиваться в полемику с ним. Он лишь с долей иронии заметил, что правительство может многому научиться у умной оппозиции. Некоторая пауза после этих слов как бы говорила, что социал-демократы до роли умной оппозиции еще недозрели. Потом он сказал, что необходимо дать правительству время, а затем уже судить его по делам.

Возникла перепалка с коммунистами. Когда Аденауэр говорил о намерении правительства предоставить пенсии бывшим военным, депутат от КПГ Рише выкрикнул:

— Вы хотите создать новый вермахт. Аденауэр незамедлительно ответил:

— Мы не в восточной зоне.

— Там нет военного министра, — парировал Рише.

— Я вас уже вижу в красивом мундире, — под смех в зале бросил Аденауэр.

Коммунист Реннер пришел на помощь Рише:

— А вы в таком случае — американский генерал.

— Раз так, то стойте передо мной по стойке смирно, — нашелся Аденауэр.

Наступила пауза. Аденауэр выпил глоток воды и сказал:

— После дружеской перебивки я продолжу свое выступление.

На трибуне бундестага Аденауэр нервничал редко. Четко отмеренные неторопливые фразы, продуманные паузы,

спокойное, ничего не выражающее лицо, — таким представал он перед депутатами. Говорил только по существу, без скачков в сторону и пустых ораторских красивостей. В перерывах любил походить по залу, присаживался к тому или иному депутату, долго не задерживался, пересаживался на другое место.

Часто пикировался с оппозиционерами, особенно с коммунистами. Проходя однажды мимо Реннера, он вскользь сказал:

— Если ваша партия придет к власти, вы ведь меня повесите.

И получил ответ:

— Разумеется, но с почтением, господин федеральный канцлер. С большим почтением.

Лицо Аденауэра не дрогнуло. Он спокойно прошествовал дальше.

Однажды возникла очередная перепалка. На трибуну вышел депутат Линус Катер и гневно обратился к Аденауэру:

— Имейте в виду, что я умею не только лаять, но и кусаться.

Немедленно с места канцлера последовала реплика:

— Я думал, ваша фамилия кот, а не собака[1].

В первые же месяцы канцлерства Аденауэр начал действовать и на международной арене. Еще в декабре 1948 года три оккупирующие державы и страны Бенилюкса приняли Рурский статут и образовали комитет по управлению Руром. В ноябре 1949 года в Петерсберге они подписали с Аденауэром соглашение о присоединении Федеративной Республики к международному органу по Руру и о приеме ее в Европейский Совет. Немецкому правительству разрешили установить консульские и торговые отношения с рядом стран и открыть в них свои представительства.

Аденауэр расценивал эти первые договоренности как крупный успех. Важным оказалось и то, что в это же время он добился значительного сокращения программы по демонтажу западногерманской промышленности. Обсуждая списки предприятий, предназначенных для демонтажа, Аденауэр боролся за каждый завод, где-то уступая, а где-то упорно не соглашаясь. Он отстоял 19 крупнейших промышленных предприятий: 7 сталелитейных заводов, среди них «Август Тиссен-Хютте» и «Клёкнер унд Бохумер Ферайн», и 11 химических предприятий — «Байер» в Леверкузене и другие. Остались нетронутыми все заводы и в Западном Берлине. Немцам разрешили строить океанские суда и ремонтировать иностранные корабли на крупных верфях в Гамбурге и Бремене.

…Новый бой в бундестаге. Социал-демократы и коммунисты протестуют против международного контроля над Руром.

Аденауэр отвечает, что добился максимума возможного и еще раз напомнил, что Германия — побежденная и оккупированная страна, что нужна кропотливая и терпеливая работа для завоевания доверия у западных стран и постепенного сокращения контрольных функций у победителей.

Дебаты затянулись до глубокой ночи. Шумахер обвинял Аденауэра в забвении интересов простых немцев, людей труда. Канцлер в который уже раз выходит на трибуну и, поглядывая на Шумахера, зачитывает телеграмму от руководства Объединения немецких профсоюзов (ОНП), в которой выражается поддержка действиям правительства.

Шумахер оторопел. Он вскакивает со своего места:

— Ложь. Фальшивка.

Аденауэр, слегка улыбаясь, советует проверить подлинность телеграммы непосредственно у ОНП. Спокойно, негромко он зачитывает также телеграммы от рабочих, в которых они благодарили правительство за спасение их предприятий от демонтажа, за сохранение работы и заработка.

В три часа ночи Аденауэр выступает в последний раз. Он доказывает, что международный контроль над Руром существует независимо от желания или нежелания немцев. Но если Федеративная Республика пошлет в контрольный орган своих представителей, то получит возможность как-то влиять на события и уберечь от демонтажа рурские предприятия.

На скамьях социал-демократов и коммунистов возникла буря протестующих возгласов. Кто-то выкрикнул:

— Немецкий ли вы канцлер, немец ли?

Шумахер, перекрывая шум, заявляет:

— Канцлер союзников!

Теперь уже общий гвалт захлестывает зал. Депутаты вскакивают, размахивают руками, грозят друг другу кулаками. На трибуну прорывается Штраус и от имени ХДС/ХСС требует от Шумахера извинений, иначе депутаты его фракции покинут зал.

Председательствующий Кёлер предложил Шумахеру взять свои слова обратно. Тот отказался. Тогда Кёлер в 3 часа 20 минут ночи объявляет перерыв и созывает совет старейшин. О сне никто не думает — ждут решения. Наконец все рассаживаются по местам. Кёлер объявляет: Шумахер лишен права участвовать в заседаниях бундестага в течение 20 рабочих парламентских дней. Позднее Шумахер направил Аденауэру письмо с извинениями, и вопрос был исчерпан.

Резолюция недоверия правительству, проект которой внесли социал-демократы и коммунисты, отклоняется большинством голосов. Утром в 6 часов 30 минут Аденауэр уезжает в Рёндорф.

В одной из статей Петерсбергского соглашения указывалось, что Федеративная Республика не имеет права воссоздавать вооруженные силы любого вида. Аденауэр без возражений согласился с этим. Думал, однако, несколько иначе. Росла напряженность между Западом и Востоком. Угроза коммунистической экспансии неизбежно потребует объединения сил всех европейских государств. Немцам не избежать участия в обороне Европы вместе с французами, англичанами и другими народами. Условие такого участия — европейская интеграция, в которой немцы будут равноправными партнерами. В рамках европейских вооруженных сил возможно создание и немецкого контингента.

В конце 1949 года подобные мысли Аденауэр изложил в одном из публичных выступлений. Оппозиция обрушила на него новую волну критики. Обвиняли в милитаристских устремлениях, в сознательном провоцировании Востока, в намерении отрезать путь к переговорам с Советским Союзом о воссоединении Германии.

Аденауэр реагировал спокойно. Он был уверен, что самостоятельное государство, да еще такое крупное, как Федеративная Республика, без собственных вооруженных сил существовать не может. Однако создать их возможно только в условиях интеграции: экономической, политической и военной.

Канцлер, его помощники и секретариат заняли дворец Шаумбург на Кобленцер-штрассе. Небольшое по дворцовым меркам двухэтажное строение с плоской крышей расположилось в парке с обширными газонами и тенистыми деревьями. Когда-то дворец принадлежал сестре кайзера Виктории, вдове принца Адольфа цу Шаумбург-Липпе. В 63 года она вышла замуж за 27-летнего русского авантюриста Зубкова, который в апартаментах, где теперь устроили кабинет канцлера, за несколько недель прокутил с друзьями и проиграл все состояние августейшей супруги.

К парку резиденции канцлера примыкал менее просторный земельный участок, где на небольшой вилле Хаммершмидт разместился президент Хойс. У президентской резиденции также был русский мотив. Виллу построил в XIX веке «сахарный король» Леопольд Кёниг, поставлявший конфеты и другие сладости русским царям. Потом ее купил коммерсант Рудольф Хаммершмидт, который длительное время проживал в России, где и нажил состояние.

Когда Хойс переезжал из временной резиденции, располагавшейся на одном из холмов на окраине Бонна, на виллу Хаммершмидт, он сказал, что лучше быть ближе к Аденауэру, чем

к Господу Богу.

По средам во дворце Шаумбург проходили заседания Кабинета министров. В просторной комнате канцлер и министры рассаживались за овальным столом. Сославшись на рекомендации врача, некурящий Аденауэр запретил курение во время заседаний, и заядлые курильщики вынуждены были выходить в соседние комнаты.

Канцлер со своего места посредине стола начинал заседание сообщением об общем положении дел в стране. Его первыми словами обычно были: «положение серьезное» или «положение серьезное, как никогда ранее». Вскоре они стали предметом подшучиваний. Но канцлер не изменял себе. Он не был пессимистом в полном смысле слова. Считал, однако, что государственному деятелю необходима доля скепсиса, что она позволяет более трезво оценивать ситуацию и принимать взвешенные решения.

К заседаниям Кабинета Аденауэр готовился тщательно. Скрупулезно изучал необходимые материалы, вникал в сущность обсуждаемых дел и заранее подбирал убедительные аргументы. Внимательно и терпеливо выслушивал выступавших министров. Не прерывал их, даже если они говорили долго. Поигрывал карандашом. Иногда делал заметки в блокноте, лежавшем перед ним. На вопросы и предложения обычно давал совет немедленно: соглашался или отказывал. Но если ему не все было ясно или приводимые аргументы не убеждали, откладывал решение на несколько дней. Давить на него было бесполезно. Не любил, когда его поправляли. Но министры знали, что, выбрав подходящий момент и приведя убедительную аргументацию, можно добиться изменения его позиции.

Многим канцлер казался жестким и негибким. Они ошибались. В переговорах, особенно международных, он заранее намечал тактику. Если же в ходе их чувствовал, что она не годится, менял линию и добивался результата иным путем. Он умел правильно оценить обстановку и действовал соответствующим образом. Сложные проблемы обсуждал простыми словами. Отрицал пафос, напыщенность. Не любил длинные монологи. Высоко ценил юмор. Ряд документов, выходивших в виде решений, он готовил сам или в узком кругу помощников. Избегал волюнтаризма. Принимал решения, опираясь не на озарение, а на точный расчет. Спонтанные всплески были чужды ему. Канцлер обладал хорошим политическим чутьем и тактическим мышлением. Не выносил на обсуждение кабинета проекты решений, которые могли бы встретить серьезное сопротивление. Предпочитал проявлять

терпение и действовать наверняка, выбрав нужный момент и вооружившись неоспоримой аргументацией. Ценил новые идеи, но относился к ним с осторожностью, тщательно продумывал и, когда использовал, делал это умело, с заранее просчитанным эффектом.

Аденауэру не нравилось, когда на заседаниях Кабинета делали записи. Увидев однажды, что министр Зеебом что-то записывает, он спокойно сказал:

— Я не знаю, что вы собираетесь делать с вашими заметками, но они не должны выйти за пределы моего секретариата.

Канцлер ежедневно перерабатывал огромный объем информации из самых разнообразных источников, начиная с газет и кончая служебными донесениями. Встречаясь и беседуя с людьми, он стремился узнать от них что-либо новое или услышать убедительную аргументацию. Ему неинтересны были те, кто ничего не мог дать в этом смысле. Беседа с ними сокращалась до предела.

Общавшиеся с канцлером ощущали его сильную волю, помноженную на огромный житейский и политический опыт, ценили юридическую отточенность аргументов и четкий деловой стиль их изложения. Особенно сказывалось это в его отношениях с партнерами по правительственной коалиции. Аденауэр не проявлял себя диктатором, редко демонстрировал непримиримую настойчивость. Получалось, однако, так, что все подготовленные им решения и предлагавшиеся действия в конечном итоге принимались.

Услышав однажды упрек в холодности, педантизме и излишней расчетливости, Аденауэр сказал:

— Тот, кто несет большую политическую ответственность, должен обладать горячим сердцем, но сохранять холодную голову. Если он не располагает такой головой и не обдумывает все холодно и спокойно, горячее сердце приведет его к заблуждениям.

Французский журналист, долго работавший в Бонне, как-то пошутил: Аденауэр знает старый рецепт коктейля, который позволяет ему умело управлять страной — одна часть суровости, одна часть благосклонности и две части невозмутимого спокойствия.

В резиденции канцлера обычно царила тишина. Аденауэр не выносил суеты и шума. Сотрудники знали, что, чем напряженнее становилась обстановка, тем спокойнее проявлял себя канцлер. Как-то он сказал секретарю:

— Государственный деятель, утративший спокойствие, рискует принять неправильное решение.

В подборе сотрудников Аденауэр проявлял осторожность. Отношения с самыми близкими помощниками строились не на слепом доверии, а на тщательном изучении их способностей и постоянном контроле. Со временем его доверие могло возрасти, но лишь немногим он доверял полностью.

Никто из министров не входил в круг друзей Аденауэра. Да их у него вообще было не так много. Самым близким другом оставался банкир Роберт Пфердменгес. С ним Аденауэр советовался по самым острым проблемам. Разговаривал на «ты», что случалось только в семье, да еще с двумя-тремя старинными знакомыми.

Время от времени во дворце Шаумбург для обсуждения наиболее острых вопросов собирался узкий круг лиц, которых Аденауэр особенно ценил. К таким встречам привлекались один из видных деятелей ХДС/ХСС, ставший позднее министром иностранных дел Брентано, лидер Свободной демократической партии Делер, будущий канцлер Кизингер, министр финансов Шефер, лидер ХСС Штраус. Обмен мнениями носил неофициальный характер и не заканчивался выработкой решений. Их потом принимал канцлер, тщательно взвесив все, что слышал.

Среди помощников Аденауэр предпочитал хороших исполнителей, а не спорщиков, тех, кто без особых дискуссий и сомнений быстро и точно проводит в жизнь принятые им решения. Он редко привязывался к людям и легко расставался с сотрудниками, если того требовали обстоятельства или ему не нравились их деловые качества.

С первых дней канцлерства Аденауэр постоянно поддерживал контакты с представителями средств массовой информации. Он хорошо понимал роль СМИ в демократическом обществе. Не уклонялся от интервью и бесед с журналистами, от выступлений по радио и телевидению. Несколько позднее стал проводить регулярные встречи с ведущими журналистами в своей резиденции за чашкой чая. Беседы выливались подчас в откровенные диалоги. Но потом с руководителем управления по печати канцлера согласовывалось, что может идти в печать, а что останется для сведения только участников чаепития.

Часто разговоры принимали шутливый характер. Однажды один из журналистов как бы между прочим спросил:

— Как вы, господин федеральный канцлер, относитесь к своему возрасту?

Аденауэр с полной серьезностью ответил:

— Новейшие исследования показывают, что мозг может жить до 130 лет.

— И вы столько лет намерены оставаться канцлером? — не

унимался журналист.

Не утрачивая серьезности, Аденауэр сказал:

— О нет, к тому времени я придумаю что-нибудь получше.

В другой раз он поведал журналистам:

— Я стал политическим деятелем не от любви к такому делу, а по нужде. По мне лучше быть садовником и разводить розы. Впрочем, и то и другое требует терпения. Меня поставили канцлером, чтобы быстро возродить и сделать процветающей обанкротившуюся фирму. Но для этого нужно много времени и терпения. Терпение — лучшее оружие побежденных.

Когда ему сказали, что Черчилль назвал его самым умным немецким государственным деятелем после Бисмарка, Аденауэр, уже прочитавший эту оценку в газетах, без тени улыбки на лице заметил:

— Да я, собственно, никого вокруг и не вижу.

В беседах с журналистами он не только высказывался, любил и сам послушать, проверить собственную точку зрения. Не терпел скоропалительных интервью. Как-то ему доложили, что корреспондент крупной газеты просит о встрече на 10–15 минут.

— Для такой беседы времени у меня нет, — сказал Аденауэр. — Видимо, ее просит незначительный журналист и ему лучше не приходить. Мне нужен час времени, чтобы объяснить мою политику.

Человек, обладающий властью, неизбежно становится объектом критики, подчас весьма резкой, со стороны независимой прессы, не говоря уже об оппозиционной. Аденауэр умел держать удары. Внимательно изучал все, что попадало о нем в средства массовой информации. Спокойно воспринимал многочисленные карикатуры. Иногда, когда нападки принимали оголтелый характер, просил помощников принять меры. Такое, однако, случалось редко. В разговоре с шефом службы печати, возмутившимся очередными наскоками, Аденауэр успокоил его:

— Это толстяку Эрхарду трудно — у него тонкая кожа. А я — тощий, но толстокожий.

По характеру конституции, формированию властных структур, всему образу жизни Федеративная Республика Германия была и остается демократическим правовым государством. И все же с момента ее основания в течение длительного периода, отмеченного как «эра Аденауэра», решающее влияние на внешнюю и внутреннюю политику оказывал один человек. Он не считал себя диктатором и таковым не был. Просто в рамках демократии Аденауэр умел действовать таким образом, что претворял в жизнь практически все свои замыслы.

В первые же годы его канцлерства утвердился термин «демократия канцлера». Кто-то вкладывал в это понятие негативный смысл и критиковал Аденауэра за единовластие. Другие подчеркивали умение канцлера, не нарушая демократических норм, пользоваться неограниченной властью.

Зять Аденауэра говорил о нем: «Он почти всегда проводит в жизнь свои собственные взгляды. Как он их отстаивает в каждом отдельном случае, как он легальными, демократическими методами привлекает на свою сторону возражающее большинство — об этом можно написать учебник для политика-демократа. Его высший принцип — опрокинуть возражения оппозиции. Второе правило — противникам надо дать высказаться до конца и лишь потом пускать в ход собственные аргументы и формулировать свою точку зрения. Однажды он мне сказал, что успеха в политике можно достигнуть лишь тогда, когда умеешь сидеть дольше, чем другие». Дочь Аденауэра Риа дополнила: «В семье осуществляется жесткая отцовская власть. Царит демократический принцип — дети совершенно свободно могут выбрать все, что угодно, из того, что желательно отцу».

Нападки оппозиции не удручали и не раздражали Аденауэра. Он считал их вполне нормальным явлением. Проводя то или иное решение через бундестаг, канцлер и его помощники заранее прикидывали, как будет действовать оппозиция, и разрабатывали собственные шаги и возможные компромиссы. Аденауэр не раз заявлял, что оппозиция является государственной необходимостью, что она выполняет государственно-политический долг и что добиться подлинного политического прогресса, утвердить демократический образ мышления можно лишь в противоборстве правительственного большинства и оппозиции.

Аденауэр считал, что демократия не может быть хаотичной. Ею необходимо управлять, разумеется, в рамках закона. Немцы исторически привыкли к сильной руке. Стране нужен авторитетный канцлер, отвечающий за себя и своих министров. Правительство должно с уважением, терпеливо относиться к другим, учитывать их мнение. В таком случае и к тебе будут относиться достойным образом.

Принципиальные взгляды социал-демократов Аденауэр не разделял, их политические концепции рассматривал как неприемлемые для Федеративной Республики. Однако он с уважением относился к Шумахеру и его партии, трезво оценивал их влияние внутри страны и международный авторитет. Даже в самых жестких полемиках канцлер не позволял себе грубостей, некорректных выпадов против лидеров СДПГ.

Было бы наивно оценивать Аденауэра как безоблачного демократа и политика. В период политического бездействия (при власти национал-социалистов) он увлекался идеями Макиавелли и даже сделал доклад о них в узком кругу в Рёндорфе. Вот основные принципы, которые Аденауэр изложил в нем.

Умный властитель должен перекладывать на других непопулярные дела, сам оставаясь в ореоле непогрешимости. Он может не держать данного слова, если грозят неприятности или изменились обстоятельства, которые обусловили данное обещание. Властитель, наметивший большие цели, должен научиться действовать аморально. Для укрепления власти следует использовать любые средства. Чернь ценит только успех. А мир состоит из черни.

Мало кто из крупных государственных деятелей открыто и прямо применяет методы флорентийского классика лукавой политики. Отдельные же элементы ее непременно присутствуют у правителей в любом демократическом обществе. Аденауэр менял взгляды и шел на компромиссы, если они укрепляли его позиции. Расставался с союзниками и обзаводился новыми, если это обещало более сильную поддержку. Он хорошо улавливал слабости людей и умел использовать их в своих интересах. Ссылаясь на возраст, выступал в роли патриарха и подавлял мнения более молодых оппонентов. Он как бы давал понять им, что они не доросли до той степени понимания, которой обладает он в силу жизненного и политического опыта. Министрам кабинета исподволь, но довольно настойчиво внушал, что они должны руководствоваться не столь правовыми нормами, сколь его волей, которая и является высшим выражением таких норм. С людьми, не принимавшими негласных правил игры, Аденауэр расставался.

Шел он подчас и на мелкие, нечистоплотные тактические уловки. Во время одной из предвыборных кампаний Аденауэр обвинил двух социал-демократов из Рурской области в незаконном получении денег на избирательные расходы. Социал-демократы подали иск в суд и выиграли его. Аденауэр по решению суда извинился перед потерпевшими и опроверг обвинения против них. Однако сделал это уже после выборов. Некоторые деятели ХДС, обсуждая случай в узком кругу, стали осторожно осуждать Аденауэра. Он же, не смущаясь, ответил, что, конечно, хорошего здесь мало, но ведь это принесло пользу.

Однажды во время обеда с несколькими депутатами бундестага Аденауэр в пылу дискуссии взял со стола меню, помахал им и сказал, что в этой секретной депеше от государственного департамента США содержится полное согласие

с его точкой зрения. Сидевший рядом Штраус сказал ему потихоньку после обеда:

— Нужно более тщательно прикрывать секретные документы — иначе их могут принять за обеденное меню.

Аденауэр не стал отрицать обмана. Весело рассмеявшись, сказал:

— Обязательно учту ваше замечание.

Вспоминал Штраус и еще об одном случае. На заседании фракции ХДС/ХСС в бундестаге Аденауэр, выступая, пояснил, что слово «фракция» происходит от латинского «фракцио» — соединение, и призвал депутатов к сплоченности и единству. Штраус после заседания объяснил канцлеру, что это слово означает прямо противоположное: раскол парламента на различные группы. Аденауэр, выслушав, с достоинством сказал:

— Господин Штраус, да ведь кроме вас этого никто не заметил.

В октябре 1950 года произошло объединение земельных организаций Христианско-демократического союза в федеральную партию. ХДС обрел центральный секретариат и все иные структуры общегосударственного значения. На съезде в Госларе без какой-либо конкуренции Аденауэра избрали председателем. Посты канцлера и главы влиятельнейшей партии открывали путь для реализации внутриполитических целей и внешнеполитических концепций. Авторитет Аденауэра в стране и за ее пределами быстро рос.

В печати участились сопоставления Аденауэра с Бисмарком. Писали, что Аденауэр подражает «железному канцлеру».

Однако известный немецкий историк Голо Манн видит мало общего у двух крупных деятелей. Разве что их доверие только к самим себе, а не к народам. Бисмарк действовал эмоционально, вдохновенно и часто авантюристически. Аденауэр служил образцом трезвого рассудка, взвешенности и осторожности. На Бисмарка наложило печать его происхождение и положение богатого юнкера со всеми привилегиями, вытекающими отсюда. Аденауэр сам пробивал путь наверх, являл пример трудолюбивого, усердного бюргера. Бисмарк отличался болезненностью, страдал от нервозности, жил беспорядочной жизнью и рано растратил силы. Аденауэр — само воплощение упорядоченности в работе и быту, физического и духовного здоровья.

Аденауэр никогда не называл Бисмарка выдающимся деятелем. Однажды на прямой вопрос журналиста он ответил, что Бисмарк проводил последовательную внешнюю политику, но весьма плохую внутреннюю. Он преследовал социалистов и тем

самым разжигал у них враждебность к государству, что обернулось весьма дурными последствиями. Бисмарк преследовал и католиков. Если бы того и другого не было, партийно-политические дела в Германии развивались бы по-другому, более спокойно.

Требовательность к себе, самодисциплина позволяли канцлеру жестко требовать большей отдачи от министров, помощников, технических работников. Он вставал рано в любое время года и при любой погоде. В шесть часов утра начинал работать — знакомился со свежей информацией, доставленной к этому времени из Бонна. С семи часов говорил по телефону и диктовал личному секретарю. Около девяти часов отправлялся на машине во дворец Шаумбург.

Программа дня в рабочей резиденции намечалась заранее. Аденауэр наперед знал, что будет делать весь день. Тщательно готовился к приему посетителей, изучая подготовленные справки по вопросам, которые предполагалось затронуть. В дни заседаний кабинета министров, проходивших с 10 до 13.30, утренние часы посвящал только тем делам, которые стояли в повестке дня заседания. В иные дни с утра читал документы, диктовал письма и указания, совещался с ближайшими сотрудниками, принимал немецких и иностранных посетителей.

За его рабочим кабинетом оборудовали небольшую комнату, где можно было перекусить и отдохнуть. Если того требовали дела, от отдыха отказывался.

Во второй половине дня встречался с министрами, парламентариями, журналистами, промышленниками, профсоюзными руководителями. У Аденауэра не было категорий и групп людей, которых он исключал из общения, кроме заведомых экстремистов любого толка. Охотно беседовал с теми, кто придерживался отличных от его политических взглядов.

Ближе к вечеру любил совершать небольшие прогулки по дорожкам дворцового парка. Обычно приглашал пройтись руководителя ведомства канцлера, чтобы обсудить ближайшие дела.

Секретариат и сотрудники работали сменами, четко, без излишней торопливости и суеты. Из трех обычно молодых секретарш две постоянно находились на рабочих местах, готовые к диктовкам и различным поручениям.

Срочные дела Аденауэр решал немедленно. Докладные записки принимал лишь краткие и предельно ясные. Крупными буквами писал на них: «Согласен. А.» или делал на полях замечания и дополнения. К документам проявлял предельное внимание, подчас въедливость, полностью концентрировался

даже при решении малых дел.

Если возникали непредвиденные обстоятельства, ход работы в корне менялся. Легкий на подъем Аденауэр выезжал на незапланированную встречу или мероприятие, отложив в сторону несрочные документы и отказавшись от отдыха.

Работа затягивалась обычно до глубокого вечера. На поздние часы намечались беседы с политическими помощниками, посещение дипломатических приемов, партийных собраний. Возвращался домой в будние дни около девяти часов. Случалось, задерживался и до полуночи. Независимо ни от чего утром вставал в обычный час.

После давней автомобильной аварии Аденауэра временами мучили головные боли. Это, однако, не меняло его рабочего ритма и оставалось незамеченным для окружающих.

Первую половину дня в субботу и воскресенье Аденауэр проводил в Рёндорфе за письменным столом. Остальное время посвящал внукам и саду. Любил постоять перед картинами. По настроению слушал классическую музыку или читал стихи поздних романтиков Эйхендорфа и Гейне. Перед сном, чтобы освободиться от деловых размышлений, брался за легкие детективы.

Каждое воскресенье Аденауэр отправлялся к мессе. Всю жизнь он оставался глубоко верующим человеком, но не был католиком-догматиком, уважал веру других. Как-то сказал протестанту Пфердменгесу:

— Ты сейчас пойдешь в свою церковь, а я — в свою, а после мы встретимся и продолжим дружескую беседу.

Во время предвыборных кампаний, партийных съездов или иных крупных политических акций от привычного распорядка дня не оставалось и следа. Аденауэр мог целыми днями в машине или в поезде разъезжать по стране, выступая по несколько раз в день, встречаясь со многими людьми. В одной из поездок у него состоялся такой диалог с шофером.

— Вы не могли бы ехать быстрее? — спросил Аденауэр.

— Мы и так едем 140 километров в час.

— Я не спрашиваю, какая скорость, а спрашиваю, можете ли ехать быстрее?

Шофер покачал головой и сильнее нажал на акселератор.

Окружающие привыкли к подтянутости, свежему виду, безупречной одежде Аденауэра, как и к ровному поведению, невозмутимому спокойствию.

О возрасте канцлера обычно и не вспоминали. Его физические силы с годами, казалось, не убывали.

Глава XI
Немецкое чудо

В воспоминаниях, речах и интервью Аденауэр практически не использовал термин «немецкое чудо» или «экономическое чудо», хотя им пестрели и немецкие газеты, и печать многих других стран. Так обозначали мощный экономический подъем, который пережила Западная Германия в конце 40-х — начале 50-х годов и который вывел ее в число наиболее процветающих европейских государств.

Аденауэр считал экономический рост нормальным результатом деятельности правительства и граждан страны. В беседе с журналистами он сказал, что не стал бы называть его чудом, ибо Господь Бог не горазд на чудеса для немцев.

Отцом «экономического чуда» многие считают министра экономики Людвига Эрхарда. С этим можно согласиться, правда с серьезными оговорками. Теорию социального рыночного хозяйства, обусловившую поступательное развитие экономики, разработал Эрхард. Но она осталась бы теорией, если бы канцлер Аденауэр не обеспечил необходимые условия для ее претворения в жизнь.

Канцлер не питал симпатий к Эрхарду. Он ценил его как экономиста. Но считал слабым политиком и государственным деятелем. Аденауэр целиком отдавал себя работе. Министр экономики был далек от аскетичного упоения государственными делами, ценил жизнь во всех ее проявлениях.

Полный, благодушный и веселый, он являл противоположность суровому и осторожному, всегда подтянутому канцлеру. Один из сотрудников министерства экономики заметил: Аденауэр считал людей злыми, если не будет доказано обратное, а Эрхард — добрыми, если они не проявят себя иначе.

В детали функционирования рыночного хозяйства Аденауэр не вникал. Он опирался на глобальный экономический опыт, особенно американский, сделавший страну богатой и благополучной. В жарких схватках с социал-демократами, требовавшими введения планового хозяйства, он отстоял теорию Эрхарда и открыл ей путь. Эрхарду оставалось лишь идти по этому пути под опекой и защитой канцлера, принимавшего на себя наскоки противников рыночной экономики. Впрочем, социал-демократы перед лицом начавшегося экономического подъема отказались от защиты планового хозяйства. Их критика стала носить иной характер — не против «социального рыночного

хозяйства», а против отдельных методов его внедрения.

Западногерманская промышленность не подверглась серьезному демонтажу. Аденауэру удалось доказать, что уничтожение основных промышленных отраслей не только обернется катастрофой для немцев, но принесет потери победителям, ибо им не с чего будет брать репарации.

В плане Маршалла Аденауэр увидел спасительный якорь для немецкой экономики. Он настойчиво проводил мысль, что немецкая промышленность, восстановленная и процветающая, станет основой благополучного развития и Западной Германии, и европейских соседей. У Англии, Франции и других европейских стран сохранялись традиционные опасения в отношении немцев. Лидеры же Соединенных Штатов поверили в Аденауэра, оказали ему доверие. В результате Западная Германия получила по плану Маршалла значительно большие ассигнования, чем другие европейские страны.

Побежденная Германия являла собой прекрасный рынок сбыта. Население в предвоенное и военное время не получало всего необходимого от промышленности, работавшей на войну. Хаотичные первые послевоенные годы и вовсе привели к полному обнищанию. Спрос на самые различные товары был чрезвычайно велик.

В стране имелись значительные резервы рабочей силы. До последних дней войны, даже в период тотальной мобилизации, нацистское правительство не призывало в армию высококвалифицированных рабочих, занятых в основных отраслях промышленности. После войны рабочая армия Рура и других промышленных районов Западной Германии пополнилась миллионами переселенцев из восточных областей бывшего германского рейха. Годы нужды и голода делали как местных рабочих, так тем более переселенцев весьма сговорчивыми в отношении оплаты труда. По выражению немецкого экономиста Бадштюбнера, рабочие были готовы продавать свою рабочую силу за бутерброд.

Итак, наличие производственных мощностей, обширного внутреннего рынка сбыта и избыточной и дешевой рабочей силы в сочетании с финансовыми вливаниями из Соединенных Штатов создавали благоприятные факторы для промышленного подъема. Необходимо было лишь правильно всем этим распорядиться.

Аденауэр решительно поддерживал Эрхарда, когда тот увязывал развитие промышленности с ростом жизненного уровня населения. Взаимозависимость данных факторов составляла суть социальной рыночной экономики. Каждый год приносил не только увеличение валового национального продукта, но и

пропорциональное повышение покупательской способности населения. Происходило это не стихийно, а регулируемо. Правительство, используя экономические рычаги (налоги и т. д.), направляло инвестиции в нужном направлении. Следило за ростом заработной платы и социальных выплат. Проводило строжайшую финансовую экономию, не допуская инфляционных явлений.

Канцлер не ошибся и в выборе министра финансов. Баварец Фриц Шефер стал нарицательной фигурой в стране, символизирующей предельную бережливость и скупость. Говорят, что беседу с посетителями в своем кабинете, кто бы ни пришел, Шефер начинал словами:

— Денег нет и не предвидятся.

Выбить у него лишние ассигнования было невозможно. Перед его решимостью защитить бюджет пасовал подчас сам Аденауэр. Однажды он пытался убедить Шефера произвести незапланированную выплату в долг. Тот решительно отказался.

— Долг мне никто не выплатит, — заявил непоколебимый баварец. — За мной, как раньше за обер-бургомистром Кёльна, не стоит прусский министр финансов, который не раз спасал обер-бургомистра от финансового краха.

Аденауэр не нашел, что ответить. Покачал головой и отпустил министра финансов восвояси.

Шефер не допускал эмиссий, выходящих за рамки бюджета. Немецкая марка постепенно превратилась в одну из самых крепких мировых валют, на которую стали равняться валюты многих других стран. Аденауэр любил повторять, что не бывает хорошей экономики без здоровых финансов, как не бывает здоровых финансов без хорошей экономики. Они тесно взаимосвязаны друг с другом.

Значительная часть капиталовложений осуществлялась при наблюдении или непосредственном участии правительства. Умелая инвестиционная политика привела к быстрому возрождению и развитию основных промышленных отраслей. На полную мощность заработали химические предприятия, металлургические и машиностроительные заводы концернов Клёкнера, Хёша, Маннесмана, Тиссена, Круппа, электротехнические концерны Сименса и АЭГ. На их основе бурно развивалась легкая и перерабатывающая промышленность, насыщая внутренний рынок необходимыми товарами. Правительство содействовало развитию средних и малых предприятий, всячески поощряло конкуренцию как предпосылку дальнейшего промышленного роста. Система налоговых привилегий давала предприятиям возможность значительную

часть прибылей использовать для технического обновления, для внедрения в производство новейших научных достижений.

Правительство уделяло особое внимание экспорту промышленной продукции. С 1950 по 1953 год оно осуществило несколько специальных программ по финансированию предприятий, работавших на экспорт. Брало на себя часть риска по торговым операциям, шло на прямое финансирование из бюджета крупных экспортных мероприятий, предоставляло налоговые льготы.

Экспорт стал одним из базисных факторов развития экономики. Федеративная Республика постоянно имела положительный торговый баланс. Быстро росли золотые и валютные запасы страны.

Постепенно создавалась эффективная антимонопольная система. Законодательство не запрещало монопольные объединения, но карало за ограничение конкуренции. Попытки монопольного овладения рынком, необоснованного завышения цен пресекались суровыми штрафами и рядом других экономических мер.

В 1950 году Федеративная Республика достигла уровня производства довоенного 1939 года (в сопоставимых территориальных пределах). В последующие годы экономика развивалась бурно. К 1956 году промышленное производство удвоилось по сравнению с 1950 годом, а в 1962 году — утроилось. По темпам западные немцы опередили Соединенные Штаты, Канаду и все европейские страны.

Поднималось сельское хозяйство. Оно достигло довоенного уровня, а к 1953 году и значительно превзошло его.

В обществе постепенно складывалось устойчивое положение. К середине 50-х годов безработица сошла на нет. На западногерманских предприятиях стали появляться иностранные рабочие из Италии, Турции, Югославии. Неуклонно росла заработная плата рабочих и служащих, пенсии для пожилых. Рост заработной платы и пенсий превышал рост цен и налогов. Реальные доходы населения увеличивались.

Аденауэр принимал меры для создания в стране стабильной системы пенсионного обеспечения. Она должна была охватывать не только лиц наемного труда, то есть рабочих, служащих, чиновников, но и людей свободных профессий, особенно научных работников. Страна и ее народ только тогда пойдут по пути прогресса, не раз указывал канцлер, когда будут достойно обеспечены ученые, изобретатели, деятели культуры и искусства.

На одной из пресс-конференций Аденауэр выразил озабоченность тем, что ученые, преподаватели, медицинские

работники мало зарабатывают.

— Зачем молодому человеку получать высшее образование, если каменщик все равно получает больше, — говорил он. — Медицинские сестры уходят из клиник и больниц, ибо секретаршами на фирме они заработают значительно больше.

— Где же выход? — раздался вопрос.

— Нужно поднимать заработную плату. И не только это. Население только тогда почувствует уверенность в жизни, когда накопит собственность и будет меньше зависеть от заработка. Создать такую собственность, а вместе с ней и широкий средний класс — одна из важнейших задач.

Еще до того как стать канцлером, Аденауэр придавал первостепенное значение проблеме жилья. Военные разрушения, переселение людей с Востока требовали срочного инвестирования в жилищное строительство. Правительство приняло соответствующую программу. В строй вводились новые и новые жилые дома. Если в 1949 году было построено 215 тысяч квартир, то в 1951 году — 410 тысяч, а в 1956 году — 559 тысяч. Счет велся именно на отдельные квартиры, а не на квадратные метры, ибо немцы даже в самые худшие времена не знали, что такое коммунальная квартира. Примерно половина новых квартир были социальными, то есть предоставлялись населению по пониженным ценам.

В 50-е годы широкое распространение получило строительство небольших домов-коттеджей для одной семьи. Их заселяли представители среднего класса, включая и рабочих. По темпам жилищного строительства Федеративная Республика значительно обогнала ведущие западные страны. Начали решаться такие проблемы, как отделение жилых районов от деловых, производственных и торговых, создание поселков-саттелитов с необходимой инфраструктурой и сетью транспортных коммуникаций, позволяющих быстро добираться до работы, торговых и культурных центров.

В результате экономического скачка многократно возросли прибыли предприятий. Они не омертвлялись, а шли на новые инвестиции, на повышение заработной платы и взносов в пенсионные фонды. Увеличение валового национального продукта неизбежно влекло и увеличение фонда заработной платы, что фиксировалось законодательным путем. На промышленных, строительных и иных предприятиях складывались разнообразные формы поощрения рабочих и служащих за счет прибыли. Преподносились денежные и иные подарки к Рождеству, в дни юбилеев и семейных праздников. Выделялись кредиты на приобретение квартир и коттеджей.

Оказывалась финансовая помощь для поездки в отпуск, на обучение детей. Предприятия строили столовые, заводские кухни, места общественного пользования. Давались деньги на проведение культурных и спортивных мероприятий, на организацию библиотек, кружков хорового пения, спортивных клубов, заводских оркестров, театральной самодеятельности.

Не обходилось и без конфликтов между работодателями и лицами наемного труда. Умирали старые отрасли промышленности, нарождались новые. Рабочие теряли работу, требовалась профессиональная переквалификация. Менялись места жительства. Люди несли убытки, подчас весьма серьезные. И тут веское слово говорили профсоюзы. Предприниматели не могли не считаться с ними. Правительство впрямую не брало на себя роль арбитра, но содействовало созданию согласительных органов, в которых и решались трудовые конфликты. До забастовок дело доходило редко.

Уже в первый срок канцлерства Аденауэра начал наглядно реализоваться тезис Эрхарда об обществе всеобщего благосостояния. Социальная рыночная экономика заработала на полную мощность. Немцы в Западной Германии выходили не только из материальной нужды, но и из угнетенного состояния побежденных и униженных. Они воочию видели результаты экономического подъема, непосредственно ощущали государственную политику социальной поддержки. Успешное внедрение в Федеративной Республике правовых и демократических норм жизни вызывало уважение и доверие к немцам в соседних странах.

«Старик с Рейна» стал самой популярной личностью в стране. Дебаты в бундестаге по внешнеполитическим вопросам, резкая подчас критика оппозицией шагов Аденауэра на международной арене не снижали его авторитета и популярности: жизнь немцев улучшалась, повышалась общественная стабильность — это в сознании простых людей перевешивало все остальное.

Исследователи немецкого «экономического чуда» выявили множество причин бурного подъема страны. Все сходятся во мнении, что в его основе лежали правильно выбранный экономический курс и плодотворная политика правительства. Аденауэр и Эрхард сумели отбить все атаки оппозиции на социальную рыночную экономику. Они устояли перед требованием национализации основных отраслей промышленности и введения государственного планирования, отстояли частную собственность и свободу предпринимательства, основанную на конкуренции. Собственность, мелкая и крупная, одинаково свято защищалась силой закона. Предпринимательство

поощрялось всячески, и прежде всего умелой налоговой политикой. Позднее производители, особенно крупные, будут обложены высокими налогами. На стадии же становления им давались всевозможные льготы. Главное — производить, наполнять рынок товарами, заполнять потребительские бреши, возникшие после войны.

Немаловажным было и то, что немецкие предприниматели, руководители крупнейших концернов поддержали курс правительства и действовали в его рамках энергично и продуктивно. Они сумели поднять капиталистическое хозяйство на новый уровень, где оно приобрело социальную направленность — экономический рост неизбежно влек за собой рост жизненного уровня всего населения. Понятие эксплуатации рабочих ради получения максимальных прибылей ушло в прошлое. Предприниматели и работники наемного труда стали партнерами в производственном процессе. Их связывали общие интересы. Предпринимательский успех положительным образом отражался на всех. Предприятия выпускали «народные акции», которые охотно приобретали рабочие и служащие. Они, таким образом, становились участниками распределения прибыли.

В начале 50-х годов начал активно обсуждаться вопрос об участии рабочих в управлении предприятиями. Руководство Объединения немецких профсоюзов разработало проект закона «О реорганизации немецкой экономики». Он предусматривал, что на крупных предприятиях угольной и металлургической промышленности наблюдательные советы, призванные контролировать общее развитие производства и финансовую отчетность, должны состоять из пяти представителей акционеров и пяти рабочих. Одиннадцатый член избирается этими десятью. Из трех членов правления предприятия один должен назначаться от рабочих, так называемый рабочий директор.

Правительство поддержало инициативу профсоюзов. В январе 1951 года Аденауэр пригласил во дворец Шаумбург предпринимателей и профсоюзных руководителей. На совещании согласовали проект закона для внесения его в бундестаг.

10 апреля 1951 года дебаты в бундестаге затянулись до полуночи. Депутаты от СвДП и Немецкой партии — коалиционные партнеры ХДС/ХСС — выступили против принятия закона, считая, что он урезает права предпринимателей и затормозит развитие производства. Закон приняли голосами ХДС/ХСС и СДПГ. Правящая и основная оппозиционная партия оказались вместе, ибо понимали, что создается структура, отвечающая новым условиям экономического и общественного развития.

Позднее участие рабочих в управлении предприятиями было распространено практически на всю производственную сферу. Опыт немцев оценили и стали перенимать в других западных странах. Капитализм все более отчетливо демонстрировал прогрессивные черты, уходил от эксплуататорской сущности и двигался к обществу всеобщего благосостояния, по терминологии Эрхарда.

В экономическом подъеме сыграли свою роль и некоторые национальные черты немцев: их трудолюбие, организованность и дисциплинированность, умение считать деньги, не пускать их на ветер. Правительство не только поощряло накопление собственности, но и создавало необходимые условия для этого. Лицам, приезжавшим с Востока, оказывалась стартовая помощь, а дальше уже действовали их трудолюбие и целеустремленность.

Прекрасный пример дали несколько тысяч немцев, переселившихся из чешского города Яблонца, знаменитого своей бижутерией. В маленьком баварском городке Кауфбойрен им выделили для жилья заброшенные солдатские казармы. Переселенцы, среди которых оказалось много мастеров по бижутерии самого высокого класса, взялись за дело. Через десять лет недалеко от Кауфбойрена существовал Новый Яблонец с десятитысячным населением, своими церквями, школами, спортивными сооружениями. В нем действовало около 500 малых предприятий по производству бижутерии. Ее экспорт приносил высокий доход производителям и немалые суммы государству. Когда одного из владельцев предприятия спросили, как ему удалось встать на ноги на новом месте, он просто ответил:

— Мне не мешали.

В ответе глубокий смысл. Разумная человеческая потребность добиться благополучия не натолкнулась на бюрократические препоны. Курс Аденауэра, практические шаги правительства, хорошо продуманное законодательство давали немцам возможность делать то, что они лучше всего умеют, и тем самым обогащать себя и страну.

В начале 50-х годов проблема устройства беженцев с Востока, обеспечения их жильем и работой стояли крайне остро. К тому же не ослабевал поток переселенцев в западные области из ГДР. Их прибывало по 30–35 тысяч в месяц.

Франсуа-Понсэ в очередной беседе с Аденауэром как бы шутя сказал:

— Беженцев засылают в Федеративную Республику, чтобы создать, господин канцлер, нерешимые проблемы.

— Согласен. Это — старая идея Сталина, — серьезно заметил Аденауэр.

— Может быть, следует закрыть границы с ГДР?

— Такой шаг невозможен, — подумав, сказал Аденауэр. — Правительство сумеет интегрировать беженцев в производственный и общественный процесс.

В свое время Аденауэру не удалось исключить из списков на демонтаж завод в Вольфсбурге, производивший знаменитые автомобили «фольксваген». Англичане вознамерились прибрать завод к рукам. Однако их профессиональная экспертиза пришла к выводу: предприятие разрушено на две трети, машины, производившиеся на нем, не отвечают современным требованиям, производство окажется нерентабельным. Англичане отказались от завода.

Правительство Федеративной Республики радостно восприняло это решение и немедленно начало восстановительные работы. Уже в 1950 году завод выпускал ежедневно по триста горбатых малолитражек, прозванных «жуками», а через несколько лет каждый день с конвейера сходило их по несколько тысяч. Простая, экономическая, безотказная машина широко пошла на экспорт. В автомобильной супердержаве — Соединенных Штатах — в 50-е годы покупались десятки тысяч «жуков», которые теснили на рынке традиционные «форды», «шевроле», «бьюики».

Кто-то из журналистов подбросил фразу: немец любит потеть. Это верно только в том смысле, что немецким рабочим присуще честное и уважительное отношение к труду. Среди них крайне редко встречаются те, кто предпочитают бездельничать и мало получать. Рабочие психологически настроены на хороший труд и приличный заработок. В годы Аденауэра они видели, что страна и ее хозяйство поднимаются, жизнь становится упорядоченнее и лучше по всем параметрам. Обилие товаров дает возможность разумно истратить заработанные деньги.

С другой стороны, и предприниматели, и рабочие отвергали потогонную систему. Трудовой процесс хорошо продумывался и рассчитывался. Его ритм давал оптимальные результаты, сводил до минимума брак и потери. Немецкие рабочие не понимали, зачем нужно перевыполнять установленную норму. Да и предприниматели того не требовали. Если для заданной на сегодня сборки необходимо выточить десять деталей, то зачем их делать двенадцать или пятнадцать? Завтра будет изготовлено столько, сколько нужно.

В трудовой среде крайне редко проявлялись пьянство и разгильдяйство. Немец охотно пил пиво, не чужд был и рюмки водки или бокала вина. Но все всегда оставалось в разумных пределах, доставляло удовольствие и не лишало человека достоинства.

Свободное от работы время, особенно выходные дни, продумывалось заранее всей семьей. Чаще всего предпринимались выезды на природу, а то и двухдневные поездки по стране. Родилась густая сеть кемпингов, где люди проводили время, ночевали, не тратясь на гостиницы. Появились транспортные фирмы, которые предоставляли хорошо оборудованные автобусы для групповых целевых поездок (например, на футбольные матчи) или просто туристского путешествия. В 50-е годы миллионы немцев на собственных машинах или иным способом выезжали за границу, особенно в Италию. По этому показателю они обогнали все европейские страны.

К концу первого срока канцлерства Аденауэра страна мало чем напоминала тот хаос, разброд и голод, в которых она оказалась после проигранной войны. Жизненный уровень населения достиг высокой планки и продолжал расти. Правовая система реально гарантировала демократические права и свободы человека. Четко действовала система управления от муниципальных органов власти до федерального центра. Многопартийная система, наличие сильной оппозиции требовали от правительства хорошо продуманных, взвешенных действий. К немцам возвращалось уважение к своей стране, гордость за ее успехи.

Аденауэр часто подчеркивал, что так называемое «немецкое чудо» — творение всего народа, результат трудолюбия, деловитости и усердия немцев, их веры в будущее.

…Приближались парламентские выборы. К сентябрю 1953 года мало кто сомневался в победе на них ХДС/ХСС. В предвыборных агитационных материалах они делали упор на то, что при канцлере Конраде Аденауэре ХДС/ХСС вывели население Федеративной Республики из состояния голода, нужды и депрессии. Курс канцлера и его правительства полностью оправдал себя.

Четыре года назад социал-демократы пугали население экспериментом с социальной рыночной экономикой. Говорили, что он ввергнет людей в еще большую нищету, разрушит остатки народного хозяйства. Спасти положение может только плановая экономика. Теперь немцы убедились, что рыночное хозяйство дало блестящие результаты. ХДС/ХСС и их канцлер служили гарантами дальнейшего процветания экономики, сохранения стабильной жизни в условиях правового государства, свободы и демократии.

Предвыборную борьбу Аденауэр воспринимал серьезно и даже любил ее. Она давала возможность проявить бойцовские

качества, молодила его, придавала энергию, которой он заражал и окружающих. Еженедельно канцлер проводил совещания своей команды, требовал активности и выдумки, не уставал повторять, что самое опасное в предвыборной борьбе — самоуспокоенность.

Вновь он ездил по всей стране на поезде, летал самолетом, в более близкие места отправлялся в автомобиле. Предпочитал поезд с вагоном-салоном, в котором жил неделями и всегда был в хорошем настроении. Часто в самое неожиданное время, иногда даже в ночное, появлялся в вагоне, где ехали журналисты, затевал подчас шутливую беседу, охотно пикировался.

Как и в прошлую избирательную кампанию, Аденауэр перед выступлениями прочитывал множество материалов и делал заметки на клочках бумаги, исписывая их даже на обороте. С ними он выходил на трибуну и никогда не сбивался. На массовых мероприятиях говорил просто, понятно, подчас даже примитивно, что обычно импонировало собравшимся. Если раздавались враждебные выкрики и нападки, канцлер лишь вдохновлялся. Давал резкий отпор. Люди из его команды советовали быть помягче. Он не соглашался и на каждый удар отвечал еще большим ударом.

Обычно, когда выступление проходило в зале, на улице устраивалась трансляция. Однажды противники канцлера перерезали провода и трансляция не состоялась. Решили обзавестись резервной системой и внимательно следили за действиями недоброжелателей.

В частых выступлениях приходилось повторяться. Члены команды скучали. Аденауэр сказал пресс-шефу Эккардту, что постные лица плохо действуют на него. На следующий день Эккардт и другие сели в первом ряду и начали хлопать, кричать «браво». Аденауэр с трибуны внимательно наблюдал за их усилиями и после митинга велел не ходить больше в зал.

Как и четыре года назад, в предыдущие выборы, утром в воскресенье 6 сентября 1953 года Аденауэр вместе с дочерью Лоттой отправился к мессе в рёндорфскую церковь, а затем на местный избирательный участок. Проголосовав, вернулся домой и весь день провел с семьей. В обычное время лег спать.

На следующий день в 5 часов утра позвонил из Бонна статс-секретарь Ленц и сообщил о победе ХДС/ХСС. Аденауэр лишь сказал:

— Спасибо, господин Ленц.

Вскоре раздался новый звонок. Эккардт восторженно говорил о полной победе ХДС/ХСС, о получении абсолютного большинства в бундестаге. И с удивлением услышал ровный голос Аденауэра:

— Спасибо, господин Эккардт.

Через несколько часов команда Аденауэра собралась в его рабочем кабинете. Канцлер спокойно, даже несколько равнодушно принял поздравления и как ни в чем не бывало заговорил о том, как через четыре года выиграть следующие выборы.

На ближайшем заседании бундестага 78-летнего Аденауэра вновь избрали канцлером, теперь уже большинством в 304 голоса. Немецкие и западные газеты писали, что Аденауэр одержал личную победу, что избиратели голосовали не столь за ХДС/ХСС, сколь за самого канцлера.

Лидеры ХДС/ХСС и их коалиционные партнеры занялись дележом министерских постов. Аденауэр предпочел отправиться в трехнедельный отпуск в Шварцвальд. Он знал, что после всех горячих споров в Бонне решающее слово при формировании правительства скажет он сам.

Его авторитет сомнению не подвергался. Выросла и уверенность в собственных силах. Она особенно присуща деятелям, которые сделали карьеру не в результате счастливого стечения обстоятельств, а благодаря способностям, трудолюбию и целеустремленности. Немцам нравилось, что Аденауэр вышел из бюргерской среды, бюргером и остался. Он был им понятен, так как, будучи канцлером, не поднимался в заоблачные высоты, вел умеренный образ жизни, оставался добропорядочным, набожным человеком. Канцлер не выдвигал грандиозных проектов на будущее, а ставил задачи, понятные и решаемые сейчас. Кто-то считал это его недостатком. Но простым людям импонировали именно приземленность Аденауэра, его рационализм и реализм. Он добился общественной стабильности в условиях демократии, чего еще никогда не было в германской истории.

Глава XII
От оккупации к независимости

Возрождение экономического потенциала Федеративной Республики происходило в то время, когда страна продолжала оставаться под оккупационным режимом. Она была лишена возможности вести внешнеполитические дела. Существовали ограничения и в экономической сфере. Без одобрения трех Верховных комиссаров, расположившихся на Петерсберге, правительство не могло принять ни одного принципиального решения.

При подписании Оккупационного статута оговаривалось, что со временем он будет пересматриваться в сторону расширения прав немецкого правительства и сокращения их у оккупационных держав. Аденауэр хорошо помнил об этой договоренности. Однако проявлял терпение, вновь и вновь предупреждал своих горячих соратников по правительству и партии, что Германия — побежденная страна и не может требовать слишком многого.

Главный козырь в борьбе за суверенитет Аденауэр усматривал в западноевропейской интеграции. Создание европейских структур и подключение к ним Федеративной Республики неизбежно поставит ее на равноправную основу с другими странами. А тогда с такой же неизбежностью встанет и вопрос об отмене оккупационного режима.

Союзные державы поддержали линию Аденауэра. На конференции в Лондоне в мае 1950 года министры иностранных дел США, Англии и Франции заявили о стремлении вернуть Германию в семью свободных народов, освободить со временем от всякого контроля и полностью восстановить ее суверенные права. Наличие войск трех держав в Федеративной Республике объясняется не столько целями оккупации, сколь необходимостью оборонных мер в связи с наращиванием военной мощи на Востоке.

Примерно в это же время произошло важнейшее событие, положившее начало реализации европейской интеграционной политики и международной деятельности ФРГ. Во дворец Шаумбург явился посланник французского правительства с пакетом, который просил немедленно вручить канцлеру. В нем содержалось предложение министра иностранных дел Франции Робера Шумана о создании Объединения угля и стали между Федеративной Республикой и Францией, открытого для других стран.

Аденауэр ознакомился с содержанием пакета и тут же дал положительный ответ.

Суть плана Шумана заключалась в следующем: устанавливается наднациональное управление производством угля и стали, их поставками на одинаковых условиях на рынки Франции, ФРГ и тех государств, которые присоединятся к Объединению, а также совместным экспортом в третьи страны. Ликвидируются таможенные пошлины, вводятся единые тарифы на перевозки.

Давая быстрый ответ, канцлер не провел консультаций с министрами, с партнерами по коалиции, не выдвинул никаких условий и возражений по предложению французов. Всю ответственность взял на себя.

К французам и немцам сразу же присоединились Италия, Бельгия, Голландия и Люксембург. На первой конференции Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в Париже в июне 1950 года участвовали шесть государств.

План Шумана давал несомненную выгоду Федеративной Республике: без особых решений ликвидировался международный контроль над Рурской областью. Отпадали французские претензии. Рур полностью возвращался немцам. Аденауэр хорошо понимал значимость этого момента, но не выпячивал его, чтобы не задевать самолюбие французов.

Робер Шуман и Конрад Аденауэр установили хорошие личные контакты. Француз свободно говорил по-немецки, что дополнительно способствовало взаимопониманию. Они одинаково оценивали перспективы европейского развития. Франция отказывалась от ущемления политических и экономических возможностей Федеративной Республики и переходила к политике тесного сближения с ней.

Оба деятеля исходили из того, что концепция европейских замкнутых суверенитетов изжила себя и стала тормозом общественного развития. К узости национальных рынков и ограниченности инвестиционных возможностей добавлялась опасность национализма, тоталитаристских и милитаристских тенденций. Европа имеет единую цивилизацию, покоящуюся на наследии античного мира и эпохи Возрождения, христианства и традициях парламентской демократии. Экономическое объединение с его конкретными преимуществами — шаг к политическому сближению, к образованию таких структур, которые позволят Европе занять достойное место в современном мире.

Социал-демократы в бундестаге выступали против ЕОУС. Шумахер назвал принятие плана Шумана второй капитуляцией,

шесть лет спустя после окончания войны. Он усматривал в нем лишь ограничение немецкого суверенитета, а включение Федеративной Республики в европейские организации оценивал как фактор, мешающий сближению частей разделенной Германии и их воссоединению.

Аденауэр без труда убедил своих сторонников в бундестаге, да и не только их, что участие в европейских структурах ведет лишь к равноправию немцев на европейской и мировой арене, к активизации международной деятельности страны. Воссоединение возможно только в рамках сильной и интегрированной Европы. Бундестаг одобрил участие ФРГ в ЕОУС, как и вступление Федеративной Республики в Совет Европы, не вняв протестам социал-демократов.

Англия не присоединилась к ЕОУС, ибо ее экономические интересы лежали в странах британской империи в большей степени, чем в Европе. Аденауэр сожалел об этом, считал, что европейская интеграция могла бы развиваться более успешно с английским участием. В беседе с членом британского правительства лордом Гендерсоном, посетившим Бонн, Аденауэр особенно остановился на выгодах ЕОУС для Англии. Гендерсон согласно кивал головой, но просил не забывать о том, что Англия участвует в наднациональных организациях государств британского содружества.

— Кто хочет сделать омлет, должен разбить яйца, — сказал Аденауэр, убежденный в значимости европейских дел.

— Англия уже запечена в один омлет, и он больше европейского, — возразил Гендерсон.

Канцлер не забывал, что все политические и экономические шаги Федеративной Республики нуждаются в одобрении трех оккупирующих держав. Он поддерживал хорошие контакты с Верховными комиссарами, мнение которых оказывало решающее воздействие на отношение их правительств к Бонну.

Английский комиссар Кирпатрик ценил Аденауэра как опасного, но приятного собеседника, который постоянно стремится добиться каких-нибудь уступок, но делает это вежливо и корректно. Однажды на приеме к беседовавшим Аденауэру и Кирпатрику подошел знаменитый полководец Монтгомери.

— Много ли неприятностей доставляет вам этот парень? — спросил маршал, указывая на комиссара.

— Вполовину меньше, чем я ему, — быстро ответил Аденауэр. Монтгомери рассмеялся и поднял бокал, приветствуя меткую реплику.

Английский комиссар считал канцлера блестящим тактиком и потому при всей доброжелательности сохранял постоянную

настороженность. Он заметил, что на переговорах Аденауэр сидит прямо, как будто проглотил шомпол, высказывает аргументы подчас с юмором, но иногда поддается гневу и не удерживается от резких замечаний. В один из таких моментов Кирпатрик сказал, что гневное возбуждение плохо сказывается на здоровье. Аденауэр, успокоившись, ответил: наоборот, так сохраняется молодой задор.

Легче всего Аденауэру давались разговоры с Франсуа-Понсэ. Невысокий, полноватый, одетый как денди, остроумный и свободно говорящий по-немецки, французский комиссар охотно полемизировал с Аденауэром. Они обменивались острыми репликами, утонченными язвительными замечаниями. Всегда корректно, с улыбками. Обычно оставались довольны друг другом и искали новых бесед.

Американский комиссар Макклой, женатый на кузине супруги Аденауэра Августы, относился к канцлеру с подчеркнутым уважением. Считал его мудрым, смелым и себе на уме. Канцлер редко говорил с Макклоем иронично или с сарказмом, что позволял в отношении других комиссаров. Американец поддерживал его по многим вопросам, особенно экономическим, помогал добиваться уступок у жестких англичан.

Во второй половине 1950 года встречи Аденауэра с тремя комиссарами, беседы с ними по отдельности стали все в большей степени касаться Оккупационного статута, точнее ревизии его. В сентябре 1950 года канцлер направил меморандум трем министрам иностранных дел, собравшимся на очередную встречу в Нью-Йорке. Он указывал в нем, что с момента принятия Оккупационного статута в ФРГ произошли серьезные изменения: окрепли государственность и экономика, Федеративная Республика на равноправной основе участвует в налаживании экономического сотрудничества в Европе. Немцам теперь необходимо дать большую свободу и ответственность в решении касающихся их проблем. Правительство просит западные державы: а) заявить о прекращении состояния войны с Германией, б) объявить, что целью продолжающейся оккупации является лишь обеспечение безопасности Федеративной Республики от угроз извне, в) впредь регулировать отношения на основе договоров и соглашений, для чего пересмотреть существующий статус Федеративной Республики.

Министры иностранных дел благожелательно рассмотрели меморандум. Они заявили, что до воссоединения Германии три державы будут рассматривать правительство ФРГ как единственное немецкое правительство, созданное в условиях законности и свободы, а посему и имеющее право говорить от

имени всей Германии и представлять немецкий народ в международных делах.

Разумеется, подобное право имело символическое значение. Списать со счета ГДР и Советский Союз как фактор решения общегерманских проблем можно было лишь декларативно.

Большее значение имел другой пассаж в заявлении трех министров. Они выразили готовность пересмотреть Оккупационный статут, имея в виду ускорить возвращение Федеративной Республики в западноевропейское сообщество.

Начались затяжные переговоры с Верховными комиссарами по практической реализации принятых решений. Аденауэр упорно, терпеливо и настойчиво отстаивал немецкие интересы. Обычно спокойный Макклой на очередной встрече с раздражением сказал:

— Вы, господин канцлер, требуете уже 122-й уступки от союзников. Газеты пишут, что, применяя методы давления, вы намерены надеть сапоги Бисмарка.

— Заверяю вас, уважаемый господин Верховный комиссар, это не так, ибо сапоги Бисмарка мне слишком велики, — немедленно отреагировал Аденауэр.

В другой раз в пререкания вступил Франсуа-Понсэ:

— Вам, господин канцлер, желательно, чтобы Верховные комиссары умерли.

— Нет, не умерли, — ответил Аденауэр, — а преобразились так, как неприятные гусеницы превращаются в прекрасных бабочек.

— Ну да, чтобы вы их могли поймать в свой сачок, — оставил за собой последнее слово француз.

В марте 1951 года была внесена первая и весьма существенная поправка в Оккупационный статут: Федеративной Республике разрешили создать министерство иностранных дел и устанавливать дипломатические отношения с другими государствами. Оккупирующие же державы будут по-прежнему представлены в Бонне Верховными комиссарами, через которых Федеративной Республике и впредь надлежит осуществлять связи с правительствами в Вашингтоне, Лондоне и Париже.

Пост министра иностранных дел взял на себя Аденауэр. Предстояло еще многое сделать для укрепления международных позиций Федеративной Республики. При совмещении постов канцлера и министра иностранных дел легче было решать подобные проблемы. Статс-секретарем, то есть его заместителем по МИДу, канцлер назначил Вальтера Хальштейна, юриста по образованию, человека удивительной работоспособности и педантичной исполнительности. Он не занимался публичной

политикой и лишь выполнял инструкции шефа, проводил ответственные международные переговоры, строго следуя заранее намеченной линии.

Аденауэр любил заниматься внешнеполитическими проблемами. Считал, что имеет для этого достаточно опыта и умения, что из западногерманских политиков никто не может вести международные дела так, как он.

В августе 1952 года находящегося на отдыхе в Швейцарии канцлера посетили видные деятели ХДС/ХСС Штраус, Брентано и Кроне. Они предложили передать пост министра иностранных дел Брентано. Аденауэр без раздумий отверг предложение, сказав, что канцлер определяет внешнюю политику, пользуется авторитетом и доверием союзников. Именно его умелые шаги во внешней политике укрепляют авторитет Федеративной Республики.

Долго сохранял Аденауэр пост министра иностранных дел, но и когда все же передал его Генриху фон Брентано, продолжал сам решать все более или менее значительные внешнеполитические вопросы.

Видный боннский дипломат Рольф Лар вспоминал об участии Аденауэра в одной из международных конференций: «Где бы ни появлялся канцлер, он становился центром внимания. Выглядел патриархом среди собравшихся деятелей. Благодаря врожденному достоинству и возрасту, умелому использованию этих факторов в общении с людьми, занимал среди европейцев удивительное и весьма ценное для своего государства положение».

Аденауэру удалось добиться значительного расширения прав в сфере внешней торговли. Теперь немцы могли действовать практически самостоятельно. Под контролем союзников осталось небольшое количество вопросов, которые не оказывали существенного воздействия на внешнеторговую деятельность Федеративной Республики.

Среди других послаблений для ФРГ Аденауэр записал в свой актив отмену процедуры предварительного согласования законов, принимаемых бундестагом и ландтагами.

Даже оппозиционные деятели вынуждены были признать успехи канцлера на пути к обретению Федеративной Республикой полного суверенитета. Отмечали его постоянную готовность к компромиссу, но и умение, когда нужно, стукнуть кулаком по столу.

В мае 1951 года Федеративную Республику приняли в Совет Европы. А в июле Соединенные Штаты, Англия и Франция заявили о прекращении состояния войны с Германией. Незадолго до этого такие же заявления сделали 37 государств.

Оживилась международная жизнь. В течение 1951 года Бонн посетили американский, французский и английский государственные деятели: Ачесон, Шуман, Иден, а также ряд других политиков. Аденауэр побывал в Италии, Англии, Франции. В перерывах официальных переговоров в Париже канцлер гулял по Большим бульварам, в Риме посетил рынок. Всюду обязательно выделял время для музеев и картинных галерей.

В Англии Аденауэра встретили торжественно, но прохладно. Когда он прибыл на Даунинг-стрит, 10 для встречи с Черчиллем, перед домом собралась небольшая толпа. Раздались выкрики: «Хайль Гитлер!», «Аденауэр, убирайся домой», «Лондонцы не забыли ФАУ-1 и ФАУ-2».

Удрученным и подавленным вошел Аденауэр к премьер-министру. Черчилль, исправляя положение, проявил особую любезность и предусмотрительность. Принял Аденауэра и король Георг VI. Без каких-либо эксцессов прошли его выступления в парламенте и королевском Институте международных отношений.

В беседе с Черчиллем и Иденом Аденауэр подчеркивал, что Федеративная Республика готова развивать с Англией и другими европейскими государствами новые отношения. Она интегрируется в Европу и не позволит вновь вспыхнуть национализму и шовинизму. Англичане обещали поддержку и заверили, что не пойдут на сговор с Советским Союзом в ущерб немецким интересам.

Во время посещения Оксфорда Аденауэру показали мемориальную доску с именами павших во время войны героев, бывших когда-либо оксфордскими студентами. Среди них он увидел имя Ганса Аденауэра — сына своего брата Августа, учившегося в Оксфорде в 1928–1929 годах.

На заключительном приеме Черчилль, вынув изо рта огромную сигару, спросил Аденауэра:

— Вы ведь пруссак? — И добавил: — Пруссаки — стоящие люди.

— Я — уроженец Рейнской области, где люди добродушные, — поправил премьера Аденауэр. — А пруссак — Шумахер, которого так настойчиво поддерживают англичане.

— И все же, — продолжал свою мысль Черчилль, — у пруссаков есть одно примечательное качество — они обладают высоким боевым духом.

6 февраля 1952 года умер король Георг VI. Аденауэр вновь летит в Лондон. После похоронных церемоний канцлер получил приглашение принять участие во встрече министров иностранных

дел. Два дня Аденауэр вместе с Ачесоном, Иденом и Шуманом обсуждал вопросы безопасного развития Европы. Впервые представитель Федеративной Республики участвовал во встрече такого рода. Газеты писали о личном успехе Аденауэра.

Апартаменты канцлера в лондонском отеле украсили розовыми, красными и белыми гвоздиками. Управляющий гостиницы, наслышанный о слабости гостя к цветам, рассказал, что садовники отеля вывели новый вид роз и назвали его «Мир». По просьбе Аденауэра ему подарили саженец, чтобы высадить его в Рёндорфе.

В марте 1952 года в Мюнхене произошел случай, получивший международный резонанс. На одной из улиц в центре города человек средних лет остановил двух школьников, дал им три марки и попросил отнести на почту небольшую бандероль. Незнакомец быстро исчез. Мальчики осмотрели бандероль. Прочли адрес: доктору Конраду Аденауэру, Бонн, Канцелярия федерального канцлера. Посовещавшись, решили передать бандероль смотрителю трамвайной станции, которая оказалась в нескольких шагах от них. Смотритель вызвал полицейского. Тот повертел бандероль и решил ее вскрыть. Прогремел взрыв. Полицейскому оторвало обе кисти рук.

Черчилль, Идеи, французский премьер де Гаспери и многие другие деятели направили Аденауэру телеграммы с выражением возмущения по поводу случившегося и удовлетворения провалом преступного акта. Канцлер принял мюнхенских школьников во дворце Шаумбург. Устроил чай с шоколадом и тортом. Подарил каждому золотые часы.

Через несколько дней ряд французских газет опубликовал подметное письмо, подписанное никому не известной «Организацией еврейских партизан». В нем выражалось сожаление, что бомба разорвалась в руках полицейского, а не канцлера. «Еврейские партизаны» будут и впредь воевать против народа убийц, уничтожившего шесть миллионов евреев.

Аденауэр неоднократно публично признавал вину немцев перед евреями, высказывал готовность к возмещению материального ущерба. В сентябре 1951 года он выступил с речью покаяния в бундестаге. Его поддержали представители всех фракций. По инициативе канцлера бундестаг принял решение вступить в переговоры с Израилем о материальном возмещении. Аденауэр встретился с лидером еврейской международной организации Наумом Гольдманом и выразил готовность начать поставки товаров для обустройства государства Израиль. Беседы с Гольдманом проходили в Лондоне в обстановке секретности, ибо многие еврейские деятели выступали против любых контактов с

немцами.

Когда переговоры стали достоянием гласности, арабские страны заявили протест: Федеративная Республика нарушает нейтралитет в арабо-израильском конфликте. Арабы ответят бойкотом немецких товаров. А в Израиле раздавались голоса: не давать немцам возможности заплатить деньгами за кровь, пролитую нацистами. Протестовали и в самой Федеративной Республике. Прижимистый, как всегда, министр финансов Шефер заявил, что у страны, выплачивающей репарации, нет средств для помощи Израилю. Его поддержали многие немецкие промышленники и банкиры.

Канцлер был непреклонен. Он говорил, что массовое истребление евреев навлекло на немцев презрение всего мира. Правительство обязано ликвидировать возникшую ненависть. Материальная помощь — один из показателей стремления немцев искупить прошлую вину.

В маленьком голландском городке Вассенарре близ Гааги начались переговоры немцев с израильтянами. Они носили полуконспиративный характер. Опасались покушений и на немецкую, и на еврейскую делегации. Правительство Израиля потребовало в качестве возмещения шесть миллиардов марок. ФРГ выделить такую сумму не могла.

Переговоры в Голландии затягивались. Наконец договорились: Федеративная Республика выплачивает Израилю три миллиарда марок деньгами и товарами и пятьсот миллионов марок пострадавшим евреям, проживавшим вне Израиля. В счет платежей еврейскому государству передавались 60 пассажирских и 41 грузовое судно, 4 танкера, плавучий док, сталелитейный и медеплавильный заводы.

Местом подписания соглашения избрали Люксембург. Держали его в секрете до последнего момента. Многие израильские организации продолжали протестовать против принятия денег от немцев, грозили сорвать договоренность. В Люксембург с большими предосторожностями прибыли министр иностранных дел Израиля Шарет и Наум Гольдман. Аденауэр решил сам подписать соглашение. Объявили, что церемония произойдет в актовом зале школы в 10 часов утра 10 сентября 1952 года. Провели же ее в здании ратуши в 8 часов утра в присутствии лишь заранее отобранных лиц. Аденауэр вспоминал, что, ставя подпись, он подумал о еврее Хайнемане, который в тяжкое для него время, при нацистах, дал ему десять тысяч марок и уберег от голода и нищеты.

Соглашение нашло положительный отклик у общественности западных стран. Бундестаг ратифицировал его голосами

депутатов всех фракций, кроме одной — против голосовали коммунисты.

Аденауэр гордился тем, что стал инициатором акции помощи евреям. Считал ее одним из своих крупнейших политических достижений. Постепенно и в Израиле к нему стали относиться по-иному, поверили в искренность немецкого канцлера, который и сам пострадал от нацистов. Позднее Аденауэра посетил израильский посол и передал ему дар своего правительства: портрет канцлера, написанный известным еврейским художником. При вручении подарка посол сказал Аденауэру много теплых слов.

…На Петерсберге шли трудные переговоры. Обсуждался вопрос об отмене Оккупационного статута и замене его Германским (Общим) договором, по которому Федеративная Республика вступила бы в равноправные отношения с западными странами. Аденауэр рассмотрел представленный Верховными комиссарами проект, признал его совершенно неудовлетворительным и начал пункт за пунктом улучшать с точки зрения немецких интересов. Настаивал на полной ликвидации оккупационного режима, на преобразовании Верховных комиссаров в послов. Решительно возражал против создания Совета трех послов, как предлагали союзники, против их любого вмешательства во внешнюю политику Федеративной Республики. Требовал, чтобы немцы на равных условиях участвовали в европейских оборонительных мероприятиях, чтобы с них были сняты ограничения в строительстве самолетов и производстве тяжелых вооружений, а также в области ядерных исследований.

На встрече с комиссарами Аденауэр в несвойственной для него манере дал волю эмоциям и заявил, что договор в том виде, как его представили союзники, не подпишет ни одно немецкое правительство. Он попросил не опубликовывать проект, чтобы не вызвать взрыва общественного возмущения. Комиссары согласились.

Во дворце Шаумбург подготовили свой проект Общего договора. Аденауэр понимал, что он неприемлем для союзников, но внес его на рассмотрение, имея в виду использовать в переговорном торге. Макклой, памятуя о высказывании канцлера, заявил от имени комиссаров, что такой договор не подпишет ни одно западное правительство.

Эксперты приступили к сближению проектов. Немцы добивались, чтобы от оккупационного режима не осталось даже следов. Они шли на уступки, но требовали фиксировать их в двусторонних межгосударственных соглашениях, чтобы у

союзников не осталось никаких прав, вытекающих из безоговорочной капитуляции Германии. Предусматривалось, что Общий договор определит политическую основу взаимоотношений, а дополнительные договоры — технические и финансовые вопросы, связанные с дислокацией западных войск в Федеративной Республике. Оккупационные расходы предлагалось отменить. Вместо них немцы согласны были добровольно вносить финансовый вклад в общую оборону, то есть оплачивать пребывание западных войск на своей территории, но не оккупационных, а союзных.

26 мая 1952 года в Бонне состоялся торжественный акт. Ачесон, Идеи, Шуман и Аденауэр поставили подписи под Германским договором. По нему Оккупационный статут отменялся. Вместо Верховных комиссаров вводился институт послов. Распускались все органы союзного контроля. Федеративная Республика получила полную свободу во внутренних и внешних делах. Три державы оставляли за собой лишь право брать на себя верховную власть в случае нападения извне, осуществлять свои права в Берлине и вести переговоры с Советским Союзом по общегерманским делам, включая воссоединение и мирный договор.

Выпив по бокалу шампанского, участники подписания отправились в аэропорт, чтобы вылететь в Париж. На аэродроме произошла заминка. У машины, в которой везли багаж вылетавшего с Аденауэром Эккардта, лопнуло колесо и она задерживалась. Шеф печати тянул время, втягивая канцлера в беседы с журналистами. Наконец, он увидел шофера, бегущего к самолету с его чемоданами. Канцлер все понял, ехидно улыбнулся и сказал:

— Ну что ж, господин Эккардт, раз ваш багаж на месте, мировая история может идти дальше.

На следующий день на Кэ д'Орсе в Часовом зале французского Министерства иностранных дел был подписан Договор о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС). Кроме ФРГ и Франции, его скрепили подписями также министры иностранных дел Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга. Шестерка подписала особый договор с Великобританией, по которому англичане обязались прийти на помощь участникам ЕОС, если кто-либо из них подвергнется агрессии.

Вернулся Аденауэр далеко не триумфатором. Оппозиция дала очередной бой канцлеру. Шумахер заявил, что подписавший договор в Бонне и Париже не может больше называться немцем. Аргументы были прежними: привязывая страну к Западу,

Аденауэр лишает ее возможности воссоединения; вступая в ЕОС, открывает путь к ремилитаризации и новому витку конфронтации с Востоком. Социал-демократы широко использовали эти аргументы в печати, вызывая у общественности сомнения в правильности действий канцлера.

В июне 1952 года бундестаг начинает процедуру утверждения подписанных договоров. Теле- и радиопередатчики ведут прямую трансляцию. Слово предоставляется Аденауэру. Канцлер встает со своего места и неторопливо направляется к трибуне. Ровным голосом, без эмоций доказывает, что ратификация договоров означает интеграцию Федеративной Республики в западное сообщество, нератификация — ее поглощение Востоком или нейтрализацию, что оставит страну беззащитной. Отказ от договоров станет провалом политики западных держав и Федеративной Республики и торжеством политики Советского Союза. Влияние СССР в Европе и мире значительно возрастет, вся Германия станет его сателлитом. Договоры ни в коей мере не возводят препятствия для воссоединения Германии. Они укрепляют позиции западных стран. Решение же проблемы германского единства может обеспечить лишь сильный и сплоченный Запад.

Депутаты решают передать договоры в комитеты. Рассмотрение там затянулось на несколько месяцев. Лишь 3 декабря бундестаг приступил к обсуждению договоров во втором чтении. Оппозиция до предела накалила обстановку. Здание парламента оцепили полицейскими — ожидали эксцессов со стороны демонстрантов. Аденауэр вновь приводит доводы в пользу ратификации. Его речь прерывается выкриками социал-демократов и коммунистов. Канцлер говорит, не обращая на них внимания, и заканчивает эмоциональными словами, что сейчас речь идет о судьбе Германии, ее народа, ее детей. Бундестаг решения не принимает.

Положение осложнилось тем, что президент Хойс под влиянием выступлений общественности обратился с запросом в Конституционный суд: не изменяют ли договоры конституцию и не требуют ли они для ратификации большинства в две трети голосов депутатов. Аденауэр встретился с Хойсом и уговорил его отозвать свой запрос. Узнав об этом, социал-демократы сами обращаются в суд. Аденауэр делает ответный ход — от имени правительства он предлагает суду признать, что договоры не изменяют конституцию и не требуют квалифицированного большинства в бундестаге.

Летят месяцы. Лишь 8 марта 1953 года Конституционный суд дал заключение в пользу правительства. Вопрос о договорах

ставится в бундестаге на голосование: Германский договор ратифицируется большинством в 62 голоса, договор об ЕОС — большинством в 59 голосов. В середине мая договоры утверждаются бундесратом и подписываются президентом. Канцлер выиграл очередной бой.

Аденауэру идет 78-й год. Он по-прежнему полон сил и энергии. Строго выдерживает режим дня. Безупречно одевается. С удивлением посматривает на министров в помятых костюмах и невычищенных ботинках. Штаб его ближайших помощников — Ленц, Бланкенхорн, Хальштейн, Эккардт, Глобке — тщательно и своевременно готовит материалы. Канцлер быстро принимает решения. Обычно он их излагает устно Глобке, а тот превращает их в письменный документ, а затем следит за исполнением.

Иногда Аденауэр ворчит. Недовольство выражает прямо и открыто. Но нередко шутит, дает помощникам прозвища: Хальштейна зовет профессором, Глобке — «серым кардиналом», Бланкенхорна — усердным фактотумом. С «серым кардиналом» по-прежнему прогуливается в парке дворца Шаумбург в послеполуденное время, обсуждая текущие дела.

На статс-секретаря ведомства канцлера Ганса Глобке не раз нападали, припоминая службу в нацистском Министерстве внутренних дел. Аденауэр высоко ценил его деловые качества, корректность, работоспособность, умение глубоко проработать любой вопрос. Канцлер не обращал внимания на наскоки на «серого кардинала». Глобке оставался на своем посту и ушел вместе с канцлером.

В отношениях с сотрудниками канцлер был вежлив и корректен. Он проявлял резкость в политических дискуссиях, но никогда не обращал ее против людей, участвовавших в ней. Уважительное отношение к себе ценил, но не принимал раболепства и подхалимства.

В свои ораторские способности Аденауэр верил беспредельно. Заготовленные речи просматривал в самый последний момент. Правил их буквально перед выходом на трибуну. Бывало и так, что начинал говорить в бундестаге, имея лишь половину текста, остальное ему постранично подносили прямо с машинки.

Однажды канцлер решил выступить с официальным правительственным заявлением вообще без текста. Помощники дважды пытались передать ему заготовленную речь. Он выпроваживал их из кабинета. Тогда они через секретаря передали ему письменную настоятельную просьбу принять их для обсуждения предстоящего выступления.

Канцлер принял Бланкенхорна и Эккардта и ворчливо согласился посмотреть, что они подготовили. Небрежно полистав

страницы, задержался на одной из них. Сказал: это, пожалуй, неплохо. Карандаш быстро заходил по страницам: что-то менял, что-то исправлял, добавлял, вычеркивал. Через час правительственное заявление было готово.

Глубокой верой в собственные силы Аденауэр напоминал де Голля и расходился в этом с Черчиллем, который в значительной степени опирался на речеписцев и советников, активно использовал их способности и умение.

…Предстоял первый визит в Соединенные Штаты. Американским президентом стал Дуайт Эйзенхауэр, которого Аденауэр считал знатоком европейских дел и проблем безопасности. В преддверии визита в феврале 1953 года Бонн посетил государственный секретарь Джон Фостер Даллес. В первой же беседе Аденауэра с Даллесом выяснилось, что у них общие взгляды по всем кардинальным вопросам. Государственный секретарь подчеркнул, что Соединенные Штаты потеряют интерес к Европе, если она откажется от интеграции и будет существовать только лишь в национальных рамках. Высказался за ЕОС: с Советским Союзом можно разговаривать только с позиции силы. Россия наращивает войска на западных рубежах и укрепляет позиции в странах-сателлитах. Запад не должен ослаблять усилий в деле вооружений. Воссоединение Германии может обеспечить только сильный союз западных стран.

Возникла взаимная симпатия. С течением времени она крепла. Аденауэр часто обращался по многим вопросам к Даллесу непосредственно и всегда находил понимание и поддержку.

Корабль «Соединенные Штаты», на котором Аденауэр и его команда отправились в Нью-Йорк, Атлантический океан встретил апрельскими штормами. Большинство сопровождавших лежали в каютах, мучаясь морской болезнью. Канцлер как ни в чем не бывало гулял по палубе в прекрасном настроении, беседовал с капитаном, осматривал корабль или сидел, закутавшись в плед, на открытом воздухе в шезлонге и читал очередной детективный роман.

Однажды, проходя мимо каюты Хальштейна с раскрытой дверью, Аденауэр увидел, что хозяин куда-то отлучился. Зашел и унес папку с секретными документами. Потом два дня наблюдал озабоченность и растерянность Хальштейна. Папку вернул, сказав, что она ему понадобилась для уточнения позиции по германскому вопросу. Хальштейн облегченно вздохнул, так и не поняв, что канцлер подшутил над ним.

В гавани Нью-Йорка стоявшие там суда встретили «Соединенные Штаты» оглушительным концертом сирен.

Пожарные корабли устроили красочное зрелище из фонтанов. Аденауэру сказали, что подобные встречи устраивают редким гостям.

Первая пресс-конференция состоялась на корабле. На подходе к гавани к нему подошел баркас с журналистами. Но близился причал. Аденауэр успел лишь сказать, что испытывает огромную благодарность к американскому народу и его правительству, которые протянули руку помощи побежденной стране.

Над входом в отель «Уолдорф-Астория», где разместился Аденауэр, впервые после войны подняли немецкий флаг. Команда канцлера пребывала в предпереговорной суете. А Аденауэр вместе с дочерью Лоттой ездил по городу, отобедал с Дэнни Хайнеманном — тем евреем, который помог ему при нацистах, и отправился в Метрополитен-музей, где неторопливо, основательно полюбовался картинами Рембрандта, Ван Эйка, Дюрера, Кранаха. Вечером был в гостях у Макклоя, теперь уже президента банка «Чейз Манхэттен».

На следующий день самолет Эйзенхауэра «Коломбина» доставил Аденауэра в Вашингтон. Он впервые летел в машине, салоны которой приспособлены для работы и совещаний. Канцлер поразился, увидев на аэродроме встречавших: вице-президент Никсон, Даллес, министр финансов Хэмпфри, министр обороны Вильсон и множество деятелей более низкого ранга. Эйзенхауэр распорядился оказать немецкому канцлеру достойный прием.

Встречи и беседы проходили непринужденно, без протокольной чопорности, как это бывало во Франции, Италии, Англии. Простота американцев удивляла. Они могли самые ответственные переговоры вести, скинув пиджаки, с шутками и свободной жестикуляцией, и это не мешало серьезности работы. На одном из приемов видный американец похлопал канцлера по плечу и назвал его «добрый старина Конни». Аденауэр не изменил выражения лица, а после приема заметил:

— Американцы иногда ведут себя, как дети.

Беседа в Белом доме с Эйзенхауэром и Даллесом началась с того, что американский президент попросил канцлера чувствовать себя в Соединенных Штатах среди друзей. Говорили не только о крупных политических проблемах, но и о конкретных вопросах, которые тут же и решали. Американцы обещали увеличить помощь жителям Западного Берлина и беженцам из ГДР, возвратить немецкую собственность, взятую после войны, урегулировать вопрос о конфискованных немецких патентах, вернуть 350 немецких кораблей, полученных в качестве репараций. Достигли договоренности о нормализации торговых отношений и о расширении культурного обмена между

общественными организациями. Соединенные Штаты обязались поставить снаряжение для новой западногерманской армии и передать военные заказы немецкой промышленности. По просьбе канцлера американцы решили пересмотреть приговоры немцам, осужденным как военные преступники. Аденауэр объявил, что немецкая сторона передает американским войскам в Корее госпиталь с врачами и обслуживающим персоналом.

Ни канцлер, ни его команда такого успеха не ожидали. Готовились к затяжным дискуссиям на различных уровнях, а все решилось на встрече в верхах. Аденауэр особенно порадовался тому, что Эйзенхауэр, как и Черчилль, заверил: Соединенные Штаты не пойдут ни на какие соглашения с СССР в ущерб немцам, нового Потсдама не будет.

Аденауэр подарил американскому президенту картину неизвестного художника XVI столетия «Поклонение короля трем святым» и в ответ получил несколько тетрадей по английскому языку немца Карла Шурца, который после революции 1848 года эмигрировал в Америку и стал здесь министром внутренних дел.

Особенно волнующей оказалась церемония возложения венка к могиле Неизвестного солдата на Арлингтонском кладбище. Выстроился почетный караул всех родов войск, прогремел салют из двадцати одного залпа. За Аденауэром шли трое военных — средний с германским флагом. После возложения венка оркестр заиграл немецкий гимн. Канцлер увидел слезы на глазах одного из членов своей команды. Он и сам был в глубоком волнении: побежденные, они возвращались в семью свободных народов.

В приподнятом настроении отправился Аденауэр на пресс-конференцию в Национальный пресс-клуб. Множество собравшихся журналистов встретили его аплодисментами. Он понимал, что успех у прессы станет успехом всего визита. Канцлер начал выступление словами:

— Мы хотим свободы. Мы ненавидим коммунизм. Мы стремимся связать будущее немецкого народа с демократиями Запада.

Многочисленность аудитории, ее заинтересованность, аплодисменты привели Аденауэра в хорошую форму. Выступал четко, без тени волнения. Резкие, подчас провоцировавшие вопросы вызывали точные и остроумные ответы. Более часа длилась дискуссия. Канцлера проводили овацией. Газеты, поначалу весьма сдержанно освещавшие визит, стали писать об Аденауэре тепло, дружелюбно, а порой даже восторженно.

Команда канцлера волновалась: выдержит ли он нагрузки? Аденауэр чувствовал себя превосходно. Отвечая на вопросы, уверенно называл даты, приводил факты. Ни разу не сбился, не

проявил неуверенности. На приемах Аденауэр часами выстаивал с бодрым видом, пожимая бесчисленное количество рук, постоянно улыбался, находил для каждого из гостей приветливые слова. Волноваться за него перестали. После многочисленных мероприятий и пресс-конференций канцлер на следующий день вставал бодрым и подтянутым, готовым к новым нагрузкам.

На приеме в немецком посольстве один американский сенатор никак не хотел отведать рейнского вина, предлагаемого Аденауэром. Лучшим напитком в мире он считал виски «Бурбон». Наконец согласился, но с условием, что канцлер закурит его сигарету. Некурящий Аденауэр закурил. Сенатор выпил бокал вина. Газеты обошла единственная в своем роде фотография Аденауэра с сигаретой во рту.

В Джорджтаунском университете Аденауэр получил диплом почетного доктора права и выступил с речью.

Предстоял полет в Сан-Франциско. Канцлер с дочерью и сопровождающие сели в обычный рейсовый самолет. В районе Денвера попали в снежную бурю. Самолет проваливался в воздушные ямы, его бросало из стороны в сторону. Пилот решил сделать промежуточную посадку. Дважды он заходил на полосу и вновь набирал высоту, ибо плохо видел место приземления. На третий раз посадка удалась. Аденауэр спокойно сидел на своем месте и листал текст доклада, который ему предстояло сделать на следующий день.

Полет продолжался девять часов. В отель в Сан-Франциско попали лишь в полчетвертого ночи. Аденауэр вынул из кармана листки доклада и сказал Эккардту:

— Текст меня не удовлетворяет. Замечания и поправки смотрите на полях. Сделайте новый вариант и принесите его к завтраку в 8.00. — И добавил в свойственном ему стиле: — Спокойной ночи, господин Эккардт.

Сан-Франциско понравился Аденауэру. Уезжая, он спросил Хальштейна:

— Не могло бы Министерство иностранных дел направить меня сюда генеральным консулом?

В Чикаго ощутили немецкий дух. Остановились в отеле «Бисмарк». Торжественный ужин состоялся в клубе «Герман», вестибюль которого был украшен портретами знаменитых немцев периода 1870–1914 годов. Немцы в Чикаго давно уже стали настоящими американцами, но отдавали дань прошлому. Вспоминали случаи из истории Германии, с пивными кружками в руках пели народные немецкие песни. Аденауэр подтягивал.

После Чикаго — Кембридж, Бостон, Канада и снова Бостон. Всюду выступления, интервью, пресс-конференции. Аденауэр не

отказывался ни от одного пункта весьма плотных программ. Его постоянно показывало телевидение, о нем говорили по радио и писали газеты, велись киносъемки. Такого успеха в Америке не имел никто, кроме Черчилля. Один из американских журналов написал, что, глядя на Аденауэра, можно представить, какой жизненной силой обладает немецкий народ. Позднее, когда в Федеративной Республике останутся позади очередные выборы, блестяще выигранные Аденауэром, популярный журнал «Тайм» назовет его человеком года.

Домой Аденауэр возвращался рейсовым самолетом компании «Пан Американ». В Гамбурге его встретили как триумфатора. На аэродром пришло множество людей. По пути в отель «Четыре времени года» жители города бурно приветствовали канцлера.

На следующий день он отправился на съезд ХДС, собравшийся в одном из крупных залов Гамбурга. При появлении канцлера оркестр заиграл торжественный марш-триумф из «Аиды». Делегаты стоя аплодировали. Аденауэр открыл съезд, произнес краткую приветственную речь и, извинившись, покинул зал. Сказалась накопившаяся усталость. Он больше не хотел ни дискуссий, ни оваций. Стремился в Рёндорф к семье, картинам и розам.

После победы на выборах 1953 года, международных успехов 50-х годов средства массовой информации стали называть Аденауэра «великим старцем». Склонные к принятию фюрерства немцы охотно шли за сильным канцлером. И все же он оставался демократом, хотя и в рамках «демократии канцлера» или «демократуры», как писали о его правлении некоторые журналисты тех лет.

Единовластие не рождало у Аденауэра упоение властью, желание демонстрировать безграничные возможности, бравировать тем, что он самый сильный политик своей страны. Канцлер держался уверенно, достойно и подчеркнуто корректно в отношении и соратников, и противников.

Глава XIII
Армия и суверенитет

Вряд ли государственный деятель крупной страны может представить ее без собственной армии. И не только как фактора суверенитета и безопасности, а и самосознания и международного престижа. Над Германией висел исторический груз милитаристских, агрессивных традиций Пруссии, расцветших при национал-социалистах. Европе не так-то легко было освободиться от страха перед немцами даже после разгрома Германии во Второй мировой войне и ее безоговорочной капитуляции. Любые шаги по воссозданию немецкой армии неизбежно наталкивались на настороженность и сопротивление европейских народов, да и общественности самой Германии.

Аденауэр нашел в сложившихся условиях единственно возможное решение. Он увязал ремилитаризацию Федеративной Республики с вопросом европейской безопасности и отвел будущим немецким воинским частям роль составной части европейских коллективных вооруженных сил. Более того, он объединил подобный подход с идеями европейской интеграции, которая, по его представлению, должна затронуть не только экономическую и политическую, но и военную сферу. Предстояло убедить соседей в том, что Федеративная Республика является не источником страха для них, а партнером, готовым честно участвовать в процессе построения нового миропорядка и решения глобальных проблем, выдвигаемых научно-техническим прогрессом.

Постепенно психология западных европейцев менялась. Уходил страх перед немцами. Его затмевала угроза со стороны советской империи. Детище Сталина, понеся огромные потери во время войны, тем не менее усилило свои международные позиции. В сферу влияния Советского Союза попали многие страны Восточной Европы. Советские войска разместились далеко за его границами, выдвинулись до Эльбы. Коминтерновские идеи о дальнейшем распространении коммунизма приобретали все большую агрессивность. Сталин делал ставку на наращивание военной мощи.

Западные деятели осознавали, что в Европе и мире складывается новая, весьма тревожная обстановка. Первым забил тревогу Черчилль в знаменитой фултоновской речи. О советской угрозе стал говорить Даллес и другие американцы. Весьма остро ощущал ее и Аденауэр, особенно после начала Корейской войны.

В первых числах марта 1949 года в Москве состоялась встреча Сталина и Ким Ир Сена. Бывший офицер Советской армии, поставленный руководить Северной Кореей, просил военной помощи. Сталин обещал. К этому времени он уже серьезно думал о насильственном варианте объединения Кореи и введении на всей ее территории советской системы. В Северную Корею пошли эшелоны с оружием, боевой техникой, боеприпасами и снаряжением. В штабе северокорейской армии советские военные специалисты разрабатывали широкомасштабную наступательную акцию. В апреле 1950 года на тайной встрече в Москве Ким Ир Сен получил согласие Сталина на начало военных действий против Южной Кореи. Согласился на это и Мао Цзэдун.

25 июня 1950 года северокорейские войска нанесли первый мощный удар якобы в качестве ответа на провокационные действия Южной Кореи. Ожидалось, что хорошо подготовленное наступление принесет быстрый успех. И он был близок. Однако американские войска, высадившиеся в Корее по мандату Организации Объединенных Наций, вместе с южнокорейской армией остановили наступление с Севера, а затем и отвоевали большую часть занятой было территории.

Сталин, внимательно следивший за событиями, обратился с просьбой к Мао Цзэдуну помочь Ким Ир Сену. В Корею двинулись регулярные дивизии китайской армии, объявленные добровольцами. Северокорейские войска укрепили новыми группами советских советников. Для прикрытия с воздуха формировали советский авиационный корпус. На самолетах были китайские опознавательные знаки, советские летчики носили китайскую и корейскую форму. Действовал приказ Сталина: никто из советских военных не должен попасть в плен.

В послании Мао Цзэдуну от 1 октября 1950 года Сталин писал об обострении международной обстановки и допускал возможность начала третьей мировой войны. Он уверял китайского лидера, что СССР и Китай сильнее Соединенных Штатов, Англии и других капиталистических стран. Германия не имеет военной силы. Бояться третьей войны при таком положении не следует.

Закулисные детали разворачивавшихся действий Аденауэр не знал. Однако он ни в коей мере не сомневался, что вдохновитель и дирижер происходивших событий находится в Москве. С огромной тревогой он проецировал действия Сталина в Корее на Германию. Видел схожесть ситуации и предполагал, что в случае успеха в Корее Сталин приступит к силовому решению германского вопроса. В Восточной Германии размещена мощная группировка советских войск. Москва попытается использовать ее

для того, чтобы военным путем советизировать всю Германию. Воинские соединения ГДР начнут поход за освобождение Берлина и Западной Германии. Советские войска активно вмешаются. В помощь им начнут действовать западногерманские коммунисты. У американцев и западных европейцев не хватит сил для отпора. Нанести же ядерный удар Соединенные Штаты не решатся. Советские войска подступят к Франции и Италии, где свое слово скажут сильные коммунистические партии. В руках Советского Союза окажется экономический и военный потенциал, значительно превышающий американский.

Кошмар подобного сценария буквально преследовал Аденауэра. В августе 1950 года на совещании с Верховными комиссарами он говорил о необходимости создания вооруженных сил Федеративной Республики для отражения возможного наступления из Восточной Германии. Это могли бы быть добровольческие соединения численностью в 150 тысяч человек. Одновременно он поддержал только что выдвинутую идею Черчилля о создании европейской армии при участии в ней воинских частей из ФРГ.

Аденауэр высказывает мысль, что Западной Европе будет крайне трудно отразить советскую угрозу, что она нуждается в американском щите. Европа — главный очаг международной напряженности. Она расколота по идеологическому принципу. Линия противостояния проходит по разделенной Германии. Европа требует особого внимания всех мировых лидеров и в первую очередь руководителей Соединенных Штатов.

После бесед с Верховными комиссарами Аденауэр направляет им официальный меморандум с изложением своих предложений. Он находит положительный отклик. Собравшиеся на очередную конференцию (сентябрь 1950 г.) министры иностранных дел трех западных держав высказываются за формирование в ФРГ частей федеральной полиции и дальнейшее изучение вопроса о создании западногерманской армии. Вскоре Совет НАТО принял решение о том, чтобы дать Федеративной Республике возможность внести свой вклад в общую оборону.

Тревога, вызванная Корейской войной, охватила не только Аденауэра. Проблемы безопасности западноевропейских стран и возможных оборонительных мероприятий дискутировались во Франции, Италии, других государствах. Аденауэр же, постоянно возвращаясь к теме обороны, требует ее скорейшего решения, настаивает на усилении американских войск, дислоцированных в Федеративной Республике. Он предлагает союзникам при разработке оперативных документов использовать опыт немецких экспертов, накопленный в войне против русских.

В октябре 1950 года стал достоянием гласности план французского премьер-министра Р. Плевена, предусматривавший создание европейской армии с участием немецких контингентов. Через несколько месяцев в Париже начала работать конференция с участием Франции, Италии, Бельгии, Люксембурга и Федеративной Республики (ряд других государств принимал участие в качестве наблюдателей), которая разработала предложение о создании Европейского оборонительного сообщества и вынесла его на обсуждение правительств.

Немецкую делегацию возглавлял статс-секретарь Хальштейн. Аденауэр постоянно связывался с ним, вникал в детали обсуждения, давал соответствующие инструкции и рекомендации. Он с удовлетворением воспринимал, что к немцам относятся как к равноправным партнерам, что их голос на конференции звучит авторитетно и весомо.

Конференция предложила образовать общие вооруженные силы в качестве наднациональной структуры. В них должны были войти армии стран-участниц при общей системе снабжения. Ставилась задача по разработке программы специализации в области производства вооружений. Предполагалось, что ЕОС будет действовать в тесном контакте с НАТО, предоставлять свои соединения в распоряжение ее командования и руководствоваться его директивами.

По указанию канцлера бывшие генералы вермахта Ганс Шпейдель и Адольф Хойзингер стали разрабатывать проект создания 500-тысячной западногерманской армии в рамках системы европейской обороны. В конце 1950 года Аденауэр образует комитет по вопросам обороны, включает в него обоих генералов, бывшего полковника фон Кильманзега и профсоюзного деятеля, члена ХДС Теодора Бланка, который в скором времени возглавит ведомство обороны в правительстве Федеративной Республики.

Аденауэра тревожило неучастие Англии в европейской интеграции. Во время визита в Лондон он настойчиво проводит мысль о том, что Великобритании выгодно одной ногой стоять на континенте, а другой — в остальном мире. Не опираясь на Европу, она не решит своих проблем. Если англичане будут игнорировать европейские наднациональные образования, Европе трудно будет устоять перед давлением с Востока.

Английские деятели в тот период уделяли основное внимание сохранению британской империи. Они внимательно выслушивали Аденауэра, однако оставались при убеждении, что главные интересы Англии лежат не в Европе.

Энергичные действия Аденауэра по ремилитаризации

встретили неоднозначную реакцию западногерманской общественности. Против создания немецких вооруженных сил в национальном или европейском варианте выступил Шумахер. Его тревожили проблемы безопасности, но он считал, что немцы не в состоянии обороняться сами или вместе с европейскими союзниками. Предлагал вместо создания европейской армии разместить в Германии на зональной границе мощные американские соединения, которые могли бы вести военные действия к востоку от границ Федеративной Республики.

Идея ремилитаризации вызывала сомнение и тревогу у немцев. Еще не пришло понимание того, что создание армии — это шаг и к суверенитету, и к европейской интеграции. А социал-демократы ставили вопрос так: кто за войну — идите с ХДС, кто за мир — выступайте с нами. Аргументы христианских демократов оказались мало убедительными. В конце 1950 года ХДС проиграл выборы в ландтаги Гессена и Баден-Вюртемберга, а ХСС — в земельный парламент Баварии.

Крупный скандал разразился в правительственном лагере. Аденауэр предложил Кабинету министров утвердить принципиальную линию на создание западногерманской армии. Министр внутренних дел Густав Хайнеман проголосовал против, а затем в знак протеста вышел из состава правительства. Посетив в последний раз канцлера, Хайнеман сказал:

— Господь Бог уже дважды выбивал оружие из рук немцев. Федеративная Республика не должна идти против воли Бога.

Аденауэр высоко ценил личные качества Хайнемана, как и поддержку его протестантскими кругами. С сожалением убедился он в твердости его намерения.

— Не вправе удерживать вас. Хочу только заметить — Господь Бог дал нам голову, чтобы думать, и руки и ноги, чтобы действовать.

Расстались без враждебности. Хайнеман вскоре перешел к социал-демократам. Он пережил Аденауэра. Впоследствии стал президентом ФРГ.

Недовольство распространилось и в церковных кругах. Против ремилитаризации выступил авторитетный протестант пастор Нимёллер. На съезде ХДС в октябре 1950 года Аденауэр настойчиво и порой резко отстаивает свои позиции. В одном из выступлений он говорит:

— Перед человечеством встал вопрос: сохранит ли человек достоинство и свободу, христианский образ мысли или над ним на долгие годы восторжествует дух тьмы, рабства, антихриста? Мы должны позаботиться об обороне, но сделать это так, чтобы милитаристский дух никогда больше не вернулся к немцам. И

путь здесь один — включение немецкой армии в коллективные оборонительные силы западного мира. Нам никто не будет помогать, если мы не внесем собственного вклада в оборону.

Съезд утвердил позицию Аденауэра. Делегаты отметили как большой успех канцлера, что он действует вместе с союзными державами, что на Западе считаются с мнением Федеративной Республики, воспринимают немцев не как «пушечное мясо», а как равноправных партнеров.

Однако в стране продолжало нарастать недовольство. Его подогревали главным образом коммунисты и социал-демократы. Хотя действовали они по отдельности, но антивоенные выступления обычно выходили за партийные рамки и принимали массовый характер. Ширилось движение под лозунгом «Без меня!». Его участники на митингах и собраниях принимали резолюции против создания западногерманской армии и направляли их президенту, канцлеру, депутатам бундестага.

Пастор Нимёллер выступил с идеей всенародного опроса о ремилитаризации. Стали создаваться многочисленные комитеты для проведения референдума. Весной 1951 года в Эссене образовался центральный комитет. В него вошли социал-демократы и коммунисты, бывшие офицеры вермахта, церковные служители. Воззвание комитета в пользу референдума подписала тысяча видных общественных и политических деятелей. Группа известных юристов выступила в печати с заявлением, что народный опрос не противоречит конституции. Рабочие рурских предприятий провели массовые демонстрации во всех крупных городах области под антимилитаристскими лозунгами.

Аденауэр счел необходимым прибегнуть к решительным мерам. Правительство приняло постановление о запрещении референдума. Двумя днями позже оно было одобрено бундестагом. Социал-демократы неожиданно проголосовали вместе с депутатами от ХДС/ХСС. Шумахер и Олленхауэр к этому времени пошли на попятный. Они сочли, что антимилитаристские выступления могут дестабилизировать положение в стране, привести к непредсказуемым последствиям, и заявили, что законными методами борьбы могут быть только парламентские.

Начавшиеся было действия по проведению народного опроса стали затухать. В антимилитаристские мероприятия все чаще вмешивалась полиция. Борьбу продолжали фактически только коммунисты. Их лидер Макс Рейман произносил угрожающие речи в бундестаге. Во время одной из них президент бундестага лишил его слова и попросил покинуть зал. Рейман отказался уйти с трибуны, не закончив выступления. По требованию президента в

зал вошли полицейские. Депутаты-коммунисты вскочили со своих мест и окружили своего лидера. Начали скандировать: «Полицейские, вон из бундестага!» К скандированию присоединились социал-демократы. Шум охватил все помещение. Полицейских выпроводили, после чего Рейман вместе с коммунистическими депутатами покинул бундестаг.

Канцлер спокойно, с каменным лицом сидел на своем месте. Казалось, что заварушка в зале его вовсе не касается. Он был убежден, что его оборонная политика — единственно правильная, что создание немецких вооруженных сил и их интеграция с другими европейскими армиями — дело неизбежное и решенное, что у него найдутся средства убедить в этом общественность и призвать к порядку радикалов. Его тревожило лишь то, что на Западе Федеративную Республику могут счесть нестабильным и ненадежным партнером и изменить отношение к ней.

После ратификации бундестагом договора о создании Европейского оборонительного сообщества его без особых проволочек одобрили парламенты других подписавших договор стран, кроме Франции. Здесь события развернулись неожиданным образом. Против ЕОС в Национальном собрании решительно выступили депутаты-коммунисты. Многие представители других партий также высказывали опасения по поводу возрождения немецких вооруженных сил, пусть даже и интегрированных в европейские оборонительные структуры.

Процесс ратификации в Париже затягивался. Премьер-министр Мендес-Франс лавировал, не определяя точно своей позиции. На конференции участников ЕОС в Брюсселе в августе 1954 года он выдвинул ряд поправок к уже подписанному договору. Их не приняли. Аденауэр на конференции держался в тени, чтобы не обострять у французов антинемецкие настроения.

Мендес-Франс высказал идею обратиться к Советскому Союзу с предложением согласиться на воссоединение Германии в обмен на отказ европейцев от ЕОС. Аденауэр категорически выступил против. Его поддержали остальные участники. Канцлера встревожила готовность французского премьера пойти на сговор с СССР и тем самым разрушить единую политическую платформу Запада.

Из Брюсселя Аденауэр уезжал с надеждой, что общеевропейская идея у французов возьмет верх над опасениями перед ремилитаризацией немецкого соседа. Его надеждам не суждено было оправдаться.

30 августа 1954 года Национальное собрание Франции приступило к процессу ратификации. Аденауэр находился на отдыхе в местечке Бюллер Хёе близ Баден-Бадена. Ему постоянно

докладывали о ходе обсуждения. Канцлер запросил немецкого посла в Париже — не следует ли ему, Аденауэру, предпринять какие-либо шаги, чтобы добиться благоприятного результата. Посол настоятельно посоветовал ничего не предпринимать. Он откровенно сказал, что любое выступление немецкого канцлера лишь ухудшит положение.

В девять часов вечера посол позвонил Аденауэру и сообщил, что 319 голосами против 264 Национальное собрание отклонило договор об ЕОС с формулировкой, что данный вопрос больше не будет обсуждаться. Большинство депутатов встали со своих мест и запели «Марсельезу» — они похоронили Европейское оборонительное сообщество.

Такого поворота событий Аденауэр не ожидал. Он был потрясен. Два дня не хотел ни с кем разговаривать. С созданием ЕОС были увязаны вступление в силу Германского договора и отмена Оккупационного статута. Рушилось то, что приносило ФРГ полный суверенитет и продвигало вперед дело европейской интеграции. Канцлер назвал 30 августа «черным» днем для Европы. Его не покидало обычно несвойственное ему раздражение. Он дает интервью лондонской «Тайме» и говорит, что французы губят европейскую интеграцию. Франция изолирует себя от Европы. Теперь в Германии не исключена новая вспышка национализма. Федеративная Республика должна получить право на создание собственных вооруженных сил. Канцлер пишет Даллесу, что лучшие европейцы живут в Америке.

В Бюллер Хёе были вызваны все члены кабинета. Они ругали французов, но ничего конструктивного придумать не могли. На следующий день было опубликовано заявление. В нем указывалось, что правительство ФРГ намерено продолжать политику европейской интеграции во всех сферах и будет стремиться к получению Федеративной Республикой суверенитета при ее участии в европейской обороне.

Через несколько дней Аденауэр полностью пришел в себя. Он попросил Хальштейна дать ему многостраничный текст договора об ЕОС, который он ранее в деталях не читал. Пройдясь по тексту, он сказал Хальштейну:

— Люди там, в Париже, не дураки. Договор, который вы подготовили, не так уж и хорош, как о нем говорили. — Канцлер предложил статс-секретарю продумать следующие шаги.

Обстановка менялась быстро. Аденауэр получил поддержку от англичан и американцев. В середине сентября 1954 года Иден предложил временно отказаться от планов интеграции Европы, ввести в силу Германский договор и принять Федеративную Республику в качестве суверенного государства в НАТО.

Вскоре в Бонн прибыл Даллес. Канцлер и государственный секретарь сошлись во мнении, что вступление ФРГ в НАТО — лучшее решение вопроса о создании немецкой армии и суверенитете. Даллес осудил действия французов, демонстративно отказался от визита в Париж, сказал, что на Францию нужно оказать давление, но так, чтобы не бросить ее в объятия России.

Личные отношения Аденауэра и Даллеса укрепились. В одной машине они отправились на аэродром и договорились о новых совместных шагах. Согласились, что никакие компромиссы с Москвой невозможны — необходимо добиваться включения Федеративной Республики в западные структуры. Канцлер, вопреки протоколу, проводил государственного секретаря до трапа самолета, на котором Даллес улетел из Бонна.

С 29 октября по 3 ноября 1954 года в Лондоне прошла конференция девяти государств: Англии, Франции, Италии, стран Бенилюкса, ФРГ, США и Канады. Аденауэр тесно контактирует с Иденом и Даллесом. Обсуждается вопрос о немецком суверенитете и создании армии ФРГ в рамках НАТО. Мендес-Франс открыто демонстрирует недоверие к немцам и весьма сдержанно относится к приему Федеративной Республики в НАТО. Решительно высказывается за наложение на немцев ограничений в сфере производства вооружений.

Жесткая позиция французского премьер-министра поставила конференцию на грань срыва. Аденауэр заявляет, что Федеративная Республика откажется от производства атомного, химического и бактериологического оружия, от некоторых видов тяжелого вооружения. Даллес и Иден решительно поддерживают Аденауэра.

Конференция спасена. Достигается договоренность о вступлении Федеративной Республики в НАТО, о ее вкладе в совместную оборону. Брюссельский договор между Бельгией, Францией, Великобританией, Голландией и Люксембургом о предоставлении взаимопомощи в случае нападения на одну из стран, заключенный в марте 1948 года, трансформируется в Западноевропейский Союз с участием в нем Федеративной Республики и Италии. Ему надлежало стать ядром европейской интеграции. Решили в короткие сроки отменить Оккупационный статут и упразднить союзническую Верховную комиссию в Германии. Федеративная Республика получила право сформировать 12 дивизий, военно-воздушные силы в составе 1350 самолетов и военно-морские силы в виде небольших соединений.

По настоянию Аденауэра представители трех оккупационных держав сделали заявление, что признают правительство

Федеративной Республики единственно законным в Германии и будут постоянно стремиться к воссоединению страны в условиях свободы.

Через три недели участники Лондонской конференции собрались снова, теперь в Париже. И вновь проблемы с Мендес-Франсом. Он всячески оттягивал решение вопроса об отмене Оккупационного статута и приеме Федеративной Республики в НАТО. Пытался в обмен на согласие закрепить французские позиции в Саарской области.

Иден дал ужин в английском посольстве. После десерта он пригласил Аденауэра и Мендес-Франса в библиотеку и закрыл за ними дверь. Остальные разместились в близлежащих комнатах в ожидании результата. Ждать пришлось долго. Наконец канцлер и премьер-министр вышли и объявили, что путь к подписанию подготовленных соглашений открыт. Далеко за полночь они вышли из посольства через боковые двери, чтобы не попасть в объятия журналистов, в большом числе дежуривших у посольства.

22 октября 1954 года Совет НАТО принимает решение пригласить Федеративную Республику вступить в НАТО. На следующий день подписывались документы. Торжественность несколько приуменьшили. В памяти еще свежи были воспоминания о провале договора об ЕОС. Подписали протокол об окончании оккупационного режима в ФРГ и о ее вступлении в НАТО. Федеративной Республике разрешили проведение ядерных исследований и использование атомной энергии в мирных целях, а также производство всех видов вооружений, кроме стратегических бомбардировщиков дальнего действия.

Из Парижа Аденауэр возвращался в приподнятом настроении. А через несколько дней вылетел с визитом в Соединенные Штаты. Там, на пресс-конференции, он с удовлетворением рассуждал о том, что Европа создает сообщество с целью политической, экономической и военной интеграции. Великобритания впервые в истории присоединяется к европейским континентальным державам. Германия и Франция встают на путь широкой кооперации. Федеративная Республика вступает в НАТО как равноправный партнер.

Визит в Соединенные Штаты пришлось прервать. Неожиданно после операции по удалению гланд умер президент бундестага Элерс. Аденауэр вылетел на американском военном самолете. Европейский континент закрыл плотный туман. Самолет сделал несколько кругов над Англией и, не приземлившись, взял курс на Париж. Здесь удалось сделать посадку на военной полосе аэродрома Орли. Около часа ночи Аденауэру принесли походную кровать и разместили в пустой казарме. В шесть утра разбудили с

сообщением, что принимает аэропорт Бремена. Тут же вылетели. В десять часов утра Аденауэр был на панихиде.

В Бонне Аденауэра ждали очередные наскоки оппозиции. Социал-демократы с нарастающей настойчивостью заявляли, что, вступая в НАТО, Аденауэр закрывает путь к достижению договоренностей с Востоком о воссоединении Германии. Вновь вспыхнуло брожение в общественных кругах. В печати появились статьи, критикующие канцлера.

В конце января 1955 года во Франкфурте-на-Майне в церкви Святого Павла по инициативе социал-демократической партии и профсоюзов прошло широкое собрание с участием видных общественных деятелей. Приняли документ, получивший название «Немецкий манифест». В нем говорилось, что после ратификации Парижских соглашений возникнут две враждебные немецкие армии. Друг против друга с оружием в руках окажутся не только соотечественники, но и братья. Манифест требовал от Аденауэра отказаться от Парижских соглашений и ремилитаризации и призывал всех людей доброй воли поднять свой голос против действий боннского правительства. В стране развернулся и довольно успешно шел сбор подписей населения под «Немецким манифестом».

Аденауэр отрицательно оценил франкфуртский манифест, но с уважением отнесся к участникам собрания, принявшим его. На очередной пресс-конференции он сказал:

— Думаю, они действуют от чистого сердца. Но политику нельзя делать только сердцем. Нужно иметь трезвую голову, хладнокровно разбираться в обстоятельствах, руководствоваться не мечтами и романтикой, а реалистическим подходом. Политикой должны заниматься правительство и парламент, а не общественные движения, какие бы благие намерения они ни имели.

Канцлер верил в правильность своих действий, в разработанную им стратегию.

Кто-то из журналистов напомнил Аденауэру, что после образования ФРГ он высказывался против ее ремилитаризации.

— Никто не помешает мне становиться с каждым днем умнее, — спокойно ответил канцлер.

У многих в Федеративной Республике сложились иллюзии о возможности договориться с Советским Союзом о воссоединении Германии. Перед фактом усиления НАТО за счет ФРГ со всем ее мощным потенциалом Н. С. Хрущев проявлял нервозность. Из Москвы одно за другим следовали обещания и угрозы. Советский Союз, памятуя о провале ЕОС, надеялся на срыв ратификации Парижских соглашений. В Москве заявляли, что готовы к

переговорам по германскому вопросу и нормализации отношений с ФРГ, но вступление Федеративной Республики в НАТО сделает такие шаги невозможными.

Социал-демократы требовали поймать советских руководителей на слове и вступить с ними в переговоры. Аденауэр не верил в искренность Москвы, по-прежнему считал, что сначала нужно укрепить позиции Запада, а потом уже разговаривать с Москвой.

— Коммунисты признают силу и только силу, — рассуждал канцлер в кругу помощников, — Советы не отказались от экспансионистских намерений, и противостоять им можно лишь коллективными действиями западного мира. Нельзя преувеличивать возможности России. У нее нет реальных рычагов, чтобы остановить интеграционные процессы на Западе. К тому же у русских остаются нерешенными многие внутренние проблемы. Оппозиция не права, утверждая, что после ратификации Парижских соглашений Москва не пойдет ни на какие переговоры. Убежден, что именно после вступления в НАТО Федеративная Республика станет для нее интересным партнером.

Ход ближайших событий подтвердил его правоту.

Советское руководство сделало последний отчаянный шаг. Накануне обсуждения Парижских соглашений в Национальном собрании Франции оно денонсировало франко-советский договор о дружбе, заключенный в 1944 году. Французов пугали и заклинали не допустить ремилитаризации Федеративной Республики. Все было тщетно. 30 декабря 1954 года Национальное собрание ратифицировало Парижские соглашения и открыло для ФРГ путь к вступлению в НАТО.

Предстояла борьба в бундестаге. Аденауэр выступает по радио и телевидению, дает интервью газетам и журналам, пытаясь сбить общественный настрой против НАТО и ремилитаризации, поддерживаемый социал-демократами. Канцлер доказывает, что, отказавшись от Парижских соглашений, Федеративная Республика не получит суверенитета и останется объектом политики других держав. Будет подорвана идея европейской интеграции и ослаблена НАТО — главная опора против коммунистической экспансии. Немцам перестанут доверять на Западе, что нанесет удар в том числе и по экономике ФРГ. Над страной нависнет угроза политического и экономического банкротства.

Аденауэр намеренно сгущал краски. Он знал, что под воздействием протестантских церковных деятелей, выступавших против ремилитаризации, часть депутатов ХДС колеблется. Оппозиция же сплоченно шла против правительства. Наконец все

решилось. После бурных дебатов 26 и 27 февраля 1955 года бундестаг незначительным большинством ратифицировал Парижские соглашения. 5 мая 1955 года перестал действовать Оккупационный статут, а на следующий день Федеративная Республика стала членом НАТО и Западноевропейского Союза.

5 мая 1955 года в 12 часов дня Верховные комиссары прибыли в Шаумбург. Их встретили Аденауэр и члены правительства. Франсуа-Понсэ от имени трех держав торжественно объявил: Оккупационный статут упраздняется, союзная Верховная комиссия и ее представительства в землях прекращают свое существование. Позже на приеме у президента Хойса как всегда остроумный Франсуа-Понсэ скажет: редкому человеку удается произнести речь на собственных похоронах.

Через три часа под звуки гимна на всех правительственных учреждениях в Бонне были подняты немецкие флаги. Перед дворцом Шаумбург выстроился взвод федеральных пограничных войск. Аденауэр медленным шагом подошел к мачте и поднял государственное знамя. Затем он обратился к собравшимся. Канцлер говорил торжественно и взволнованно. Он объявил, что оккупация страны прекращается. Федеративная Республика теперь свободное и независимое государство. Она становится равноправным партнером бывших оккупационных держав. Ее главнейшей задачей остается завоевание свободы для немцев в советской оккупационной зоне и освобождение всех, кто еще находится в плену.

Из толпы собравшихся вышла женщина и преподнесла канцлеру букет роз.

Исторический день Аденауэр закончил в Рёндорфе в кругу семьи. Он преодолел все препятствия на пути к цели. Сомнения и колебания в стане западных партнеров, ожесточенное сопротивление оппозиции остались позади. Федеративная Республика уверенно смотрела в будущее.

А через месяц советские руководители пригласили Аденауэра в Москву для переговоров о нормализации отношений между Советским Союзом и Федеративной Республикой.

Немцы все более убеждались, что Аденауэр является уникальным и выдающимся деятелем. Благодаря его усилиям страна перестала быть изгоем и парией. Она стала партнером и союзником свободного мира. С ней начали считаться и на Востоке.

Глава XIV
Историческое примирение

В истории Европы так сложилось, что франко-германские отношения длительный период во многом определяли политический климат континента. Приграничные земли переходили из рук в руки. У немцев и французов почти всегда были территориальные претензии друг к другу. Добрососедства практически никогда не возникало. При Наполеоне французская армия огнем и мечом прошла по немецким землям. Более чем через полвека Бисмарк взял убедительный реванш. А затем две опустошительные мировые войны. Унизительный для Германии Версальский мир. Через два десятилетия захват Франции гитлеровским вермахтом. И наконец участие Франции в разгроме Германии и ее оккупации.

Рейнская область, и в частности Кёльн, длительное время входили в состав французского государства. Решением Венского конгресса в 1815 году она отошла к Пруссии и с тех пор стала окончательно немецкой. Рейнцы и вестфальцы смотрели на Пруссию как на полицейское государство, источник милитаризма. Жесткое управление из Берлина оборачивалось новыми и новыми поборами. К тому же протестантская Пруссия со времен «культуркампфа» постоянно притесняла рейнских католиков.

Эти обстоятельства во многом определяли ход мыслей Аденауэра. Будучи обер-бургомистром Кёльна, он не скрывал антипрусских настроений. Власть нацистов он также связывал с прусскими милитаристскими корнями. До 1951 года Аденауэр никогда не бывал во Франции. Но, как и многие рейнцы, отвергая прусский тоталитаризм, тянулся к французскому либерализму и культуре, к духовным ценностям, основанным на католических традициях.

Для Аденауэра-канцлера это был, разумеется, лишь фон. К франко-германскому замирению и сближению его вело убеждение, что без него в Европе не будет мира, что европейская интеграция и успешное противостояние угрозе с Востока невозможны без совместных действий Франции и Германии. Примирение с Францией стало одним из главных деяний Аденауэра, изменивших европейский политический ландшафт. Далось оно не сразу и не легко.

После Второй мировой войны французы, упоенные освобождением от оккупации и полным разгромом вековечного врага, замахнулись на ряд немецких территорий. Вначале они

хотели присоединить к Франции Рейнскую область вместе со всей рурской промышленностью. Союзники воспротивились. Тогда французы стали настаивать на отделении Рура от Германии и предании ему международного статуса. Но и вопрос об отделении отпал. В многосторонний орган по управлению Руром допустили немецких представителей. Аденауэр понимал, что ничего иного пока добиться невозможно и, преодолевая сопротивление оппозиции и обвинения в отсутствии патриотизма, согласился с рурским международным статусом. Он не сомневался, что в ходе европейской интеграции положение дел изменится и Рурская область будет участвовать в ней как немецкая административная единица.

Решение пришло вместе с планом Шумана. Европейское объединение угля и стали отменило международный статус Рура и ликвидировало Контрольный орган по Руру. Он стал частью земли Северный Рейн-Вестфалия.

О необходимости взаимопонимания с Францией Аденауэр начал говорить еще в 1950 году. Он подчеркивал, что речь идет не только о преодолении вековой вражды, но и широком франко-германском союзе, к которому могли бы присоединиться Англия и континентальные европейские страны.

Шумахер не оспаривал западной ориентации, но, как всегда, утверждал, что приоритетная постановка вопроса о западноевропейской интеграции и франко-германском взаимопонимании мешает договоренности с Советским Союзом о воссоединении Германии, а без нее и Европа останется больной. Германия должна оставаться вне союзов и группировок до воссоединения.

Погожим весенним днем 1951 года самолет Аденауэра приземлился в Орли. В аэропорту канцлера и министра иностранных дел Федеративной Республики, прибывшего в Париж для подписания договора об ЕОУС, не встречал никто из членов правительства — в это время шло важное заседание французского Кабинета министров. Аденауэр почувствовал себя несколько задетым, хотя и скрыл негативные эмоции. На аэродроме он заявил:

— Немецко-французское взаимопонимание является ключом для решения любого европейского вопроса.

Через несколько часов французский протокол поставил все на свои места. Аденауэра со всеми почестями принял в Елисейском дворце президент Франции Венсан Ориоль и дал в его честь завтрак.

В свободное от переговоров и официальных встреч время Аденауэр в черном пальто с зонтиком гуляет по Большим

бульварам, Елисейским полям. С Триумфальной арки любуется панорамой Парижа. Прохожие узнают Аденауэра. Недоброжелательства не проявляют. Журналисты фотографируют, забрасывают вопросами. Канцлер улыбается, охотно отвечает.

Старый знакомый Франсуа-Понсэ зазывает канцлера в небольшой ресторанчик с изысканными блюдами и винами. Аденауэр по достоинству оценил эксклюзивную кухню, развеселился и сказал сопровождавшему его Хальштейну:

— Распорядитесь наше сегодняшнее меню выбить на каменной плите и повесить ее у дверей МИДа в Бонне.

Французская печать хорошо отзывалась о немецком лидере. И лишь «Юманите» и другие коммунистические издания называли его ставленником американских военных концернов и марионеточным канцлером.

На приеме в Клубе прессы собрались многочисленные французские и иностранные журналисты. Аденауэр вышел на трибуну и сказал:

— Текст моей речи у вас есть, я откладываю его в сторону и скажу кое-что без текста. — Шумок в зале быстро затих. Канцлер выдержал небольшую паузу и продолжил: — С планом Шумана начинается новый период в отношениях Германии с Францией и другими европейскими странами. Вражда невозможна между народами, чья экономика переплетается. Новая Европа — отечество всех европейцев на основе христианских западных традиций, источник духовной силы и залог мирного труда. Новая Европа будет защищаться против любого врага, но сама она — не враг никому.

Собравшиеся наградили канцлера аплодисментами. С хорошим настроением он серьезно и остроумно отвечал на вопросы, парировал недоброжелательные реплики, подчеркивал, что чувствует себя в Париже среди друзей. Умение Аденауэра разговаривать с прессой, привлекать журналистов на свою сторону проявилось в полной мере.

В отеле Аденауэра ждал сюрприз. Ему передали письмо парижской студентки Симоны Патрулье. В конверте вместе с письмом находился французский солдатский орден «Военный крест». Симона писала, что приезд Аденауэра в Париж рассматривает как важный шаг к примирению Франции и Германии. Она просит канцлера принять орден ее отца, полученный во время Первой мировой войны, в надежде, что наши народы никогда больше не будут воевать друг против друга.

Растроганный Аденауэр принял орден и всю жизнь дорожил им как символом франко-германской дружбы. Он встретился с

Симоной, обещал содействовать развитию широких контактов между французской и немецкой молодежью. Вернувшись в Бонн, устроил французской студентке стипендию в Мюнхенском университете.

Позднее Штраус напишет об Аденауэре, что в нем сочетались две личности: великий немецкий государственный деятель с четкими антипрусскими воззрениями и великий европеец, бывший в первую очередь другом французов, в вековой вражде с которым он видел трагедию Европы.

Между Францией и Федеративной Республикой стояла крупная проблема — будущее Саарской области. Убрать эту проблему значило освободить франко-германские отношения от территориальных претензий, столь сильно отягощавших оба государства.

Американцы и англичане после капитуляции Германии не намеревались выделять Франции зону оккупации наравне с тремя главными державами антигитлеровской коалиции. И лишь по настоянию Сталина на Ялтинской конференции побежденную Германию разделили на четыре зоны оккупации, уравняв Францию в правах с Соединенными Штатами, Великобританией и Советским Союзом по управлению ею оккупационной зоной и французским сектором Берлина, а также по решению общегерманских вопросов.

Французы жестко администрировали в Бадене и Вюртемберге, включенных в их зону оккупации. Проводили повальный демонтаж промышленных предприятий. Мало считались с немецкими органами самоуправления. Это была естественная реакция на недавнюю оккупацию Франции германским вермахтом. На немцев выплескивалось то, что накопилось у французов за четыре безрадостных года.

Саарская область с ее населением в 1 миллион человек также вошла во французскую зону. Однако французы выделили ее в самостоятельное образование и заявили о намерении объединить ее экономически, а позднее и политически с Францией. Для начала создали таможенный союз между Сааром и Францией. Затем расширили территорию области за счет близлежащих земель. На Московской конференции министров иностранных дел весной 1947 года Франция потребовала прямого присоединения к ней Саара. Категорически против выступил Советский Союз. США и Англия вроде бы поддержали Францию, но в конечном итоге согласились, что саарский вопрос может быть решен только при заключении мирного договора с Германией.

Процесс офранцуживания Саара продолжался. В обращение ввели французский франк. Под французским управлением

оказались угольные шахты. Провозгласили экономическую унию между Сааром и Францией. Французы подчинили себе саарские железные дороги. В школах стал обязательным французский язык. В октябре 1947 года провели целенаправленные выборы в ландтаг: почти все депутаты оказались сторонниками сближения с Францией. Сформировалось профранцузское правительство. В июле 1948 года был утвержден собственный флаг Саара — триколор с белым крестом. Запретили пронемецкую политическую партию. Ввели ограничение на ввоз немецких газет. Магазины наполнились французскими товарами широкого спроса. Премьер-министр Гофман всячески демонстрировал, что население Саара горит желанием объединиться с Францией.

Союзники не одобрили действий Франции. Присоединение к ней Саара не фиксировалось ни в одной договоренности по послевоенному устройству Германии. В октябре 1948 года Соединенные Штаты официально заявили, что Саарская область юридически остается составной частью Германии. Их поддержали англичане.

До того как стать канцлером, Аденауэр не высказывался по саарской проблеме. И после он проявлял сдержанность, всячески избегал прямого столкновения с Францией. Несмотря на критику Шумахера, он вел гибкую линию, доказывал, что необходимо терпение и постоянный контакт с французами.

В январе 1950 года в Бонн прибыл Робер Шуман. У Аденауэра установились хорошие отношения с французским министром иностранных дел. Разговаривали с глазу на глаз. Шуман родился в Лотарингии, когда она принадлежала Германии. Рос и воспитывался в немецкой среде. В Бонне ему не нужен был переводчик. В беседах с канцлером Шуман оправдывал действия французов в Сааре. Аденауэр не обострял характер бесед, но настаивал, что окончательно все территориальные вопросы должны решиться в мирном договоре. Он уповал на поддержку Соединенных Штатов, с которыми у канцлера все в большей степени крепло взаимопонимание.

Французы одно за другим заключали соглашения с правительством Саара. Общая конвенция предусматривала независимый статус Саарской области, ее экономическое объединение с Францией, французский контроль над саарской горнодобывающей промышленностью и железными дорогами. То, что уже реально действовало, французы вводили в договорные рамки. В Париже объявили о намерении принять Саар в Европейский Совет.

От американского и английского Верховных комиссаров Аденауэр добился заявления о том, что Франко-саарская

конвенция носит временный характер и что затронутые в ней вопросы подлежат урегулированию в мирном договоре. На очередной пресс-конференции он в довольно жесткой форме высказался против включения Саара в Европейский Совет и охарактеризовал действия французов как подрывающие единство Европы.

Противоборство в Сааре и вокруг него обострялось. Франция как оккупирующая держава имела властные преимущества. Но население Саара было немецким. В первые послевоенные годы оно лояльно относилось к французам. Оккупационные власти оживили саарскую промышленность, у населения появилась работа и заработки, чего пока не было в соседних немецких землях.

Аденауэр не сомневался, что по мере роста экономического благосостояния Федеративной Республики и укрепления ее международного авторитета чувства саарцев будут меняться. Он держал в уме успешное решение проблемы Рура и надеялся на такое же по Саару. И действительно, у саарцев постепенно активизировались пронемецкие настроения. Без особого шума начала действовать партия, выступающая за воссоединение Саара с Германией. Она получала негласную финансовую поддержку из ФРГ.

К середине 50-х годов саарские немцы могли убедиться, что в Федеративной Республике происходит консолидация немецких земель, укрепляется государственность, начался бурный экономический подъем. Акценты в сознании людей стали меняться. Все большее значение приобретал национальный фактор.

Решая главную задачу — обретение Федеративной Республикой суверенитета, — Аденауэр сознательно не выпячивал саарскую проблему, постоянно подчеркивал необходимость взаимопонимания с Францией и построения интегрированной Европы. Незадолго до подписания Парижских соглашений в выступлении по радио он заявил, что нет европейской политики без или против Германии. И, развивая мысль, добавил, что взаимопонимание с Францией является для него как вопросом национального убеждения, так и делом сердца.

Учитывал канцлер и тот фактор, что у населения западноевропейских стран еще сохранялось недоверие к немцам. Он делал все возможное, чтобы рассеять его. Держал себя открыто. Чуть ли не ежедневно принимал немецких и иностранных журналистов и разъяснял линию правительства. Регулярно выступал по радио, произносил речи на различных мероприятиях. В этот период газеты всего мира пестрели

интервью или просто высказываниями Аденауэра.

Саарская проблема лежала камнем на франко-германских отношениях. Американцы и англичане побуждали Францию и ФРГ решить ее, не дожидаясь мирного договора. Аденауэр вел многочисленные беседы и переговоры с французскими представителями. Те настаивали на длительном отделении Саара от Германии. Канцлер не соглашался. Он признавал экономические интересы Франции в Сааре и проявлял готовность учесть их при окончательном урегулировании.

Во второй половине октября 1954 года, когда министры иностранных дел съехались в столицу Франции для подписания Парижских соглашений, Аденауэр имел несколько продолжительных бесед с Мендес-Франсом. Без особого труда достигли согласия об усилении сотрудничества в экономической области и подписании долгосрочного торгового договора, о создании немецко-французской торговой палаты и смешанного комитета по разработке предложений о дальнейших шагах по углублению сотрудничества в промышленности и сельском хозяйстве. В комитет решили включить представителей обоих правительств и предпринимателей. Договорились об образовании двусторонней комиссии для активизации культурных контактов, обмена студентами и профессорами, архивными и библиотечными материалами, молодыми рабочими и представителями ремесел.

Однако, как только речь заходила о Сааре, переговоры заходили в тупик. Позиции оказывались полярными. Мендес-Франс настаивал на европеизации Саарской области, имея в виду окончательное отделение Саара от Германии. Аденауэр эту точку зрения не принимал, высказывался за проведение референдума для определения воли народа. Канцлер требовал установить срок окончания французского управления в горнодобывающей промышленности, предоставить возможность немецкому банковскому и промышленному капиталу осуществлять инвестиции в Сааре.

Недоговоренности по Саару грозили сорвать подписание Парижских соглашений. Аденауэр срочно вызвал в Париж представителей фракций коалиционных правительственных партий, председателя внешнеполитического комитета бундестага, а также представителей социал-демократической партии. Канцлер не исключал возможности срыва переговоров и его отъезда из Парижа. Подобное решение он хотел принять в присутствии парламентских представителей. В душе же надеялся на достижение договоренности с французами при поддержке Даллеса и Идена. Так оно и случилось.

К согласию пришли во время ночной беседы в библиотеке английского посольства, о которой упоминалось в предыдущей главе. Ужин у Идена проходил в напряженной обстановке. Все понимали, что на карту поставлена тщательно разработанная система договоров, определявших будущее развитие Западной Европы. Когда после десерта Аденауэр и Мендес-Франс уединились в библиотеке, Даллес заявил, что готов взять на себя роль посредника, если они и сейчас не придут к согласию.

Лишь за полночь Аденауэру удалось убедить Мендес-Франса отказаться от решения, предусматривающего окончательное отделение Саарской области от Германии. Договорились о следующем: в Сааре проводится плебисцит о международном статусе области, отклонение его будет означать волю населения остаться в составе Германии.

Аденауэр с удовлетворением думал о том, что удалось спасти Парижские соглашения. Но и не давала покоя мысль об огромной ответственности, которую он взвалил на себя: при неблагоприятном исходе плебисцита Саар уйдет из Германии. Канцлер надеялся на патриотические чувства саарских немцев, но предсказать однозначно результат народного опроса не мог никто. Мендес-Франс и Аденауэр согласились не будоражить по возможности саарский вопрос в своих странах, чтобы избежать националистических проявлений, и не мешать положительному развитию франко-германских отношений.

Тем не менее проблема Саара в Федеративной Республике стала предметом широкой публичной полемики. Против международного статуса решительно выступили социал-демократы. Они говорили о нем как о свершившемся деле. Не верили в положительный исход референдума. Эрих Олленхауэр, ставший председателем СДПГ после смерти в 1952 году Шумахера, заявил в выступлении по радио, что канцлер бросает на произвол судьбы миллион немцев в Сааре, что парижские договоренности по Саару вредят франко-германским отношениям и ухудшают международное положение Федеративной Республики. Одна из социал-демократических газет писала, что Саар предан и продан канцлером; другая вторила: Аденауэр — самый непригодный министр иностранных дел в истории Германии. Он заплатил непомерно высокую цену за французское согласие на вступление ФРГ в НАТО; делает несчастным население Саара и вовсе не достигает примирения с Францией.

О своем отклонении саарских договоренностей заявила союзная с Аденауэром Свободная демократическая партия. Да и в самих ХДС/ХСС проявлялись тревожные настроения. Канцлер и его соратники, ведя полемику с сомневающимися, говорили, что

населению Саара гарантирована политическая свобода. Оно само должно принять решение и есть все основания надеяться, что плебисцит приведет к отклонению международного статуса.

По соглашению с Мендес-Франсом Аденауэр не мог публично и прямо выступать против международного статуса и выражать надежду на его отклонение. Тайно, однако, он финансировал лидера саарских пронемецких сил Генриха Шнайдера, а тот публично критиковал канцлера за то, что он не содействует воссоединению Саара с Германией, обвинял его в отступничестве. Брентано и другие лидеры ХДС/ХСС также поначалу высказывали критические замечания, но затем стали выдвигать на первый план довод: они верят, что население Саара выскажется за его принадлежность к Германии.

Договоренности по Саару голосовались в бундестаге в те же дни, что и комплекс Парижских соглашений. Они были одобрены 264 голосами против 201. Незначительным большинством приняло их и французское Национальное собрание.

Страсти вокруг Саара несколько утихли. В самой Саарской области пронемецкие силы объединились в Патриотический союз и повели энергичную кампанию за отклонение международного статуса. 22 октября 1955 года состоялся плебисцит. 63 процента принявших в нем участие высказалось против статуса.

Через два месяца прошли выборы в саарский ландтаг. Они дали Патриотическому союзу 65 процентов голосов. Новое правительство Саара объявило его частью Германии. 1 января 1957 года по согласованию с французами было официально провозглашено объединение земли Саар с остальными землями Федеративной Республики. При этом предусматривалось, что в течение трех лет угледобывающая промышленность перейдет в полное управление немцев, а за Францией останется право преимущественного получения саарского угля, а также свободного обмена товарами с Сааром. Судоходный Мозель, как и верхний Рейн, мог использоваться на равных правах обеими странами.

1 января 1957 года Аденауэр на специальном поезде прибыл в Саарбрюккен. Население встретило его довольно прохладно, ибо многие считали его сторонником международного статуса Саарской области. Отношение изменилось после выступления канцлера в городском театре. Он говорил с патриотическим пафосом, закончил словами: нынешний день является самым прекрасным в его жизни.

Возвращение Саара стало одним из крупнейших успехов канцлера Аденауэра. При этом не была нарушена основная линия на примирение с Францией, на европейскую интеграцию и

включение Федеративной Республики в атлантические структуры. Осуществляя эту линию, Аденауэр опирался на Соединенные Штаты, находил поддержку у американских лидеров и прежде всего у Даллеса. Канцлер не одобрял изоляционистской по многим вопросам позиции Англии, ее прохладное отношение к интеграционным процессам на европейском континенте, но сохранял хорошие отношения с Черчиллем и Иденом, что обеспечивало взаимопонимание.

После 1 января 1957 года окончательно определилась франко-германская граница. Вековые территориальные споры пришли к концу. Открылся путь для установления взаимного доверия, добрососедства и дружбы. Оба государства теперь могли действовать сообща, прежде всего в развитии экономики, что давало ощутимые плоды для промышленности и сельского хозяйства.

В Федеративной Республике саарский успех Аденауэра был встречен без особой помпы. Канцлер сознательно сбивал феерические настроения в своем стане. Оппозиция, столь недавно уверявшая, что канцлер предает и продает Саар, помалкивала, признавая успех Аденауэра и свое поражение. Население приняло возврат Саара, как в свое время и Рура, спокойно, как нечто само собой разумеющееся. Аденауэра это устраивало. Он жертвовал триумфом ради дальнейшего сближения с Францией и осуществления европейской идеи. При всем преклонении перед Америкой — ее мощью и лидерством в западном мире Аденауэр считал, что в Европе главную роль должны играть Франция и Германия.

Временное удаление позволяет утверждать, что историческое примирение двух стран — это во многом, в решающем личная заслуга Аденауэра, который мыслил широкими категориями, выходящими за рамки сиюминутных национальных чувств и потребностей, который в очередной раз проявил себя искусным тактиком, не отклоняясь от принципиальных стратегических целей.

Глава XV
Расколотая Германия в расколотом мире

Из всего написанного об Аденауэре самые противоречивые оценки касаются его политики в германском вопросе. Одни считают, что он действовал разумно, но упустил ряд возможностей в решении вопроса о воссоединении. Другие обвиняют его, рейнца и антипруссака, говорившего с кёльнским акцентом, в нежелании воссоединяться с берлинцем Ульбрихтом и понять его саксонский выговор.

И та и другая оценки несколько поверхностны, хотя в них есть доля истины. Линию Аденауэра не понять без учета его философского понимания мировых процессов, глубинных причин раскола тогдашнего мира и Германии и тех выводов, которые он из этого раскола делал. Нет ни одного крупного выступления канцлера, в котором бы он не обозначил стремление к восстановлению единства страны. Однако даже в самых эмоциональных речах и пассажах, посвященных воссоединению, чувствовалась некоторая недосказанность, вынужденность говорить то, что от него ждут, но во что он, по крайней мере в тот момент, не очень верил.

Современный ему мир складывался в его понимании из борьбы двух различных мировоззрений: демократии, с ее христианскими принципами свободы человека, и тоталитаризма, основанного на материалистических постулатах и игнорирующего человека во имя интересов государства. Две идеологии вели глобальное соревнование, стремясь привлечь на свою сторону народы. Судьями становились сотни миллионов людей. Они выносили решение в пользу той системы, которая более успешно использовала свои силы в пользу мирной, обеспеченной и счастливой жизни.

Коммунистические лидеры делали ставку на разобщенность западного мира, на то, что в нем произойдет экономическая катастрофа, после которой путь для торжества мировой революции окажется открытым. По мнению Аденауэра, российская империя исторически была одержима экспансией: до 1917 года она стимулировалась панславизмом, а после — коммунизмом. В основе коммунизма лежало материалистическое мышление. Но без этических принципов оно бесплодно. Духовные ценности Аденауэр ставил выше экономических. Верил, что

именно они в конечном счете определяют судьбы людей.

Предстояла борьба на годы, десятилетия. Аденауэр не сомневался, что Советский Союз потерпит крах в силу нарастания внутренних трудностей и укрепления западных позиций, что «холодная война» закончится миром, продиктованным Западом. Нужно лишь терпение. Человечество придет к спокойствию после победы христианских принципов: они дают больше шансов на счастье, чем коммунистические догмы. Так называемый «реальный социализм», овладевший значительной частью земного шара, исчерпает свои исторические ресурсы и зайдет в тупик, не решив экономических и социальных проблем и не удовлетворив духовные потребности общества. Мир преодолеет раскол. Для него откроется путь к прогрессивному развитию, имеющему единственную цель — благополучие человека.

Коммунистическая идеология — ложна, считал Аденауэр. Она — плод «этической испорченности», имеет способность овладевать народами бедными, доведенными до отчаяния. Самое страшное в коммунизме — установление диктаторского, атеистического господства, подавление свободы человека, превращение его в механическую деталь государственного механизма, лишение способности самостоятельного мышления. Коммунизм как идеологию следует преодолеть духовным оружием. Идеологическая борьба не может дать быстрого эффекта. Но вести ее необходимо энергично и постоянно.

В силу исторических обстоятельств Германия оказалась в эпицентре противостояния. Раскол мира прошел по ее территории. Страну охватили все страсти «холодной войны»: гонка вооружений, экономическое противоборство, ожесточенная пропагандистская битва. Страна с зеркальной точностью отражала общемировые процессы.

Аденауэр был уверен, что компромисс в германском вопросе невозможен, как и в борьбе двух мировых мировоззренческих систем. Можно предотвратить всеуничтожающую военную схватку между ними, но сделать из них единое целое — это из области неосуществимой мечты. В Германии любое компромиссное решение приведет к тому, что она окажется в том или ином лагере. Существование где-то между ними невозможно. Людской и экономический потенциал Германии неизбежно усилит, и довольно значительно, ту сторону, к которой она примкнет. Безусловный сторонник западного христианского мира Аденауэр делал все возможное, чтобы германский потенциал не оказался у противника.

Послевоенная Потсдамская конференция стала последним актом совместных действий антигитлеровской коалиции. Раздел

Германии на оккупационные зоны не фиксировал раскол страны, но предопределил его. Механизм общего управления — Союзный контрольный совет существовал недолго. Сложились два центра власти — военные администрации советской оккупационной зоны и западных зон. На Западе управленческие аппараты, функционировавшие вначале раздельно, с созданием Бизонии, а затем Тризонии превратились фактически в единую структуру во главе с тремя Верховными комиссарами. После образования ФРГ, а затем и ГДР со всей очевидностью выявилось, что раскол Германии приобрел на длительный период неодолимый характер.

Можно поставить под сомнение, верил ли Аденауэр в реальность продвижения коммунизма на Запад. Но об опасности такого развития он говорил постоянно. Бисмарк использовал призрак французского врага для сплочения германской империи. Аденауэр — угрозу коммунизма для объединения Европы. Ссылаясь на непосредственную близость Федеративной Республики к коммунистическому миру, канцлер добивался от западных держав максимально возможной экономической помощи и политической поддержки. Ему не нужно было прошибать стену. Коммунистическая угроза являла собой слишком серьезный фактор, так что Запад держал для Аденауэра двери открытыми.

Канцлер верил в способность христианского мира успешно противостоять наступлению коммунизма. Не сомневался, что идеи свободы и демократии сильнее и притягательнее для народов, чем коммунистический тоталитаризм. Особенно для немцев, которые испытали на себе оголтелую национал-социалистическую диктатуру. Однако сама по себе идея не победит. Необходимы были действия по сплочению демократической части европейского континента, расширению его экономической и военной интеграции и укреплению союза с Соединенными Штатами.

Лидерство США Аденауэр признавал безоговорочно. Он считал, что Америка заинтересована в сильной интегрированной Европе. Страны Европы должны выступать на международной арене вместе с Соединенными Штатами и под их руководством, но не в качестве придатка, а самостоятельной силой с собственными интересами и политическим потенциалом. Дело европейцев — не позволить превратить себя в разменную карту в игре супердержав.

У Аденауэра не было сомнений, что Советский Союз будет всеми силами препятствовать усилению Федеративной Республики и ее включению в западные союзные образования. Именно под таким углом он воспринимал все инициативы в

германском вопросе, исходившие из СССР и ГДР. Возможно, канцлер мог бы проявить большую гибкость в тактике и избежать резкой критики со стороны оппозиции, обвинявшей его в недостаточном внимании к проблеме воссоединения страны. Но для него важнее представлялась основная линия, требовавшая последовательности и настойчивости.

Не исключено, что руководители ГДР, особенно глава ее правительства, бывший социал-демократ О. Гротеволь, питали иллюзорные надежды на скорое воссоединение. Четкого же представления о соединении в Германии двух противоположных систем жизни у них не было. Восточные инициативы повисали в воздухе и в лучшем случае давали некоторый недолгосрочный пропагандистский эффект.

30 ноября 1950 года в Бонн на имя Аденауэра поступило письмо О. Гротеволя. Он предлагал вступить в переговоры по германским делам и, в частности, договориться о создании Общегерманского учредительного совета. В сущности это была позиция СССР: создать общегерманские органы при паритетном представительстве от ФРГ и ГДР для обсуждения в нем шагов по воссоединению страны.

Канцлер не торопился с ответом. Лишь два с половиной месяца спустя он выступил в бундестаге, охарактеризовал предложение Гротеволя как пропагандистский шаг и отклонил его. Причиной раскола страны он назвал введение в Восточной Германии системы правления, противоречащей немецким традициям и немецкому характеру. Она лишила население всяких шансов на свободную политическую, экономическую и социальную жизнь. Выход из тупика могут открыть лишь свободные демократические выборы под контролем четырех держав.

Позицию канцлера одобрили социал-демократическая и все другие фракции бундестага, кроме коммунистической. КПГ поддержала предложения Гротеволя. Западногерманские коммунисты стали пропагандистами всех предложений, исходивших от Советского Союза и ГДР. Аденауэра же они называли раскольником и критиковали любые его шаги в германском вопросе.

Новые предложения Гротеволя, вернее модификация прежних, прозвучали осенью 1951 года в его выступлении в Народной палате. Он предложил созвать общегерманское совещание с целью выработать условия общегерманских выборов, воссоединения Германии и заключения с ней мирного договора.

Аденауэр считал бесплодной дискуссию по германскому вопросу. Но он не мог избежать ее. Канцлер доказывал, что ключ

к решению находится в руках четырех держав, и немцы сами по себе ничего не могут сделать. Руководители Восточной Германии стремятся, неоднократно заявлял он, лишь к одному — не допустить намечающейся интеграции Федеративной Республики с западным миром. Они вовсе не собираются смягчать тоталитарный режим в ГДР, хотят распространить его на всю Германию и сорвать создание западного сообщества.

Шумахер и его партия без устали критиковали внешнеполитическую линию Аденауэра, его стремление включить Федеративную Республику в западные союзы до решения германского вопроса. Но и предложения, исходившие из ГДР, социал-демократы отклоняли, причем не менее решительно, чем правительство. Их взоры, направленные на Восток, постоянно туманило образование Социалистической единой партии Германии. И десятилетия спустя они не могли избавиться от горечи, порожденной объединительным актом, с помощью которого коммунисты, руководимые советской военной администрацией, фактически уничтожили восточногерманскую социал-демократию, идейно и организационно. Вначале в СЕПГ еще формально соблюдались равноправные начала, например двойное председательство. Но это быстро ушло. СЕПГ превратилась в монолитную правящую партию, строго следующую за Москвой.

А в Федеративной Республике действовала Коммунистическая партия Германии, которой руководила СЕПГ. Она по всем позициям выступала против Аденауэра и даже выдвинула лозунг свержения его правительства. Из Берлина западных коммунистов подправили — лозунг о свержении был снят. Попытки же настроить население против канцлера продолжались с неубывающей силой. Успеха они не принесли, что и показали выборы в бундестаг 1953 года: Аденауэр победил, а коммунисты не прошли в парламент, где до того имели 15 мест.

Но вернемся немного назад, в бурные месяцы 1952 года. Западные державы получили знаменитую советскую ноту от 10 марта, которая надолго стала предметом рассуждений и домыслов политиков и историков. Главным в ней было предложение о заключении мирного договора с Германией, который подписало бы единое немецкое правительство, образованное на основе общегерманских выборов. Проект мирного договора, приложенный к ноте, предусматривал восстановление единства Германии, вывод с ее территории оккупационных войск в годичный срок и ликвидацию всех военных баз на немецкой земле. Германия приобрела бы нейтральный статус при наличии национальных вооруженных

сил. Ее границы закреплялись на основе Потсдамского соглашения.

Советские предложения в их конкретике не походили на очередной пропагандистский маневр. Немецкие общественные круги, даже часть тех, кто примыкал к ХДС/ХСС, требовали от западных держав немедленно вступить в переговоры с Советским Союзом.

В правящих эшелонах ГДР царило нечто вроде паники — ведь речь шла о том, что Восточная Германия утратит свою государственность и идеологическую ориентацию.

Позднее историки будут гадать, не блефовал ли Советский Союз, насколько серьезно думали его руководители о воссоединении Германии на основе ее внеблокового статуса. Появятся домыслы о том, что идея принадлежала Берии, что он убедил Сталина в выгодности для Советского Союза существования в центре Европы нейтрализованной Германии. Во всяком случае, во время суда над Берией ему, кроме прочего, вменили в вину предательство в отношении ГДР и намерение внести разлад в содружество восточноевропейских стран, сплотившихся вокруг Советского Союза.

…Москва продолжала дипломатическое наступление. В апреле и мае 1952 года западные державы получили новые ноты, которые повторяли предыдущие предложения и предлагали немедленные переговоры по ним. В западных странах, особенно во Франции и Англии, возникли настроения в пользу серьезного рассмотрения советских инициатив. Социал-демократы и многие общественные деятели в Западной Германии энергично настаивали на начале переговоров четырех держав на основе советских предложений. Они требовали проверить искренность советских руководителей и, если есть шанс на воссоединение Германии, то не упустить его.

Решающее слово сказал Аденауэр. Он выступил против принятия советских предложений, доказывая западным державам, что Москву не интересует воссоединение Германии. Ее главная цель: не допустить подписания Общего договора и договора об Европейском оборонительном сообществе; выбить Федеративную Республику из западной обоймы и, таким образом, сорвать западноевропейскую интеграцию. Если и вступать в переговоры с советской стороной, утверждал Аденауэр, то после подписания договоров, когда ФРГ прочно свяжет себя с Западом. Только сплоченный Запад сможет добиться чего-либо в германском урегулировании. Вместе с тем Аденауэр рекомендовал западным державам не отвергать полностью советские предложения и делать упор на общегерманские выборы, а не на мирный договор

с нейтральным статусом для Германии. Нейтрализованная Германия превратится во второстепенное государство. Ее вооруженные силы не смогут противостоять советской военной мощи. Она неизбежно и быстро окажется в числе сателлитов Советского Союза.

Социал-демократы продолжали требовать от Аденауэра отказаться от идеи интеграции ради воссоединения Германии. Канцлер проявлял твердость. Выступая с очередной речью в бундестаге и обращаясь к социал-демократам, он говорил, что тот, кто отвергает интеграцию, обрекает народы Европы и в первую очередь немецкий народ на порабощение большевизмом, отрекается от христианско-гуманистического образа жизни, является могильщиком немецкого народа.

Несколько позднее в беседе с Мендес-Франсом Аденауэр прямо заявил, что готов пожертвовать воссоединением ради приобщения Федеративной Республики к сильному западному лагерю, что единство Европы для него важнее единства собственного отечества. Сначала европейская интеграция, потом воссоединение. Эту мысль Аденауэр повторял неоднократно.

Не следует забывать, что Аденауэр находился в то время под впечатлением Корейской войны. На первом месте для него была безопасность в союзе с Западом. Воссоединение же открывало туманные перспективы в соседстве с мощным Советским Союзом, нависшим над Европой.

Западные державы в целом поддерживали позицию Аденауэра. У англичан и французов были некоторые колебания. Но Соединенные Штаты твердо выступили на стороне канцлера. В ответных нотах западные державы высказались за создание комиссии ООН для выяснения возможности проведения свободных общегерманских выборов. Представители четырех держав, отвечавших за судьбы Германии, могли бы встретиться и, рассмотрев выводы комиссии, достигнуть договоренностей о проведении общегерманских выборов. Имелось в виду, что вопрос о мирном договоре встанет лишь после того, как будет решена проблема выборов и создания общегерманского правительства. Запад уводил процесс в неопределенность и по сути, и по времени. Аденауэр с удовлетворением воспринял такой оборот дела.

Тем временем Организация Объединенных Наций решила направить в оба германских государства специальную комиссию, чтобы установить, есть ли там условия для проведения свободных выборов. В Федеративной Республике комиссия побывала и дала положительное заключение. В ГДР ее не пустили.

Тем временем состоялось подписание Общего договора и

договора об ЕОС. А в ГДР в июле 1952 года на второй конференции СЕПГ приняли решение о строительстве основ социализма. Руководители обеих частей Германии прямой дорогой уходили от воссоединения. Аденауэр шел от него на Запад, Ульбрихт — на Восток. Германский вопрос усложнялся и запутывался. Он все больше приобретал идеологические очертания и становился полем противоборства глобальных мировоззренческих систем.

В августе 1952 года из Москвы последовала новая нота в адрес трех западных стран с предложением созвать совещание четырех держав для обсуждения мирного договора с Германией, вопроса о создании общегерманского правительства, о проведении выборов и определении сроков вывода из Германии оккупационных войск. Предлагалось привлечь к совещанию представителей ГДР и ФРГ.

Ровно через месяц западные державы дали ответ, повторив свои прежние позиции. Они согласны вести переговоры только об общегерманских выборах. О мирном договоре речь может идти лишь после образования общегерманского правительства. Участие в совещании представителей немецких государств неприемлемо. Выборы могут состояться после того, как комиссия ООН определит возможность их проведения в условиях свободы. Советское понимание демократических выборов, когда в них участвует лишь одна партия, отвергается.

Дискуссия выдохлась. Она не дала никаких результатов. Аденауэр выглядел довольным. Подтвердилось его мировоззренческое кредо: компромисс принципиального характера между двумя идеологическими системами невозможен ни в мировом, ни в германском масштабе. Воссоединение придет лишь тогда, когда Запад, сплоченный и прогрессивно развивающийся, докажет свое экономическое и социальное превосходство перед другой системой. Это — историческая перспектива. Сейчас же необходимо проявлять терпение и выдержку.

Несколько особняком стояла проблема новых германских границ, очерченных Потсдамским соглашением. Аденауэр не верил в возможность возврата утраченных после войны территорий. Против этого были не только Советский Союз, Польша и Чехословакия, но и западные державы. Однако канцлер не мог не считаться с настроениями западногерманской общественности. Миллионы беженцев с Востока не теряли надежду на возвращение домой — в Восточную Пруссию, Померанию, Силезию, Судетскую область. Их ожидания постоянно подогревались лидерами переселенцев и

политическими деятелями, боровшимися за голоса избирателей. Признание границ, сложившихся после войны, означало бы поражение правительства. Понимая это, Аденауэр старался не выпячивать территориальную проблему, не ставить ее в центр политических дискуссий. Когда же от него требовали прямого ответа, канцлер выражал уверенность, что интересы немцев будут учтены при заключении мирного договора с Германией.

Противники Аденауэра в Западной Германии нападали на него за мягкотелость и пассивность в вопросе о границах. Советская же пропаганда клеймила канцлера как реваншиста, не желавшего признавать послевоенные европейские реалии. Он спокойно воспринимал и то, и другое. Его огромный опыт подсказывал, что государственный деятель, добившийся вершин власти, неизбежно окажется в центре политических бурь. Он удержит властное кормило, если не согнется под его тяжестью, будет успешно лавировать и находить путь, единственно правильный в складывающихся обстоятельствах. Аденауэр умел и не сгибаться и лавировать, менять тактику, оставаясь на принципиальных позициях.

Дело шло к вступлению Федеративной Республики в НАТО. Советское руководство делало все возможное, чтобы помешать этому. В январе-феврале 1954 года в Берлине прошло совещание министров иностранных дел четырех держав по германскому вопросу. Молотов оживил на нем прежние слегка подновленные советские предложения: бундестагом ФРГ и Народной палатой ГДР образуется до выборов временное общегерманское правительство, из Германии выводятся все оккупационные войска, объединенная Германия нейтрализуется, отказывается от вступления в какие-либо союзы. В отличие от прежней позиции Молотов выступил против любого международного контроля над общегерманскими выборами: их должны провести сами немцы без вмешательства извне.

От имени трех держав Иден выдвинул согласованный с Аденауэром план решения проблемы: проведение свободных контролируемых общегерманских выборов в Национальное собрание, которое выработает конституцию и образует общегерманское правительство. Оно и подпишет мирный договор.

Совещание окончилось безрезультатно. Да иного и быть не могло. Призрак договоренности четырех держав в ущерб Федеративной Республике и интеграционной политике Аденауэра исчез, унеся с собой последние остатки опасений канцлера. Даллес из Берлина прибыл в Бонн. Он поделился с Аденауэром впечатлениями от совещания:

— Русские согласятся на общегерманские выборы лишь в том

случае, если смогут обеспечить избрание нужных им людей. И после смерти Сталина в Москве не готовы к разумным компромиссам.

Аденауэр согласно кивал головой.

— Россия не отказывается от проникновения в Западную Европу через Германию. Для противодействия ее натиску необходимо объединение Европы и тесный союз с Соединенными Штатами. Германский вопрос не может быть решен в отрыве от основных мировых проблем. Федеративная Республика должна укреплять внутренние структуры на основе свободы и законности, наращивать духовные и материальные силы с целью противодействия советизации.

Собеседники хорошо понимали друг друга.

Москва явно нервничала. Действия Н. С. Хрущева, взявшего на себя руководство внешней политикой, отличались непредсказуемостью и судорожностью. В конце марта 1954 года из его уст прозвучало предложение о вступлении Советского Союза в НАТО. К нему отнеслись несерьезно. Даллес даже не счел нужным поставить об этом в известность президента Эйзенхауэра. В январе 1955 года от Советского Союза в последний раз последовали предложения о проведении общегерманских выборов. Было заявлено, что если ФРГ вступит в НАТО, то дальнейшие переговоры по германскому вопросу станут невозможными. На берлинской встрече министров иностранных дел советская сторона попыталась оторвать Францию от общего западного фронта. Не удалось. Вскоре из Москвы поступило сообщение о денонсации Советским Союзом его договоров о сотрудничестве и взаимопомощи с Великобританией и Францией.

Идея нейтрализации Германии умирала. В мае 1955 года Эйзенхауэр выступил было за создание нейтрального пояса в Европе. Аденауэр немедленно направил письмо Даллесу и попросил переубедить президента. Напомнил, что Хрущев постоянно говорит о мировой революции и всемирном торжестве коммунизма, что он старается поссорить Соединенные Штаты с Европой. Нейтрализация Германии и создание нейтрального пояса играют на руку России.

Даллесу не составило особого труда убедить Эйзенхауэра в том, что осуществить нейтралистские идеи в Европе невозможно. На Женевской встрече в верхах в июле 1955 года западная сторона окончательно отказалась от обсуждения нейтрального статуса Германии. Да и как его можно было обсуждать после приема ФРГ в НАТО и создания Организации Варшавского Договора с участием ГДР? Вопрос был окончательно закрыт.

Многие обозреватели того времени считали, что если бы

Аденауэр не добился принятия Федеративной Республики в НАТО до конференции в верхах, то после нее это могло бы не состояться — западные державы, возможно, согласились бы на нейтрализацию Германии, а усилия Аденауэра принесли бы в жертву разрядке международной напряженности. Не все западные политики понимали, что нейтральная Германия неизбежно станет объектом советской экспансии. Кроме Аденауэра это четко осознавал Даллес. Они и стали гарантами включения ФРГ в систему западных союзов.

На обратном пути из Женевы Хрущев сделал остановку в Восточном Берлине, где заявил, что воссоединение — дело самих немцев и только их и что при всех обстоятельствах социальные завоевания трудящихся ГДР (читай — социалистический строй) должны быть сохранены.

Интересно, что лидер социал-демократов после Шумахера и Олленхауэра, а позднее и канцлер ФРГ Вилли Брандт, оценивая действия Аденауэра того времени, подчеркивал, что главным у канцлера оставался суровый реализм. Он позволил ему многое сделать для Федеративной Республики. Остается открытым вопрос: достиг ли бы он большего, если бы предпочел заняться общегерманскими делами?

Женевская конференция в верхах не принесла каких-либо конкретных решений. Тем не менее она имела успех. Советские лидеры Хрущев и Булганин вели себя более чем сдержанно. Они отказались от конфронтационных заявлений, проявляли готовность к решению международных проблем, к прекращению гонки вооружений и противостояния Запада и Востока. В мире заговорили о разрядке напряженности, о «духе Женевы».

Аденауэра тревожило то, что западные лидеры, поддавшись обольщению русских, ослабят усилия в укреплении безопасности. Канцлер пишет очередное письмо Даллесу. Он оценивает Женевскую встречу как полный успех русских. С помощью улыбок им удалось заставить западных лидеров забыть, что Москва продолжает укреплять у себя в стране жесткий тоталитарный режим, что она навязала его сателлитам, включая и Восточную Германию, поддерживает коммунистические партии в западных странах, близкие к ним движения в Африке, в арабских странах, на Дальнем Востоке, наращивает экспансию по всему миру.

Высказал канцлер и такую мысль. Он стар и может уйти из политики. В Федеративной Республике некому будет объединять антикоммунистические силы. Верх возьмут социал-демократы, которые в германском и других вопросах пойдут на уступки русским и подорвут дух сопротивления замыслам Москвы. А через 5—10 лет Россия превратится в исполинского колосса,

который будет еще больше угрожать миру.

Даллес поспешил успокоить немецкого друга и заверил его, что «дух Женевы» не ослабит давление Запада на Советский Союз. Русские хотят передышки в «холодной войне». Мы дадим ее только в обмен на серьезные уступки, в том числе и по германскому вопросу. Запад будет по-прежнему проявлять твердость. Москва использовала проблему немецкого воссоединения как приманку в попытках удержать Федеративную Республику от интеграции с Западом. Приманка не сработала. Теперь они не проявляют интереса к германским делам. Инициатива переходит к Западу, и мы должны ею воспользоваться, чтобы решить проблему в ближайшие годы.

Прочитав письмо, канцлер сказал своему бессменному помощнику Глобке:

— Согласен со всем, кроме одного: западные державы не смогут сделать что-либо реальное в деле восстановления единства Германии. Убежден, что коммунистическая Россия не выпустит из своих рук Восточную Германию ни при каких обстоятельствах.

Позицию в отношении ГДР канцлер не менял никогда.

Он не признавал ее в качестве законного государства, называл не иначе, как «советская оккупационная зона» или «так называемая ГДР». Постоянно подчеркивал, что соревнование двух систем в Германии все с большей очевидностью выигрывает мир свободы и демократии. Экономические успехи на Востоке несравнимы с тем подъемом, который переживает Западная Германия.

В октябре 1954 года в ГДР прошли парламентские выборы. На очередной пресс-конференции Аденауэр назвал их профанацией демократии, доведенной до абсурда.

— Судите сами, — взволнованно говорил канцлер. — Они объявили выборы самыми демократическими в истории Германии. За единый безальтернативный список подано 99,4 процента голосов при участии 98,4 процента избирателей. Коммунисты буквально вели избирателей к урнам, да еще выбросили лозунг: «Кто — за мир, тот может сразу и открыто опустить бюллетень в урну, а кто против — может воспользоваться кабиной». — Аденауэр сделал паузу и при полном молчании зала продолжил: — Столь унизительных выборов в Германии не было даже в самые мрачные времена. Не удивительно, что люди ногами голосуют против коммунистической системы и целыми семьями бегут на Запад. Ведь за пять лет после образования Федеративной Республики в нее из Восточной Германии переселились 1 миллион 150 тысяч

человек.

Многие критиковали Аденауэра за излишне жесткую линию в отношении ГДР, его непримиримую борьбу против ее международного признания. Здесь, пожалуй, можно говорить о серьезных просчетах канцлера. Воссоединение он считал возможным только на основе западных демократических ценностей. Но, не признавая ГДР, он еще более привязывал ее к противоположному миру. И когда выступление восточноберлинских рабочих против тарифной политики правительства 17 июня 1953 года Аденауэр расценил как широкомасштабную попытку населения ГДР покончить с тоталитарным режимом, эта оценка оказалась ошибочной. Выступление носило локальный характер. Оно заставило власти ГДР кое в чем уступить, но главное — они приняли пропагандистские и иные меры по укреплению режима. И это в значительной мере удалось.

Последующие годы показали, что «мягкая» политика в отношении ГДР, а затем и ее признание при канцлерстве В. Брандта дали огромный стимул для сближения западных и восточных немцев. Притягательная сила западного образа жизни, прогрессивной экономической системы, основанной на социальном рыночном хозяйстве, возросла многократно. Создались условия, когда слияние двух Германий стало неотвратимым. Свобода победила тоталитаризм. То, что казалось Аденауэру отдаленной исторической перспективой, свершалось на глазах его современников. Сам Аденауэр к этому времени уже ушел из жизни.

Непримиримость к ГДР Аденауэр перенес и на западногерманских коммунистов. Правда, не сразу. После войны коммунисты входили в новую жизнь в ореоле решительных борцов против национал-социализма. Их самоотверженность и многожертвенность признавали все. Они первыми выходили на расчистку развалин, на восстановление промышленных предприятий, активно боролись за права людей труда. На выборах в производственные советы коммунисты в западных зонах получали много голосов, оставляя подчас позади ХДС, социал-демократов и другие партии. Аденауэр в то время признавал, что компартия больше всех преследовалась при нацистах и активнее всех начала действовать после их разгрома.

В партию шла молодежь, особенно в промышленной Рурской области. Коммунист Хайнц Реннер стал обер-бургомистром Эссена, а затем министром социального обеспечения и транспорта земли Северный Рейн-Вестфалия. Представители КПГ входили в правительства всех земель Западной Германии. На

выборах в первый бундестаг коммунисты собрали 1 миллион 360 тысяч голосов и получили 15 депутатских мандатов.

Не принимая идеологии компартии, Аденауэр лояльно относился к практической ее деятельности. В ходе работы Парламентского совета коммунисты резко выступали против создания западногерманского государства. Однажды оккупационные власти распорядились арестовать лидера коммунистов Макса Реймана за его неуважительные высказывания в их адрес. Аденауэр решительно воспротивился. Он заявил, что в случае ареста М. Реймана он сложит с себя полномочия председателя и будет бойкотировать заседания совета. Распоряжение об аресте отменили.

После объединения коммунистов и социал-демократов в советской оккупационной зоне выяснилось, что западногерманская компартия работает под руководством СЕПГ. В Берлине вырабатывались идеологические и политические основы ее деятельности. Оттуда поступали материальные средства. Там утверждались руководящие работники партии. Лидеры КПГ полностью и безоговорочно поддерживали все, что исходило из Москвы и Восточного Берлина. В любом конфликте Федеративной Республики с Советским Союзом или ГДР руководство КПГ оказывалось на стороне последних. Во время выступления рабочих в Восточном Берлине в июне 1953 года западногерманские коммунисты вместе с пропагандистами КПСС и СЕПГ твердили о бандитской вылазке кучки провокаторов, организованной в шпионском гнезде — Западном Берлине.

Постепенно общественность стала различать подлинное лицо коммунистов. Их авторитет начал неукоснительно падать. Таяли ряды партии. Она теряла депутатские мандаты в ландтагах и местных органах власти.

Правительство направило в Конституционный суд в Карлсруэ запрос о проверке конституционности Компартии Германии. Логика обвинения выстраивалась следующим образом. КПГ исповедует марксизм-ленинизм, который предполагает достижение дальних и ближних целей путем насилия, ликвидации демократии и установления диктатуры пролетариата. Это создает угрозу конституционному строю Федеративной Республики. Теория и практика классовой борьбы несовместимы с демократией и правопорядком, установившимся в ФРГ. Компартия безоговорочно ориентируется на социалистические страны, требует свергнуть режим Аденауэра и перенести в Федеративную Республику общественный строй ГДР, что представляет государственную опасность.

Судебный процесс, начавшийся в ноябре 1954 года, шел

медленно. Представители КПГ и их адвокат Кауль, прибывший из ГДР, доказывали, что действия партии отвечают интересам народа и не противоречат конституции. Они говорили, что политика Аденауэра, делающего ставку на западноевропейскую интеграцию, восстановление армии и вступление в НАТО, антинародна. Она мешает сближению немцев, проживающих в расколотой стране. Аргументов против обвинений в следовании линии Москвы и Восточного Берлина у коммунистов не было.

Решение суда состоялось 17 августа 1956 года. Коммунистическая партия Германии объявлялась антиконституционной и распущенной. Коммунисты — депутаты ландтагов и местных органов власти лишались мандатов. Полиция опечатывала помещения КПГ, закрывала типографии коммунистов. За редким исключением все шло спокойно, без эксцессов.

Не вызвал особых страстей запрет КПГ и за пределами Федеративной Республики. Лишь десять дней спустя после приговора суда «Правда» поместила заявление ЦК КПСС.

Общественный строй ФРГ характеризовался в нем как один из самых реакционных в Европе.

Более активные выступления протеста шли в ГДР. Протестовали и компартии европейских стран. Носили они, однако, довольно вялый и формальный характер. Вскоре о приговоре в Карлсруэ говорить перестали и вспоминали его лишь при очередной годовщине.

Руководящие кадры компартии переместились в ГДР. Здесь при тщательной конспирации, носившей подчас театральный характер, проходили совещания, разрабатывались планы работы в подполье. В самой ФРГ коммунисты участвовали в антивоенных движениях, в профсоюзных и иных акциях, не афишируя партийной принадлежности. Когда же она выявлялась, коммунисты оказывались в тюрьме. Случалось такое не часто.

Аденауэр спокойно реагировал на приговор в отношении компартии и на выступления против него за границей. И то и другое он считал естественным. Канцлер не рассматривал акцию против местных коммунистов как серьезный вклад в антикоммунистическую борьбу. Главную угрозу для Федеративной Республики со стороны тоталитарной идеологии и соответствующей политики он усматривал в Советском Союзе и ГДР.

Глава XVI
Из Кёльна в Кёльн через Москву

Месяц спустя после вступления Федеративной Республики в НАТО посольство ФРГ в Париже получило советскую ноту. В ней содержалось приглашение канцлеру Аденауэру посетить Москву для переговоров о нормализации отношений.

В Бонне встретили приглашение неоднозначно. Кто-то считал, что принимать его нет смысла, ибо договориться с Москвой по германскому вопросу и вообще о чем-либо невозможно. Другие говорили, что в Москву ехать надо, чтобы изложить свои позиции и из первых рук получить информацию о намерениях руководства СССР. Аденауэр расценил приглашение как подтверждение правильности его внешнеполитической линии на союз с Западом и европейскую интеграцию. В Москве поняли, что Федеративная Республика стала суверенным государством и проявили готовность вступить с ней в диалог на равноправной основе.

Канцлер размышлял: поездка в Москву поднимет вес Федеративной Республики в западном мире, но она может и создать впечатление, что Аденауэр лавирует и ищет договоренностей с Россией в ущерб интересам Запада. В то же время отказ от поездки вызовет негативную реакцию у общественности Федеративной Республики и других стран. Станут говорить, что Аденауэр не хочет ни мира, ни разрядки, ни воссоединения, что он просто-напросто боится ехать в Москву.

В середине июня 1955 года канцлер побывал в Соединенных Штатах. В Белом доме его приняли Эйзенхауэр и Даллес. Американцы встретили Аденауэра как старого знакомого и единомышленника. Предложили изложить свои взгляды на положение дел внутри Советского Союза и на его внешнеполитические инициативы.

Гость не заставил себя ждать.

— Позиции России ослаблены, ибо ее теперешние руководители взялись сразу за слишком многое: подъем промышленности и сельского хозяйства, гонка вооружений, помощь развивающимся странам, — Аденауэр говорил уверенно и энергично. — Россия нуждается в передышке. Необходимо воспользоваться этим и ослабить русское давление на западный мир. Нельзя идти ни на одну уступку Москве без ответных политических уступок с ее стороны. Что касается приглашения в Москву, то считаю возможным принять его. Нужно посмотреть,

какие конкретные шаги намерены предпринять русские.

— Мы понимаем вашу позицию и полностью одобряем ее, — сказал Эйзенхауэр. — Рад, что наши оценки политики Советского Союза совпадают.

Даллес, молчавший все время, в конце беседы заметил:

— В Москву, конечно же, надо ехать. Но и осторожность не помешает. Разрядка напряженности больше нужна русским. Запад должен сохранять силу и сплоченность, чтобы диктовать свои условия разрядки.

После беседы в Белом доме Аденауэр еще раз встретился с Даллесом и министрами иностранных дел Англии и Франции. Все трое одобрили его поездку в Москву и согласовали общую политическую линию.

Советские руководители предлагали провести переговоры об установлении дипломатических, торговых и культурных отношений без каких-либо предварительных условий. Немецкая сторона заявила, что считает необходимым обсудить также проблему воссоединения и возвращения десяти тысяч немецких военнопленных, содержавшихся в России. Из Москвы поступило сообщение о готовности обменяться мнениями по германскому вопросу, хотя позиции сторон известны, и другим международным делам.

Говорить о немецких военнопленных советская сторона избегала. На Женевской конференции Иден по просьбе Аденауэра затронул этот вопрос в беседе с Булганиным и получил ответ: в Советском Союзе нет пленных, есть лишь осужденные военные преступники. Тем не менее Аденауэр намеревался добиваться в Москве положительного решения и без такового не соглашаться ни на какие договоренности.

В июне 1955 года Аденауэр, продолжая непосредственно заниматься внешней политикой, уступил пост министра иностранных дел Генриху фон Брентано. Тот был настроен на жесткую линию: направить в Москву небольшую делегацию и не принимать никаких решений.

Канцлер в принципе соглашался с новым министром. Нельзя создавать у Москвы впечатление, что стоит поманить западных немцев — и они тут как тут. Не следует решать экономические дела без предварительного решения политических. В Москве нужно дать понять, что Федеративная Республика ни в чем не отойдет от принципа верности западным союзам. Центральным вопросом переговоров следует сделать возвращение военнопленных. При согласии на это советского руководства можно пойти и на установление дипломатических отношений.

Перед поездкой Аденауэр имел еще одну беседу с Даллесом.

Госсекретарь под впечатлением Женевской конференции в верхах говорил, что позиции Советского Союза смягчаются, что через два — четыре года можно будет добиться многого в германском вопросе: не только воссоединения, но и согласия на присоединение всей Германии к Западу. Ссылался на подписание государственного договора с Австрией и на крайнюю заинтересованность Москвы в разрядке.

Скептически воспринял Аденауэр высказывания американского друга. Он считал, что позиции СССР после Женевы в главном не изменились и ждать от него новых политических подходов не приходится.

На сей раз канцлер и государственный секретарь расстались с некоторым недопониманием друг друга.

В Бонне началась подготовка к поездке в Москву. Сотрудники Министерства иностранных дел и канцелярии канцлера подготовили множество справок и памятных записок по всем более или менее значимым международным делам. Как ни старались сократить число участников поездки, их набралось вместе с обслуживающим персоналом сто человек. В официальную делегацию включили председателя внешнеполитического комитета бундесрата Арнольда, председателя аналогичного комитета бундестага Кизингера и его заместителя Шмида — одного из лидеров оппозиции. У «Люфтганзы» арендовали два больших самолета «Констелейшен». Снарядили специальный поезд, в котором ехали, а затем и работали в Москве сотрудники делегации.

8 сентября 1955 года с аэродрома Кёльн/Ван в воздух поднялся первый самолет с Брентано, Хальштейном, работниками МИДа и других ведомств. В самолете продолжалась работа, лихорадившая всех последние недели.

Через сорок пять минут стартовал второй самолет с Аденауэром и его ближайшим окружением. Пассажиры обеих машин получили авиабилеты, на которых авиакомпания обозначила: «Из Кёльна в Кёльн через Москву». Для многих они стали сувенирами.

Летели без промежуточных посадок. Самолет Аденауэра приземлился во Внуково в пять часов вечера. Канцлер удивился, увидев, что его встречают Булганин, Молотов, Громыко и большая группа других советских представителей. Еще более неожиданным оказался строй почетного караула в новенькой нарядной форме. Командир караула отдал рапорт. Аденауэр произнес по-русски «здравствуйте», слово, которое он старательно заучивал в самолете. Солдаты прошли парадным шагом, которому, по мнению одного из немцев, мог бы позавидовать

прусский генерал.

Кроме советских руководителей Аденауэра встречали дуайен московского дипломатического корпуса шведский посол и послы Франции, Великобритании, Соединенных Штатов. Оркестр исполнил гимны двух стран. Канцлер и Булганин сделали краткие заявления.

Неподалеку в специально отведенном и огороженном месте расположились несколько десятков журналистов. После официальной церемонии кто-то из этой группы крикнул Аденауэру по-немецки:

— Подойдите ближе, иначе не будет снимков.

Канцлер переговорил с Булганиным, и они вместе направились к журналистам. Застрекотали кинокамеры, защелкали фотоаппараты. На следующий день снимки разошлись по всему миру.

Кортеж автомобилей проследовал к гостинице «Советская» на Ленинградском шоссе. Первые впечатления от Москвы у Аденауэра остались благоприятные: широкие проспекты, высотные дома сталинской эпохи, строящиеся кварталы жилых домов современного стиля. Приятно удивили и трехкомнатные хорошо обставленные апартаменты отеля и особенно рояль в гостиной.

Едва разместившись, Аденауэр отправился на Белорусский вокзал, чтобы провести в прибывшем из ФРГ поезде совещание с членами делегации и ее рабочей группой. Поезд отвели на один из запасных путей. В нем жили и работали, стучали телетайпы, звонили специально подключенные телефоны. В одном из вагонов убрали внутренние перегородки и оборудовали помещение для совещаний. Поработали немецкие техники, чтобы исключить возможность подслушивания. Поезд окружили забором и выставили многочисленную охрану. Была у немцев и своя охрана. На огороженном участке разбили пару клумб с цветами и фонтан между ними. Канцлер провел первое совещание. Вечером выразил советским представителям удовлетворение условиями работы его штаба.

На следующий день утром Аденауэр нанес визиты Молотову и Булганину. С Молотовым беседа не получилась. Обменялись малозначащими словами и разошлись до встречи на переговорах. Булганин же принял подчеркнуто радушно. Стал рассказывать о своей работе в качестве градоначальника Москвы и охотно слушал Аденауэра, вспоминавшего время, когда он был обер-бургомистром в Кёльне.

В 11 часов в особняке МИДа на улице Алексея Толстого встретились делегациями в полном составе. За широким столом

напротив немцев расположились Булганин, Хрущев, Молотов, Первухин, Кабанов и Семенов[2]. Договорились, что председательствовать на переговорах будут по очереди Булганин и Аденауэр.

Булганин зачитал длинное заявление общеполитического характера. Сказал, что Советский Союз — за воссоединение Германии, но это дело самих немцев. Внес предложение установить дипломатические отношения и обсудить возможность развития торговли. Советский премьер избегал резких выражений, касавшихся прошлого и теперешней политики ФРГ. О возвращении пленных не сказал ни слова.

Вступительное слово Аденауэра оказалось коротким. Он высказался за серьезное рассмотрение проблемы воссоединения Германии и поставил вопрос о возвращении домой немецких военнопленных.

Сразу же выявились два подхода. Москва — за установление дипломатических отношений без всяких условий. Немцы — за дипломатические отношения после возврата военнопленных и создания основы для предстоящей конференции министров иностранных дел четырех держав по германскому вопросу.

После обмена заявлениями состоялся завтрак. Аденауэр сидел между Булганиным и Хрущевым, оживленно разговаривал, шутил, смеялся. На его вопрос о прошлом особняка, в котором они находились, Булганин рассказал, что построил его один из великих князей, а потом его купил крупный промышленник. Аденауэр как бы невзначай спросил:

— А вы у кого его купили?

Лицо Булганина стало каменным.

— Особняк национализировал народ, — жестко ответил он.

Хрущев добавил:

— Разумеется, на законных основаниях.

Аденауэр понял, где проходит граница шуток.

С первого же дня канцлер начал накапливать впечатления о партнерах по переговорам. Особенно внимательно наблюдал за Хрущевым — коренастым, полным человеком с живыми глазами, выразительной речью и жестикуляцией. Он выглядел не дипломатом, а агитатором и пропагандистом. Сразу же стал доминировать на встречах, говорил подолгу и запальчиво. Жесткость чередовал с любезностью. Понимал юмор, проявлял эмоциональность.

Булганин вел себя сдержанно. Выглядел холеным, всегда был тщательно одет. На лице его читалось добродушие, за которым скрывался ясный разум. Глаза обычно оставались холодными. Эмоциям не поддавался.

Оба лидера при каждом удобном случае демонстрировали единство мнений, как бы подчеркивая, что у правительства и партии нет и не может быть разногласий.

С пристрастием присматривался Аденауэр к Молотову. Невольно вспоминал Риббентропа. Ведь они заключили советско-германский договор, после которого Гитлер и начал оккупацию Польши. Конечно, за сговором стоял Сталин, но подписывал Молотов, что и зафиксировала навсегда история.

У канцлера сложилось впечатление, что Молотов на переговорах не играл никакой роли. Его выступления были бесцветными и повторяли обычно общеизвестные тезисы. Он во всем поддерживал Хрущева и Булганина.

В один из дней Молотов со статс-секретарем Хальштейном выработали формулировки очередного документа. Они не понравились Хрущеву, о чем он громогласно и объявил на переговорах. Молотов тут же заявил, что он не давал окончательного согласия и высказал комплимент Хрущеву за его глубокий подход к вопросу.

На очередном заседании после эмоционального выступления Хрущева Молотов встал и сказал:

— Обеими руками подписываюсь под тем, что изложил товарищ Хрущев.

Как-то за обедом Аденауэр сказал Булганину, что Молотов выглядит иначе, чем он его себе представлял.

— И как же? — спросил Булганин.

— Он выглядит умным, — помедлив, ответил Аденауэр.

Булганин громко рассмеялся и, поддерживая шутливый тон, заметил:

— Вы — первый, от кого я слышу такое. — Он наклонился к Хрущеву за спиной Аденауэра и довольно громко произнес: — Слышишь, Никита, канцлер говорит, что Молотов выглядит умным.

Хрущев оживился. Молотов, сидевший напротив и все слышавший, сохранял невозмутимость.

Один из немцев, участвовавших в переговорах, напишет потом, что Молотов вел себя не как государственный деятель, а как функционер. Постоянно сохранял каменное ничего не выражающее лицо. Более неподвижное и мрачное лицо было лишь у Громыко: оно казалось вырезанным из дерева и напрочь лишенным умения улыбаться.

Во второй день переговоров председательствовал Аденауэр. Булганин сделал короткое заявление: в Советском Союзе нет военнопленных, отбывают наказание лишь военные преступники. Что касается воссоединения Германии, то оно затруднено

вступлением ФРГ в НАТО и вообще — это дело самих немцев.

Аденауэр заметил, что с окончанием войны прошло много времени и преступников, осужденных во многом по эмоциональным мотивам, можно помиловать, как это сделали западные державы. Кто-то из советской делегации сказал, что на обсуждение проблемы военнопленных следовало бы пригласить представителей из ГДР. Аденауэр на это не прореагировал, но в перерыве в кругу своей делегации произнес, что ради освобождения десяти тысяч немцев готов говорить хоть с бабушкой черта. Однако советская сторона об участии представителей ГДР в переговорах больше не заговаривала.

Выступил Брентано. Он эмоционально рассуждал о стремлении немцев к воссоединению. Оно зависит от доброй воли четырех держав и прежде всего Советского Союза. Упомянул и о многих неблаговидных поступках, совершенных советскими солдатами на территории Германии в последние месяцы войны.

Слушая Брентано, Хрущев буквально ерзал на стуле. Он сразу же взял слово и горячо заявил, что советские войска добивали врага и не совершали никаких злодеяний. Миллионы погибли и у нас, и у вас. Но все дело в том, кто начал.

Гитлер, а не мы развязали войну. Как мы можем пойти на воссоединение? Единая Германия окажется в НАТО и усилит ее. А НАТО направлена против нас.

Хрущев во время выступления разволновался и погрозил Аденауэру кулаком. Канцлер встал и тоже показал ему кулак. Хрущев успокоился и попросил извинить его за слишком сильные выражения.

Молотов счел нужным заметить, что немцы не смогли сами освободиться от Гитлера и избавление пришло в результате победы союзных армий.

Здесь эмоции позволил себе Аденауэр. Глядя на Молотова, он громким голосом спросил:

— Кто пожимал руку Гитлеру — вы или я? Почему великие державы, в том числе и Россия, дали так возвеличиться Гитлеру? Ему сходило с рук нарушение всех договоров. В глазах многих глупых немцев он стал героем. — Аденауэр волновался. Казалось, ему хочется многое высказать, но он сдерживает себя. После небольшой паузы он в более спокойном тоне продолжил: — Мы — несчастные наследники Гитлера. Наша задача — восстановить страну и доверие к ней других государств, в том числе и ваше. Что касается переговоров с правительством ГДР о воссоединении, то мы охотно сядем за один стол, как только убедимся, что оно избрано народом.

Булганин возразил, что канцлер допускает выпад против

правительства ГДР. Он вместе с Хрущевым недавно был там и убедился, что население глубоко уважает свое правительство. Хрущев добавил:

— Про коммунистов говорят, что они готовы зажарить капиталистов и съесть их без соли. То, что делается в ГДР, — будущее немецкого народа и всего человечества. Это сказал не я, а немцы, Маркс и Энгельс. — Хрущев посмотрел на Аденауэра и закончил: — Извините, если я высказал что-либо неприятное вам.

Аденауэр счел нужным ответить:

— Маркс и Энгельс — нетипичны для немцев. В сказки о поедании капиталистов без соли я не верю. Но знаю, что Россия — огромная страна, которая очень отстала. Что будет через сто лет, ни я, ни вы не знаем. Мне не обратить вас в свою веру, а вам меня в вашу. Надо попытаться уживаться друг с другом и сотрудничать.

Разгоревшиеся было страсти удалось погасить. Аденауэра попросили о неофициальной встрече. Во второй половине дня на дачу, предоставленную канцлеру в Горках, где когда-то проживал Максим Горький, приехали Булганин, Хрущев и Семенов. Аденауэр не хотел разговаривать без свидетелей и пригласил Брентано. Погода стояла прекрасная. Беседовали на террасе. Обстановка складывалась дружественная.

— Никто не хочет войны, — рассуждал Аденауэр. — Войны возникают скорее из-за глупости политиков. Все боятся друг друга и наращивают вооружения.

Хрущев согласно кивал головой.

— Европа, — продолжал канцлер, — не может существовать, не объединившись. По сравнению с Соединенными Штатами и Советским Союзом мы, европейцы, — нули, экономически и политически неконкурентоспособны. Чтобы выжить, мы обязаны интегрироваться.

— Советский Союз окружен военными базами — это тревожит и простых людей, и нас, руководителей, — посетовал Булганин.

Аденауэр не замедлил с ответом:

— Базы — следствие войны в Корее. Она всполошила весь западный мир. Думаю, вопрос можно урегулировать путем переговоров. Необходимо лучше узнать друг друга. Тогда установится доверие.

Булганин рассказал, что американцы запускают на территорию СССР множество воздушных шаров с пропагандистскими материалами. Кроме прочего, они мешают полетам самолетов.

Аденауэр удивился. Когда ему на следующий день показали один из шаров и он убедился в его американском происхождении,

то дал указание одному из своих помощников посетить американского посла в Москве Болена и обратить его внимание на некорректные действия спецслужб США.

Беседа шла спокойно. Хрущев не проявлял обычной экспансивности.

— Я убежден, — сказал он, — что Эйзенхауэр, Иден, Макмиллан не хотят войны. Сомневаюсь лишь в Даллесе.

Канцлер встал на защиту американского друга.

— Поначалу он может произвести неблагоприятное впечатление. У него сдержанная манера общения и сердитый вид. На самом же деле Даллес — превосходный, честный и вполне надежный человек.

Хрущев переглянулся с Булганиным и вознамерился было возразить, но передумал.

— О вас, господин канцлер, — улыбнувшись, сказал он, — у нас думают как о воинственном человеке. Теперь оказывается, что это совсем не так.

Чуть позже Хрущев предложил Аденауэру вдвоем прогуляться по саду. Он заговорил о том, что Россия и Германия имели прекрасные отношения в 20-е годы, что они и сейчас могли бы быть более близкими и доверительными. И тут Хрущев попросил, к удивлению канцлера, помочь справиться с китайцами и… американцами. В последующие дни Хрущев трижды обращался к данной теме. Аденауэр в вежливой форме отвечал отрицательно. Вступить в подобный сговор с советскими руководителями означало перевернуть вверх дном все его политические воззрения и действия, разрушить то, что он создал за годы правления. Хрущев понял тщетность своих попыток и оставил их.

Вечером немецкую делегацию пригласили на балет «Ромео и Джульетта» в Большой театр. Аденауэр ездил по Москве на «мерседесе», доставленном из Бонна поездом. Но тут за ним заехал Булганин, и они отправились в театр в его машине.

— Стоит ли еще в Берлине отель «Кемпинский»? — спросил Булганин.

— Он, насколько мне известно, восстановлен, — ответил канцлер. — А чем, собственно, вызван интерес к нему?

— В конце двадцатых годов многие советские инженеры проходили стажировку в Германии, — сказал Булганин, — Мне тогда довелось жить в отеле «Кемпинский». С ним и вообще с тогдашним пребыванием в Германии связаны приятные воспоминания.

В первом ряду центральной ложи Аденауэр сидел между Хрущевым и Булганиным. Зал стоя приветствовал их аплодисментами. Стоя же прослушали гимны обеих стран. Театр

украшали немецкие и советские флаги. Программки были отпечатаны на русском и немецком языках. Такие знаки внимания явились для Аденауэра неожиданными и вызвали удовлетворение.

В антракте немецких гостей пригласили в специальную комнату, где стояли столы, сервированные икрой и другими деликатесами, водкой и грузинскими винами.

Немцы, наслышанные о русском гостеприимстве, своеобразно подготовились к нему. Глобке захватил в Москву внушительную емкость с оливковым маслом. Перед застольями он выдавал его членам делегации по хорошей порции, после приема которой можно было более или менее сносно выдерживать многочисленные здравицы и тосты и по возможности не отставать от хозяев, не желавших, да и не умевших пить водку не до конца.

И на этот раз водка лилась рекой. Немцы доверяли оливковому маслу. Веселый толстяк Карло Шмид вызвал присутствующих на соревнование, налил водку в большой винный бокал и залпом осушил его. Не успели выразить ему восхищение, как антракт, который и так длился добрых три четверти часа, завершился и все покинули хлебосольную комнату.

Балет шел к концу. Монтекки и Капулетти помирились и обнялись, вместе скорбя о погибших детях. Аденауэр импульсивно встал со своего места и протянул обе свои руки Булганину. Необычное рукопожатие присутствующие в ложе встретили аплодисментами. Впрочем, они слились с громом оваций, предназначавшихся несравненной Улановой — Джульетте.

На следующий день, в воскресенье, Аденауэр отстоял мессу в католической церкви и обратил внимание на то, что там оказалось много народу. В его представлении коммунисты совершенно ликвидировали религию, а тут верующие, да еще католики.

Из машины и окон гостиницы присматривался к москвичам. Люди производили безотрадное впечатление, были плохо одеты. Это лишь подтверждало мысли, что коммунистическая система обезличивает человека, превращает его в существо серое, маловыразительное.

Во второй половине дня Аденауэр встретился с послами США, Великобритании и Франции и информировал их о ходе переговоров. Посетовал, что перспективы неопределенны, возможные результаты — туманны.

В понедельник немцам устроили осмотр Кремля и Третьяковской галереи. О Кремле Аденауэр позднее напишет, что ансамбль дворцовых зданий и их интерьеры великолепны, а

Третьяковская галерея представляет изысканно прекрасные произведения искусства. Взглядом знатока оценивал он картины Васнецова, Саврасова, Левитана, Репина, откладывая в памяти впечатления о России и духе ее народа.

Позднее возобновились переговоры. Советские представители говорили только об установлении дипломатических отношений, немцы — о военнопленных. Социал-демократ Шмид сказал, что он во многом не согласен с политикой Аденауэра, но поддерживает его просьбу о пленных — проявите великодушие и верните людей к их семьям.

В очередной раз взорвался Хрущев:

— Германия разорила нашу страну. ФРГ участвует в подготовке новой войны против Советского Союза. И тем не менее мы предлагаем установить дипломатические отношения. А нам предъявляют ультиматум. Если вы не хотите нормализации, мы подождем.

Хрущев говорил долго, сбивчиво, употребляя подчас резкие, обидные формулировки.

— Федеративная Республика не участвует в подготовке войны против России, — ответил Аденауэр. — Если бы я не хотел нормализации отношений, то не поехал бы в Москву.

— Вы создаете армию не для того, чтобы она суп ела и кашу варила, — громко буркнул Хрущев.

Немцы поняли, что переговоры зашли в тупик. Аденауэр стал собирать бумаги и вознамерился уйти. Булганин поспешил закрыть заседание и назначил следующее на завтра. В гостинице канцлер дал указание вызвать самолеты в Москву на день раньше. Немцы умышленно сделали вызов по обычному телефону, который наверняка прослушивался. Пусть русские знают о намерении канцлера прервать переговоры.

Вечером состоялся большой прием в честь немецкой делегации в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Здесь все и решилось. Булганин отвел Аденауэра в сторону и предложил ему написать письмо на его имя о согласии установить дипломатические отношения. Он же дает слово, что через неделю все военнопленные будут отпущены. Подошли к Хрущеву. Тот заверил, что их слово крепко. Решили выпить за договоренность. Аденауэр заметил, что ему официант налил из одной бутылки, а собеседникам — из другой. Он попросил бутылку и убедился, что Хрущеву и Булганину налили воду.

— Либо пьем воду, либо вино, — покачал головой канцлер, — но все вместе.

Остановились на вине.

После приема Аденауэр собрал делегацию и рассказал о

достигнутой договоренности. Брентано, Хальштейн и другие стали призывать канцлера не верить русским на слово и отказаться от установления дипломатических отношений. Факт присутствия в Москве двух немецких послов — из ФРГ и ГДР вызовет замешательство среди азиатских и африканских стран и толкнет их на признание ГДР. Русские же, обосновавшись в Бонне, получат возможность влиять на немецкую общественность в нужном им направлении. Бланкенхорн сказал, что в беседе с послами трех западных стран он понял, что они недвусмысленно против дипломатических отношений между Бонном и Москвой.

Спокойно выслушав всех, канцлер заявил, что остается при своем решении. Судьба тысяч немцев важнее политических соображений. Он верит слову русских. Сообщил, что через американское посольство пришла телеграмма от Эйзенхауэра: какое бы решение ни принял канцлер, он поддержит его.

На следующем заседании Аденауэр попытался все же поставить вопрос о письменном подтверждении договоренности по пленным. Сослался на то, что так будет легче провести решение о дипломатических отношениях через кабинет министров и бундестаг. Хрущев и Булганин не согласились, но подтвердили свое слово перед всей немецкой делегацией. Они приняли от Аденауэра письмо, в котором указывалось, что установление дипломатических отношений не означает признание правительством Федеративной Республики нынешних границ — они должны быть определены мирным договором. Бонн не меняет своей позиции о непризнании ГДР и тезиса о том, что только ФРГ может представлять всех немцев.

Переговоры завершились. Аденауэр улетал в запланированные сроки. Ритуал проводов оказался таким же, как и при встрече. Его удивило, что по пути на аэродром множество москвичей приветственно махали его машине. Он не знал, что партийные организации по разнарядке выводят людей на трассу следования гостя.

На аэродроме Кёльн/Ван Аденауэра, вопреки правилам протокола, встречал президент бундестага Герстенмайер. Он тепло приветствовал канцлера и от имени немецкого народа выразил ему благодарность за возвращение пленных из далекой Сибири.

Сквозь плотную толпу встречавших к Аденауэру прорвалась женщина. Она схватила его руку, поцеловала ее и все повторяла:

— Спасибо, господин канцлер, большое спасибо.

Аденауэр нагнулся к маленькой женщине, погладил ее седые волосы и быстро скрылся в автомобиле. Он окончательно убедился, что возвращение пленных из СССР, о чем уже широко

писали газеты, стало одним из его крупнейших успехов.

Советские руководители сдержали обещание. Эшелоны с возвращавшимися из плена один за одним стали прибывать в Федеративную Республику. Недалеко от Ганновера организовали специальный лагерь. Здесь оформляли документы и выдавали каждому по шесть тысяч марок на первое обзаведение. Принимались меры по трудоустройству. Аденауэр посетил лагерь и поздравил людей с прибытием на родину. Встречали его восторженно.

Через несколько дней Аденауэр получил письмо из лагеря от священнослужителя, в котором тот с возмущением жаловался, что американские и английские спецслужбы ведут работу с прибывшими из Советского Союза. Канцлер принял меры, и агентов спецслужб перестали допускать в лагерь.

Вскоре после возвращения из Москвы Аденауэр встретился с журналистами.

— Не отразится ли поездка канцлера в Советский Союз негативным образом на отношениях Федеративной Республики с западными союзниками? — прозвучал первый вопрос.

Аденауэр счел нужным дать подробный ответ:

— Мы в Москве выступали в рамках единой политики западных стран и не нарушили никаких обязательств перед союзниками. Правительство будет продолжать усилия по созданию армии, воздушных сил и флота. По вопросам воссоединения немецкая делегация лишь обозначила позицию, но не вела переговоров, так как это прерогатива трех западных держав. Мы четко заявили о намерении активно проводить политику европейской интеграции. Русские выслушали и не сделали никаких замечаний. Они признали факт вступления Федеративной Республики в НАТО и лишь заявили, что не допустят усиления западного военного блока за счет воссоединения Германии.

Канцлера попросили прокомментировать установление дипломатических отношений с Москвой.

— Не надо придавать этому событию слишком большое значение. Противоречия между двумя странами не уменьшились. Появилась лишь возможность напрямую излагать свои взгляды, что увеличивает вероятность правильного взаимопонимания. Русские сделали шаг к разрядке международной напряженности. Они поняли, что «холодная война» только усиливает сплоченность Запада, что они не могут одновременно решать три задачи: поднять жизненный уровень населения, добиться военного паритета с американцами и успешно противостоять Китаю.

— Каково ваше впечатление о русских?

— Советские руководители вели себя весьма жестко на переговорах и были более мягкими и рассудительными в личных беседах. Хрущев, ссылаясь на Маркса, сказал, что победа коммунизма во всем мире неизбежна. Я возразил, что через сто лет скорее всего термины капитализм и коммунизм исчезнут из оборота и люди будут оперировать иными понятиями. В целом не усмотрел изменений в мышлении советских лидеров. Они по-прежнему исповедуют диктаторскую форму правления и находятся в плену коммунистических фантазий. Опасность, исходящая от Советской России, не ослабевает, как и не теряет актуальности необходимость отстаивать свободу, христианские и демократические ценности.

Пресс-конференция длилась около двух часов. Канцлер пребывал в хорошем настроении.

Через несколько дней после отлета Аденауэра из Москвы туда прибыла делегация ГДР во главе с Ульбрихтом и Гротеволем. Был подписан договор, по которому ГДР получила полный суверенитет и право решать дела с ФРГ. Органам ГДР передавались функции контроля и охраны на ее границах. За советской стороной остался лишь контроль за передвижением воинского персонала и грузов гарнизонов США, Великобритании и Франции, расквартированных в Западном Берлине. Упразднялся пост советского Верховного комиссара. Его функции по поддержанию контактов с представителями западных держав по общегермаиским вопросам передавались советскому послу в ГДР.

В Бонне сочли необходимым еще раз зафиксировать непризнание ГДР. 22 сентября 1955 года было сделано заявление. Его подготовил и огласил В. Хальштейн. «Доктрина Хальштейна», как ее стали именовать, предусматривала, что государства, устанавливающие дипломатические отношения с ГДР, совершают враждебный акт по отношению к Федеративной Республике. С ними будут разорваны дипломатические отношения. Советскому Союзу делается исключение, ибо он ответствен за решение общегерманских дел.

В конце декабря 1955 года в Бонн прибыл первый советский посол — В. А. Зорин, известный дипломат, занимавший до назначения в ФРГ пост заместителя министра иностранных дел СССР. В день его прилета Аденауэр узнал, что встречать посла будет лишь заместитель шефа протокола госпожа Паприц, так как сам шеф вместе с министром Брентано находится с визитом в Риме. Канцлер распорядился, чтобы на аэродром вместе с Паприц выехал руководитель одного из департаментов МИДа: советского посла следовало встретить достойно.

В начале следующего года в Москве обосновалось посольство Федеративной Республики. Отношения между ФРГ и СССР вступали в нормальное русло. Постепенно стали развиваться экономические и культурные связи. Однако они зависели от политической конъюнктуры, а она не всегда благоприятствовала расширению таких контактов.

Глава XVII
Призрак сосуществования

Мир взбудоражил XX съезд КПСС. Ведущие газеты печатали текст сенсационного доклада Хрущева с разоблачением культа личности Сталина, его серьезных ошибок и просчетов, нанесших огромный ущерб стране. Западногерманская пресса критически писала о советской системе, коммунистической идеологии, внешней политике Кремля. Но и высказывалась надежда, что теперь дело может пойти иначе. Вскрыв сталинские методы и ошибки, советские руководители возможно откроют новую страницу в развитии своей страны, в подходе к международным делам.

Аденауэр подобных надежд не разделял. Он предостерегал от переоценки хрущевских разоблачений. Осудить диктатора не значит изменить саму тоталитарную систему. Диктатура остается диктатурой независимо от того, кто ее осуществляет: один человек, двое или коллектив. Канцлер напоминал, что нынешние руководители в Москве были послушными соратниками Сталина. Поставив под вопрос ряд теоретических выводов умершего правителя, правильность его практических действий, они не осудили его империалистическую внешнюю политику, не высказали готовность пересмотреть ее последствия и вернуть свободу народам, порабощенным коммунизмом. Аденауэр не сомневался, что Москва преследует те же политические цели, что и при Сталине, хотя и намеревается применять новые, более эластичные методы их достижения.

Принцип мирного сосуществования, столь громко провозглашенный на партийном съезде, вызывал у Аденауэра скепсис. В Москве его объявили важнейшим постулатом ленинского учения. Сотрудники канцелярии канцлера перерыли труды Ленина, но так и не нашли ни одного упоминания о сосуществовании. Ленин говорил и писал в основном о мировой революции, о коммунистическом будущем всего мира.

Умудренный жизненным и политическим опытом Аденауэр активно противостоял иллюзиям, возникшим в связи с заявлениями о сосуществовании. На встречах с журналистами, в речах и интервью он постоянно обращал внимание на противоречивость в теоретических посылках советских руководителей. Они рассматривали сосуществование не как примирение, а как форму классовой борьбы на международной арене — экономической, политической и идеологической борьбы

мирового пролетариата против агрессивных сил империализма. Сосуществование, то есть мир без войны, призвано создать коммунизму благоприятные условия в борьбе. Ее цель — окончательно и навсегда похоронить капитализм, а вместе с ним и общечеловеческие нравственные ценности, созданные религией и демократическим образом жизни. Практически это та же «холодная война», но под иными лозунгами и при намерении коммунистов перенести ее на поле противника. Москва продолжала активно поддерживать деятельность коммунистических партий и других просоветских сил в западных странах, разворачивала борьбу за влияние в странах «третьего мира», вела жесткую линию со странами-сателлитами и вооружалась, вооружалась…

Самое страшное в коммунизме, считал Аденауэр, стремление установить тоталитарное, атеистическое, азиатское господство над миром, коллективизмом подавить свободу человека. Его идеология агрессивна. Она не способна на компромисс с западным христианским мировоззрением. Массы на Западе плохо знают коммунизм, то, что он несет людям. Русские коммунисты терпеливы и настойчивы. Они не бросятся в крупные военные авантюры, как немецкие национал-социалисты. Но они будут постоянно осуществлять экспансию, пытаться разобщить западный мир и одолеть его по частям. Необходима постоянная разъяснительная работа, чтобы полностью высветить цели коммунистов.

Запад не должен терять бдительность, постоянно подчеркивал Аденауэр. Нельзя серьезно воспринимать советские предложения по разоружению до тех пор, пока Москва не согласится на контроль над этим процессом. Бессмысленно питать надежды на разрядку напряженности в условиях, когда в Советском Союзе на боевое дежурство ставятся новые, более мощные и точные ракеты, когда усиливаются и без того мощные танковые армии, бросок которых на Запад может в несколько дней перевернуть все вверх дном в Федеративной Республике, Франции и других европейских странах. Запад не может благодушествовать, усыплять себя разговорами о сосуществовании. Он защитит себя, лишь не уступая в гонке вооружений и других сферах противоборства двух мировых систем.

Размышляя, Аденауэр часто возвращался к китайскому фактору. Он не забывал, как Хрущев в Москве просил о помощи в противоборстве с Китаем. В противостоянии двух огромных коммунистических держав Аденауэр видел серьезный шанс для разрядки в Европе. Советский Союз вынужден перемещать

военные силы на Восток и проявлять большую сговорчивость на Западе. Более того, перед лицом быстро набирающего силу Китая Россия может стать для Европы заслоном от китайской угрозы.

В июне 1956 года в разгар дискуссий о сосуществовании в Бонн с официальным визитом прибыл премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. В беседе с Аденауэром он сказал, что верит в искренность советских руководителей и их стремление начать разоружение.

— Все дело в том, — подчеркнул индийский премьер, — что они опасаются мощи западного мира, воссоздания западногерманской армии. Диктаторский режим в Советском Союзе держится на страхе перед агрессией. Международная разрядка приведет к внутренней либерализации. Напряженность укрепляет диктаторский режим, расширение диалога и контактов ослабит его.

Аденауэр с уважением относился к Неру, высоко ценил его образованность и интеллигентность. Но он не соглашался с его доводами, отрицательно оценивал маневры между капитализмом и коммунизмом, считал, что Индия должна безоговорочно присоединиться к Западу.

— Смею обратить ваше внимание на то, — сказал канцлер, — что характерная особенность истории России — ее постоянное стремление к экспансии на Запад и на Восток. Еще при царях возникло стремление к господству над миром. Такая тенденция сохраняется до сих пор. Диктаторы видят в человеке лишь орудие для осуществления заданных целей. XX съезд КПСС ничего не изменил в этом отношении. Он продемонстрировал новый виток борьбы за власть, которая постоянно велась со времен Ленина. Москва стремится подчинить себе Федеративную Республику. Затем настанет черед Франции и Италии. Овладев потенциалом Европы, Россия станет так же сильна, как Соединенные Штаты. Вот тут-то и начнется непосредственная борьба за мировое господство.

Русские часто повторяют, — продолжал Аденауэр, — что нельзя повернуть историю вспять. Но в случае с государствами-сателлитами, включая и часть Германии, они как раз обратили ее назад. Внимательно изучив историю панславизма и российского национализма, можно увидеть, что стремление к экспансии, к подчинению других существовало у этой страны сотни лет назад.

Посулы Советского Союза слаборазвитым странам являются в их значительной части блефом. Попытавшись выполнить их, советские руководители серьезно обострят экономическое положение в собственной стране. Они не смогут долго держать в узде народ при столь низком жизненном уровне. Когда я был в

Москве, то видел на улицах унылых людей. Мы можем смеяться или плакать. Люди там не плачут и не смеются — они омертвели. Я убедился, что коммунистический режим смертелен для людей.

Неру слушал и не соглашался. У него сложилось иное представление о развитии Советского Союза, его руководителях и жизни простых людей. Беседа велась в рамках протокольной вежливости. Расставаясь, оба ощущали, что не убедили друг друга. Аденауэр потом говорил, что индийский лидер оставил у него неприятное чувство из-за повышенного честолюбия: ему надо заниматься проблемами Индии, а он хочет всегда быть в центре мировых событий.

Средства массовой информации повсюду в мире часто писали и рассказывали о Хрущеве. После XX съезда многие симпатизировали ему, обращали внимание на неординарность, решительность, бьющую ключом энергию и неиссякаемое новаторство, связывали с его именем надежды на существенные перемены в международных отношениях. У Аденауэра их не было. После московских переговоров у него укрепилось далеко неблагоприятное мнение о советском партийном лидере.

Канцлер соглашался, что влияние Хрущева усилилось и продолжает расти. Хрущев — личность сильной витальности. Он намного эмоциональнее Булганина. Если Булганин обладает холодной жесткостью, то Хрущев — раскаленной, вулканической жесткостью. Диктаторски управляемый Советский Союз, испытывающий большие внутренние трудности, во главе с таким деятелем, как Хрущев, таит значительно большую опасность, чем это было бы при более хладнокровном руководителе, способном спокойно, без излишних эмоций осмысливать положение вещей и принимать решения, тщательно взвесив их.

В печати появился диалог Аденауэра с известным американским журналистом Джозефом Олсопом, в центре которого оказалась личность Хрущева.

Аденауэр: «Русские деятели имеют совершенно иной менталитет, чем мы. Они считают себя такими выдающимися и такого масштаба личностями, что убеждены — тому, что они говорят, поверят все. У вас не складывается впечатление, что, например Хрущев, который, по моему убеждению, является средним деятелем, ведет себя так, как будто он стоит сразу за Богом?»

Олсоп: «Я не считаю его средним деятелем».

Аденауэр: «Он — средний агитатор. По моим личным впечатлениям, Маленков значительно умнее».

Олсоп: «Я бы сказал, Хрущев — деятель средней интеллигентности, но огромной энергии. Он обладает

необычайной решимостью».

Аденауэр: «Согласен, но слишком быстрой решимостью».

Олсоп: «Он — игрок».

Аденауэр: «Он недостаточно продумывает ходы, сегодня играет так, завтра — иначе».

В кругу близких сотрудников Аденауэр предостерегал от иллюзий в отношении налаживания международных контактов с Хрущевым:

— Он плохо осведомлен о положении дел на Западе, ибо получает неверную информацию от своих послов. Ни один диктатор не терпит сообщений, не укладывающихся в его линию. А Хрущев считает, что капиталистические страны неукоснительно идут к гибели. С диктаторами невозможно добиться надежных договоренностей. Они откажутся от любых обязательств, как только таковые будут мешать осуществлению их целей. Компромисс для них возможен лишь с точки зрения собственной полезности, интересы других им безразличны. Хрущев — жесткий лихач. С ним не придут серьезные и глубокие перемены к международной жизни.

Сравните Хрущева с президентом Эйзенхауэром. Американец — приличный человек, прямолинейный и простой солдат. Хрущев — обманщик, разбойник, у которого нет никаких моральных устоев. Если Эйзенхауэр примет Хрущева за порядочного парня, он совершит ошибку, за которую придется дорого заплатить. С Хрущевым можно иметь дело только не отходя от кассы. У него нельзя брать никакие векселя. Он говорит много и часто необдуманно. По одному и тому же делу может сказать сегодня одно, а завтра — другое. Его нельзя оценивать мерками западного государственного деятеля, тщательно обдумывающего каждое слово.

Несколько раз Аденауэр высказывал мысль, что было бы лучше, приди к власти в Москве Г. М. Маленков. Канцлер считал его трезвомыслящим, сдержанным политиком и компетентным экономистом. Именно с Маленковым можно было бы надеяться на серьезные и благоразумные перемены в Советском Союзе и его внешней политике.

В конце 50-х годов посол Федеративной Республики в Москве Кролль установил хорошие личные отношения с Хрущевым. Посол отзывался о нем как об интеллигентном и хорошо информированном человеке, проявлявшем себя просто и естественно при общении. Аденауэра раздражали подобные оценки. Кроллю неоднократно указывалось на необходимость быть осторожным и не выходить за рамки общей политической линии Бонна. Посол несколько раз ставил вопрос о поездке

Хрущева в Бонн. Советского лидера охотно принимали во многих странах. Аденауэр решительно отказывался от встречи с Хрущевым. Кроллю дали указание не обсуждать данный вопрос в Москве.

В июне 1956 года произошли серьезные волнения в Польше. А осенью советские танки вошли в Будапешт. Аденауэр убедился, что его оценки советского режима и действий московских руководителей подтверждаются. На XX съезде КПСС Хрущев говорил, что установление общественного строя — внутреннее дело народов. А через несколько месяцев кроваво расправился в Венгрии с теми, кто пытался пойти собственным путем. Хрущев и его сотоварищи не могли подняться до понимания стремления народов освободиться от роли сателлитов и самим решать собственную судьбу. Мощь и насилие — главные методы Москвы. Но ими нельзя создать стабильного положения и длительное время держать народы в русле, угодном и удобном для кого-то вовне.

Выступая в это время в печати, Аденауэр обращал особое внимание на то, что Хрущев постоянно говорит о противоречиях между двумя общественными системами, ничуть не сомневаясь, что коммунистическая система лучше и прогрессивнее капиталистической, ибо в последней неизбежны классовые столкновения и революционные вспышки. Жизнь и конкретно польские и венгерские события, однако, свидетельствовали об обратном. Серьезные противоречия накапливались в социалистическом лагере. Государства, входившие в него, не могли нормально развиваться и удовлетворять естественную потребность людей в демократии и свободе. Народы социалистических стран обращали свои взоры на Запад; оценивая социально-экономические успехи мира капитализма, они все отрицательнее относились к собственному строю и его официальной идеологии. Государства-сателлиты становились тяжелым грузом для Советского Союза, очагом постоянной опасности. Брожение в них неизбежно оказывало воздействие и на внутреннее положение Советского Союза, на советский народ, заставляло его критически относиться к тем социальным условиям, в которых он жил, к той идеологии, которую обязан был исповедовать.

Мало кто в мире задумывался тогда о возможности системных изменений в социалистическом лагере. Уж очень внушительно выглядели военная мощь Советского Союза и те идеологические путы, которыми он оплел своих союзников. Мудрый «старик с Рейна» видел дальше многих. Он глубоко оценивал порочность коммунистической системы и те

противоречия, которые накапливались в ней. Ратовал за укрепление единства Запада, наращивание его силы. Требовал постоянно противоборствовать с коммунизмом, не допуская укрепления его международных позиций.

Советские же лидеры продолжали вести мирное наступление. Хрущев и Булганин побывали в Англии. Французский премьер Ги Молле посетил Москву. Хрущев постоянно говорил о разрядке напряженности, разоружении, европейской безопасности. Германские дела оставались обычно за скобками и, если упоминались, то в виде формулы: они — дело самих немцев. Ги Молле рассказывал Аденауэру, что Хрущев в беседе с ним откровенно заявил: 18 миллионов немцев из ГДР у него в руках лучше, чем воссоединенная Германия, пусть даже и нейтральная.

С западной стороны стали выдвигаться идеи размежевания в Европе, образования нейтрального пояса, разъединения войск. Одно время обсуждался план Идена о создании контрольной зоны без оружия на равнозначной территории на восток и запад от границы между ФРГ и ГДР. Аденауэр высказался против плана Идена. Впрочем, серьезно его и не обсуждали и вскоре забыли.

Летом 1956 года появился план американского адмирала Рэдфорда, председателя Объединенного комитета начальников штабов. Он предусматривал сокращение американских войск, в том числе и в Европе, на один миллион человек. Аденауэр встревожился не на шутку. Он направил в Соединенные Штаты Эккардта, чтобы через прессу и в беседах с влиятельными политиками разъяснить точку зрения канцлера: план Рэдфорда ослабляет обороноспособность Соединенных Штатов и всего западного мира. Ставка на использование лишь ядерного оружия против советского вторжения опасна, ибо приведет к гибели Европы.

В Бонн вызвали немецких послов из Вашингтона, Лондона, Парижа и Рима. Канцлер дал им указание официально довести его позицию по плану Рэдфорда до сведения правительств стран их пребывания. Одновременно он послал решительное письмо Даллесу. Немецкого генерала Хойзингера направил в Пентагон с докладом об оборонительных возможностях в Европе.

Мощная кампания Аденауэра принесла желанный результат. Эйзенхауэр отклонил план адмирала и более к нему не возвращался.

Вскоре Аденауэр отправился с очередным визитом за океан. Больше всего его беспокоило то, что Соединенные Штаты под воздействием мирного наступления Советского Союза изменят курс на укрепление НАТО и консолидацию сил западного мира. Если Запад не будет выступать единым фронтом, Советский Союз

может глубоко вклиниться в его позиции.

Из Нью-Йорка канцлера на маленьком самолете доставили на ферму Эйзенхауэра в Геттесберге. Президент повел гостя осматривать ферму. Аденауэр все пытался завязать разговор о политике, но у него ничего не получалось. Эйзенхауэр говорил только о курах, овощах и прочих фермерских делах. Канцлер проявлял нетерпение. А президент с удовольствием, не торопясь, демонстрировал ему быков, которых раскормили так, что они еле могли двигаться.

На террасе сели пить кофе. И здесь не удалось завязать беседу о политических делах. Аденауэр улетел в Вашингтон глубоко разочарованным. Там его ждал Даллес. Контакты с ним приняли совсем иной характер.

Даллес сразу же сказал Аденауэру, что президент и он высоко ценят мнение канцлера, и попросил его без обиняков, откровенно изложить все, что он думает о положении дел в мире и об американских внешнеполитических шагах.

Аденауэр говорил долго. Даллес слушал внимательно, не перебивая. Основная мысль канцлера сводилась к тому, что XX съезд КПСС не изменил целей и политики Советского Союза. Москва лишь стала действовать более гибко и изощренно. Она пытается перенести противоборство из военной сферы на идеологическое и экономическое поле. Пропагандистскими методами пытается подорвать единство НАТО. Здесь кроется главная опасность. Лишь сильная НАТО — гарантия против военного столкновения. Члены НАТО не должны строить политику в отношении СССР каждый по-своему. Именно на это делают ставку в Москве. НАТО создавалась как сугубо военная организация. Теперь ее надо ориентировать на политические цели. Придать более широкие полномочия генеральному секретарю с тем, чтобы он активно и эффективно координировал действия членов НАТО.

Советские руководители бросают вызов Соединенным Штатам в «третьем мире», пытаясь привлечь на свою сторону развивающиеся государства. США не должны ослаблять усилий на этом фронте. И все же главное для них — Европа, где, собственно, и решается исход борьбы двух систем.

Лицо Даллеса оставалось неподвижным. Когда Аденауэр закончил, он подумал и сказал, что выкладки канцлера крайне интересны. С оценками роли НАТО согласен. Но надо учитывать, что интересы Соединенных Штатов выходят за рамки НАТО и они не могут оглядываться только на эту организацию. Не всегда и не все члены НАТО в состоянии давать единый ответ на те или иные предложения из Москвы. Однако взаимные консультации

необходимы.

Что касается целей Москвы распространить коммунизм по всему миру, то здесь не может быть двух мнений. И конечно же, согласился Даллес, советские руководители видят главного противника в Соединенных Штатах. Мы оказывали и будем оказывать нашим союзникам помощь и поддержку в их противостоянии коммунистическому лагерю. Одним из главных направлений американской политики остается поддержка Федеративной Республики. Вашингтон позитивно относится к интеграционным усилиям в Западной Европе.

Аденауэр заметил, что по его впечатлениям Россия испытывает серьезные экономические трудности. Хрущев говорит о грандиозных планах развития. Но вероятность их осуществления вовсе не очевидна, иначе советский лидер не стал бы просить о помощи. Западным странам нет смысла помогать СССР решать экономические проблемы.

Даллес предостерег от недооценки способностей советской экономики и обратил внимание на то, что при централизованном плановом хозяйстве Москва имеет возможность успешно конкурировать с Западом, отправлять на экспорт продукцию, подчас по заниженным ценам, оставляя неудовлетворенными внутренние потребности.

Беседы в Соединенных Штатах оставили двоякое ощущение у Аденауэра. Он видел готовность поддержать его политическую линию. Но понимал и то, что интересы, далеко выходящие за рамки Европы, делают для Соединенных Штатов необходимым поиски компромисса с Советским Союзом. И поскольку германский вопрос продолжал оставаться в центре взаимоотношений с Москвой, компромисс мог обернуться негативной стороной для Федеративной Республики.

Тревога Аденауэра усилилась во время Суэцкого кризиса. Запад, по его мнению, совершил серьезную ошибку, уступив России подряд на строительство Ассуанской плотины. Влияние Москвы в Египте возросло настолько, что она смогла получить возможность вмешаться в конфликт по Суэцкому каналу. Когда его национализация вызвала высадку в Египте англо-французских войск, Булганин в письме правительствам обеих стран потребовал вывести их войска из Египта и пригрозил вмешательством Советского Союза. В послании Эйзенхауэру советский премьер предложил совместно выступить против англо-французской интервенции. Так оно и получилось. В Совете Безопасности ООН Соединенные Штаты и Советский Союз проголосовали за резолюцию, осуждавшую действия Англии и Франции.

О «грозном» письме Булганина Аденауэр узнал в поезде,

направляясь с визитом в Париж. Через посольство ФРГ он запросил Ги Молле — не отменить ли визит, пока он не начался? Французский премьер-министр ответил, что при сложившихся обстоятельствах считает визит особенно ценным. Важно подтвердить франко-германское соглашение именно в этот трудный для Франции момент.

На встрече Ги Молле сразу же спросил:

— Что вы нам посоветуете делать?

— А у вас есть сведения о том, какую позицию занимают американцы? — ответил вопросом Аденауэр. Он понимал, что точка зрения Соединенных Штатов станет решающей в развитии кризиса.

Через несколько часов Ги Молле получил сообщение из Вашингтона, что США осуждают военные действия Франции и Англии в Египте и не намерены вступать в конфликт с Советским Союзом. Ги Молле и Аденауэр поняли, что англо-французские войска из Египта придется выводить.

Обдумывая события осени 1956 года, Аденауэр пришел к неутешительному выводу. Западные страны далеки от необходимой сплоченности. Действия Англии и Франции в Египте позволили Советскому Союзу проявить силу и решительность, разбить единый фронт Запада, начавший было складываться на фоне венгерских событий. Соединенные Штаты не сочли возможным поддержать своих основных союзников по НАТО.

…Канцлер вступил в девятый десяток жизни. Он не менял режима, выглядел собранным, подтянутым, готовым выносить большие нагрузки.

В марте 1957 года он прилетел в Рим подписывать договор об образовании Европейского экономического сообщества. Оттуда его самолет направился в Тегеран, где канцлера ждали с официальным визитом.

В первый же день Аденауэр и сопровождающие получили подарки: дорогостоящие ковры, изделия из редких пород дерева и слоновой кости. Канцлер попросил помощников показать, что привезли они для шаха и должностных лиц. Принесли вазу и подсвечники из фарфора, музыкальную шкатулку для премьер-министра и что-то еще маловыразительное. Аденауэр возмутился:

— Подобный ширпотреб можно встретить в любой сувенирной лавке. Даю время до завтрашнего утра: придумайте, как исправить глупость.

На следующий день за завтраком кто-то робко сказал, что шах и его супруга Сарайя любят лошадей. Лицо Аденауэра ожило:

— Хорошая мысль. Передайте шаху, что ему приготовлены

скакуны, но их не смогли взять с собой. Они будут доставлены позже на транспортном самолете.

Настроение улучшилось. Канцлер охотно осматривал экзотические достопримечательности, вел беседы с шахом и премьер-министром.

Из Тегерана вылетели в Стамбул, где была запланирована промежуточная посадка. Аденауэр использовал ее, чтобы осмотреть город. Немецкий посол в Турции изумился живому интересу канцлера к стамбульским диковинкам.

В самолет пришло сообщение, что итальянский премьер-министр Сеньи просит сделать посадку в Риме для краткой беседы. Согласие было немедленно дано. Уже близилась ночь, когда приземлились в Кёльне.

В Рёндорфе канцлера встретили упреками: разве можно допускать подобные нагрузки? Он же попросил принести бутылку вина и еще с час оживленно рассказывал близким о восточных впечатлениях.

Весной 1957 года Эйзенхауэр сделал предложение европейским союзникам передать им ядерное оружие и обучить персонал. Англия и Франция не приняли его и пошли по пути создания собственных ядерных сил. Аденауэр увидел еще одну трещину в западном союзе. Англичане и французы демонстрировали независимость от Соединенных Штатов и создавали массу трудностей для НАТО. Канцлер высказался за вооружение бундесвера американским атомным оружием. В Федеративной Республике разразилась буря.

Восемнадцать физиков ФРГ, среди которых были лауреаты Нобелевской премии Макс Борн, Отто Хан и другие крупные ученые, опубликовали воззвание против приобщения бундесвера к ядерному оружию. Ученые писали, что возможности дальнейшего развития этого оружия не имеют естественных пределов. Тактическая атомная бомба в состоянии разрушить небольшой город, а водородная — сделать необитаемым район величиной с Рурскую область. В результате взрыва нескольких водородных бомб может быть уничтожено все население Федеративной Республики. Надежной защиты больших масс населения от атомной опасности не существует.

За физиками последовали выступления университетских профессоров. Началось брожение в обществе. Возникло движение «Против атомной смерти», которое поддержали социал-демократы и профсоюзы. На митингах и собраниях принимались резолюции, призывающие бундестаг и правительство отказаться от участия в гонке атомных вооружений и поддержать идею создания в Европе безъядерной зоны.

Канцлер привык к противодействию оппозиции. В демократическом обществе оно естественно. Тот, кто принимает решения, неизбежно оказывается в поле действия критиков. Нападкам подвергаются и действия, и бездействие. Мир охвачен гонкой ядерных вооружений. Федеративная Республика не может остаться безучастной, не подорвав своих внешнеполитических позиций. В воспоминаниях Аденауэр напишет, что приобщение к ядерному оружию являлось для него вопросом не военным, а политическим. В практической плоскости он не стоял, немедленных решений не требовал. Речь лишь шла о единой политике НАТО и о том, чтобы Федеративная Республика пребывала в совместном процессе.

Ученых-физиков пригласили на беседу к канцлеру во дворец Шаумбург. Вместе с Аденауэром их встретили генералы Хойзингер и Шпайдель. Один из них сделал доклад о том, как идет формирование дивизий бундесвера, военно-морских, военно-воздушных соединений и включение их в оборонительные системы НАТО. Немецкие военнослужащие заняли важные позиции в штабах НАТО. Их число постоянно увеличивается. Расходы ФРГ в НАТО превысили доли Англии и Франции. Федеративная Республика стала не просто составной частью НАТО, а одной из его ведущих сил.

Другой генерал дал сравнительный анализ военных возможностей Советского Союза и его сателлитов и союзных сил НАТО. Он подчеркнул, что, если отдельные страны НАТО будут вооружены по-разному, управлять ими станет затруднительно. Советский блок получит существенное преимущество.

Ученые возражений не высказывали. Аденауэр вступил в беседу:

— Речь не идет о немедленном вооружении частей бундесвера ядерным оружием, а лишь о принципиальной возможности сделать это при определенных условиях, в случае крайней необходимости. Принятие решения никогда не приобщаться к ядерному оружию стало бы подарком России и лишь подтолкнуло бы ее к экспансионистским шагам в Европе. Мы сможем оказать воздействие на мирные процессы только в том случае, если обозначим собственную силу. Не обладая таковой, Федеративная Республика неизбежно превратится во второстепенную державу, объект политики других, не сможет в полную силу поднять свой голос в пользу мира.

Встреча во дворце Шаумбург оказала воздействие на ученых. Их активность в борьбе против ядерного оружия пошла на убыль. Вскоре ослабло и движение «Против атомной смерти». Канцлер проявлял сдержанность и избегал публично высказываться о

ядерном оружии для бундесвера. Он учитывал и тот фактор, что правительства и общественность европейских стран настороженно воспринимают шаги по усилению западногерманской армии и роли ФРГ в руководящих органах союза. Постепенно проблема перешла в иную плоскость: размещение американских ракет с атомными боеголовками на территории Федеративной Республики. Но это случилось позднее.

Новые встречи с Даллесом сначала в Бонне в начале мая 1957 года, затем в конце месяца в Вашингтоне показали, что политические позиции США и ФРГ в общем и в деталях едины. Даллес поддержал усилия по интеграции в Европе и одобрительно отозвался о подписанных в Риме соглашениях об образовании Европейского экономического сообщества и Евроатома. Выразил сожаление, что Великобритания отказалась от участия в ЕЭС. Аденауэр заметил, что европейская интеграция оказалась бы более эффективной, если бы англичане не устранялись от совместных шагов с континентальными странами.

Даллес заговорил о необходимости разрядки и разоружения:

— Люди во всем мире устали от противоборства и хотят хоть на шаг продвинуться вперед, достигнуть какой-нибудь договоренности с Советским Союзом. Соединенные Штаты пойдут на разоруженческие действия, но лишь тогда, когда будет установлен строгий контроль над исполнением договоренностей. Советским руководителям нельзя верить на слово. Они стараются делать лишь то, что выгодно им самим. Но можно найти отдельные сферы, где интересы совпадут. И к контролю следует подходить не сразу, а постепенно, начать с частичных мер, а потом расширять их.

Увидев озабоченность на лице Аденауэра, Даллес поспешил добавить:

— Соединенные Штаты будут увязывать разоруженческие дела с нерешенными политическими проблемами, среди которых первое место занимает воссоединение Германии.

Аденауэр не мог не заметить, что в намерениях Белого дома и государственного департамента есть различия. Срок президентства Эйзенхауэра заканчивался. Он хотел завершить его договоренностью по разрядке международной напряженности. Президент допускал возможность создания контролируемой нейтральной зоны в Европе. Даллес думал иначе: Соединенные Штаты не должны соглашаться на разоруженческие шаги на основе нейтрализации Германии.

Канцлер не сомневался, что возобладает жесткая линия государственного департамента, ибо она представлялась более реалистичной, приближенной к конкретному положению дел в

Европе. Она его полностью устраивала.

Даллес закончил беседу в Вашингтоне пожеланием Аденауэру успеха на предстоящих осенью выборах в бундестаг. Скупо улыбаясь, он сказал:

— Не сомневаюсь — немецкий народ считает вас, господин канцлер, самым умным и способным политическим деятелем в Германии.

ХДС/ХСС с Аденауэром были обречены на победу. И она пришла 15 сентября 1957 года на третьих в истории ФРГ выборах в бундестаг. Впервые ХДС/ХСС получили абсолютное парламентское большинство, и теперь канцлер мог не заботиться о коалиции. Он достиг пика политической карьеры.

Социал-демократы вели борьбу энергично. Критиковали главным образом внешнюю политику правительства, требовали отказаться от однобокой ориентации на Запад, начать переговоры с Советским Союзом о воссоединении Германии на основе ее нейтрализации и создания в Европе безъядерной зоны.

Решающими, однако, в предвыборной борьбе оказались другие факторы. Экономика Федеративной Республики работала прекрасно. Создавались новые и новые рабочие места. Безработицы практически не было. Массовое строительство сняло с повестки дня проблему жилья. Выделялись крупные дотации сельскому хозяйству, что позволяло все в большей степени удовлетворять потребности страны за счет собственного продовольствия. Немецкая марка стала одной из самых твердых мировых валют. Постоянно расширявшийся экспорт позволил накопить солидные валютные резервы.

Реформировалась социальная сфера, росли заработная плата и пенсии. В начале 1957 года по инициативе правительства бундестаг принял закон о пенсиях. За него проголосовали и депутаты от оппозиции. Отныне пенсии автоматически возрастали вместе с ростом национального продукта, но они не могли уменьшаться, если производство падало. Тезис Эрхарда — благосостояние для всех! — успешно осуществлялся на деле. Уровень жизни в Федеративной Республике превысил таковой в Дании и Швеции.

Немцы обретали уверенность, оптимизм. Их страну признали достойным партнером западного сообщества. На нее стали равняться, перенимать методы социальной рыночной экономики. Лозунг Аденауэра — никаких экспериментов! — заработал в полную силу. Социал-демократам и другим оппозиционным силам нечего было противопоставить ему. Население верило канцлеру и правительству. Крупные промышленники поддерживали его. ХДС/ХСС получали значительные суммы на

предвыборную борьбу, но могли бы победить и без них. Люди действительно не хотели экспериментов, крутых перемен и ломок. Жизнь развивалась по восходящей линии, создавая условия для удовлетворения возраставших потребностей и запросов.

Аденауэр чувствовал себя бодрым и свежим. В ходе предвыборной кампании он вновь исколесил всю страну на автомобиле, специальном поезде, летал самолетом. Выступал и в крупных городах, и небольших селениях, на многотысячных митингах и в присутствии нескольких десятков человек. Принимал делегации избирателей. Постоянно требовал от помощников материалы, цифры, данные, особенно по вопросам, по которым его критиковала оппозиция. Часто импровизировал на встречах, находил новые и новые аргументы, чтобы в достойном свете представить деятельность правительства. Кинохроника показала Аденауэра, с улыбкой слушавшего пластинку с популярной песенкой. Переделанный припев ее повторял слова: что бы ни случилось, старик должен остаться.

После выборов Аденауэр вернулся к размеренной, привычной жизни в Рёндорфе и дворце Шаумбург. Свободное время обычно проводил за чтением. Углубился в историю Америки и, в частности, развития там католической церкви. Параллельно читал историю России. Размышлял о тенденциях ее царского и советского периодов. Заглядывал в книги по истории искусства. Перед сном откладывал монографии и брался за криминальный роман. Часто включал симфоническую музыку. Говорил домашним, что Чайковский возбуждает его, а Шуберт дает отдохновение от политики. Гайдн, как стакан родниковой воды, освежает и бодрит.

В воскресенье после мессы Аденауэр надевал соломенную шляпу и занимался обрезанием деревьев и цветов в саду или просто гулял по дорожкам, посыпанным мелким гравием.

Сыновья и дочери жили отдельной жизнью. Но кто-либо из них с внуками, число которых перевалило за полтора десятка, часто гостил в Рёндорфе. Положение патриарха многочисленной и благополучной семьи вызывало чувство удовлетворения и умиротворенности. Дети от первого брака: Конрад — директор крупного промышленного предприятия, Макс занимает руководящий пост в администрации Кёльна, Риа — супруга промышленника Райнерса. От второго брака: Пауль — капеллан одной из кёльнских церквей, Либет — супруга предпринимателя Верхана, Лотта — жена архитектора Мультхаупта, Георг — юрист.

Штраус на заседании правительства, поздравляя Аденауэра с очередным днем рождения, воздал должное его многочисленной

семье. Кивая на министра по делам семьи Вюрмелинга, сказал:

— И это все, господин федеральный канцлер, вы сотворили до того, как появился господин Вюрмелинг.

В Бонне и далеко за его пределами немало удивлялись, как канцлер в столь почтенном возрасте не теряет бодрости. А он охотно рассказывал такую историю. Папа Лев XIII праздновал 90-летие. Дуайен дипломатического корпуса вместе с поздравлением пожелал ему выглядеть так же прекрасно и в сто лет. Папа ответил вопросом: почему вы так ограниченно оцениваете милость Божью?

Любил канцлер вспоминать и о разговоре с Иденом в Лондоне на одном из приемов. Иден попросил Аденауэра оказать воздействие на Черчилля и дать ему понять, что пришло время оставить пост премьер-министра и уйти на заслуженный отдых.

Аденауэр сверкнул веселой искоркой в глазах и спросил с улыбкой:

— Вы полагаете, господин Иден, что именно я подходящая персона для такого разговора?

Разница в возрасте Черчилля и Аденауэра составляла год.

Иден попытался обратить все в шутку. А присутствовавший при разговоре зять Черчилля, занимавший пост министра обороны, сказал:

— Насколько я знаю тестя, он будет стоять у моего гроба и произносить речь: как жаль, что нас так рано покинул столь подававший надежды молодой человек.

На очередной встрече Аденауэра с журналистами за чашкой чая произошел такой диалог.

Журналист: «Как вы ощущаете себя на девятом десятке жизни и деятельности? Что главное, позволяющее столь долго и энергично работать?»

Аденауэр: «Моего врача — профессора Мартини спросили: чему и кому я должен быть обязан таким здоровьем и работоспособностью, может быть, кислородной терапии, вообще искусству врачей? Мартини ответил: в первую очередь родителям. Здоровые родители и воспитание умеренности — основа долгой жизни и работоспособности. Родители не носились с нами. Мы должны были работать, чтобы достигнуть чего-либо».

Журналист: «Каковы ваши привычки?»

Аденауэр: «Я не курю, в ином себе не отказываю, но проявляю умеренность, и ничего сверхъестественного».

Журналист: «Говорят, вы упрямый и твердый человек».

Аденауэр: «Самое плохое для политика — поворачиваться по ветру и действовать по погоде. Надо проявлять терпение и не упускать благоприятный момент. Терпеть не означает жить с

закрытыми глазами».

Журналист: «Вы хоть раз пожалели, что стали канцлером?»

Аденауэр: «Хоть раз! Я много раз спрашивал себя, за какие грехи Господь Бог наложил на меня такое наказание».

Журналист: «Но ведь есть и удовлетворение от работы».

Аденауэр: «Без этого исчерпаешь себя, без этого нет стимула работать дальше».

Глава XVIII
Восточное направление

При всем неприятии коммунистической идеологии и советской империи с ее сателлитами Аденауэр, как и другие деятели капиталистического мира, не мог ориентироваться только на противоборство. Советский Союз играл слишком большую роль в международной жизни. Канцлер не позволял себе выпасть из обоймы западных лидеров, наводивших мосты к советским руководителям. Иначе ФРГ осталась бы в стороне от процессов разрядки напряженности, которая заботила тем больше, чем стремительнее накапливались ракеты и атомные бомбы.

Колесо истории повернулось вспять на полный оборот, когда в России возникло тоталитарное государство. Оно сделало еще пол-оборота назад с включением в коммунистическую империю государств Восточной Европы и части Германии. Восстание в Венгрии выявило слабость коммунистического лагеря. Стало ясно, что Советский Союз не в состоянии одновременно повышать жизненный уровень народа, вооружаться и держать в повиновении сателлитов. Сталкиваясь с внутренними трудностями, советские руководители для самоутверждения прибегали к агрессивным действиям вовне.

Так мыслил Аденауэр. Для него коммунизм, овладевший властью, представлялся опасным сгустком ереси, накопленной человечеством за все время его существования. Побороть его сразу невозможно, как и изолировать от остального мира. Неизбежны соприкосновения. Особенно после того, как между Бонном и Москвой установились дипломатические отношения. Кроме того, Аденауэр, как и другие крупные политики (например, Черчилль), осознавал двойственность своего отношения к СССР: с одной стороны, антикоммунизм, с другой — понимание величия русского народа, исторической значимости России. Коммунизму необходимо было противостоять, с Россией — сотрудничать.

Положительные перспективы виделись в сфере торговли, выгодной для обеих сторон. В ХДС/ХСС велись дискуссии о целесообразности экономических связей с Советским Союзом. Многие считали, что торговля должна быть обязательно привязана к политике. Торговые сделки следует заключать только при учете политических интересов. И вообще, зачем продавать коммунистам, намеревавшимся похоронить капитализм, современное оборудование, ноу-хау, получая взамен сырье и

полуфабрикаты, которых полным-полно на западных рынках. Тем более что советские торговые деятели пытаются диктовать свои условия: не согласитесь вы, немцы, на наши цены, мы купим у англичан или французов.

Высказывалась и такая точка зрения. Русские крайне заинтересованы в экономическом сотрудничестве с Западом. Поставки следует использовать так, чтобы усилить зависимость Советского Союза от западных экономических доноров. А затем требовать политических уступок.

Аденауэр не вмешивался в дискуссии подобного рода. Он понимал, что для бурно развивавшейся экономики Федеративной Республики обширный восточный рынок представляется весьма желательным. Торговлю с Советским Союзом можно сдерживать исходя из политических соображений, но прекращать ее нельзя. Еще в 1952 году по инициативе Эрхарда был создан Восточный комитет немецкой экономики. В него вошли промышленники, заинтересованные в торговле с СССР и другими восточноевропейскими странами. Торговый оборот рос из года в год. В 1957 году, несмотря на все политические коллизии, Федеративная Республика вышла на первое место среди западноевропейских стран по экспорту в Советский Союз, К торговле с СССР стали подключаться такие крупные фирмы, как «Крупп», «Маннесман», «Сименс» и другие.

Обмен посольствами оживил советско-западногерманские отношения. Но первый советский посол в Бонне В. А. Зорин — дипломат старой школы, пытаясь завязывать контакты с деятелями политики, экономики, культуры, не проявлял необходимой гибкости. На критику советской политики отвечал обычно жестко и однозначно. Зорин немного понимал по-немецки, но беседовал всегда с переводчиком. Доверительного разговора, как правило, не получалось, даже если немецкий собеседник и пытался его завести. Газеты писали, что Зорин не только пропагандирует советскую политику, но и формирует ее в отношении ФРГ. Аденауэр и Брентано предостерегали от слишком близких контактов с советским послом и его сотрудниками.

Незадолго до венгерских событий Зорин был отозван в Москву на пост заместителя министра иностранных дел. В Бонн прибыл новый посол Андрей Андреевич Смирнов. Он еще до войны работал советником советского полпредства в Берлине, занимался германскими делами в качестве заведующего III Европейским отделом МИДа, а в 1956 году стал послом в Австрии. Пробыв в Вене менее года, он получил назначение в Бонн.

Смирнов оказался дипломатом гибким. В отличие от Зорина он обладал столь нужными «салонными» качествами: умел заинтересовать собеседника, вести беседу непринужденно, хорошо смотрелся на приемах со своим высоким ростом, стройной фигурой и выразительными чертами лица. Смирнов ни на шаг не отступал от официальной советской политики. Но с ним общались охотно, ибо он проявлял уважение к собеседнику, да и аргументы находил не стандартные, вызывавшие интерес. Средства массовой информации обычно хорошо писали о нем. Отмечали его элегантность и даже аристократичность.

Новый советский посол произвел благоприятное впечатление и на Аденауэра. Канцлер не отказывал в просьбах принять его. На больших приемах часто подходил к Смирнову и вел с ним беседы, выходившие подчас за обычные официальные рамки. Между ними установились своего рода личные уважительные отношения. При удобном случае посол подарил Аденауэру красивую кавказскую трость благородного дерева. Канцлер частенько гулял с нею.

Любопытно, что и посол Федеративной Республики в Москве Ганс Кролль, сменивший в 1958 году первого посла Хааса, установил прекрасные отношения с советскими руководителями. Н. С. Хрущев охотно вел с ним длительные и откровенные беседы, приглашал к себе на дачу и даже катал на лодке, сам сидя на веслах. В Бонне несколько подозрительно относились к таким контактам и временами одергивали Кролля.

В феврале 1957 года Смирнов вручил Аденауэру письмо Булганина. Советский премьер, как обычно, отрицательно оценил НАТО и ту агрессивную, по его мнению, роль, которая предназначалась в ней Федеративной Республике. Тем не менее Булганин высказал надежду на улучшение отношений между СССР и ФРГ и предложил начать переговоры о заключении широкого договора о торговле.

Тон письма показался Аденауэру в целом примирительным. Он быстро направил в Москву ответ. Не акцентируя внимания на политических оценках, дал согласие на переговоры о торговле и научно-техническом сотрудничестве. Здесь ему виделась возможность добиться реальных результатов. В конце июля 1957 года в Москву отправилась представительная делегация для подготовки текстов договоров, подписание которых договорились провести в Бонне.

Появление в космосе первого советского спутника вызвало шок у западных политиков. Такого события ждали, но были уверены, что первый запуск осуществят американцы. И тут сообщение из Москвы… Аденауэр по-своему оценил событие. Американцы теперь наверняка выйдут из состояния благодушия.

Поймут, что Советский Союз стал сильнее экономически и сделал большой шаг вперед в производстве вооружений. Отныне американцы не могут считать, что бомбардировщики на базах, опоясывающих СССР, дают им полное превосходство. В России появились межконтинентальные ракеты, обладающие возможностью прямо атаковать Соединенные Штаты. Защиты от них нет. Тем более нет таковой у Европы.

Внимательно следил Аденауэр за Совещанием коммунистических и рабочих партий стран восточного блока, состоявшимся в Москве в ноябре 1957 года. Он сделал вывод: главной целью этих правящих партий остается способствовать торжеству коммунизма во всем мире. Более того, коммунисты не исключали и немирный путь, то есть возможность применения силы для осуществления поставленных задач. Опасность для всего западного мира возрастает, ибо Советский Союз за счет межконтинентальных ракет добился военного превосходства над Соединенными Штатами.

Аденауэр видел единственную возможность предотвращения надвигавшейся угрозы: не прекращая контактов с Советским Союзом с целью добиться разрядки международной напряженности и конкретных шагов по разоружению, активизировать деятельность НАТО, повысить ее оборонный потенциал.

…Переговоры в Москве затягивались. Глава немецкой делегации посол Рольф Лар по указанию Бонна пытался увязать заключение договоров с вопросом о репатриации немцев — жителей бывших территорий Германии, отошедших к СССР, а также специалистов, вывезенных после войны с семьями из Германии. Все они получили советское гражданство. Лар утверждал, что в посольство ФРГ в Москве поступило 80 тысяч заявлений с просьбами о репатриации в Федеративную Республику. Топтание на месте шло и из-за того, что советскую делегацию не интересовали товары массового потребления и другая готовая продукция, которую предлагала немецкая сторона. В ФРГ намеревались закупать технологии и оборудование, имея в виду наладить производство у себя в стране.

В марте 1958 года Аденауэр дважды беседовал со Смирновым. В первой беседе он сказал послу, что дал указание Лару сидеть в Москве до тех пор, пока не будет достигнут позитивный результат. Разговор зашел о германских делах.

— Два германских государства — это та реальность, с которой мы обязаны считаться, — сказал Смирнов.

Аденауэр подумал и спокойно возразил:

— Без поддержки Москвы руководители ГДР останутся у

власти не более 24 часов. 17 миллионов немцев никогда не станут коммунистами. — Канцлер подыскивал выражения, чтобы не обострить беседу. И все же не удержался от прямых оценок. — Вы господствуете над ними и вызываете сочувствие к ним у нас и во всем мире. Для меня воссоединение в первую очередь человеческая проблема, а не национальная. Россия, сделав возможным воссоединение, приобретет друга в лице Германии. Возрастет ее международный авторитет. Настанет длительный период мирного развития. Советские руководители получат возможность успешно решать внутренние проблемы.

Интересный поворот произошел во второй мартовской беседе.

— Мне хотелось бы внести новый элемент в обсуждение германских дел, — сказал Аденауэр. — Прошу вас, господин посол, направить в Москву мой запрос: не согласится ли советское руководство предоставить ГДР нейтральный статус по австрийскому образцу?

Смирнов удивился и смутился, ушел от прямого ответа. Он понимал невозможность такого решения, хотя бы потому, что ГДР вышла бы из организации Варшавского договора, а ФРГ осталась в НАТО. Посол сообщил в Москву о вопросе канцлера, но предложил не возвращаться к нему в последующих контактах.

Через месяц Аденауэр в беседе с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном сказал, что австрийский вариант дал бы немцам в ГДР возможность свободно выразить свою волю и, таким образом, создал бы предпосылки для воссоединения Германии. Микоян ничего не ответил. Больше канцлер об этом не заговаривал.

Некоторое время спустя Хрущев в разговоре с журналистами заявил, что если бы советский государственный деятель одобрил предложение Аденауэра об изменении статуса ГДР на австрийский, то его сочли бы сумасшедшим.

Переговоры в Москве заканчивались. Развязку с возвращением немцев нашли следующим образом: советская сторона выразила готовность рассматривать заявления о репатриации каждое в отдельности и таким же образом принимать решения. В начале апреля 1958 года состоялось парафирование выработанных, наконец, текстов соглашений. Главным из них стал Общий договор о торговле и мореплавании. Он определял условия торговли и закреплял принцип наибольшего благоприятствования. Оговаривалось открытие торговых представительств в Москве и Бонне. К Общему договору примыкало соглашение о товарообмене и платежах, в котором определялись объемы и виды товаров на ближайшие годы. Отдельный договор предусматривал содействие сторон в

осуществлении консульских обязанностей.

Подписание договоров решили провести в конце апреля. Вскоре стало известно, что для этой цели в Бонн прибудет первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян. Аденауэр выразил удовлетворение уровнем советского представителя.

Микоян прилетел на новом реактивном самолете Ту-104 во Франкфурт. Посадочная полоса аэродрома Кёльн/Бонн оказалась слишком короткой для лайнера. Встречали его Брентано, статс-секретарь Шерпенберг и другие официальные лица. Канцлер распорядился, чтобы все прошло достойно, с учетом высокого положения гостя. Специальным поездом направились в Бонн. В этот же день состоялось подписание договоров.

На пресс-конференцию собрались три с половиной сотни журналистов. Микоян держал себя свободно. На острые вопросы отвечал в русле известных советских позиций, но умело оперировал остроумными оборотами и шутками. Присутствовавшие остались довольны и писали о Микояне благожелательно.

Вечером Брентано дал прием на Петерсберге. Гости любовались прекрасным видом на Рейн и Бонн, набережная которого сверкала цепочкой огней. Представители промышленно-финансовых кругов говорили о готовности торговать с Советским Союзом. Официальную речь Брентано выдержал в вежливых тонах.

Благодушная атмосфера разрушилась, когда выступил Микоян. Он вынул из кармана заготовленный в Москве текст и зачитал его. Отметив положительное значение торгового договора, московский гость заговорил о западногерманских милитаристах и реваншистах, обвинил средства массовой информации ФРГ в разжигании вражды по отношению к советскому государству и его союзникам.

Окончив речь, Микоян засунул обратно в карман листки и как ни в чем не бывало продолжал поддерживать оживленный разговор, шутил, смеялся. Однако настроение у немцев безнадежно испортилось.

На следующий день предстояла беседа у Аденауэра. Канцлер с интересом ждал встречи. Он знал, что Микоян был одним из ближайших соратников Сталина. В одном из выступлений назвал Сталина гениальным зодчим коммунизма. Ничто, однако, не помешало ему вместе с Хрущевым отвернуться от Сталина после его смерти и пуститься в разоблачение неблаговидных дел всесильного диктатора. Он, как Талейран и Фуше, показал умение приспосабливаться к любому правителю — будь то Сталин,

Маленков, Хрущев.

К одиннадцати часам Микоян прибыл во дворец Шаумбург. Вместе с переводчиком его провели на второй этаж в кабинет канцлера. Вскоре туда же отправился Смирнов. По программе беседа планировалась на час, после чего Аденауэр и Микоян должны были спуститься вниз и начать переговоры делегаций. На тринадцать часов наметили официальный завтрак от имени канцлера в отеле «Кёнигсхоф», в котором разместился Микоян и прибывшие из Москвы члены делегации.

Все однако смешалось. Беседа в кабинете канцлера приняла непринужденный характер и затянулась. По крупным политическим проблемам собеседники говорили мало, понимая, что ничего нового сказать не могут. Избегали резких выражений, стремились не нарушать общего доброжелательного настроя.

Аденауэр рассуждал о положительных моментах в истории германо-российских отношений.

— Кайзеровская Германия, — заметил он, — предоставила Ленину двадцать миллионов золотых марок, что и помогло ему прийти к власти. К тому же советская идеология возникла благодаря двум немцам — Марксу и Энгельсу.

— В Германии могут гордиться двумя выдающимися немцами, — в тон канцлеру ответил Микоян. — Что касается двадцати миллионов марок, то это неточное отражение и даже искажение истории. Если бы такая передача денег состоялась, я бы знал о ней, так как был в то время близок к Ленину.

Аденауэр сослался на публикацию соответствующих документов в одной из газет и обещал прислать ее Смирнову.

— Учась в духовной семинарии, я готовился стать священником, — рассказывал Микоян. — Но перед посвящением в сан мне попалась книга Маркса «Капитал». Она-то и перевернула мое мировоззрение.

— Я тоже было взялся читать это произведение, — засмеялся канцлер, — но ничего не понял и бросил.

— Мне удалось разобраться в нем после второго прочтения. Беседа затягивалась. Часы пробили половину второго.

Появился метрдотель из «Кёнигсхофа». Он тревожился за блюда, изготовленные к часу дня. Один из помощников Аденауэра поднялся в кабинет и напомнил, что гости уже собрались на завтрак.

Собеседники удивились, что так быстро пробежало время.

— Разговор можно будет продолжить за столом, — сказал Аденауэр. — Надо, однако, решить один вопрос. Вчера на приеме вы, господин Микоян, произнесли весьма неприятную речь. Сейчас на завтраке такое не должно повториться. Иначе мне

придется очень жестко ответить, чего не хотелось бы.

Канцлер взял из папки на столе листы с текстом своей речи и дал ее Микояну, попросив показать его речь. Микоян полез в карман и достал текст на русском языке, взял у Смирнова перевод на немецкий и протянул Аденауэру. Тот внимательно прочитал и попросил убрать некоторые места. Микоян тут же вычеркнул их.

Довольные друг другом, спустились на первый этаж, где их ожидали члены делегаций для так и несостоявшихся переговоров. Кортеж автомобилей направился к «Кёнигсхофу».

За столом в банкетном зале Микоян сидел по правую руку от канцлера, Смирнов — по левую. Произнесли официальные речи и за едой продолжили беседу. Микоян несколько раз возвращался к теме разрядки и разоружения и все повторял, что готов к любому развитию событий, только бы не случилась война. Аденауэру показалось, что многоопытный советский деятель говорит искренне.

— Почему Федеративная Республика выступает против создания в центре Европы безъядерной зоны? — спросил Микоян. — В нашей стране, да и не только у нас, не понимают вашей позиции.

Аденауэр помедлил, подыскивая аргумент.

— Если русские начнут стрелять ядерными зарядами по Франции, а французы и американцы — по России, то откуда бы ни подул ветер, с востока или с запада, безъядерная зона будет накрыта радиоактивными элементами.

Микоян сменил тему и начал нападать на американцев и особенно на Даллеса, который, по его мнению, ведет дело к развязыванию новой войны. Аденауэр горячо вступился:

— Здесь кроется серьезная ошибка. Я хорошо знаю Даллеса и Эйзенхауэра. Они — порядочные люди и искренне выступают за мир и контролируемое разоружение. Им можно доверять.

Микоян не скрывал скепсиса. Канцлер понял, что убедить его в искренности американцев не удастся.

Завтрак, несмотря на его официальный характер, проходил оживленно и неформально. Аденауэр пребывал в прекрасном настроении, шутил, смеялся. Одну из его шуток автору этих строк, в то время молодому сотруднику советского посольства в Бонне, пришлось испытать на себе.

Я сидел на дальнем конце стола. Смирнов жестом подозвал меня и попросил на некоторое время заменить переводчика. Я устроился на стуле, стоявшем за канцлером и Микояном. Официант передал мне тарелку с тарталетками.

Аденауэр постоянно обменивался репликами с Микояном. Я напряженно переводил. Но вот канцлер обернулся, посмотрел на

меня и серьезно произнес:

— Вы кушайте, кушайте, молодой человек.

Только я было взялся за тарталетку, как он стал говорить что-то Микояну, а тот ему отвечать. Мне было не до еды. А канцлер вновь обернулся и опять сказал:

— Кушайте, кушайте. — И снова заговорил с Микояном, бросив на меня лукавый взгляд.

На следующий день советская делегация в сопровождении Эрхарда и многочисленных журналистов отправилась специальным поездом на Ганноверскую ярмарку. Между Микояном и Эрхардом завязалась беседа, часто переходившая в пикировку с шутливым оттенком. Один доказывал преимущества социалистической экономики, другой — рыночного хозяйства. На следующий день в газетах появились рассуждения, что Микоян показал себя не очень уж заидеологизированным человеком и внимательно прислушивался к доводам отца немецкого благополучия. Кто-то пустил шутку: марксистско-ленинское кредо у Микояна проступает не больше, чем христианство у боннских политиков.

Программа на ярмарке оказалась скомканной. Всюду толпы людей окружали Микояна, мешая осуществить запланированные осмотры. Советский гость не терял хорошего настроя. Сказал журналистам:

— Я приехал осмотреть Ганноверскую ярмарку, однако вижу, что и ярмарка хочет осмотреть меня, — какое прекрасное доказательство взаимного интереса.

Шутка Микояна обошла все газеты.

Из Ганновера поездом прибыли в Штутгарт и прямо с вокзала на машинах отправились в Зиндельфинген на заводы фирмы «Даймлер-Бенц», выпускающей знаменитые «мерседесы». Рабочие, одетые в аккуратные комбинезоны, неторопливо, внимательно делали свое дело. Микоян затеял разговор с несколькими сборщиками. Спросил, как они борются за свои интересы. И, к удивлению, услышал: условиями труда довольны, зарабатываем прилично, разногласия с администрацией иногда возникают, но решаются обычно через профсоюз быстро и удовлетворительно для обеих сторон.

На обратном пути Микоян попросил показать кварталы бедняков в Штутгарте. Немцы сказали, что таких нет. Увидев сомнение на лице гостя, предложили самому поискать их. Машина Микояна стала первой в колонне. В течение двух часов он направлял ее в различные концы города, но бедняцких кварталов так и не нашел. И уже с меньшим удивлением воспринял информацию о том, что половина рабочих в Штутгарте

живет в собственных домах.

Взгляды Микояна менялись на глазах. На приеме у премьер-министра земли Баден-Вюртемберг он достал было текст заготовленной речи, но махнул рукой и отложил его в сторону. Сказал теплые слова о Федеративной Республике, ее народе, о приеме, который ему оказали. Выразил убеждение, что СССР и ФРГ будут развивать тесное сотрудничество.

Возвращаясь в Москву, Микоян остановился в Восточном Берлине и встретился с Ульбрихтом. Западные газеты писали, что он посоветовал восточногерманскому руководителю прекратить глупую пропаганду о превосходстве социалистической ГДР над капиталистической ФРГ и якобы сказал: «Будьте довольны, если через десять лет ГДР заживет так, как ФРГ сегодня».

Через несколько дней на очередной встрече с журналистами Аденауэр поделился впечатлениями о Микояне:

— Он интеллигентен, умеет быстро и по существу реагировать на высказывания собеседника. В Федеративную Республику приехал с убеждением, что она является сателлитом Америки. Думается, я разубедил его. И вообще, рассуждения Микояна к концу визита изменились, стали более мягкими и реалистичными.

В Москве на одном из приемов Микоян подошел к послу Кроллю и сказал, что вынес самое хорошее впечатление о канцлере Аденауэре как о трезвом и умелом государственном деятеле и приятном человеке. Он сказал также, что глубокое впечатление осталось у него от мощи и возможностей экономики Федеративной Республики и системы решения социальных проблем, что он теперь лучше понимает немецкое «экономическое» чудо и то, что оно дало населению.

В то время у многих складывалось впечатление, что отношения между Федеративной Республикой и Советским Союзом отныне начнут развиваться по восходящей линии. Аденауэр не разделял подобных ожиданий. Оживление в торговле, налаживание культурных контактов не вызвали положительных сдвигов в политике. Стратегические цели обеих стран оставались разными. Канцлер вяло реагировал на инициативы, поступавшие от Кролля. Ориентировал Министерство иностранных дел на укрепление НАТО, европейских союзов и сотрудничество с западными странами.

В июне 1958 года венгерские власти под влиянием Москвы, нарушив обещание, казнили бывшего премьер-министра Имре Надя и руководителя будапештского восстания Пала Малетера. Возмущение прокатилось по всему миру. Несколько сотен боннских студентов учинили погром у советского посольства. В

Москве в ответ организовали битье стекол в здании посольства ФРГ. Молодые рабочие с ЗИЛа, мобилизованные на эту акцию, действовали беззлобно, даже весело. Они побросали принесенные транспаранты в разбитые окна и ушли. В Бонне и Москве были заявлены протесты и получены извинения с обещанием восстановить причиненный материальный ущерб.

Кроме того, Кролль публично высказал критику в адрес немецких властей, не предотвративших погромную акцию, что и вызвало ответные действия в Москве. Посла немедленно вызвали в Бонн. Его принял Аденауэр и в присутствии Брентано сделал суровый выговор. Прощаясь, канцлер демонстративно не подал послу руки. Он считал, что противостояние с Советским Союзом неизбежно и оно может принимать временами обостренные формы.

Вскоре Аденауэр встретился со Смирновым и изложил свое видение советско-западногерманских отношений:

— Экономические связи неудовлетворительны. Вы не выполняете обязательств по экспорту, мы же готовы увеличить поставки. Нет политических улучшений. Советская сторона по-прежнему полностью поддерживает антинародный режим в ГДР, препятствует обсуждению проблемы воссоединения Германии.

Говоря так, Аденауэр не был искренен. Он сам сдерживал торговые и иные контакты с СССР. Постоянно оглядывался на Запад и избегал всего, что могло бы создать впечатление, что между Советским Союзом и Федеративной Республикой намечается нечто, выходящее за рамки, определенные НАТО.

Посол и канцлер высказали взаимные претензии по поводу пропагандистских действий. Смирнов обратил внимание на воинственные высказывания западногерманских генералов, на кинофильмы и книги, подогревающие враждебные чувства к Советскому Союзу. В ответ Аденауэр передал подборку цитат из советской прессы, содержащих нападки на ФРГ и на него лично.

Обсуждать положение в ГДР Смирнов отказался, ибо это — независимое государство. Высказал лишь готовность помочь немцам договориться друг с другом, если они проявят соответствующую инициативу. Аденауэр напомнил, что Советский Союз подписал Хартию о правах человека. В ГДР права людей попираются, и СССР мог бы здесь сказать свое слово.

Дружелюбной беседы не получилось. Правда, она не вышла за рамки взаимной вежливости. Очередная встреча состоялась в крайне обострившейся обстановке.

10 ноября 1958 года Хрущев в Москве в лужниковском Дворце спорта на митинге польско-советской дружбы выступил с инициативой, которая взбудоражила весь западный мир. Он

предложил вывести Западный Берлин из положения оккупированного и придать ему статус вольного города, вывести из него западные войска и передать контроль за коммуникациями властям ГДР. Вскоре три западные державы получили ноты, в которых им предлагалось в течение шести месяцев договориться о новом статусе Западного Берлина. В противном случае СССР намеревался передать все свои права по Берлину правительству ГДР. Через полтора месяца из Москвы в те же адреса ушли новые ноты с проектом мирного договора с Германией. Согласно ему признавались два германских государства и самостоятельная политическая единица — Западный Берлин. Вся Германия нейтрализовывалась. Оба государства должны были выйти из военно-политических организаций.

Аденауэр без обиняков заявил Смирнову, что советские предложения неприемлемы.

— Не понимаю, — с горечью сказал канцлер, — почему именно сейчас, когда наметились некоторые успехи в разрядке международной напряженности, Хрущев сделал столь неразумный ход. Западные державы не уйдут из Берлина и будут защищать свои права. Возникнет обстановка крайнего напряжения. Можно лишь сожалеть, что советское руководство проявляет так мало здравого смысла. Передайте мою просьбу Хрущеву отказаться от своих намерений.

Что мог ответить посол? Он по обязанности защищал действия своего правительства. Говорил, что они будут способствовать разрядке. Серьезных аргументов не было. Смирнов понимал, что обстановка накаляется, советские предложения нереализуемы, отношения с ФРГ тормозятся. Однако выразить Москве такие оценки он не считал возможным. Опыт подсказывал, что это ничего не даст, а его самого просто отправят в отставку.

Тем временем в Москве министр иностранных дел СССР А. А. Громыко намекнул Кроллю, что советские инициативы по Берлину могли бы стать предметом прямого советско-западногерманского диалога и что Кролль мог бы непосредственно поговорить об этом с Хрущевым.

Учитывая серьезность зондажа, предпринятого Громыко, Кролль немедленно вылетел в Бонн. Брентано высказался против прямых переговоров с Москвой. Аденауэр принял посла и внимательно выслушал его аргументы в пользу двусторонних контактов по Берлину. Но он уже сформировал точку зрения и сказал Кроллю, что вступать в переговоры с Хрущевым не следует — они практически ничего не дадут и лишь вызовут недоверие и неудовольствие американцев, да и других западных союзников.

Возрождать дух Рапалло[3] не время. С тем Кролль и вернулся в Москву.

Размышления приводили Аденауэра к выводу, что Хрущев, кроме всех прочих качеств, обладает даром актера и режиссера, мастера по части разыгрывания спектаклей. Канцлер ходил по кабинету и излагал свои доводы Глобке, сидевшему на обычном месте перед письменным столом.

— Берлинскую акцию советский руководитель затеял для поднятия собственного авторитета перед партийным съездом. В Москве привыкли выдвигать инициативы, которые явно обречены на провал, но которые создают видимость активной внешнеполитической деятельности. У Хрущева власть, как у Сталина. Но у него нет нимба Сталина. Он еще должен доказать, что пиджак, который он на себя натянул, не слишком широк ему. Без нимба миротворца Хрущеву долго у власти не удержаться. Он стоит перед выбором: согласиться на разоружение и направить деньги на повышение жизненного уровня населения или продолжать гонку вооружений и столкнуться с недовольством населения. Гонка вооружений задушит экономику России. Мирный переход в интересах Хрущева, ибо он замахнулся на достижение серьезных успехов во внутренней политике.

— Тогда почему же он обостряет обстановку? — задумчиво проговорил Глобке.

— Дело в том, что диктатура меняет психологию государственных деятелей. Они начинают верить только силе. Хрущев не пойдет на военное столкновение, если ощутит мощь и сплоченность Запада. Он по-прежнему пытается вырвать Федеративную Республику из западных союзов, нейтрализовать Германию, установить господство над ней, и это будет первым шагом к подчинению всей Европы.

Глобке делал пометки в рабочей тетради.

У Аденауэра вновь возникли опасения, что западные державы под натиском Хрущева пойдут на компромисс за счет интересов Федеративной Республики. Даллесу, прибывшему в Бонн, он доказывает, что необходимо дать отпор наступлению Москвы. Нельзя завоевать мир ценой компромисса в германском вопросе, ценой уступок русским. Успеха необходимо добиваться в сфере разоружения, разрядки, а потом уже решать германскую проблему.

Даллес понял обеспокоенность Аденауэра и заверил его, что Соединенные Штаты не дадут Хрущеву разрушить западную солидарность и продвинуть коммунистическое влияние в Западную Европу. Разговоры о нейтрализации Германии он считает несерьезными и не поддержит их. Выразил готовность

совместно действовать против советского наступления.

Жизнь Даллеса шла к концу. Рак съедал его внутренности. Он не хотел идти на ужин, устраиваемый в его честь в Бонне, ибо не мог ничего есть. Согласился лишь, когда Аденауэр пообещал, что повар изготовит специально для него диетический овсяный суп. Блюдо гостю понравилось.

После возвращения в Соединенные Штаты Даллес был прооперирован. Положение оказалось безнадежным. Пришлось уйти в отставку. Новый государственный секретарь Гертер передал Аденауэру просьбу Даллеса прислать рецепт овсяного супа, столь понравившегося ему в Бонне. Гертер было подумал, что речь идет о каком-то шифрованном послании. Вскоре, однако, он узнал, что Даллес действительно получил из Бонна посылку с овсянкой. Ею он и питался до последнего дня жизни.

В мае 1959 года Аденауэр вылетел на похороны Даллеса. Он прилетел в Соединенные Штаты не как официальное лицо, а как друг покойного, чтобы в последний раз отдать ему дань уважения. Канцлер потерял единомышленника. При Даллесе он верил, что Соединенные Штаты будут твердо противостоять натиску Советского Союза, что Западная Европа получит от Америки поддержку в критический момент. Теперь не покидала тревога за судьбу НАТО и европейской солидарности.

Хрущев развивал наступление. Настаивал на статусе вольного города для Западного Берлина и заключении мирного договора с Германией на выдвинутых Москвой условиях. В Федеративной Республике стали раздаваться голоса, требовавшие от правительства объявить о присоединении западных секторов Берлина к Федеративной Республике. Аденауэр решительно высказался против подобного варианта: он поставил бы под вопрос американские обязательства по Берлину и сделал бы город беззащитным, не говоря уже о том, что обстановка в Европе накалилась бы до предела. Канцлер видел дальше радикальных политиков.

Визит Эйзенхауэра в Бонн в конце августа 1959 года Аденауэр использовал для демонстрации взаимопонимания. В коммюнике записали, что НАТО является основой для совместной внешней политики, что обе стороны стремятся к воссоединению Германии мирным путем, что Соединенные Штаты будут защищать свободу Западного Берлина.

Последнее было особенно важным для Аденауэра. Он улавливал колебания американского президента в берлинском вопросе. Опасения оправдались.

На встрече глав четырех государств (США, Англия, Франция, ФРГ) в Париже перед рождественскими днями 1959 года

Эйзенхауэр высказался в том духе, что, мол, права западных держав в Берлине не настолько важны, чтобы из-за них вступать в вооруженный конфликт с Советским Союзом. Аденауэр стал возражать: если Запад уступит русским и откажется от теперешней правовой базы Берлина, мы потеряем город вместе с авторитетом; население перестанет верить западным державам и побежит из города. Макмиллан и де Голль поддержали Аденауэра. Американский президент не настаивал.

На очередном заседании Аденауэр предложил создать координирующий центр для пропагандистского отпора коммунизму. Западные лидеры восприняли это с одобрением, однако от принятия конкретных решений воздержались.

Единодушно решили провести в середине мая конференцию в верхах с участием Хрущева. Аденауэр сказал, что не будет настаивать на участии Федеративной Республики, чтобы не создавать лишних трудностей. С ним согласились.

Кролль в Москве не оставлял надежды на улучшение отношений с Советским Союзом. Посол направлял в Бонн предложения, среди них и о желательности приезда в ФРГ Хрущева, но они оставались без ответа.

При очередном вызове в Бонн Кролль попросил о встрече с канцлером. Аденауэр принял его вместе с Брентано.

— Хрущев проявляет большой интерес к визиту в Федеративную Республику, и приглашение с вашей стороны, господин канцлер, его бы весьма обрадовало, — сказал посол.

— Но он ведь меня постоянно ругает, — возразил Аденауэр.

— Сделайте скидку на его экспансивность. Он мне как-то разъяснил, что его нападки на вас не носят личного характера и направлены против политики. Он просил передать, что глубоко уважает канцлера за его работоспособность, настойчивость и неоспоримые успехи.

Аденауэр немного подумал. Он вспомнил, что через Макмиллана, посетившего Москву, получил сердечный привет и наилучшие пожелания от Хрущева.

— А нельзя ли ограничиться визитом Микояна? У меня уже был с ним прекрасный контакт.

— Если вы пригласите вновь Микояна, то серьезно оскорбите Хрущева. К тому же Микоян может лишь слушать, а Хрущев — принимать решения.

Канцлер обменялся взглядами с Брентано и отпустил посла. Приглашать Хрущева он не собирался.

Весной 1960 года Аденауэр отправляется в Соединенные Штаты и вновь настаивает на жесткости по отношению к Хрущеву, на отклонении его инициатив по германским делам.

В один из дней в Нью-Йорке в отеле «Валдорф-Астория» состоялась встреча Аденауэра с премьер-министром Израиля Бен Гурионом. Когда допустили фотографов, они заполнили все пространство и щелкали, щелкали затворами камер. Один из репортеров воскликнул:

— Я сделал снимок года! Большей сенсацией могла бы стать лишь фотография Хрущева с принцессой Маргарет-Роз перед брачным алтарем.

Остроумный репортер выходил последним. И уже у двери обернулся и еще раз запечатлел израильтянина и немца, удобно, с улыбками расположившихся рядом в глубоких креслах.

Аденауэр уже давно признал вину немцев перед евреями. Выплачивалась компенсация за материальный ущерб. Однако отношения между Израилем и ФРГ продолжали оставаться натянутыми: слишком свежи были воспоминания о шести миллионах евреях, уничтоженных нацистами. Встреча в Нью-Йорке взывала к здравому смыслу, к учету той новой роли, которую Федеративная Республика играла в мире спустя 15 лет после крушения гитлеровского режима.

Вскоре Аденауэр нанес визит в Японию. Домой его самолет летел через Аляску. На военном аэродроме американские летчики устроили обед в честь канцлера. Аденауэр сказал сидевшему рядом командиру подразделения:

— Мне рассказали, что в случае тревоги ваши самолеты поднимутся в воздух через пять минут. Что-то не верится…

Командир, не говоря ни слова, вынул из кармана свисток с особым звучанием и свистнул. Аэродром пришел в движение. Через несколько минут от стартовой полосы оторвался истребитель, за ним второй, третий.

— Прекрасно! — воскликнул Аденауэр. — Теперь я верю.

Приближалась конференция в верхах с участием Советского Союза. За две недели до ее открытия над Уралом сбили американский самолет-разведчик. Хрущев усилил пропагандистские атаки. Аденауэр волновался: советская сторона получила внушительный козырь в игре с западными державами.

Накануне встречи Аденауэр поспешил в Париж, чтобы переговорить с западными лидерами. Канцлер доказывал, что Хрущев сознательно преувеличивает значение инцидента со сбитым самолетом. Его цель — вынудить Запад принять условия Москвы по Берлину. В беседах Аденауэр почувствовал, что англичане и особенно американцы проявляют колебания.

В западных странах накапливалось раздражение. Непримиримость Аденауэра затрудняла маневрирование при контактах с Советским Союзом. Обозреватель Уолтер Липпман

писал в «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Доктор Аденауэр хочет быть цензором, определяющим, что именно разрешается обсуждать на совещании с Хрущевым. Похоже, что он вообще не хочет никаких переговоров. Бонн ошибается, если считает, что наша страна будет нести за него бремя, а он — принимать решения и диктовать политику».

Лондонская «Дейли скэтч» вторила: «Не дайте одурачить себя старому лису… Федеральный канцлер — тот человек в Европе, который блокирует решение мировых проблем».

Тревога Аденауэра усиливалась. Он опасался, что Хрущев загонит Эйзенхауэра в тупик и вынудит уступить, сыграв на инциденте с самолетом.

События обернулись иначе. Хрущев, прибыв в Париж, в ультимативной форме потребовал публичных извинений от американского президента. Эйзенхауэр на это не пошел. Советский лидер перегнул палку. Он сорвал конференцию.

Аденауэр вздохнул с облегчением. На заседании кабинета он сказал:

— Нам здорово повезло. Хрущев совершил большую ошибку. Он мог многого добиться от Эйзенхауэра.

Перед отлетом из Парижа Хрущев давал заключительную пресс-конференцию. Зачитав вступительный текст, услышал неодобрительные гудение и выкрики. Он взорвался и, беспорядочно жестикулируя, стал быстро говорить:

— Хочу сразу ответить тем, кто здесь «укает». Меня информировали, что канцлер Аденауэр прислал агентов, недобитых под Сталинградом. Они шли тогда с уканьем. А мы так им укнули, что на три метра в землю вогнали. Так что вы укайте, да оглядывайтесь…

Хрущев не случайно задел Аденауэра. Он понимал, что после смерти Даллеса Аденауэр среди западных лидеров остается наиболее твердым и последовательным антикоммунистом, нацеливавшим Запад на решительные действия против распространения советского влияния на Европу.

Советскому лидеру доложили, что Аденауэр, защищая американского президента после истории с самолетом-разведчиком «У-2», заявил, что Россия ведет шпионаж значительно шире и интенсивнее. Хрущев возмутился:

— Подобное может говорить человек, утративший разум, или тот, кто играет ва-банк. Он, видимо, рассуждает так: я прожил 84 года и все равно скоро окажусь в гробу, а после меня — хоть потоп. Человека, делающего подобные заявления, давно пора одеть в смирительную рубашку и отправить в сумасшедший дом.

В Бонне спокойно восприняли высказывания Хрущева. К ним

уже привыкли. Советская пропаганда практически каждодневно изощрялась в навешивании ярлыков на Аденауэра.

В Соединенных Штатах приближались президентские выборы. Аденауэр «болел» за Никсона. Победу Джона Кеннеди встретил с тревогой. Молодой президент проявлял готовность к разработке нового статуса Берлина, но только на основе разумного компромисса с русскими. В Вашингтоне теперь не желали, чтобы Бонн стал тормозом при решении вопросов разоружения. Им отдавали приоритет, а германские дела относили к неглавным.

В апреле 1961 года состоялась первая встреча Аденауэра с Кеннеди. Канцлер тщательно готовился к ней. Начал ее наступательно. Высказал недовольство тем, что НАТО проводит пассивную политику в Европе и отдает инициативу Москве. Соединенные Штаты не используют свое моральное право на руководство и не дают должного отпора России.

Кеннеди уверял в готовности защищать Федеративную Республику и Западный Берлин, но особой решительности не проявлял.

В коммюнике зафиксировали идентичность позиций США и ФРГ по международным вопросам. Однако не все было столь гладким. Кеннеди не понравился поучительный тон Аденауэра, попытки говорить с ним с высоты двукратной разницы в возрасте. У Аденауэра же не рассеялись опасения, что американский президент пойдет на соглашение с русскими без учета интересов Бонна.

После венской встречи Кеннеди с Хрущевым Аденауэр вновь поспешил в Вашингтон. Канцлеру не удалось получить твердых заверений, что Соединенные Штаты не пойдут на компромисс по Берлину. По закрытым каналам американцы давали понять Москве, что хотят достигнуть соглашения по Западному Берлину, что воевать из-за него бессмысленно. Есть все возможности стабилизировать положение и в течение трех — пяти лет договориться о постепенном выводе американских и советских войск из Европы.

С тяжелым чувством Аденауэр покидал Вашингтон. Оставалась надежда, что переговоры американцев с Москвой сорвутся из-за прямолинейной, неуступчивой позиции советских лидеров, что де Голль и Макмиллан окажут поддержку ФРГ и канцлер, в конечном счете, отстоит свои позиции.

Помощь, как ни странно, пришла из Москвы. Хрущев развязал «кубинский кризис», поставивший мир на грань ядерной войны. После его урегулирования предложения Москвы по германскому вопросу, включая и требование об образовании вольного города Западный Берлин, постепенно ушли в небытие. Канцлер

успокоился и занялся укреплением позиций Федеративной Республики в НАТО и европейских организациях.

Глава XIX
Социал-демократы сдают позиции

Путь Аденауэра в борьбе за власть и канцлерство обозначен вехами противостояния с социал-демократами — главной силой оппозиции. И хотя он не уставал утверждать, что демократическое общество нуждается в сильной оппозиции, едва ли Аденауэр получал удовлетворение от бескомпромиссных схваток с Шумахером, в которых он далеко не всегда оказывался победителем. Тем не менее, когда неистовый противник умер, он послал телеграмму соболезнования и не раз заявлял, что сожалеет о потере столь серьезного оппонента. Шумахер в Западной Германии был единственным деятелем, который по своему политическому уровню мог сравниться с Аденауэром. Именно у него в период становления Федеративной Республики были реальные шансы стать канцлером и повести страну совсем по иному пути.

История распорядилась иначе, отправив Шумахера и немецких социал-демократов на десятилетия в оппозицию. Возрождение страны, ее все большее процветание проходили под непрекращающийся аккомпанемент оппозиционной критики правительства, его действий во внешней и внутренней политике. Продолжаться вечно так не могло. Жизнь отдавала победу Аденауэру. Голос оппозиции затихал. Ее критика переходила в сферу позиций непринципиальных, требовала что-то улучшить, что-то дополнить, но не изменять коренным образом. Резкие, подчас на грани парламентской этики выражения в адрес канцлера уходили в прошлое, ибо они оборачивались потерей избирательных голосов. Как-то Аденауэр пожаловался пресс-шефу Эккардту:

— Пресса так мало пишет о моих успехах, но подхватывает даже самую мелочь, если она дает повод для критики. Причем близкие к нам газеты стараются чуть ли не больше, чем социал-демократические.

— Журналисты, — возразил Эккардт, — знают: читатель воспринимает успех как нечто нормальное и основное внимание обращает на то, что не в порядке. Если газеты будут выходить с заголовками «У нас первоклассное правительство», их не будут покупать.

Аденауэр промолчал. Правота Эккардта не вызывала сомнений.

Шумахер был антиподом Аденауэру: пруссак, протестант,

заядлый курильщик, неженатый и бессемейный одиночка, агрессивный, саркастический, взрывной и крайне нетерпеливый, он не признавал компромиссов. В Аденауэре видел иезуитскую скрытную натуру, реакционера, не способного представлять новую немецкую демократию. Неоднократные попытки Аденауэра наладить хоть какие-то отношения с Шумахером успехом не увенчались.

В бундестаге Шумахер гремел зажигательными, подчас истерическими речами, зачастую далекими от существа обсуждаемого. Возбуждаясь, допускал некорректные выкрики, что приводило к общему шуму и неразберихе.

Но Аденауэр при любой заварушке оставался невозмутимым, сидел на своем месте прямой и подтянутый, с непроницаемым лицом. Иногда он позволял себе краткие ироничные, но не оскорбительные замечания.

У них было лишь одно общее — оба убежденно исповедовали антикоммунизм, не признавали тоталитаризм, от кого бы он ни исходил, считали пагубным и опасным для других народов путь, по которому шел Советский Союз и который он навязал странам Восточной Европы. Шумахер ни до образования Федеративной Республики, ни после принципиально не блокировался с коммунистами. Оппозиционность обеих партий приводила к тому, что они часто голосовали вместе против Аденауэра и ХДС/ХСС. Но о заранее обусловленном единстве действий речь никогда не шла. Шумахер всячески пресекал попытки местных организаций вступить в контакт с коммунистами и совместными действиями одолеть другие партии.

На одной из пресс-конференций бойкий журналист попытался поддеть Шумахера:

— Почему вы так резко выступаете против коммунистов, ведь вы же братья.

— Да, братья, — быстро ответил Шумахер, — как Каин и Авель.

— Вы же вместе исповедуете Маркса, — не унимался журналист. — В его учении главное — диктатура пролетариата.

— Маркс говорил о диктатуре подавляющего большинства в интересах подавляющего большинства. В Советской же России установилась диктатура одного класса, точнее одной партии над подавляющим большинством населения.

Между Шумахером и Аденауэром не возникало дискуссий на мировоззренческие темы. Социал-демократы объявляли себя партией рабочего класса. Аденауэр не верил, что они надолго останутся на классовых позициях. Население приняло в качестве социального критерия лозунг ХДС/ХСС — «Благосостояние — для

всех!» При его претворении в жизнь постепенно уходили на второй план мотивы классового противостояния. Трудовые слои переставали ощущать социальную ущемленность. Рабочие, крестьяне наряду с торговцами, служащими, предпринимателями чувствовали себя равноправными гражданами одного демократического отечества. Задачей государства и власти становилась организация взаимодействия между различными группами и слоями общества.

Социал-демократ Гельмут Шмидт, бывший в 1970-х годах недолгое время канцлером, много лет спустя после смерти Аденауэра напишет, что и Шумахер, и Аденауэр были добрыми немцами и желали самого лучшего для своего народа. Оба выступали против диктатуры и коммунизма. Они расходились лишь во внешнеполитических концепциях и во взглядах на возможность воссоединения Германии.

С оценкой расхождений, данной Г. Шмидтом, трудно согласиться. Шумахер действовал прагматически и прямолинейно, не придавая особого значения духовным ценностям. Аденауэр же опирался на религию и компромисс. Он создал правительство, в котором были представлены обе конфессии и все влиятельные группы ХДС/ХСС. Сам канцлер считал себя избранником не парламента, а народа, что добавляло ему уверенности.

Корифеи оказались антиподами прежде всего во взглядах на экономическое развитие страны. Шумахер и его партия ратовали за плановую экономику, за национализацию основных отраслей промышленности, за государственное регулирование в наиболее важных отраслях народного хозяйства. Шумахер уверял: судьбы страны нельзя доверять немецким капиталистам.

Много критики от социал-демократов услышали Аденауэр и Эрхард по поводу рыночной экономики. Шумахер и его соратники утверждали, что правительство привносит в народное хозяйство хаос и непредсказуемость. Но оно твердо внедряло в жизнь принципы социального рыночного хозяйства и стало быстро получать результат.

Аденауэру удалось примирить рабочих с предпринимателями. Люди наемного труда получили возможность участвовать в управлении предприятиями. Предпринимателей они стали рассматривать как партнеров. В обществе поверили, что какие бы ни произошли политические перемены, сфера потребления, уровень жизни останутся незатронутыми.

В середине 50-х годов, когда полностью развернулось «экономическое чудо» и значительно вырос жизненный уровень

населения, социал-демократы свернули критику против рыночной экономики. Их теоретики стали говорить о необходимости рынка, конкуренции и индивидуального материального интереса. Постепенно они стали отказываться от постулатов, диктовавшихся приверженностью теории Маркса и классовым характером партии. Жизнь опрокидывала основные тезисы социал-демократов о том, что капитализм не в состоянии удовлетворить жизненные потребности человека, что он не может функционировать без тяжелых кризисов и массовой безработицы и при нем неизбежна социальная нестабильность.

Кстати, Аденауэр не употреблял термины «капитализм» и «социализм». Он считал, что они имеют лишь историческое значение и теряют смысл в современных условиях, ибо возникло новое общество, использующее достижения научно-технического прогресса и нацеленное на постоянное повышение жизненного уровня всех слоев населения. Прибыль для производителя перестала быть самоцелью, источником безграничного обогащения, она превратилась в средство прогрессивного развития. Высокая обеспеченность общества увеличивает потребление и таким образом стимулируется производство.

Аденауэр считал, что Ленин ошибся, предрекая загнивание и гибель капитализма. Он не сумел осмыслить того, что демократия в обществе и в экономике позволит создать такой рост производства, который удовлетворит материальные потребности людей и создаст гарантии социальной стабильности. Аденауэр не сомневался, что интегрирующаяся капиталистическая Европа намного социальнее, чем социалистические государства, так и не сумевшие обеспечить людям достойную жизнь.

В программе СДПГ, принятой в 1959 году, социал-демократы уже не упоминали теорию Маркса. Они перестали считать партию классовой и заявили о ее общенародном характере. Признали частную собственность. СДПГ пустилась вдогонку за ХДС/ХСС. Ведь партия Аденауэра давно привлекала людей широкой платформой, которая была одинаково приемлема для рабочих и предпринимателей, людей всех социальных групп.

Аденауэр не скрывал удовлетворения. На прогулке с незаменимым Глобке он размышлял вслух:

— Поворот социал-демократов — явление вполне естественное. Он показывает, насколько правильно мы поступали. Собственно, шведские и датские социал-демократы, управляя страной, действуют вовсе не с классовых позиций и добиваются неплохих результатов. Скоро наши социал-демократы вынуждены будут поддержать и мою внешнюю политику.

Глобке, как обычно, молчал и лишь согласно кивал головой.

Канцлер не ошибся. Основное обвинение в его адрес со стороны социал-демократов по-прежнему заключалось в том, что он-де ради европейской интеграции пренебрегает национальными интересами и, ориентируясь строго на Запад, закрывает возможность договоренности с Востоком в интересах Германии.

Доля истины здесь была, но только доля и не главная. Аденауэр никогда не забывал об интересах Федеративной Республики. Просто он видел дальше многих современников. Не сомневался — будущее Европы в создании наднациональных структур, в снятии границ, в переплетении экономик. Такое развитие неизбежно и полезно для Федеративной Республики. Кончается собственно германская история и начинается история Европы вместе с немцами. Роль Федеративной Республики на континенте постоянно возрастает. Она станет стабилизирующим фактором, одним из главных элементов интеграции и, кроме того, как полагал канцлер, мощным барьером на пути коммунизма в его попытках распространиться в Западной Европе.

Внешняя политика была любимым занятием и непререкаемой прерогативой Аденауэра. В его окружении не было крупных специалистов-международников. Министр иностранных дел постоянно находился в тени. Все более или менее значимые решения и инициативы исходили от канцлера. На международных совещаниях и конференциях Аденауэр выглядел патриархом, неизменно вызывая уважение и внимательное отношение со стороны других участников.

Все очевиднее становилось, что критиковать правительство и его главу в сфере внешней политики — дело неблагодарное. Но Шумахер и его последователи еще довольно длительное время считали невозможным отказаться от этого. В противном случае утрачивался нимб оппозиционности, не с чем было идти к избирателям.

Крупную ставку социал-демократы делали на борьбу против ремилитаризации ФРГ и ее вступления в НАТО. Казалось, здесь можно было получить солидные дивиденды. Немцы помнили результаты двух мировых войн. Вовсе не хотели вновь надевать стальные каски и маршировать на плацах. Оппозиции удалось развернуть довольно сильное антимилитаристское движение. Социал-демократы пошли на широкую коалицию с либеральными силами, выходили на улицы, митинговали даже вместе с коммунистами.

В бундестаге шли жаркие дебаты по парижским соглашениям, открывшим Федеративной Республике путь в НАТО. Депутатов от правящих партий, защищавших правительство, сменяли

оппозиционеры, нападавшие на него. Аденауэр листал какие-то бумаги, проявляя невозмутимость, даже равнодушие к проходящему.

Социал-демократ Моммер попытался задеть главу правительства:

— Вам, господин федеральный канцлер, давали плохие советы относительно НАТО.

— Вот именно, — оживился Аденауэр, — все дело в том, что я не получил хороших советов.

Сидевшие на правительственных скамьях Хальштейн и Бланкенхорн переглянулись: они-то хорошо знали, что решения принимал сам канцлер, не спрашивая никаких советов.

Аденауэр убедил немцев, что создание бундесвера и оснащение его современным оружием не что иное, как ответ на уже существующую и хорошо вооруженную армию ГДР. На Востоке у ГДР друзья. Значит, ее армия нацелена против Федеративной Республики. Оставаться безоружными равнозначно провоцировать коммунистов на экспансию.

Работал и другой весомый аргумент. Бундесвер — не возрождение сугубо национальных немецких вооруженных сил. Он — составная часть западноевропейской и атлантической оборонительной системы, где решающую роль играют вооруженные силы Соединенных Штатов с их ядерным потенциалом. Без Соединенных Штатов защита Европы невозможна. Но она невозможна и без соответствующего вклада самих европейцев. Вступление в НАТО — единственно возможный шаг, обеспечивающий безопасность ФРГ. Немаловажно и то, что Федеративная Республика становится равноправным партнером тех, кто еще недавно был победителем и оккупантом.

Социал-демократы не находили контраргументов. Немцами овладевал европейский дух. Они охотно ездили в Италию, Францию, другие европейские страны. Их встречали уже без неприязни, даже с растущим уважением. Участие Федеративной Республики в политических и экономических организациях Европы, в НАТО расценивалось делом необходимым и полезным. Аденауэр получал все новые козыри и вновь побеждал оппозицию.

Умелым политическим ходом обернулась и поездка канцлера в Москву. Установление дипломатических отношений с Советским Союзом, создание перспектив для их поступательного развития оппозиция сразу же оценила как положительный фактор, стабилизирующий ситуацию в Европе. Возвращение же последних военнопленных из СССР нашло общенациональное признание. Социал-демократы вместе с другими не могли не отдать должное Аденауэру.

Наиболее активно атаковывала Аденауэра оппозиция в вопросе воссоединения Германии. Социал-демократы доказывали, что канцлер несколько раз упускал шанс сдвинуть дело с мертвой точки. В 1952 и 1955 годах Советский Союз мог пойти на воссоединение Германии на основе ее нейтрализации. Аденауэр предпочел включить ФРГ в европейские структуры и присоединиться к НАТО.

Социал-демократы вовсе не отвергали западную ориентацию правительства. Они лишь ставили на первый план национальное единство. Пока Германия расколота и Европа останется больной. Устранив эту воспаленную опухоль, можно перейти к интеграционным делам.

На долгие годы социал-демократы повесили на Аденауэра бирку: противник воссоединения. Вспоминали его сепаратизм 20-х годов, его пристрастное отношение к рейнским и другим западным землям и нелюбовь ко всему германскому, что восточнее Эльбы.

В оппозиционных кругах нередко звучала мысль: воссоединенная и нейтральная Германия могла бы играть посредническую роль между Западом и Востоком, вставая в зависимости от обстановки то на одну, то на другую сторону. Аденауэр напрочь отвергал нечто подобное: в мире, насыщенном ядерным оружием, такие действия немцев стали бы для них самоубийственными. В случае войны при любом варианте Германия превратится в поле боя.

В ФРГ активно обсуждался план лидера социал-демократов Олленхауэра, вобравший в единый комплекс вопросы европейской безопасности и воссоединения Германии. Четыре великие державы создают систему безопасности и достигают соглашения о воссоединении Германии путем общегерманских выборов под международным контролем. Федеративная Республика отказывается от ремилитаризации, активно включается в процесс разоружения, выходит из НАТО.

На осенней сессии Организации Объединенных Наций с предложением о создании безатомной зоны в Европе выступил польский министр иностранных дел А. Рапацкий. В нее должны были войти ФРГ, ГДР, Польша и Чехословакия, отказывавшиеся в договорном порядке от производства и размещения ядерного оружия. План Рапацкого поддержал Советский Союз. Булганин направил письмо Аденауэру и предложил созвать конференцию глав правительств стран НАТО и Варшавского договора с целью заключить договор о ненападении, поэтапном сокращении и полном выводе иностранных войск из стран, вошедших в безъядерную зону. Подобные письма Булганин направил главам

правительств трех западных стран.

Аденауэр отрицательно отнесся к предложению Булганина. В нем отсутствовал столь важный вопрос, как воссоединение Германии. Опираясь на этот аргумент, канцлер настроил против советских инициатив и лидеров западных держав. В беседе со Смирновым Аденауэр предложил созвать конференцию в верхах исключительно по вопросу воссоединения. Смирнов же ответил ему: воссоединение Германии — дело самих немцев.

Оппозиция требовала от правительства собственных инициатив. Отсутствие таковых стало тревожить и Аденауэра. Проявление пассивности при обсуждении вопросов воссоединения и европейской безопасности могло обернуться потерей авторитета и голосов избирателей. Канцлер дал указание Глобке разработать план с учетом принципиальных позиций правительства и предложений, дискутировавшихся в общественных кругах.

«Серый кардинал» трудно решал поставленную задачу. Лишь в начале 1959 года появилось нечто похожее на план. Предлагалось в течение последующих пяти лет провести в ФРГ и ГДР референдум. Если в одной из стран большинство не выскажется за воссоединение, то оба государства останутся суверенными. При положительном результате проводятся общегерманские выборы в народное представительство и избрание главы правительства. Единая Германия принимает решение — быть ей в НАТО или в ОВД. Одновременно она отказывается от применения силы при решении международных споров.

Самым любопытным элементом плана стали предлагаемые подготовительные шаги: до проведения референдума ФРГ и ГДР признают друг друга и устанавливают дипломатические отношения. Берлин — западный и восточный — объявляется свободным городом. Если референдум приведет к воссоединению, то Берлин становится столицей Германии. В противном случае его население решает: присоединиться к ФРГ или к ГДР или остаться свободным городом.

Канцлер недолго изучал этот план. Он вызвал Глобке, велел ему отправить его в архив и не допустить широкого обсуждения. Ведь в нем содержалось признание ГДР в качестве суверенного государства, что полностью разрушало позицию правительства. Аденауэр по-прежнему верил, что воссоединение может прийти только на основе присоединения Восточной Германии к Федеративной Республике. Никакой нейтрализации быть не может. Германия — часть западного мира. Этим основополагающим принципом нельзя поступаться ни в коем

случае. Послы ФРГ в Вашингтоне, Лондоне и Париже добивались отказа западных правительств обсуждать проекты воссоединения, выходившие за рамки концепции канцлера.

Оппозиция предприняла еще одну попытку воздействовать на правительство. В марте 1959 года Правление СДПГ опубликовало новый тщательно разработанный германский план. Он вобрал в себя все, что обсуждалось на Западе и Востоке. Социал-демократы рассчитывали, что их предложения вызовут широкую дискуссию и принесут серьезный политический капитал.

Предпосылкой воссоединения была названа система европейской безопасности. Ее создание начнется с образования зоны разрядки напряженности, в которую первоначально вошли бы оба германских государства, Польша, Чехословакия и Венгрия. Затем будет достигнуто соглашение об общей системе коллективной безопасности, которое наряду с европейскими государствами подпишут Соединенные Штаты и Советский Союз. После его вступления в силу страны — участники зоны разрядки выйдут из НАТО и Варшавского договора. А затем уже начнется поэтапный процесс воссоединения Германии. Оба государства станут постепенно сближаться. Создадут общегерманский рынок и инвестиционный фонд. Произойдет переплетение всех отраслей народного хозяйства. Появится общая валюта. Одновременно путем выборов образуются парламентские структуры и государственные органы управления. Наконец будет принята конституция воссоединенной Германии.

В плане не указывалось, как объединить рыночную экономику с плановой. Социал-демократы, однако, не оставляли сомнений, что имеют в виду ту модель, которая действует и дает столь впечатляющие результаты в Федеративной Республике. А потом и прямо заявили, что не признают экономическую систему ГДР.

ХДС/ХСС отвергли план социал-демократов. Канцлер не счел нужным серьезно критиковать его. Он даже не принял мер, чтобы исключить поддержку его у западных стран. ФРГ была уже важным звеном НАТО, и любые предложения, связанные с ее выходом из организации, западными лидерами не воспринимались.

План СДПГ вызвал было интерес в Москве. В «Правде» появилась статья, в которой говорилось о разумных элементах в предложениях социал-демократов. На этом, однако, дело и кончилось. Лидеры СДПГ пытались вступить в контакты с советскими руководителями и обсудить свой план. Олленхауэру удалось встретиться с Хрущевым во время его пребывания в Берлине. Обсуждения не получилось. Лидер СДПГ с удивлением услышал:

— Почему вы так настаиваете на воссоединении? Дела идут неплохо и без него. Как марксист вы должны понимать, что там, где изведали вкус социалистического прогресса, уже не откажутся от него. Это было бы шагом назад.

Удрученный Олленхауэр доложил Правлению СДПГ о беседе с советским руководителем. Решили незамедлительно послать в Москву членов Правления Шмидта и Эрлера для уточнения советской позиции. Вернулись они ни с чем. Хрущев принял социал-демократов и сказал, что никто в мире не заинтересован в воссоединении Германии и не думает о нем. Если СДПГ придет к власти, пусть не рассчитывает, что Москва изменит свою позицию.

Советское руководство полностью поддерживало платформу ГДР: существуют два немецких государства с различными социально-экономическими системами, объединение их невозможно. Вскоре Восточный Берлин провозгласит существование двух немецких наций, и Москва признает подобный абсурд.

Через год после опубликования германского плана руководство СДПГ отказалось от него. Социал-демократы перестали выступать по вопросам воссоединения. Постепенно они сместили акцент на необходимость укрепления западных союзов, на верность ФРГ договорам и союзническим обязательствам. Появился и такой мотив: ХДС/ХСС и СДПГ могут договориться о совместной политике. Дело шло к полной сдаче позиций социал-демократами.

И она была зафиксирована 30 июня 1960 года. В этот день в бундестаге проходили дебаты по внешней политике правительства. В скучной речи министр иностранных дел Брентано обосновывал то, что правительство проводило уже давно: укрепление позиций Федеративной Республики в НАТО, наращивание военного потенциала, борьба с позиции силы против экспансии с Востока.

На трибуну вышел заместитель председателя СДПГ Герберт Венер. Долгие годы он работал в Москве в аппарате Коминтерна, чудом избежал сталинских репрессий и примкнул к социал-демократам в военные годы в эмиграции. Вскоре стал одним из их лидеров. Мрачноватый и молчаливый, он умел действовать быстро и решительно.

Именно Венеру и предстояло подписать капитуляцию. Он заявил о согласии СДПГ с политическим курсом канцлера Аденауэра и его правительства и готовности разработать совместную политическую линию.

Аденауэр спокойно сидел на своем месте. Однако за видимым

равнодушием скрывалось глубокое удовлетворение: свершилось то, чего он ждал много лет. Оппозиция признала его правоту и свое поражение. Она переходила на позиции, которые он занимал уже второе десятилетие.

На скамьях ХДС/ХСС царило оживление. В адрес социал-демократов неслись унизительные реплики. Барон Гутенберг выкрикнул:

— Хватит нам вашей расплывчивости, твердо скажите, что вы поддерживаете в нашей политике!

Венер глубоко вздохнул. Он решил испить чашу до конца:

— Мы поддерживаем участие Федеративной Республики в НАТО. Мы одобряем военные мероприятия, проводимые правительством. Мы готовы содействовать укреплению бундесвера и оснащению его современным оружием. Мы за прочный союз с Соединенными Штатами и другими западными странами.

Канцлер вернулся в Рёндорф в прекрасном настроении. Включил бравурную музыку, любовался картинами. На 85-м году жизни он не чувствовал физической усталости. Рождались новые идеи, обдумывались пути их реализации.

…В воскресенье 13 августа 1961 года в 4 часа 30 минут утра в Рёндорфе раздался телефонный звонок. Взволнованный Глобке сообщил Аденауэру, что за ночь вокруг Западного Берлина построили стену.

— Какую стену? — удивился Аденауэр.

— Самую настоящую, из бетона.

Канцлер больше не спал. В обычное время отправился в церковь. Звонили министры и настаивали на его немедленном вылете в Берлин. Аденауэр размышлял: демонстративная поездка ничего не даст, может лишь спровоцировать выступление населения и кровопролитие, союзники на острый конфликт с Советским Союзом не пойдут.

На следующий день канцлер выступил по телевидению и призвал немцев к спокойствию. А еще через день дал в бундестаге оценку действий ГДР и Советского Союза в Берлине, расценив их как антигуманную акцию, наносящую ущерб разрядке международной напряженности. Социал-демократы полностью поддержали Аденауэра.

Совещаясь с ближайшими сотрудниками, Аденауэр призвал не терять самообладание и не впадать в панику.

— Разумеется, — вслух размышлял он, — в тактическом плане ГДР кое-что выиграла: закрыла возможность бегства на Запад. Но она в то же время показала банкротство системы, которая претендовала на историческое превосходство, на то,

чтобы стать прообразом будущего Германии. Теперь каждому ясно: социализм в Германии проиграл соревнование с капитализмом.

— Не к тому ли идет и противостояние в мировом масштабе? — бросил кто-то реплику.

— Возможно, возможно…

Три дня спустя после постройки Берлинской стены Аденауэр принимал советского посла Смирнова. Он выразил сожаление, что события в Берлине приняли столь неожиданный оборот. Но сделал это формально, без нажима и эмоций. Посол поспешил заверить, что берлинские мероприятия не имеют целью ущемить интересы Федеративной Республики. В коммюнике о встрече подчеркнули: правительство Федеративной Республики не предпримет какие-либо шаги, которые могли бы ухудшить отношения с Советским Союзом и осложнить международное положение.

В Берлине Аденауэр появился лишь 22 августа, когда страсти несколько поутихли. Встретили его там довольно прохладно.

Министерство иностранных дел предложило предпринять демонстрацию и отозвать из Москвы немецкого посла Кролля. Канцлер не согласился. Он обдумывал меры по удержанию западных союзников от уступок Советскому Союзу. По его мнению, они могли бы лишь усилить экспансионистские устремления Хрущева.

Москва же развивала наступление на «германском фронте»: нельзя откладывать на длительное время принятие решений, нужно заключать мирный договор с обоими германскими государствами и налаживать с ними нормальные отношения.

В Бонне получили срочную телеграмму из Вашингтона. Государственный секретарь Дин Раек намеревался встретиться с Громыко и внести ряд предложений:

заключить пакт о ненападении между НАТО и Варшавским договором;

достигнуть договоренности между супердержавами о нераспространении ядерного оружия;

образовать постоянную комиссию по германским делам на уровне заместителей министров иностранных дел держав-победителей;

создать международную администрацию для регулирования транспортных связей с Берлином.

Глобке принес Аденауэру телеграмму из Вашингтона и обратил его внимание на то, что американцы просят высказать свои соображения в течение 24 часов. К вечеру Глобке вновь напомнил канцлеру об ответе. Но тот, ничего не сказав, уехал в

Рёндорф.

На следующий день Глобке не на шутку встревожился. Истекало время, указанное американцами. Наконец его вызвал канцлер.

— Ответа не будет, — сказал Аденауэр. — И, пожалуйста, не волнуйтесь, господин статс-секретарь.

Канцлер не одобрял намерений американцев, но и возражать не хотел. Он исходил из того, что договоренность между США и СССР достигнута не будет. Во всяком случае, лично он не согласится ни с каким решением, предусматривающим признание ГДР.

Аденауэр вновь и вновь анализировал итоги недавней встречи Кеннеди с Хрущевым. Германские дела стали одной из главных тем на этой встрече в Вене жаркими июльскими днями 1961 года.

Хрущев вел беседу наступательно и даже агрессивно. В обычной эмоциональной манере, жестикулируя, он говорил:

— Или мы вместе подписываем мирный договор, признающий существование двух Германий, или СССР подпишет сепаратный договор с ГДР. Имейте в виду, что в таком случае оккупационные права западных держав в Западном Берлине перестанут действовать, а доступ туда будет контролировать ГДР. Любые попытки Запада вмешаться могут привести к войне.

Канцлер был убежден, что Хрущев не намеревался доводить дело до войны. Он блефовал, надеясь сломить малоопытного президента. Действия советского лидера действительно обескуражили Кеннеди, но не вывели за границы разумного. Американский президент предложил отложить пока решение германского вопроса и не нарушать существовавшее равновесие сил.

Хрущев не согласился. Кеннеди уехал из Вены и стал готовиться к дальнейшей конфронтации. Обе стороны поставили во главе своих войск в Германии боевых военачальников: генерала Клейя и маршала Конева.

Карибский кризис 1962 года изменил мнение Аденауэра о Кеннеди. Рассеялись его опасения, что тот окажется мягким и уступчивым, что Хрущев сможет переиграть американца.

Канцлер в очередной раз встретился со Смирновым и предложил заключить соглашение о гражданском мире: в течение десяти лет в германских делах все остается как есть сейчас; державы сосредоточат внимание на решении проблем разрядки и разоружения.

— Пусть германские дела, — сказал Аденауэр, — не мешают налаживать мирные отношения между Западом и Востоком. Да и

в самой Германии обстановка может измениться к лучшему.

Смирнов ничего не ответил. Он понимал разумность предложений канцлера, но Москва требовала постоянно оказывать нажим на правительство ФРГ с целью реализации советских инициатив.

Идею о десятилетнем перемирии Аденауэр высказал также Кеннеди и получил его принципиальное одобрение. Однако на переговорах с советскими представителями американцы этот вопрос не затрагивали.

Выдержка, проявленная Аденауэром в связи с советским наступлением, дала свои плоды. В январе 1963 года Хрущев заявил, что заключение мирного договора с германскими государствами — дело неактуальное. Несколько раньше были сняты и ультимативные требования по статусу Западного Берлина. А весной 1963 года кремлевский лидер заявил о готовности посетить Бонн и обсудить с Аденауэром германские проблемы. Кеннеди на запрос из Бонна посоветовал канцлеру пойти на такую встречу. И тем не менее Аденауэр отказался: она не дала бы реальных результатов и лишь принесла лишний политический капитал Москве. К тому же у Аденауэра крепла личная неприязнь к Хрущеву. Сам холодный и сдержанный, он не воспринимал невыдержанности Хрущева, его бестактности, дикого темперамента и непредсказуемости поведения. Не забывал он и о публичных оскорблениях, которые нередко наносил ему советский диктатор.

Решение Аденауэра нашло поддержку как в собственной партии, так и у оппозиции. Социал-демократы демонстрировали теперь общность внешнеполитических позиций.

Глава XX
Канцлер и генерал

Они были разными во многом. Немецкий бюргер из простых и французский аристократ с вековой родословной. Европеист, видевший благо для своей страны в единении с другими народами, и националист, не признававший ничего наднационального. Сухой, холодный, невозмутимый и немногословный немец и экспансивный, горячий, подчас взрывной и велеречивый француз.

И тем не менее они симпатизировали друг другу. Оба взошли на европейский Олимп как личности сильные, хорошо знающие свои цели и возможности. Политики крупного масштаба обычно с уважением относятся к тому, в ком чувствуют силу и решимость. Канцлера Аденауэра и генерала де Голля объединяло общее, глубоко осознаваемое стремление — закрепить и сделать необратимым историческое примирение их стран, призванное обеспечить спокойствие на европейском континенте. Конечно, будут политические расхождения, несовпадение интересов. Но останется глобальный, определяющий принцип: германцы и галлы дополняют друг друга. Им пора навсегда перестать растрачивать силы на изнурительное противоборство.

Аденауэр понимал, сколь высоки горы ненависти, отчуждения и недоверия, возникшие между Германией и окружавшими ее странами по вине Гитлера и покорившегося ему немецкого народа. Только Франция могла срыть эти горы, протянув руку мира исконному врагу. Де Голль верил, что именно Аденауэр способен повести свою страну по одной дороге и рядом с Францией, что именно он желает этого сильнее других, ибо знает цену поддержки Федеративной Республики со стороны Франции. Аденауэр проявлял себя мудрым и настойчивым политиком. Ему удавалось поддерживать политическое равновесие в стране, построенной на развалинах, и маневрировать так, чтобы ни угроза с Востока, ни протекционистские побуждения с Запада не разрушили молодую государственность.

Победу де Голля на выборах в 1958 году (его партия получила 150 мест в Национальном собрании) и поражение коммунистов (всего лишь десять депутатских мандатов) Аденауэр расценил как новую французскую революцию с большим положительным значением.

Де Голль вторично пришел к власти тогда, когда весь мир признал «немецкое чудо», а Черчилль уже назвал Аденауэра

самым мудрым немцем после Бисмарка. Генерал по достоинству оценивал экономическую мощь Федеративной Республики, вдвое превосходившую французскую, государственную стабильность ФРГ. Но видел и ее политические слабости, вызванные проигранной войной и расколом Германии. Аденауэр надеялся на поддержку Франции в германских делах. Де Голль рассчитывал с помощью немецкого соседа укрепить ведущие позиции Франции на западе европейского континента. Канцлер опасался сговора американцев и англичан за счет немцев. Генерал поддерживал канцлера, подчас нарочито демонстрируя независимость Франции от американской и английской политики.

Они стали союзниками и установили тесные личные контакты. Но различие в подходах к ряду крупных политических проблем сохранялось. Де Голль, например, считал справедливым послевоенное урегулирование и часто высказывался против какого-либо пересмотра границ, установленных после поражения нацистской Германии. Линия по Одеру — Нейсе была для него окончательной[4].

Аденауэр, как и многие в ХДС/ХСС и других партиях, рассматривал Ялтинские и Потсдамские решения как временные. Не признавал отторжение немецких территорий в пользу Советского Союза, Польши и Чехословакии. Влиятельные союзы перемещенных немцев постоянно требовали возврата утраченных земель. Канцлер не мог не считаться с ними, хотя бы потому, что они давали ему и его партии миллионы голосов на выборах. Он не признавал существующие границы. Публично говорил об этом. Но здравый смысл ему подсказывал, что вопрос о границах может стоять лишь в пропагандистском плане. Реально здесь нет перспектив. Немцев не поддержит никто из западных союзников. Восточноевропейские же страны не пойдут даже на обсуждение проблемы, не говоря уже о каких-либо компромиссах.

Когда вся Европа осуждала готовившуюся ремилитаризацию Западной Германии, де Голль встал на сторону Аденауэра. Он, однако, непримиримо высказался против приобщения немцев к ядерному оружию и тем самым поддержал сильное антиаденауэровское течение в ФРГ.

Разными оказались их подходы и к европейской интеграции. Де Голль не ощущал столь остро, как Аденауэр, возможность коммунистической экспансии с Востока. Сотрудничество, по его мнению, должно охватить весь европейский континент от Атлантического океана до Урала. В нем Франция и Федеративная Германия должны были занять достойное место, во многом задавать тон. В рамках такого сотрудничества, верил де Голль, произойдут перемены в сознании людей, в международной

атмосфере, что даст немцам надежды на воссоединение.

Согласиться с подобным означало для Аденауэра отказаться от основной его концепции: никаких идеологических компромиссов с тоталитаризмом, непризнание ГДР — сателлита Советского Союза, через которого надеются навязать коммунизм всей Германии.

Одним из основных условий интеграции в понимании Аденауэра была общность западной культуры в ее национальном многообразии. Национальные государственные образования имеют прошлое, но не имеют будущего ни в политической, ни в экономической, ни в социальной сферах. Это значит, что и культура будет сближаться, сохраняя в общем лучшие национальные черты. Христианство можно защитить от коммунизма, преодолев национальный и государственный эгоизм.

Личное знакомство канцлера и генерала состоялось в середине сентября 1958 года. Немецкая печать с тревогой подчеркивала, что приход националиста де Голля к власти негативно скажется на франко-германских отношениях, что немцам ничего хорошего от резкого и решительного генерала ждать не приходится. Во время Первой мировой войны он был в немецком плену, во Второй — решительно боролся против Германии. Но первая же встреча лидеров двух стран показала, что эти опасения напрасны.

Де Голль после победы на выборах пригласил канцлера первым из западных лидеров и решил принять его не в Елисейском дворце, а в своем имени Коломбэ-ле-дез-Эглиз. Генерал демонстрировал особый характер взаимоотношений Франции и ФРГ.

Аденауэр, завершив отпуск в Каденаббии, не заезжая в Бонн, через Баден-Баден и Страсбург на машине отправился в Коломбэ. Длинная тенистая аллея обширного парка привела к простому двухэтажному дому, построенному в начале XIX века. Де Голль пристроил к нему шестиугольную башню, и тем не менее дом производил впечатление буржуазного особняка, а не дворянского замка. На лужайке перед входом выделялась обширная цветочная клумба в форме лотарингского креста.

Канцлера и присоединившихся к нему по дороге Брентано и статс-секретаря Карстенса просто, без протокола встретили де Голль и его жена. Чуть позади стояли министр иностранных дел Кув де Мюрвилль и дипломаты Жокс и Сейду. Гостей пригласили к столу. После обеда де Голль предложил Аденауэру разместиться в его доме, а сопровождающим отправиться в близлежащий городок. Он хотел побеседовать с канцлером с глазу на глаз.

Они прошли в библиотеку и провели вместе четыре часа. Переводчик почти не требовался: де Голль многое понимал по-немецки, а Аденауэр — кое-что по-французски. Беседа началась с некоторой настороженностью.

— Отношения между нашими странами развиваются благоприятно, — сказал Аденауэр. — Если вы намерены способствовать их дальнейшему сближению, то я готов работать вместе с вами.

Де Голль ответил быстро, в присущей ему темпераментной манере:

— Прошлое принесло нам страшные испытания. Французы не могут их легко забыть. Но мы должны попытаться изменить ход истории, закрепить примирение наших народов, объединить их усилия и способности.

После этих фраз атмосфера разговора мгновенно изменилась. Кув де Мюрвилль позднее напишет, что в Коломбэ случилась любовь с первого взгляда. Собеседники поняли, что найдут общий язык. Стало ясно, что, уважая позиции друг друга, канцлер и генерал могут говорить откровенно и рассчитывать на взаимное понимание даже там, где их мнения не совпадают.

Аденауэр не увидел в де Голле крайнего националиста, как его обычно изображали. Генерал был озабочен общеевропейскими делами, хорошо ориентировался в них и придавал первостепенное значение сотрудничеству с Федеративной Республикой. Сошлись во мнении, что, активно участвуя в европейской интеграции, Франция и Федеративная Республика должны сохранять собственное лицо и проводить собственную политику.

— Франция поможет вашей стране, — сказал де Голль, — в деле восстановления ее авторитета и возвращения уважения со стороны соседей.

Для Аденауэра эти слова имели особое значение. В Европе уже признали экономическую силу ФРГ, но еще сохранялось предубеждение из-за прошлого. Предстояло завоевать нравственные позиции. Помощь Франции сыграла бы здесь особую роль.

Услышал канцлер и менее приятное:

— Для Франции неприемлемо стремление к изменению европейских границ, как и распространение ядерного оружия.

Аденауэр слушал спокойно, без тени на лице:

— Воссоединение Германии — не дело завтрашнего дня. Нужно терпение. Мне кажется, что не так-то легко преодолеть прусско-протестантский и коммунистический комплексы, сложившиеся в Восточной Германии. Нельзя не учитывать и

интересы России. Что касается французов, то они, по моему мнению, пока без особых симпатий думают о воссоединении Германии.

Канцлер дал понять, что готов к модусу вивенди с Востоком, несмотря на всю его ненависть к коммунизму, и не стал развивать эту тему дальше, а обратился к европейской интеграции:

— В обозримом будущем интеграция реально возможна лишь в Западной Европе при поддержке Соединенных Штатов. Без американских гарантий Европа не сможет себя защитить и успешно идти по пути прогресса.

Де Голль подумал немного и решил изложить свою позицию в достаточно острой форме:

— Перед Францией, в отличие от Федеративной Республики, не стоит задача оградить себя западноевропейским щитом. Мы стремимся к сближению всех европейских государств, к всеобщему умиротворению. ФРГ нуждается в членстве в НАТО и покровительстве Соединенных Штатов. Франция находится в иных условиях. Она не может быть инструментом в руках Америки.

Национализм де Голля все же проявился. Сомнений не оставалось: генералу милее Европа без Америки. Он готов вместе с ФРГ решать европейские дела, втайне надеясь, что Франция при любых обстоятельствах останется главным арбитром. Аденауэр не стал возражать и даже подыграл собеседнику:

— Я радуюсь возрождению величия Франции, как и тому, что вы готовы помочь немецкому народу обрести собственное достоинство. Наша молодежь проникнута европейской идеей и особенно тянется к Франции.

Беседа велась без определенного распорядка. Де Голль предложил прогуляться по саду. Лучи заходящего солнца поддерживали приятную температуру воздуха. Осень еще не тронула зеленое убранство деревьев. Хозяин и гость медленно шли по аллее, продолжая говорить о политике.

— К общественному строю в России я отношусь как к азиатской диктатуре, — говорил Аденауэр. — Русская экономика развивается неравномерно, однобоко. По производству вооружений она выглядит превосходно, по другим параметрам — крайне плохо. Русский народ пассивен, но и он, думается, не будет всегда терпеть столь низкий жизненный уровень. Русские заинтересованы в разоружении, но они опасаются Соединенных Штатов. Этот процесс займет много времени. А пока нужно укреплять НАТО и не давать американцам легкомысленно относиться к положению дел в главной военной организации западного мира. Европа находится между двумя супердержавами.

Европейцы обязаны сплотиться, чтобы не утратить своего значения. Франция и Германия должны играть ведущую роль. Нужно установить постоянные контакты для обсуждения политических проблем. Англия утрачивает свое значение. Знакомый американец сказал: она ведет себя, как богатый человек, который потерял все состояние, но не знает этого. Но она сохраняет влияние на Соединенные Штаты. Не считаться с этим нельзя.

Де Голль слушал внимательно, время от времени утвердительно кивая головой. Поинтересовался, нет ли опасности возрождения национализма или вспышки коммунизма в Федеративной Республике. С удовлетворением воспринял ответ: немцы слишком тяжело пережили национал-социализм, чтобы вновь вернуться к тоталитаризму в любом обличье. Демократические и христианские ценности прочно укоренились в обществе. Поражение в двух мировых войнах полностью исключили для немцев какие-либо империалистические устремления. Восстановление армии продиктовано только одним желанием — внести свой вклад в безопасность Западной Европы. Примирение с Францией выбило бы последнюю опору у националистов.

— Французы, — сказал генерал, — верят, что немцы стали иными. Основа для сотрудничества имеется. Франция не питает иллюзий в отношении доброй воли как России, так и Соединенных Штатов. Американцы остаются американцами. Англия — остров, играющий второстепенную роль. Де Голль сделал паузу и высказал свою заветную мысль:

— Мы должны оживить Европу и распространить наше влияние на Восток: на Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, на европейскую часть России. Нужно сотрудничать с ними и не быть инструментом Америки. Рамки Италии и Бенилюкса для нас слишком узки. Европа может быть или целой, или никакой. Наши страны обязаны внести решающий вклад в ее единение.

Аденауэр промолчал. Он несколько иначе представлял европейское развитие, но возражать генералу не стал. В главном они сходились — содружество Франции и Федеративной Республики образует краеугольный камень новой Европы. Канцлер непосредственно убедился в том, что де Голль — человек простой и естественный, несколько одинокий, но открытый и откровенный. Рассеивались предубеждения, крепла симпатия. Аденауэр радовался, что встретился с генералом в его доме, а не в официальном Париже.

Теплый сентябрьский день угасал. Подходя к дому, генерал

посетовал на здоровье:

— Годами я моложе вас, но на деле у меня меньше, чем у вас физических и психологических сил.

— Работа, к которой вы приступили, даст вам новые силы, — возразил канцлер. — После крушения нацизма я думал, что не смогу вернуться к активной деятельности. Но начал работать и обрел энергию, которую сохраняю и сейчас.

К ужину подъехали члены делегаций. Обстановка сложилась непринужденная. Хорошее настроение шефов передалось и сопровождающим. Быстро согласовали общее коммюнике о встрече. Отметили, что президент Франции и канцлер Федеративной Республики Германия открыто и дружески обменялись мнениями по важнейшим аспектам двусторонних отношений и международного положения. Пришли к заключению, что немцы и французы будут тесно сотрудничать в построении Европы и в укреплении североатлантического союза.

На следующий день Аденауэр, ночевавший в доме де Голля, позавтракал с генералом и его супругой и, тепло распрощавшись с ними, отправился в Бонн. Брентано на пресс-конференции подчеркнул, что французский президент открыто обсуждал малые и большие проблемы без ложного пафоса и националистического налета. Немцы убедились, что и при новом президенте франко-германское сотрудничество будет крепнуть и углубляться.

Через два месяца де Голль прибыл в Бад-Кройцнах с ответным визитом. В небольшом курортном городке, что в Пфальце, в Первую мировую войну размешалась ставка Вильгельма II и фельдмаршала Гинденбурга. Де Голль вряд ли об этом помнил. Встречали его радушно. Аденауэр приветствовал гостя по-французски. Правда, позже генерал сказал, что не понял ни слова в речи канцлера, настолько тот плохо говорил на французском языке.

Теперь уже не было надобности выяснять позиции и обмениваться общими оценками. Президент намеревался решить конкретную проблему: заручиться поддержкой канцлера против англичан и их намерения растворить Общий рынок шестерки в зоне свободной торговли, где верховодили британцы. Интересы Франции и ФРГ совпали. Аденауэр видел в Общем рынке краеугольный камень западноевропейской экономической интеграции. Он поддержал де Голля.

Журналисты с нетерпением ждали пресс-конференцию. Канцлер и генерал охотно демонстрировали дружелюбие. Аденауэр несколько смутился, когда генерал положил ему руку на плечо и назвал великим европейцем и великим немцем. Канцлер почувствовал себя в роли ученика, которого хвалит

учитель.

На официальном обеде, когда были произнесены приветственные речи, де Голль обратил внимание на тонкий и мягкий вкус светлого вина, искрившегося в бокале. Аденауэр рассказал:

— У одного из моих друзей есть небольшой виноградник в Пфальце. Производят там лишь несколько сотен бутылок для собственного потребления. Созревший виноград удерживается на лозе вплоть до поздней осени, чтобы солнце отдало максимум тепла и подсластило ягоды. Каждую виноградину отделяют от кисти пинцетом: не дай бог повредить ее. Вот и получается то, чем мы с вами сейчас наслаждаемся.

Де Голль отбыл из Бонна, увозя несколько бутылок чудесного вина.

Прошло три месяца, и Аденауэр вновь посетил Францию. Его крайне тревожил натиск Москвы на Западный Берлин и уступчивость американцев и англичан. Де Голль обещал поддержку.

Новая встреча состоялась в Париже в начале декабря 1959 года. Канцлер предложил расширить сотрудничество в гуманитарной сфере: увеличить сеть культурных центров одной страны в другой, поощрять контакты между молодежью, обмен студентами, школьниками, взаимодействие общественных организаций. Де Голль в принципе одобрил идею и обещал подумать о конкретике ее реализации.

Участвовавшие в переговорах премьер-министр Дебре и министр иностранных дел Кув де Мюрвилль заговорили о ненадежности американского щита в Европе. Американцы рано или поздно уйдут отсюда и будут защищать себя ракетами. Европейцы сами должны строить оборону, а Франция и Германия — взять на себя руководящую роль.

Генерал молчаливо одобрил премьер-министра и министра иностранных дел. Он знал, что у Аденауэра иная точка зрения, но хотел, чтобы ее услышали и другие.

— Защита Европы, — решительно заговорил канцлер, — отвечает европейским и американским интересам. Невозможна оборона Европы на национальной основе, как невозможна она и без Соединенных Штатов.

— Ну а если американцы уйдут из Европы? — бросил реплику генерал.

— Они не уйдут, — сказал канцлер. — Если у американцев и есть такие планы, их нужно убедить в обратном.

На парижской встрече лидеров четырех держав в конце декабря 1959 года де Голль выполнил свое обещание поддержать

Аденауэра в вопросе о Западном Берлине. На этой встрече вырабатывали позиции к предстоящей встрече в верхах с Хрущевым. Эйзенхауэр без всяких обиняков повторил, что права западных держав в Берлине не настолько важны, чтобы вступать в вооруженный конфликт. Нет смысла обострять обстановку, если Москва заключит мирный договор с ГДР и передаст ей какие-то права. Макмиллан выжидал. Заговорил Аденауэр:

— Уступив русским, мы потеряем город. Западные державы утратят авторитет у населения. — Канцлер сделал небольшую паузу и продолжил: — Если Берлин будет потерян, то немедленно поколеблется мое политическое положение. К власти придут социал-демократы. Они пойдут на сговор с русскими, и это станет концом Европы.

Де Голль встал на сторону Аденауэра. Макмиллан, поколебавшись, заявил, что он согласен с генералом и канцлером. Эйзенхауэр не стал противоречить союзникам.

Отношения канцлера и генерала развивались не без трений. За внешним дружелюбием все-таки скрывался различный подход к европейскому строительству. Временами он серьезно обострял обстановку.

Так, на очередной встрече в июле 1960 года в Рамбуйе де Голль изложил Аденауэру план политического объединения европейской шестерки. Оно, по мнению генерала, не должно было носить какие-либо наднациональные элементы. Представители государств будут регулярно собираться и обсуждать политические, экономические и оборонные проблемы.

Аденауэр не согласился. Он, как и другие участники шестерки, видел Европу, объединенную именно наднациональными структурами, развивающимися и совершенствующимися в сторону европейской федерации.

Де Голль вновь в резкой форме заговорил о Соединенных Штатах:

— Франция и Германия должны строить оборону без расчета на американцев. Главенство Соединенных Штатов в НАТО — несправедливо. Необходима реорганизация. Есть четыре великие державы Запада — Германия, Франция, Великобритания и США. Они должны занимать равноправное положение. Мы же отдаем все права на защиту Европы Америке. Это ослабляет национальные усилия европейцев. И вовсе не известно, будут ли американцы защищать Европу.

Аденауэр слушал внимательно. Не разделяя мнение де Голля, он подыскивал формулировки, которые бы не обидели генерала.

— В принципе вы правы. Но сейчас положение таково, что нельзя допустить, чтобы Европа отделилась от Америки. К

реорганизации НАТО надо подходить с большой осторожностью, чтобы не разрушить уже созданное и действующее, а главное — не подорвать единство Запада.

В целом взаимные симпатии канцлера и генерала не изменялись, несмотря ни на что. Они настойчиво искали пути к сближению их государств. За четыре года встречались пятнадцать раз. Провели в беседах более ста часов. Обменялись сорока письмами.

В Бонне внимательно следили за развитием отношений между Францией и Советским Союзом. Де Голль не раз проявлял уважение к России, вспоминал свои визиты в Москву, на высоком уровне принимал Хрущева в Париже. Во время поездки по стране советский лидер в Вердене и других городах напоминал о совместной борьбе французов и русских против немцев, не скупился на резкие выражения в адрес Аденауэра, напоминал, что Франция и Советский Союз признают послевоенные границы в Европе и вообще у них нет серьезных причин для политической конфронтации.

Канцлер дал указание немецким послам в Париже и Москве тщательно отслеживать и анализировать франко-российские совместные действия. Хотя Аденауэр не допускал мысли, что де Голль пойдет на какие-либо практические шаги, наносящие вред содружеству Франции и Федеративной Республики как основе западноевропейского строительства.

У де Голля, как и у Аденауэра, вызвало беспокойство избрание молодого Кеннеди президентом США. После своей поездки в США в апреле 196) года Аденауэр на очередной встрече с де Голлем поделился впечатлениями о Кеннеди: он обладает тонким чутьем и хорошо разбирается в обстановке, быстро схватывает мысли собеседника, проявляет ясность в политических подходах.

— Как бы Хрущев не обошел молодого президента и не добился неоправданных уступок в Европе, — посетовал генерал.

— За американского президента можно не волноваться, — возразил Аденауэр, — но вот особая позиция Франции в отношении НАТО дает Хрущеву определенные надежды.

Де Голль заверил, что в случае обострения обстановки Франция всеми силами поддержит усилия Запада. Однако не преминул заметить: военная интеграция в мирное время бессмысленна, она притупляет национальную ответственность.

Последнее слово осталось все же за канцлером:

— Немцы на примере ГДР знают, что несет людям коммунизм. У французов и других европейцев такого опыта нет. Нужно создать такие условия жизни, чтобы люди знали, что они

защищают, и были бы готовы к этому. Если Франция станет в одиночку решать проблемы обороны, в том числе развития ядерного оружия, она не сможет обеспечить высокого жизненного уровня населению. Бедность же — питательная среда для распространения коммунизма.

Генерал не стал возражать. Но на последующих встречах он вновь и вновь говорил о национальном факторе. Аденауэр же по-прежнему пытался подтолкнуть его к более тесному сотрудничеству с Соединенными Штатами и другими западными партнерами. Доказывал, что отсутствие такового дает серьезные козыри Москве.

В июле 1962 года Аденауэр в очередной раз прибыл в Париж, теперь с официальным визитом. Прием был пышный, как никогда. Оркестры, гимны, пестро разодетые гвардейцы, автомобильные кортежи в сопровождении мотоциклистов. В Енисейском дворце де Голль вручил канцлеру Большой крест Почетного легиона и произнес красивые слова в его адрес.

В начале сентября предстоял ответный визит президента в Федеративную Республику. Де Голль занимается с преподавателем немецкого языка, чтобы свободно общаться с населением. На аэродроме Кёльн/Бонн канцлер встречает генерала у трапа самолета. Де Голль легко и стремительно сбегает по трапу, обнимает пораженного Аденауэра и целует его в обе щеки.

На следующий день канцлер сказал Глобке:

— Первый раз меня поцеловал иностранный государственный деятель, да еще к тому же француз.

Генерал не задержался в Бонне. Пять дней он ездил по стране. Побывал в Гамбурге, Кёльне, Мюнхене, Штутгарте, некоторых городах Рурской области. Выступал на немецком языке перед многочисленными аудиториями. Везде говорил о дружбе между французами и немцами как о новом явлении в Европе, примете современной жизни. Необходимо создать такие условия, подчеркивал он, чтобы миллионы молодых немцев посещали Францию, а французы — Федеративную Республику. Нужно наладить связи между немецкими и французскими учебными заведениями, поощрять изучение языков и культуры другой страны.

На пятидесятитысячном митинге в Кёльне де Голль назвал немцев великим народом, а Аденауэра — хорошим немцем и похлопал его по плечу.

Манера поведения французского президента, его обильные хвалебные пассажи в адрес немцев производили благоприятное впечатление. Живой грассирующей речью и энергичной

жестикуляцией он выгодно отличался от всегда сдержанного, немногословного Аденауэра. Француза приветствовали горячо, подчас восторженно. Канцлер среди близких иронизировал, но признавал, что генерал обладает артистическими данными, полезными для политика.

Аденауэр и де Голль спешили. Канцлеру предстояла отставка. Он не верил, что Эрхард, который сменит его, будет продолжать ту же политику по отношению к Франции. 22 января 1963 года в Елисейском дворце был подписан договор о франко-германском сотрудничестве. Генерал снова расцеловал канцлера. Политические вопросы не затрагивались. Аденауэр не хотел сталкивать свой атлантизм с национальными амбициями генерала. Однако при ратификации договора в бундестаге к неудовольствию де Голля к тексту добавили преамбулу, в которой говорилось, что основой политики Федеративной Республики является тесный союз с Соединенными Штатами, военная интеграция в НАТО и наднациональная Европа.

Аденауэр уже не располагал возможностями для того, чтобы избежать подобной демонстрации. Впрочем, он не придавал ей особого значения. Примирение с Францией обрело достаточно прочную основу. Политические нюансы поколебать его не могли. Не разрушило франко-германский альянс и решение де Голля о выводе французских вооруженных сил в Северной Атлантике из подчинения командованию НАТО.

Глава XXI
Обаяние власти

Власть — это сила, действующая по собственным законам. Человек, овладевший властью, со временем становится ее рабом. Она превращается в привычку, от которой трудно, невозможно отказаться. И уже не человек начинает управлять властью, а она им.

Аденауэр не избежал воздействия этих законов. На втором десятке канцлерства он все более становился авторитарным правителем, убежденным, что только он знает истину в последней инстанции, что только он может и должен управлять государством. Канцлер не преследовал личной выгоды. Считал, что действует в интересах народа и государства. Никто иной не обладал столь богатым опытом и умением. А потому власть его должна была оставаться незыблемой. На партию свою он посматривал, как верховный жрец на паству. С оппозицией считался мало. Государственная машина работала отлажено, четко, без перебоев. Откажись он от власти — все пошло бы прахом.

Не учитывал Аденауэр, что в хорошо организованном правовом государстве с налаженной экономикой и высоким жизненным уровнем отпадает надобность в сильной руке, в «демократии канцлера». Управлять могут и менее значимые фигуры. К тому же парламентско-демократическое мышление постоянно влечет к переменам, рождает надежду, что с приходом во власть новых людей будут решены проблемы, так и не решенные старой властью. А таковые неизбежны даже в самом благополучном обществе.

Авторитет Аденауэра оставался на высоком уровне. Но блеск его правления тускнел. Культ лидера в демократическом обществе со временем неизбежно ведет к возникновению антикульта. Канцлер всегда был самым крупным объектом для критики. Поначалу ее перекрывали успехи, связанные с его именем. Но к успехам привыкли. Критика стала более заметной, более воспринимаемой, вызывала недовольство властью и ее верховным носителем. Деятели ХДС/ХСС публично клялись в верности Аденауэру, а за его спиной поговаривали о возможном преемнике.

В 1959 году предстояли очередные выборы президента Федеративной Республики. Хойс уходил в отставку. Аденауэр предложил фракции ХДС/ХСС в бундестаге выдвинуть на

президентский пост Эрхарда. Депутаты не согласились. Эрхард должен остаться в сфере активной политики и стать преемником канцлера. Впервые важное решение, предложенное Аденауэром, не нашло поддержки в собственной партии.

Лидеры ХДС/ХСС понимали, что эра Аденауэра кончается. Возникла идея дать ему возможность достойно закончить политическую карьеру, предоставить пост президента страны на последующие пять лет. Срок его президентства окончился бы, когда возраст Аденауэра подходил бы к девяносто годам.

Окружение канцлера советовало ему принять предложение. Аденауэр задумался. Он не хотел видеть Эрхарда канцлером. Считал, что тот слаб во внешней политике и не сумеет должным образом распорядиться наследием Аденауэра. Эрхард, по его мнению, неправильно оценивал значение экономической и политической интеграции Западной Европы и мог затормозить или вообще приостановить этот процесс.

После длительных размышлений Аденауэр согласился стать президентом, но с условием, что его преемником будет не Эрхард, а министр финансов Этцель, который был близок к канцлеру и послушно выполнял его волю. Аденауэр был убежден, что достойной замены ему нет и что если она произойдет, то только с его благословения.

В апреле 1959 года Аденауэр отправился в отпуск в любимую Каденаббию. Он захватил с собой конституцию ФРГ и начал изучать на предмет того, какими правами он будет обладать, если станет президентом. И тут его постигло разочарование. Он не получит таких полномочий, как, например, де Голль, не сможет влиять на политику. Он будет представительствовать и только.

Аденауэр знал все это на практике. Ведь он управлял государством без какой-либо оглядки на президента Хойса, считал его слабым политиком. Возможно, в конституции есть положения, которые позволят Аденауэру, опираясь на свой опыт и авторитет, оказывать решающее воздействие на политическую жизнь страны? Однако ничего подобного в Основном законе он не нашел. Можно было бы попытаться изменить конституцию. Но удастся ли такой шаг?

…Жизнь в Каденаббии шла своим чередом. Стучал телетайп, звонили телефоны. Личный референт разбирал почту. Две секретарши всегда готовы были к диктовкам. На месте находились и люди из службы безопасности. Раз в неделю прибывал курьер из Бонна с бумагами.

Но как-то незаметно сократилось число посетителей. Более частыми стали пешие и автомобильные прогулки Аденауэра, удлинилось время за игрой в шары — боччо. С близкими он почти

не говорил о политике, но охотно беседовал о музыке и живописи. Жизненный тонус поднимался. Настроение улучшалось. Вдруг явилась мысль скрыться на целый день и заехать в Швейцарию. При подъезде к границе шофер напомнил, что они не взяли с собой паспорта. Пришлось вернуться к радости персонала, не привыкшего к неожиданным поступкам канцлера.

Кончался отпуск. Пришло сообщение, что руководство фракции ХДС/ХСС настаивает на избрании канцлером Эрхарда, а не Этцеля. Аденауэр вернулся в Бонн и на первом же заседании кабинета министров сказал, что сложное международное положение не позволяет ему оставить пост канцлера. Наметившийся было бунт фракции удалось подавить быстро. Аденауэр заявил об отказе баллотироваться на пост президента и о желании остаться канцлером. Фракция без борьбы приняла его решение. Противоборство могло бы серьезно подорвать позиции ХДС/ХСС в стране. Страсти, бушевавшие почти два месяца, улеглись. Аденауэр сохранил власть.

На очередной пресс-конференции один из журналистов спросил Аденауэра, почему он отказался от президентского поста. Канцлер с серьезным видом ответил:

— Мне сказали, что на президентской вилле Хаммершмидт есть в запасе лишь красные вина. Я попросил Глобке перенести туда из дворца Шаумбург рейнские и мозельские. Но он сказал, что это не положено. Тогда я решил остаться на прежнем месте — красные вина мне не годятся.

Участники пресс-конференции заулыбались. Больше подобных вопросов не задавали.

Президентом был избран Генрих Любке, занимавший в правительстве Аденауэра пост министра сельского хозяйства. Как политик он мало проявил себя. Представительствовал достойно. Действовал в полном согласии с канцлером.

Приближалось 85-летие Аденауэра. Здоровье начало давать сбои. Частые простуды. Довольно тяжелый бронхит. Потом легкий, но тем не менее инфаркт. Казалось, жизнь канцлера, его рабочий распорядок оставались прежними. Но перемены все же были. Журналисты, собиравшиеся на беседы за чашкой чая во дворце Шаумбург, отмечали, что канцлер выглядит болезненным. Появились новые морщины на лбу. Говорить стал медленно и очень тихо. Удивлялись, что тем не менее дух его крепок, мысль четка и логична.

Дом в Рёндорфе оберегался от посетителей. Более частыми стали уединения канцлера. Он подолгу задерживался в гостиной с ее мягким ковром, напольными часами и стереосистемой. Вновь и вновь обращался к любимым картинам. Медленно шел вдоль

книжных полок, посматривая на тома «Большого Брокгауза», парламентских речей Бисмарка, книги стихов, собрания сочинений Теккерея, Диккенса, Голсуорси, Гёте, ценные издания Монтескье и Фонтэна, подаренные французами. Сняв томик с полки, переходил в застекленную лоджию, примыкавшую к гостиной и названную в семье «каютой». Сидя в мягком кресле и не раскрывая книги, любовался Рейном и думал о жизни. Семья осторожно советовала отказаться от государственной деятельности и заняться мемуарами. Нет, к этому он еще не готов, не видно сильных наследников. Дело жизни может оказаться под угрозой.

Так думалось Аденауэру. Он не признавался себе, что не хочет расставаться с властью и тем положением, которое она давала. Власть держала в невидимых, но крепких объятиях, разорвать которые он не мог.

Положение перед выборами складывалось не в пользу ХДС/ХСС. Дела в стране шли хорошо, но это принималось как должное. Строительство же Берлинской стены, беспомощность правительства в германском вопросе подрывали авторитет Аденауэра. Влиятельный гамбургский журнал «Шпигель» писал: «85-летний старик не в состоянии стоять во главе современного индустриального государства. Аденауэр и его западные союзники ничего не могут поделать в Берлине. Ульбрихт побеждает и диктует свои условия».

Социал-демократы впервые на парламентских выборах выступили не с классовых, а с общенародных позиций. Они признали успехи рыночной экономики и одобряли общие внешнеполитические подходы правительства. Но критиковали канцлера за пассивность в общегерманских делах. СДПГ выдвинула лозунг: стране нужна более сильная и решительная власть. Кандидатом в канцлеры от социал-демократов стал молодой, энергичный и уже завоевавший авторитет Вилли Брандт.

Незадолго до выборов Москва направила Бонну ноту, в которой резко критиковала политику Аденауэра и самого канцлера. Советские стратеги хотели тем самым оказать помощь социал-демократам, но добились прямо противоположного. Команда ХДС/ХСС немедленно обратилась к избирателям: Москва требует убрать Аденауэра, в этот тревожный час весь немецкий народ должен поддержать канцлера. Он и сам разыгрывал эту карту. Выступая на массовом митинге в Хагене, Аденауэр заявил, что Хрущев велел Ульбрихту построить Берлинскую стену, чтобы оказать предвыборную помощь Брандту.

На выборах ХДС/ХСС потеряли 700 тысяч голосов

избирателей и 36 депутатских мандатов. Сохранив самую сильную фракцию в бундестаге, они утратили абсолютное большинство. Образовать правительство можно было только в коалиции со Свободной демократической партией. Брандт выдвинул предложение сформировать чрезвычайное правительство из представителей всех партий, представленных в бундестаге. Оно было отвергнуто. Руководители СвДП согласились проголосовать за Аденауэра, если получат заверение, что он уйдет в отставку до новых выборов. По настоянию руководства ХДС/ХСС Аденауэр такое обещание дал в письменной форме. Так он в четвертый раз был избран канцлером.

И все же он не верил в скорую отставку. Скрывал недомогание. Часто встречался с журналистами, демонстрируя бодрость духа и живость ума. Во время очередного визита во Францию не взял с собой врача: чтобы не подумали, что он стар и болен. Лечащий врач, однако, снабдил секретаря Аденауэра большим пакетом лекарств и научил, когда и как их нужно использовать.

Аденауэр внимательно следил за действиями советского руководства. Хрущев то всячески ругал канцлера и его политику, то на приеме в Кремле пил с немецким послом за его здоровье. Перед выборами в ФРГ Хрущев в присутствии Косыгина и Микояна сказал Кроллю, что желает победы Аденауэру. Он — самая сильная и авторитетная политическая фигура в ФРГ и еще больше укрепит свои позиции, если улучшит отношения между Федеративной Республикой и Советским Союзом.

В Бонн пришел подарок канцлеру от Хрущева — несколько ящиков грузинского вина, приглянувшегося еще во время поездки в Москву в 1955 году. Аденауэр реваншировался рейнскими винами. В очередной беседе с Кроллем Хрущев сказал, что если кто и может помирить русских и немцев, то это он и Аденауэр.

Хрущев продолжал намекать Кроллю на желательность его поездки в ФРГ и встречи с Аденауэром. Но так ничего не добившись, позволил себе в очередном публичном выступлении нападки на канцлера, на сей раз столь резкие, что Кролль поспешил в Бонн, чтобы убедить Аденауэра выступить с протестом.

Канцлер принял посла спокойно.

— В политике нужно иметь толстую шкуру. Хрущеву не удастся вывести меня из равновесия.

— Но вы послушайте, что он сказал о вас. — Кролль достал из папки листок и стал читать: — Аденауэр плохой христианин. В одной руке он держит крест, а в другой — атомную бомбу.

Аденауэр рассмеялся:

— Коммунист Хрущев начинает приобщаться к христианскому мышлению.

На заявление протеста согласия не дал.

В октябре 1962 года канцлер выступил с правительственным заявлением в бундестаге и подвел итоги своей деятельности за все прошедшие годы. Национальный доход увеличился втрое. Построено 6,5 миллиона квартир. Страна на 70 процентов удовлетворяет потребности населения в продовольствии. Возрождена армия — под ружьем находятся 380 тысяч хорошо обученных и вооруженных солдат. Экономика от бурного роста перешла к росту равномерному и стабильному.

Депутаты правительственных партий аплодировали старику. В выступлениях подчеркивали, что именно с его именем связано возрождение государства и завоевание авторитета на международной арене.

Оппозиционный «Шпигель» начал кампанию против министра обороны Штрауса, обвиняя его в желании превратить бундесвер в главную наступательную силу НАТО, вооружить его ракетами и другим современным оружием. Федеративная Республика теряла облик миролюбивой страны.

В ответ по инициативе Штрауса в центральной редакции журнала в Гамбурге и ее бюро в Бонне был произведен тщательный обыск. Издателя Аугштайна и автора материала известного журналиста Аллерса взяли под арест. «Шпигель» обвинили в государственной измене.

Аденауэр пытался замолчать инцидент. Но по стране прокатилась волна протестов. Канцлер заявил в бундестаге, что Аугштайн и его журнал ради популярности и прибыли систематически выступают против государства, пренебрегают его интересами. Депутаты ХДС/ХСС аплодировали, социал-демократы взорвались возмущенными криками. Пять членов правительства от Свободной демократической партии объявили, что уйдут в отставку, если канцлер не примет надлежащих мер. Несколько десятков университетских профессоров направили письмо в бундесрат с протестом против действий министра обороны.

Возникла угроза развала правительственной коалиции. Аденауэр стал просчитывать варианты и подумал было о большой коалиции с социал-демократами. Она представлялась вполне реальной. Но мелькнула мысль, что в таком случае могут обойтись и без него. Пошел на другое: отправил в отставку Штрауса, хотя очень симпатизировал молодому и энергичному баварцу. Штраус тоже не скрывал приверженности канцлеру.

Открыто говорил, что Эрхард не годится для политической борьбы и решительного использования инструментов власти, что он не умеет, как Аденауэр, сплачивать вокруг себя бойцов и завоевывать на свою сторону колеблющихся. Но расстаться со Штраусом пришлось, ибо речь шла о судьбе самого Аденауэра.

После ухода Штрауса, уехавшего в Баварию и вскоре возглавившего ХСС, министры от СвДП сняли вопрос об их отставке. Однако спокойствие для канцлера воцарилось ненадолго. Активизировался Эрхард. Он не скрывал намерения занять канцлерский пост. Его поддерживал президент бундестага Герстенмайер. Министр иностранных дел Шрёдер, сменивший послушного Брентано, высказывал несогласие с Аденауэром по ряду внешнеполитических позиций. Новые молодые деятели в ХДС все чаще критически оценивали действия старого лидера.

У Аденауэра не было уже сил на активную политическую борьбу. Он стал реже выступать в бундестаге, давать интервью, появляться перед журналистами. ХДС потерпел поражение на земельных выборах в Западном Берлине, Гессене и Рейнланд-Пфальце. Влияние Аденауэра и его столь недавно непререкаемый авторитет падали. Канцлер не оценивал в полной мере происходивших изменений. Ближайшее окружение пыталось сохранить вокруг него прежнюю атмосферу.

События продолжали развиваться не в пользу патриарха. В начале февраля 1963 года Эрхард дал интервью для печати и заявил о своей готовности стать канцлером, как только партия сочтет это нужным. На следующий день в бундестаге Аденауэр демонстративно повернулся к Эрхарду спиной. Сидя рядом на правительственных местах, они не замечали друг друга, не обмолвились ни словом.

— У него нет качеств политика, — раздраженно говорил Аденауэр Глобке — одному из немногих, кто готов был идти с ним до конца. — Он плохой европеец и не разбирается во внешнеполитических делах. Его внешность не подходит для канцлера — он слишком толст, чересчур много ест и курит.

Предстоял решающий бой. 22 апреля 1963 года состоялось заседание Правления ХДС. Аденауэр собрал старую гвардию — председателя фракции Кроне, верных канцлеру министров и потребовал исключить Эрхарда из числа кандидатов на пост канцлера. И тут он впервые потерпел поражение в собственной партии, остался в меньшинстве. Правление решило выдвинуть Эрхарда. Аденауэру пришлось согласиться и принять сроки отставки — октябрь 1963 года. У него хватило сил достойно принять решение и пообещать поддержку новому правительству.

В газете «Ди Вельт» появился рассказ очевидца событий 22

апреля: «Конрад Аденауэр устал. Его фигура, обычно прямая, выглядит несколько согнувшейся, как бы несущей невидимую тяжесть. Его глаза смотрят мимо людей, мимо окружающей его толпы, как будто ее нет вовсе, как будто вокруг него вообще ничего нет. Он идет спокойно, но как-то приторможено. Его никто не сопровождает, кроме одного работника службы безопасности. Тех, кто его не так давно возвеличивал, с ним больше нет. Стрекочут теле- и кинокамеры, мелькают микрофоны, светят юпитеры, но внимание теперь обращено не к нему. Камеры нацелены на наследника престола. Король умер, да здравствует король!»

Вернувшись в свой кабинет, Аденауэр сказал секретарю:

— Меня уже никто не слышит.

Он сел в кресло за письменным столом и надолго задумался.

В мае Аденауэр отправился в Каденаббию. Вскоре его посетили министр иностранных дел Шрёдер, статс-секретарь Карстенс, лидер фракции ХДС/ХСС в бундестаге Кроне и Глобке. Канцлер пространно анализировал внешнеполитическую ситуацию. Особо подчеркивал значимость франко-германского союза и необходимость не допустить сближения Франции с Россией:

— Достаточно беглого взгляда в историю, чтобы убедиться: такое сближение всегда оборачивалось против Германии.

— Обстановка изменилась, — возразил Шрёдер. — В Европе появились новые факторы. Присутствие Америки меняет положение. Значимость нашего союза с Францией уже не имеет решающего значения.

Аденауэр удивленно посмотрел на Шрёдера. Встал и вышел из комнаты. Его министр уже начал рассуждать, как Эрхард. И изменить что-либо невозможно. С час он гулял по саду и пришел к гостям лишь к обеду.

В жаркие июньские дни 1963 года в Бонн прилетел Кеннеди с официальным визитом. Аденауэр устроил ему пышный прием. Вместе отправились в Берлин. Канцлер был сумрачен и молчалив. У Берлинской стены Кеннеди не сдержал эмоций:

— Соединенные Штаты будут всегда вместе с немцами, избравшими свободу. Можете не сомневаться, господин канцлер. Стена, у которой мы стоим, лучший аргумент против коммунизма.

Аденауэр с чувством пожал руку Кеннеди. Его отношение к американскому президенту менялось к лучшему. Он убедился в его твердости во время «карибского кризиса». Здесь, в Берлине, он окончательно понял, что не следует опасаться сговора американцев с русскими за счет немцев.

В заключительной беседе в Бонне Кеннеди дал высокую оценку франко-германскому примирению и тепло отозвался о генерале и канцлере. Беседа шла непринужденно и затянулась. Вошел адъютант Кеннеди и напомнил, что необходимо принять горячую ванну против болей в позвоночнике.

Президент вышел. Аденауэр сказал присутствовавшему Глобке:

— В Вашингтоне мы гуляли с ним по парку Белого дома. Выбежал двухлетний сынишка. Я взял его на руки и высоко поднял. Кеннеди заметил, что не может сделать этого из-за раны, полученной на войне.

— Жаль. Недуг во многом мешает президенту, — заметил Глобке.

— Боль заставляет от многого отказываться. Но она вырабатывает самодисциплину, тренирует волю, что формирует человека. Кеннеди умеет слушать и учиться, много работает и много знает. Он — достойный государственный деятель.

Наступила осень. Аденауэр отправился с прощальным визитом к де Голлю. Старики вели вялую беседу. Давно уже обо всем переговорено. Де Голль высказал опасение, что Эрхард не станет так последовательно укреплять франко-германский союз, как это делал Аденауэр. Канцлер промолчал. После обеда сделали паузу, чтобы соснуть на часок. А потом и попрощались.

В тот же день Аденауэр возвращался в Бонн. В самолете неподвижно сидел старый, уставший человек с застывшим лицом. Он еще не привык к мысли, что власть уходит навсегда. То, что он создал, вряд ли будет поколеблено. Но править будут другие, а он, создатель, останется в стороне. Смогут ли те, другие, вести Федеративную Республику тем же курсом и с тем же успехом? Не пошатнутся ли ее позиции без него?

На аэродроме в Бонне канцлера окружили журналисты. Посыпались вопросы. Он рукой освободил путь и, не произнеся ни слова, сел в машину.

Восемь дней во дворце Шаумбург продолжались прощальные встречи с членами правительства, сотрудниками, друзьями. Аденауэр постепенно свыкался с мыслью об отставке. Думал остаться в активной политике в качестве депутата бундестага и председателя ХДС.

Во время одного из застольев гости Аденауэра с удивлением увидели, что перед ними стоят не два винных бокала, как обычно, а три. Канцлер пояснил с улыбкой:

— В подвалах дворца осталось несколько бутылок старого рейнского. Вот мы их и прикончим. Эрхард ничего не понимает в вине.

15 октября 1963 года состоялась прощальная церемония в бундестаге. Президент бундестага Герстенмайер воздал должное уходящему канцлеру. Не скупясь перечислил его заслуги в возрождении и развитии страны. Отметил, что во всей немецкой истории Аденауэр — первый канцлер, который покидает этот пост в силу собственного свободного решения.

Аденауэр понимал, что президент бундестага лукавил с добрым умыслом. Пусть общественность считает, что старого канцлера не вытеснили из власти, что он уходит сам, уважаемый и любимый.

Прощальное выступление канцлера было кратким. Главная мысль: необходима преемственность его политики, ибо она приобрела Федеративной Республике много друзей во всем мире. Эрхард упомянут не был.

С трибуны Аденауэр не вернулся на канцлерское место, а сел в первом ряду кресел фракции ХДС/ХСС.

Позднее дотошные журналисты настойчиво спрашивали, будет ли он оказывать помощь новому канцлеру. Аденауэр ответил утвердительно. Узнав об этом, Эрхард заявил, что помощь Аденауэра будет для него весьма ценна.

Через три дня Аденауэр в пальто и шляпе обходил кабинеты дворца Шаумбург и прощался с сотрудниками. У выходных дверей пожал руку привратнику. У того стояли слезы в глазах. Охрана взяла на караул. Аденауэр сел в машину с другим, не канцлерским, номером и навсегда покинул резиденцию главы правительства.

В кабинет, выделенный Аденауэру в бундестаге, из дворца Шаумбург перевезли любимый письменный стол, картину с видом Акрополя, нарисованную и подаренную Черчиллем, метровую статую Мадонны с младенцем — резьба по дереву XIV столетия, и большой глобус. Из Рёндорфа сюда доставили напольный ковер и несколько картин.

Уходящий политик редко понимает, что его время кончилось. Он думает, что новые руководители не обойдутся без его опыта и умения. Аденауэру казалось, что он еще долго будет влиять на действия правительства. Готовил себя к этому. Постепенно, однако, приходили новые ощущения. Власть отпускала старика. Жизнь приобретала иной смысл.

Глава XXII
Последние годы

В первое время кабинет Аденауэра в бундестаге посещали часто. Заходили депутаты, министры. Пару раз побывал здесь добродушный Эрхард, чтобы посоветоваться по некоторым текущим вопросам. Местные организации ХДС приглашали экс-канцлера выступить на очередных собраниях. Аденауэр охотно откликался.

…Предстояло выступление в одном из крупнейших залов Кёльна. До начала оставалось не более часа, а Аденауэр все еще сидел в своем кабинете и просматривал бумаги. Вошла взволнованная секретарша:

— Звонят из Кёльна. Беспокоятся. Зал уже переполнен.

— Не волнуйтесь, для меня место найдется, — скупо улыбнулся Аденауэр.

Тронулся минут через пятнадцать и успел вовремя. Встретили тепло и уважительно. По ходу выступления много аплодировали.

В конце октября 1963 года его посетил американский государственный секретарь Дин Раек. Аденауэр рассуждал о том, что Россия, по его мнению, вскоре будет вынуждена изменить свою политику. Необходимо оказывать давление, используя ее экономические трудности и российско-китайские противоречия. Осуществляя поставки зерна и других товаров в Советский Союз, нужно оговаривать их уступками в деле разрядки и разоружения. В целом же Соединенным Штатам не следует надеяться на серьезное улучшение отношений с Советским Союзом. Им надо развивать и укреплять связи с Европой.

Раек остался доволен беседой и попросил прислать ему запись высказываний Аденауэра.

Радио, телевидение, газеты продолжали проявлять интерес к отставному канцлеру. Иностранные послы приглашали его на приемы. Однако во фракции ХДС/ХСС к его мнению прислушивались далеко не всегда. Критику действий правительства все чаще воспринимали как старческое брюзжание. Он не замечал этого.

Некоторое время еще сохранялось ощущение, что он нужен, что без него вряд ли обойдутся и впредь. Но поток посетителей, как и приглашений, стал быстро уменьшаться. Поездки в Бонн перестали быть каждодневными. Аденауэр все чаще предпочитал оставаться в Рёндорфе, предаваясь размышлениям и беседуя с близкими. В разговорах с часто посещавшими его дочерьми и

сыновьями избегал политических тем, рассуждал об искусстве, музыке, о бытовых делах. Иногда говорил о здоровье: пока сил достаточно, но в таком возрасте их легко потерять и тогда уже безвозвратно наступит старость. Родственники старались рассеять его тревоги.

Экс-канцлеру оставили охранника, шофера и двух секретарш. В рёндорфский дом поступали газеты, журналы, пресс-бюллетени. Пришлось отвыкать от ежедневного чтения телеграмм послов и правительственных информационных материалов. В декабре отправился на похороны Хойса на поезде, как простой пассажир.

По рекомендации врачей совершал ежедневные часовые прогулки пешком. Вначале поднимался на плоскогорье, но от этого вскоре пришлось отказаться. Гулял вдоль Рейна, раскланиваясь со встречными обитателями Рёндорфа.

Весной 1964 года Аденауэра вновь избрали председателем ХДС. На съезде в Ганновере он произнес энергичную речь, сформулировал текущие задачи, призвал партию к активной работе с избирателями. Резко отозвался о СДПГ: социал-демократы ведут себя, как хамелеоны, — сегодня они красные, завтра зеленые, сегодня молятся тому, что клеймили вчера. СДПГ перестала быть сильной оппозицией. Это хорошо для ХДС, но плохо для парламентаризма и демократии.

Он не переоценивал значимости поста главы ХДС. Политика делалась не в партийных инстанциях, а в правительстве и во фракции бундестага. Аденауэр все более ощущал, что не может влиять на ход событий, что политическая жизнь идет без него.

Пришло решение заняться мемуарами. Глядя с террасы на спокойное течение Рейна, реки-труженика, непрерывно перемещавшего десятки кораблей и барж с самыми разнообразными грузами, Аденауэр продумывал концепцию будущего труда. Нужно тщательно подобрать документы и материалы. Воспоминания должны отразить не столь его личные впечатления и оценки, сколь ход истории, процесс возрождения страны, путь ее к тем высотам, на которых она пребывала ныне. Мемуары не могут быть не субъективными. Но основанные на документальном материале, они приобретут характер исторического исследования, а тем самым и особую значимость для потомков. Решил было прочесть мемуары Бюлова, Ришелье, Бисмарка, но потом отказался — нельзя поддаваться постороннему влиянию, писать надо в собственной манере.

В апреле 1964 года Аденауэр отправился в отпуск в Италию. Генеральный секретарь НАТО, бывший министр иностранных дел Голландии Дирк Штиккер предоставил в его распоряжение свою виллу на берегу озера Комер в деревушке Ловено в нескольких

километрах от Каденаббии. На границе гостя встретил префект округа, преподнес цветы и сказал добрые слова. В Ловено почти все ее пятьсот жителей встретили Аденауэра аплодисментами, цветами, улыбками. За ужином он поднял бокал и сказал:

— За начало мемуаров.

К работе над ними приступил, однако, не скоро. Никак не мог отключиться от текущей политики и направить мысли в прошлое. Его посетил прежний близкий сотрудник, а теперь немецкий посол в Италии Бланкенхорн. Вспоминали ушедшие годы. Бланкенхорн сказал, что будет с нетерпением ждать выхода мемуаров, он не сомневается в их политической и исторической значимости.

Аденауэр продолжал отбирать и систематизировать материалы, привезенные в Ловено в нескольких больших коробках. К диктовкам, однако, не приступал. Не начал он их и вернувшись в Рёндорф.

Летом в Бонн с официальным визитом прибыл де Голль. Сразу после прилета он посетил Аденауэра в его парламентском кабинете. Генерал жаловался, что отношения Франции с Федеративной Республикой развиваются плохо. Новое правительство глушит инициативы, исходящие из Парижа. Заодно француз негативно отозвался о политике Соединенных Штатов и Англии. Беседа затянулась. Работники протокола нервничали. Де Голль на 20 минут опоздал на встречу с Эрхардом.

На прощальном приеме де Голль подошел к Аденауэру. Настроение генерала было нерадостным.

— Мы заключили брак между Францией и Германией, — сказал он. — Но Франция уезжает из Бонна девственницей.

Аденауэр промолчал. Он знал, что не сможет повлиять на Эрхарда. Однако на пресс-конференции он призвал правительство с большим вниманием отнестись к франко-германскому сотрудничеству.

Вскоре в Рёндорф приехал Штраус. Предстоял съезд Христианско-социального союза. У баварца была мысль настроить свою партию против Эрхарда. Аденауэр умерил его пыл. Междоусобица не принесет пользу стране. Штраус согласился с патриархом. Съезд ХСС прошел спокойно.

…Умирала любимая собака ротвейлер Цезарь. Она мучилась, но Аденауэр не давал согласия усыпить ее. Сделали это тайно, а ему сказали, что смерть случилась естественно. Вскоре появился новый полугодовалый ротвейлер. Жизнь продолжалась.

В августе отправился в Каденаббию. Автобусом доставили двадцать коробок с материалами. Начал диктовать. За два месяца закончил три главы: детство, Веймарская республика, время

нацистской диктатуры. Потом Аденауэр откажется от них и решит начать мемуары с 1945 года.

Дома он тут же выбился из «писательского ритма». Время и мысли занимали дебаты в бундестаге, заседания правления ХДС, встречи с иностранными политиками и журналистами.

Пришло известие из Москвы о снятии Хрущева. Аденауэр рассуждал среди близких:

— Какая загадочная страна Россия! Как там все непредсказуемо! Хрущева свергли без малейшего участия общественности. Никто не может угадать, что там случится завтра.

— Вам он несимпатичен? — спросил кто-то из присутствовавших.

— Не все так просто. Он — груб, хитер и ловок. У него ужасные манеры, беседуя, может стучать кулаком по столу. Но он понимает, когда ему отвечают тем же.

Аденауэр подумал немного и добавил:

— Хрущев, без сомнения, крупный политик, темпераментный, взрывной. В чем-то он вызывает симпатии. У деятеля диктаторского режима иные моральные критерии, чем у нас. Хрущев учитывал только силу и проводил политику силы, отсюда и жесткость его языка и манер. Но с ним можно было бы добиться прогресса в разрядке и разоружении. Пожалуй, мы здесь кое-что упустили. Надо учитывать, что русский народ понес миллионные потери в войне и опасается немцев. Нам не помешает большее терпение в отношении России.

Осенью ХДС проиграл выборы в ряде земель. Аденауэр дает интервью и резко критикует правительство Эрхарда, у него нет четкой политики и ясных действий. Испорчены отношения с де Голлем, а ведь франко-германское сближение жизненно важно для ФРГ и Европы.

Невозмутимый обычно Эрхард выступил на заседании фракции ХДС/ХСС и заявил, что подобные высказывания недопустимы, ибо вредят правительству. Аденауэр в ответ лишь повторил сказанное в интервью и даже обострил критику. Заседание кончилось ничем. Депутаты не решились сделать замечание патриарху.

Наступил 1965 год. В «Бетховенхалле» торжественно отметили 89-летие Аденауэра. Виновник торжества пребывал в неважном настроении. Плохо шла работа над мемуарами. Он подолгу сидел на террасе, просматривая альбомы с живописью, диапозитивы. Останавливался на одной из картин и подробно изучал детали. Иногда на это уходили часы.

Эрхард нанес официальный визит во Францию. Встреча с де

Голлем на сей раз прошла успешно: нашли общую точку зрения на развитие франко-германских отношений и европейской интеграции. Аденауэр сказал журналистам:

— Эрхард становится лучше. Он правильно воспринимает мою критику.

Обстановка разрядилась. Эрхард пригласил Аденауэра на обед во вновь построенном бунгало в парке дворца Шаумбург. Аденауэр ворчал: как можно портить старинный классический парк современной постройкой. Но приглашение принял и беседой с новым канцлером остался доволен.

24 января 1965 года умер Черчилль. За обедом в Рёндорфе Аденауэр рассуждал:

— Не скоро Великобритания получит политика такого масштаба. Он обладал сильной волей и знал, чего хочет. Обыграть его было нелегко. Толстяк видел далеко. Он первым после войны указал на сверхмощь России и угрозу ее экспансии. Не понимаю только, почему Черчилль не отказался от грез о британской мировой империи, почему он видел Англию лишь другом европейской интеграции, а не участником ее. Да, одним единомышленником стало меньше.

В Рёндорф приехал американский журналист Сульцбергер. Аденауэр согласился дать интервью для «Нью-Йорк таймс». Американец удивился резкости высказываний экс-канцлера. Сидя в мягком удобном кресле, Аденауэр говорил:

— Соединенные Штаты слишком увлеклись азиатскими проблемами и упускают из вида европейские. Если они потеряют Европу, Россия станет самой сильной державой мира. Европа без Соединенных Штатов беззащитна. У Бонна и Парижа нет иллюзий, что они сами могут отразить экспансию России. Москва ждет своего часа. А Запад своими поставками лишь помогает русским преодолевать внутренние трудности и не требует от них никаких обязательств. Де Голлю 74 года. Если он уйдет, во Франции победит Народный фронт во главе с коммунистами. За ней последует Италия. Москва потребует воссоединить Германию на своих условиях. В Вашингтоне же благодушествуют. И даже подумывают о выводе американских войск из Европы. Так Америка может дойти до изоляционизма и замкнуться в собственном благополучии. Нужно смотреть вперед. Надеюсь, что американцы проснутся вовремя.

И в Соединенных Штатах, и в Федеративной Республике интервью критиковали. Аденауэра обвиняли в отсталости мышления, в нежелании учитывать новые факторы в политике и отказаться от постулатов «холодной войны». Социал-демократы заявили, что экс-канцлер осложняет отношения между

Федеративной Республикой и Соединенными Штатами.

С мемуарами надо было спешить. Издательство намеревалось выпустить первый том перед выборами в бундестаг. Аденауэр перекроил план воспоминаний. Окончательно отказался от всего до 1945 года. Первый том решил ограничить 1945–1953 годами. Издатель предложил взять литературного обработчика. Аденауэр возмутился:

— Я пишу то, что должен написать. Кому не нравится мой стиль, может не читать.

Сроки давили. Аденауэр собрал всю силу и волю. Четко определил: три дня работает в Бонне, два дня — в Рёндорфе целиком над мемуарами. Выходные дни отдыхает и обдумывает следующие главы. В апреле уехал в Каденаббию и энергично работал. Много диктовал, временами писал от руки. За четыре отпускные недели первый том был закончен. Аденауэр довольно потирал руки: он еще может интенсивно трудиться и достигать намеченные цели.

Возвращался в Бонн поездом. Перед Кобленцем поезд столкнулся с застрявшим на переезде трактором. Пассажиры не пострадали, хотя их изрядно тряхнуло. Аденауэр пережил небольшой шок, и врачи рекомендовали несколько дней провести в Рёндорфе.

В середине мая в Бонн прибыла английская королева Елизавета II. Она послала Аденауэру букет из пятидесяти роз. Вскоре его навестил в Рёндорфе президент Любке, потом Эрхард, ряд министров. Настроение улучшилось. С новыми силами он взялся за мемуары.

Приближались выборы в бундестаг 1965 года. Аденауэр оставался председателем ХДС и решил активно участвовать в предвыборной кампании. Почти 90-летний, он, как и в прошлые годы, произносил бесчисленное количество речей, ездил с одного митинга на другой. Предвыборная борьба бодрила и молодила его. Энергично спорил с социал-демократами — извечными противниками. На арену все увереннее выходил Вилли Брандт — конкурент достойный, набиравший авторитет не по дням, а по часам. У Аденауэра, однако, было мощное оружие. Ведь социал-демократы приняли и одобрили принципы внутренней и внешней политики ХДС, значит, христианские демократы и он, их канцлер, действовали правильно. За них и надо голосовать.

Митинги с участием Аденауэра всегда были многочисленными. Люди охотно приходили послушать легендарного патриарха. Он почти не готовил речей, импровизировал, говорил раскованно, шутил, быстро и остро реагировал на вопросы публики. После мероприятия пребывал в

хорошем тонусе и еще долго беседовал с людьми в неофициальной обстановке.

ХДС/ХСС получили в новом бундестаге большинство, хотя и не абсолютное. Эрхард сформировал правительство в коалиции со Свободной демократической партией.

В октябре 1965 года вышел первый том мемуаров. Аденауэр с нетерпением ожидал откликов. Появлялись лишь незначительные, осторожные рецензии. Но вот выступил авторитетный историк Голо Манн. Он дал развернутый анализ во влиятельном еженедельнике «Ди цайт». Отметил строгую деловитость, умелое выделение главного и использование выразительных деталей, логичность мышления. Возраст и опыт сыграли свою позитивную роль.

Аденауэр был тронут оценками маститого ученого. Внимательно отнесся к его замечаниям и рекомендациям. С приподнятым духом взялся за второй том.

Все больше времени он проводил в Рёндорфе. В доме постоянно жил сын Пауль — священник. Комнаты оглашались детскими голосами — у Аденауэра к этому времени было 23 внука. По воскресеньям обязательно слушал мессу. Раз в неделю навещал могилы обеих жен на местном кладбище. При хорошем настроении играл с сыном в боччо. Катая шары, шутил, смеялся, радовался, когда они попадали в нужную точку.

Рядом с домом построили павильон с видом на Рейн. Развесили фотографии с дарственными надписями Черчилля, Даллеса, японского императора. На книжных полках поместили исследования о восточных и западных странах, записки Цицерона, творения Шатобриана, Макиавелли, речи Бисмарка, книги Черчилля, Идена, Эйзенхауэра, де Голля, Кеннеди, альбомы живописи различных веков. На одной из полок нашлось место для палехской шкатулки, подаренной Хрущевым.

Посреди комнаты стоял письменный стол с большой настольной лампой. Здесь Аденауэр работал, читал, а иногда просто размышлял, наслаждаясь прекрасным видом и окружающей гармонией. Выходил в сад. Накануне заморозков срезал розы и отправлял их в подвал: быстрая смена температуры убивает красоту и аромат. Каждый день к завтраку на столе появлялся благоухающий букет, вызывая восторги хозяина и близких.

Вечером в присутствии секретаря Анелизы Поппинги вспоминал прошлое. Рассказывал о дружбе с Даллесом, де Голлем:

— В дружбе нужно отделять человеческое от политического. Настоящая дружба в политике крайне редка. Она возможна

только на основе правдивости, искренности и единства взглядов по принципиальным вопросам.

Иногда просил почитать ему стихи любимых Эйхендорфа и Гейне или включить музыку Гайдна, Шуберта. Слушая, надолго погружался в думы, убегавшие в прошлое.

В Бонне пышно отметили 90-летие экс-канцлера. Накануне устроили большой прием. Аденауэр, величественный, прямой, с едва намеченной улыбкой пожимал бесчисленное количество рук, выслушивал поздравления. Вспоминал о посещении германским императором Кёльна и о других давних событиях, распространял добродушие и обаяние.

На следующий день — 5 января — он с утра принимал поздравления в своем кабинете в бундестаге. Потом во дворце Шаумбург с его участием и в присутствии бывших министров состоялось торжественное заседание правительства. Вечером состоялся официальный государственный прием на вилле президента.

Кабинет в бундестаге и дом в Рёндорфе утопали в цветах. Газеты были полны фотографий и статей о знаменитом старике.

— Соберите их, — сказал Аденауэр Поппинге, — может быть, потом их просмотрю и узнаю, кто же я есть на самом деле.

Весной 1966 года на очередном съезде ХДС Аденауэр оставил пост председателя партии. Его прощальная речь оказалась сенсацией. Притихший зал услышал совершенно неожиданные слова: русские влились в ряды тех народов, которые хотят мира. Журналисты бросились к телефонам и телетайпам. В редакции пошли корреспонденции: «холодный воитель» переменился, стал мыслить по-иному.

В кулуарах Аденауэр высказывал надежду, что русские откажутся от экспансионистских намерений. В их стране обязательно произойдет либерализация форм правления и политической жизни. Это случится путем эволюции, а не революции. Постепенные изменения приносят людям меньше несчастья, чем быстрые. Запад должен проявить терпение и развивать контакты с русскими.

Мудрый старик с Рейна за год до своей кончины и за двадцать лет до «перестройки» предсказал то, что случится в нашей стране. Весь его жизненный и политический опыт говорил, что народ столь значимой страны не будет долго терпеть тоталитарный режим с его притеснениями, несвободами и несправедливостями.

Весной 1966 года Аденауэр вновь в Каденаббии. Прогулки стали короче. Полюбились предзакатные вечера. Он усаживался в кресло на террасе, укрывал ноги пледом и слушал музыку. С

озера доносился легкий звон колокольчиков на рыбацких сетях. Время от времени вскрикивала сова. Вдруг закукарекал петух. Аденауэр засмеялся:

— Он перепутал время.

Как-то приехал художник Оскар Кокошка. Бундестаг заказал ему портрет Аденауэра. Художник удивился, как хорошо выглядит экс-канцлер в 90 лет. Позировал стоя. Разговаривал в это время с дочерьми, иногда диктовал или обсуждал с Поппингой подготовленные материалы. Временами втягивал художника в обсуждение событий, о которых шла речь в мемуарах. Через три недели портрет был готов.

Принять работу прибыл президент бундестага Герстенмайер. Он ахнул: с портрета на него смотрел не жесткий политик-борец, а мягкий, добрый человек. Художник пояснил президенту, что видит Аденауэра именно таким.

Аденауэр давно думал о поездке в Израиль. Понимал всю ее неоднозначность. Кровную обиду евреев не могло преодолеть то, что он сделал для возмещения их материальных потерь. Миллионы загубленных жизней не поддавались возмещению. В мае 1966 года он на поездку решился.

На аэродроме в Тель-Авиве его тепло и сердечно встретили бывший премьер-министр Бен-Гурион, министр иностранных дел Абба Эббан и президент Всемирной еврейской организации Наум Гольдман, Однако на выезде из аэропорта стояло около сотни людей с плакатами «Аденауэр, вон!». Собравшиеся кричали, размахивали кулаками. Во время всего визита проходили демонстрации протеста, распространялись враждебные листовки, газеты пестрели злыми заголовками. В Аденауэре видели символ немцев-врагов. Мало кто отдавал отчет, что он представляет иных немцев, другую Германию.

Власти старались сгладить реакцию населения. В научном центре Вейцмана Аденауэру вручили свидетельство о присвоении звания почетного доктора за верность демократическим идеалам и страдания во время нацистского режима. Организовали поездку в Иерусалим и осмотр достопримечательностей. Аденауэр не знал, что его сопровождает врач с запасом крови на случай террористического акта.

Премьер-министр Леви Эшкол устроил официальный прием. Его речь поразила Аденауэра. Он говорил только о прошлых гонениях на евреев, о жестокости немцев. Материальная компенсация — это лишь символическое возмещение за кровавый разбой. Нет искупления за злодеяния и утешения в горе.

Гостю пришлось в ответной речи учесть сказанное Эшколом. Он подчеркнул, что прошлое нельзя забывать, но и нельзя жить

только им. Если не признать доброй воли нынешних немцев, то невозможно ожидать вообще чего-либо хорошего. Он, будучи канцлером, стремился к примирению немцев и евреев. Те же цели преследует теперешнее правительство Федеративной Республики.

В беседе Эшкол попросил Аденауэра не придавать серьезного значения тому, что он услышал из его уст.

— Я произнес неприятные слова для внутреннего потребления, в угоду тем, кто устраивает протесты.

— Мой визит, — возразил Аденауэр, — имеет не только внутриизраильское значение. Поэтому прошу убрать наиболее резкие формулировки из текстов, которые будут переданы прессе. Иначе я буду вынужден демонстративно покинуть Израиль.

— Конечно, конечно, мы сделаем это, — поспешил заверить Эшкол.

В прессу, однако, попали и полная речь Эшкола, и информация о жесткой реакции Аденауэра. Несколько дней газеты смаковали инцидент в Израиле. Эббан пытался исправить положение. На официальном завтраке он говорил об Аденауэре как о друге, который много сделал для евреев и к которому он и все здравомыслящие евреи питают чувство уважения и благодарности. Сердечно говорил об Аденауэре и Гольдман. В ответной речи гость сказал, что считает примирение с Израилем одним из своих важных дел. И не следует отделять его от остальных немцев, ибо весь немецкий народ по-новому относится к евреям.

Оставшиеся дни заполнили поездки, интервью, выступления. Аденауэр был бодр и энергичен. Посетил Хайфу, Назарет, осмотрел древности. В воскресенье слушал мессу на Праведной горе, где Христос произнес Нагорную проповедь.

В Бонне Аденауэра встречали с благодарностью. Вряд ли кто-либо еще мог сделать такой шаг для примирения с Израилем и пропаганды нравственных ценностей новой Германии.

В конце 1966 года родилась большая коалиция: правительство образовали из представителей ХДС/ХСС и СДПГ при канцлере христианском демократе Кизингере и вице-канцлере социал-демократе Брандте. Аденауэр приветствовал ее, но как явление временное, призванное решить конкретные экономические задачи, усилить интеграционные процессы в Европе. Он снова и снова подчеркивал, что неизменным и главным принципом демократии является наличие сильной оппозиции. Страна и общество не должны оставаться без контролирующего, подвергающего сомнению действия правительства начала, каким является оппозиция. Мелкие партии, не участвующие в правительстве, такой функции осуществлять не

могут.

Что касается социал-демократов, то они уже по-иному воспринимали экс-канцлера. Еще до образования «большой коалиции» в популярном журнале «Штерн» появилась статья одного из лидеров СДПГ Герберта Венера. Автор писал, что в трудные времена опытный рейнец лучше других понимал, что нужно делать для возрождения страны, и он сделал максимум возможного. Аденауэр порадовался признанию авторитетного социал-демократа и отложил статью Венера в материалы для мемуаров.

Между тем вышел второй том воспоминаний. Третий был практически готов. Работалось хорошо. Аденауэр подбирал материалы о последних годах своего канцлерства. Намеревался уделить особое внимание отношениям с Францией и встречам с де Голлем.

Испанское правительство пригласило Аденауэра выступить в Мадриде. Он согласился и попросил только не составлять слишком напряженную программу. «Мне ведь уже не восемьдесят», — писал он испанцам. К поездке готовился тщательно. Даже не диктовал, а писал от руки тезисы реферата. Центральной мыслью выступления стала интеграция Западной Европы в союзе с Соединенными Штатами. Верх брали опасения прошлого. Аденауэр настороженно воспринимал идеи разрядки и разоружения, по-прежнему боялся сговора между американцами и русскими за счет европейцев.

Утром 14 февраля 1967 года Аденауэр вылетел из Кёльн во Франкфурт, чтобы там пересесть на мадридский рейс. На аэродроме в Кёльне не было ни представителей официального Бонна, ни журналистов. Проводить Аденауэра пришел лишь испанский посол с супругой. Погода была плохая. Самолет бросало из стороны в сторону, из одной воздушной ямы в другую. Кто-то в салоне стал сетовать на качку. Аденауэр спокойно сказал:

— Что же вы хотите — за тридцать минут из Кёльна во Франкфурт, да еще с удобствами.

Пассажиры заулыбались.

Во Франкфурте экс-канцлера окружила толпа журналистов, теле- и фоторепортеров. Аденауэр начал было отвечать на вопросы, но потом ушел в отведенную для него комнату, чтобы выпить чашку чая.

В Мадриде его ждал теплый прием. Встречали два министра, несколько видных политических деятелей, немецкий посол и, конечно же, множество шумных испанских журналистов. Цветы, приветственные речи, аплодисменты…

На следующий день ему принесли газеты с репортажами о его прибытии с многочисленными снимками. Он отложил их в сторону и отправился в Прадо. Посещение всемирно известной картинной галереи занимало его больше, чем официальные встречи. Протокол, однако, отвел на Прадо всего лишь два часа. Аденауэр надолго задержался у любимых голландцев. Не воспринял Эль Греко. Ему не понравились удлиненные фигуры и лица его персонажей. Он даже спросил у сопровождавших, не страдал ли художник искажением зрения. С удивлением остановился у пасторальных пейзажей раннего Гойи. Они опровергали представления о художнике, знаменитом своими мрачными капричос. Бегло прошел залы Мурильо и Веласкеса. Внимательно осмотрел детали алтаря, расписанные Иеронимом Босхом.

На официальном обеде министр иностранных дел Кастелло произнес речь, в которой высоко оценил деятельность Аденауэра. Потом экс-канцлера принял генерал Франко. Беседовали долго и обстоятельно. Франко вручил Аденауэру высший испанский орден, которым награждаются иностранцы. Обычно церемонию вручения проводил министр иностранных дел. Но в этом случае каудильо решил осуществить ее сам.

Вернувшись в отель, Аденауэр сказал, что генерал произвел на него хорошее впечатление: он умный человек — мысли и слова сначала приводит в порядок, а потом уже высказывает.

— Никогда и никто, — добавил Аденауэр, — так долго и сердечно не жал мне руку на прощание, как генерал Франко.

Вечером отправился на выступление в зал «Атенио». У входа многочисленная толпа приветствовала его возгласами и аплодисментами. В сам зал, имеющий тысячу мест, набилось полторы тысячи. В первом ряду сидели принц Хуан Карлос — будущий король Испании и принцесса София. В коридорах и примыкавших помещениях установили динамики для тех, кто не втиснулся в зал. При появлении Аденауэра все встали и долго аплодировали. Его приветствовал министр Аре Ирибарне. Вновь раздались бурные аплодисменты.

Аденауэр был тронут. Его обычно непроницаемое лицо отразило волнение. Ему предложили говорить сидя. Он отказался и стоял в течение всего мероприятия. Поблагодарив за теплый прием, пожелал успехов испанскому народу и произнес подготовленную речь. Говорил о необходимости единения Европы, создания новых отношений между народами, исключающих войны и столкновения. Национальное соперничество должно навсегда уйти в прошлое. Главным звеном европейского единения является союз Франции и Германии. К

нему должны примкнуть Испания и другие государства. Объединенная Европа должна опираться на поддержку Соединенных Штатов. Противопоставлять себя Америке недопустимо, несмотря на то что интересы европейцев и американцев не всегда совпадают.

Присутствующие вновь встали и бурными аплодисментами проводили закончившего выступление Аденауэра. Газеты на следующий день писали о небывалом успехе немецкого гостя.

В программе стояло посещение Долины Павших, в нескольких десятках километров от Мадрида. Аденауэр придавал этому мероприятию большое значение. Он восхищался тем, как генерал Франко после ожесточенной гражданской войны скрупулезно и последовательно работал над консолидацией нации. Каудильо не преследовал противников. Объявил главной целью объединить всех испанцев. В горах 25 лет строили усыпальницу, в которой похоронили погибших в гражданской войне фалангистов и коммунистов-республиканцев. Долина Павших стала символом прощения и единения.

В день выезда дорогу к Долине Павших занесло снегом. Проехать оказалось невозможно. Аденауэр настаивал. Вызвали бульдозеры и в течение суток дорогу очистили. На следующий день по горным серпантинам добрались до мемориала. Аденауэра поразили дикие скалистые горы, огромный простой крест на самой высокой точке, строгая церковь и усыпальница, выдолбленная в горе. Суровая природа и мягкая торжественность мемориала оставляли неизгладимое впечатление.

Испанские газеты много и доброжелательно писали об Аденауэре. Он постоянно появлялся в кино- и телехронике. В Толедо ему подарили меч Карла V со словами, что передают его в достойные руки. В Эскореале — резиденции испанских королей — гость из вежливости согласился прослушать в соборе токкату Баха — он не любил органную музыку. Звучание, однако, оказалось настолько выразительным, что после осмотра дворца Аденауэр попросил еще раз проиграть баховское произведение.

В один из вечеров Аденауэра пригласили побывать в ресторане, где танцевали фламенко. Известная танцовщица исполняла народный танец ритмично и темпераментно. Она заявила с эстрады, что танцует для Аденауэра и отказывается от гонорара за выступление в этот вечер.

Улетая из Мадрида, Аденауэр сказал, что это была самая теплая, самая прекрасная поездка в его жизни.

На обратном пути остановился в Париже. Приняли его с самыми высокими государственными почестями. Де Голль дал завтрак в Елисейском дворце и в своей речи воздал должное

Аденауэру за его вклад в примирение Франции и Германии и установление между ними дружеских отношений и активного сотрудничества.

В Рёндорф Аденауэр вернулся бодрым и в прекрасном настроении. А через несколько дней на небольшом реактивном самолете вылетел в Мюнхен, чтобы выступить на мероприятии ХСС. По возвращении часто появлялся в бундестаге. Беседовал с прибывшим в Бонн американским вице-президентом Никсоном, принимал других иностранных гостей, давал интервью журналистам. Казалось, он не чувствует, что ему пошел уже 92-й год жизни. Но это только казалось. Природа брала свое.

В конце марта Аденауэр слег, почувствовав недомогание. Он продолжал просматривать газеты. Когда же испытывал особую слабость, просил читать ему Поппингу или кого-либо из домашних. 3 апреля принял канцлера Кизингера, а через неделю впал в забытье и уже не приходил в себя до кончины.

Умер 19 апреля 1967 года, оплакиваемый своей многочисленной семьей.

Послесловие

Прошли годы. Германия, проигравшая мировую войну, стала одной из ведущих держав с динамичной экономикой, высоким жизненным уровнем и стабильным демократическим правовым устройством.

Победитель Второй мировой войны — Советский Союз — распался. Россия — его основная преемница мучительно преодолевает роковое наследие коммунистических десятилетий, натужно и неуверенно строит новое общество, пытаясь вывести людей из нищеты и тоталитарной закомплексованности.

История по достоинству оценила роль Аденауэра. Он правильно выбрал путь развития и сделал движение по нему необратимым. Человек, формировавшийся в кайзеровские времена, переживший уже зрелым политиком Веймарскую республику и нацистский «Третий рейх», накопил огромный опыт. Отменное здоровье и размеренный, порой аскетический образ жизни позволили ему, перешагнувшему 70-летний рубеж, решать задачи, казавшиеся нерешаемыми.

Аденауэр стал лидером возрождения Германии, раздавленной нацизмом, войной и оккупацией. Трудно представить себе иного человека, которому удалось бы сделать это столь уверенно и быстро.

После Аденауэра канцлерами были: прекрасный экономист и никудышный политик Эрхард; малозаметные Кизингер и Шмидт; Брандт, ожививший европейскую разрядку; монументальный Коль, превзошедший первого канцлера по продолжительности правления; Шрёдер, «выбивший из седла» христианско-демократического лидера.

Каждый из них превносил что-то новое в концепцию развития страны. Но никто не покусился на ориентиры Аденауэра, на его принципы внутренней и внешней политики.

Долгие годы, особенно до восстановления германского единства, историки и публицисты задавались вопросом: прав ли был Аденауэр в своей жесткой и, казалось бы, однобокой ориентации на западные ценности, в непримиримом антикоммунизме и нежелании договариваться на компромиссной основе с Советским Союзом и ГДР? Канцлер устоял перед всеми соблазнами воссоединения Германии на нейтральной основе и приближения ее к Востоку. Одни считали, что упрямый старик упустил ряд исторических шансов. Другие — оправдывали его действия политическими обстоятельствами и сиюминутным прагматизмом. И мало кто верил в его стратегию.

А она учитывала следующие факторы. Советский Союз не сможет вечно навязывать свою волю немцам. Немцы же не утратят национального достоинства. Материальные условия и образ жизни Западной Германии будут неизбежно притягивать население ГДР. Воссоединение возможно только путем присоединения восточных областей к ФРГ.

Время все поставило на свои места. Ныне практически все оценки свелись к одной: Аденауэр оказался мудрым провидцем. Сближаясь с Западом, он сделал ставку на его глобальную победу над Востоком, победу нового, социального капитализма над советским социализмом, демократии и свободы над тоталитаризмом, западного образа жизни в ФРГ над «социалистическим» в ГДР.

Великий канцлер выиграл, хотя окончательная победа пришла уже при его потомках. Гельмута Коля кто-то назвал «внуком Аденауэра». Он безоговорочно принимал концепцию и стратегию Аденауэра, никогда не подвергал их сомнению. При воссоединении Германии Коль исходил из основного принципа «канцлера-деда»: никакой нейтрализации, политической и военной, объединенная страна остается в НАТО и во всех остальных западных союзах. Как выразился один германский журналист: Аденауэр с того света мог бы сказать — все логично, все правильно, иного и быть не могло. Германия — западная страна. Если бы она стала колебаться, то превратилась бы в объект насилия, а то и вообще оказалась бы раздавленной между восточными и западными жерновами.

В годы после Второй мировой войны об интеграции в Европе говорили редко. Доминировало национальное самосознание. Кто тогда мог представить себе, что немцы и французы будут координировать свое экономическое развитие, более активно обмениваться культурными ценностями, воспитывать молодежь в духе взаимопонимания и взаимоуважения.

Немец Конрад Аденауэр и француз Робер Шуман оказались первопроходцами европейской интеграции. Они смогли переступить через вековую межнациональную вражду и создать Объединение угля и стали — первую структуру на пути к широкому и взаимовыгодному переплетению европейских экономик. В XXI век Европа вступила с единой валютой и открытыми границами.

Трудно найти исторически значимую личность, которой ее свершения давались бы без борьбы и коллизий. Аденауэр не исключение. Канцлеровская власть не оставляла ему времени для благодушествования. Искушенный политик-борец, он твердо шел избранным курсом, не давая никому сбить себя с него. Но умел и

лавировать, а то и лукавить, идти на компромисс, исправлять ошибки. Ему подражали, завидовали, его ставили в пример молодым политикам.

Образцом для его «наследников», предметом изучения политологов стало отношение Аденауэра к противникам, к оппозиции. Какие убийственные речи произносили социал-демократы, особенно Курт Шумахер, против Аденауэра и его политики! А он решительно и хладнокровно делал свое дело, при этом не подавлял оппонентов, шел с ними на контакты, говорил, что в критике оппозиции можно найти здоровое зерно. Канцлер целеустремленно обеспечивал консолидацию общества.

В итоге социал-демократы полностью приняли линию Аденауэра как во внутренней, так и во внешней сфере. Они стали подчинять интересы партийные интересам государственным. Именно такой подход дал им возможность выигрывать выборы и приходить к власти.

В нашей стране Аденауэра до последнего времени характеризовали как милитариста и реваншиста, а его политику — как агрессивную. Лишь в самое последнее время у нас начали появляться редкие, робкие подчас статьи, в которых рисуется объективная картина его свершений, как и подлинная история послевоенного возрождения Германии. И мало кто вспоминает (или знает), что такие советские руководители, как Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, А. И. Микоян понимали, что имеют дело с крупным и принципиальным деятелем, и даже пытались привлечь его на свою сторону.

Многие страны стремятся подражать современной ФРГ в регулировании экономики, в совершенствовании норм государственного управления и общественной жизни. Это естественно, ибо немцы добились успеха, который трудно с чем-либо сравнить.

Российское руководство после десяти лет неразберихи и глупостей ельцинского периода все чаще обращается к германскому опыту. Социальная рыночная экономика в Германии, ее правовая система, распределение полномочий между центром и субъектами Федерации, развитие демократических норм жизни, взаимоотношение власти и оппозиции — все это привлекает внимание тех российских политиков и экономистов, которые искренне хотят привести страну к процветанию. Поглядывая на самодостаточных немцев, они зачастую копируют то, что уже давно апробировано и надежно функционирует в ФРГ. И с Богом!

Автор надеется, что данная работа поможет читателю разобраться в событиях недалекого прошлого и, кроме прочего, приблизит его к ответу на сакраментальный вопрос: почему

великая и богатая Россия лишь догоняет, и догоняет, и догоняет остальной цивилизованный мир?

Основные даты жизни и деятельности Конрада Аденауэра

1876, 5 января — Родился в Кёльне в семье служащего земельного суда.

1894 — Окончил Апостольскую гимназию в Кёльне.

1894–1897 — Учеба в университетах во Фрайбурге, Мюнхене и Бонне.

1897–1901 — Подготовка к сдаче государственных экзаменов по юриспруденции; Аденауэр получает диплом юриста.

1901–1905 — Работа в городской адвокатуре Кёльна и в канцелярии кёльнского адвоката Г. Каузена.

1904 — Женитьба на Эмме Вейер. Рождение детей: Конрада (1906), Макса (1910) и Марии (1912).

1906 — Аденауэр назначается помощником депутата городского собрания Кёльна.

1909 — Избирается первым заместителем обербургомистра Кёльна.

1916 — Смерть жены Эммы Аденауэр.

1917 — Избрание Аденауэра обербургомистром Кёльна.

1919 — Женитьба на Августе Цинсер. Рождение детей: Пауля (1923), Лотты (1925), Либет (1928) и Георга (1931).

1921 — Избрание Аденауэра президентом Прусского государственного совета при сохранении поста обербургомистра Кёльна.

1933 — Нацисты увольняют Аденауэра с поста обербургомистра Кёльна.

1933–1934 — Аденауэр скрывается в монастыре «Мария Лаах».

1935 — Аденауэр поселяется с семьей в Рёндорфе.

1944 — Арест Аденауэра нацистами после покушения на Гитлера.

1945, 4 мая — Назначение Аденауэра американцами обербургомистром Кёльна.

1945, 6 октября — Увольнение Аденауэра англичанами с поста обербургомистра, с запрещением политической деятельности (отменено в декабре 1945 г.).

1946 — Избрание Аденауэра председателем ХДС британской зоны оккупации, а затем и председателем фракции ХДС в ландтаге земли Северный Рейн — Вестфалия.

1948, 3 марта — Смерть жены Августы Аденауэр.

1948 — Избрание Аденауэра председателем Парламентского

Совета.

1949 — Принятие Парламентским Советом Основного закона Германии; Бонн становится временной федеральной столицей.

1949, 15 сентября — Избрание Аденауэра федеральным канцлером ФРГ.

1950 — Создание Объединения угля и стали: первый шаг к европейской интеграции.

1950 — ХДС становится федеральной партией, Аденауэр избирается ее председателем.

1951 — Канцлер принимает также пост министра иностранных дел ФРГ.

1952 — Подписание в Бонне Германского договора и в Париже Договора о создании Европейского оборонительного сообщества.

1953 — Выборы в бундестаг, Аденауэр вновь избирается федеральным канцлером.

1954 — Отклонение французским Национальным собранием Договора о создании Европейского оборонительного сообщества.

1955 — Вступление в силу Германского договора — ФРГ становится независимым государством, вступает в НАТО.

1955 — Аденауэр передает пост министра иностранных дел Г. Брентано.

1955 — Поездка Аденауэра в Москву, установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ.

1955 — После референдума Саар становится землей ФРГ.

1956 — Создание первых частей бундесвера.

1957 — Подписание в Риме соглашений об образовании Европейского экономического сообщества.

1957 — Выборы в бундестаг, Аденауэр в третий раз избирается федеральным канцлером.

1958 — Первая встреча Аденауэра с де Голлем в Коломбэ-ле-дез-Эглиз.

1959 — Приезд в Бонн американского президента Д. Эйзенхауэра.

1960 — Поездка Аденауэра в Соединенные Штаты и Японию.

1961 — Поездка канцлера в Берлин после возникновения Берлинской стены.

1961 — Выборы в бундестаг и избрание Аденауэра федеральным канцлером в четвертый раз.

1962 — Предложение Аденауэра Советскому Союзу установить «гражданский мир» на десять лет.

1962 — Официальный визит канцлера во Францию.

1962 — Ответный визит де Голля в ФРГ.

1963 — Подписание в Париже Договора о дружбе между

Францией и ФРГ.

1963 — Визит в ФРГ американского президента Джона Кеннеди. Совместная поездка Аденауэра и Кеннеди в Западный Берлин.

1963 — Отставка Аденауэра с поста федерального канцлера.

1964 — Переизбрание Аденауэра на пост председателя ХДС.

1965 — Вышел в свет первый том воспоминаний Аденауэра (последующие тома появились в 1967–1968 гг.).

1966 — Аденауэр слагает с себя полномочия председателя ХДС.

1966 — Поездка Аденауэра в Израиль.

1967 — Поездка Аденауэра в Испанию; встреча на обратном пути с де Голлем в Париже.

1967, 19 апреля — Смерть Аденауэра.

1967, 25 апреля — Похороны Аденауэра на кладбище в Рёндорфе.

Краткая библиография

Берн Г. Западная Германия — государство монополий: Бундестаг и правительство. — М, 1962.

Берн Г. ХДС/ХСС без маски. — М., 1963.

Брандт В. Воспоминания. — М., 1991.

Вебер А. Б. Классовая структура общества в Западной Германии. — М, 1961.

Восленский М. С. Внешняя политика и партии ФРГ. — М., 1961.

Галкин А. А., Мельников Д. Е. СССР, западные державы и германский вопрос (1945–1965). — М., 1966.

Германская история в Новое и Новейшее время: В 2 т. — М., 1970.

Герст В. Федеративная Республика Германия под властью Аденауэра. — М., 1958.

Голль де Ш. Мемуары надежды: Обновление 1958–1962. — М., 1971.

Денглер Г. Тенета Бонна. — М., 1962.

Дзелепи Э. Конрад Аденауэр: легенда и действительность. — М., I960.

Зейдвиц М. Германия между Одером и Рейном. — М., 1960. История фашизма в Западной Европе. — М., 1978.

Истягин Л. Г. ФРГ и НАТО. — М., 1963.

Конституции буржуазных государств Европы. — М., 1957.

Наумов П. А. Бонн — сила и бессилие. — М., 1965.

Раш Г. Куда идет Западная Германия? — М., 1965.

Рейман М. Решения 1945–1956. — М., 1975.

Ульбрихт В. К истории Новейшего времени. — М., 1957.

Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. — М., 1993.

Ходов Л. Г. Экономика Федеративной Республики Германия. — М., 1963.

Adenauer K. Bundestagsreden. — Bonn, 1967.

Adenauer K. Erinnerungen: 1945–1959. — Bd. I–III. - Stuttgart, 1965–1967.

Adenauer K. Kanzlerworte. — Essen, 1956.

Adenauer K. Teegesräche: 1955–1958. - Berlin, 1986.

Bandulet B. Adenauer zwischen West und Ost. — Miinchen, 1970.

Bertram O. Konrad Adenauer und seine Zeit. — Bonn, 1963.

Doering — Manteuffel A. Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. — Darmstadt, 1983.

Dreher K. Der Weg Zum Kanzler: Adenauers Griff nach der

Macht. — Düsseldorf— Wien, 1972.

Eden A. Memoiren: 1945–1957. — Köln — Berlin, 1960.

Erhard L. Deutsche Wirschaftspolitik. — Düsseldorf — Wien, 1962.

Erhard L. Wohlstand für alle. — Düsseldorf — Wien.

Kennan G. F. Memoiren eines Diplomaten. — Stuttgart, 1968.

Kistler H. Die Bundesrepublik Deutschland. Vorgeschichte und Geschichte: 1945–1983. - Bonn, 1985.

Kroll H. Lebenserinnerungcn eines Botschafters. — Koln — Berlin, 1967.

Lindemann H. Konrad Adenauer. — München — Bern — Wien, 1965.

Nolte E. Deutschland und der Kalte Krieg. — München, 1974.

Poppinga A. Meine Erinnerungen an Konrad Adenauer. — München, 1972.

Pöttering H.-Y. Adenauers Sicherheitspolitik: 1955–1963. — Düsseldorf, 1975.

Prittie F. Konrad Adenauer: Vier Epochen deutscher Geschichte. — Frankfurt am Main, 1976.

Schmid C Erinnerungen. — Bern — München — Wien, 1979.

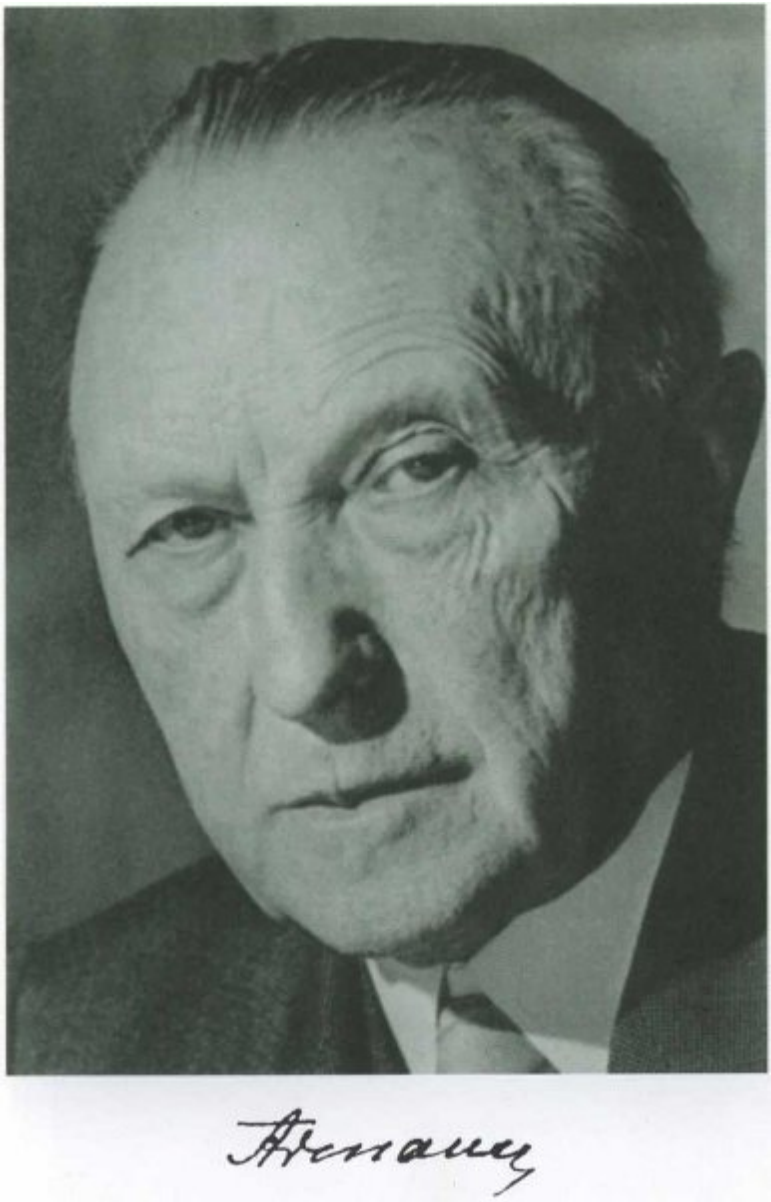
Strauß F. J. Die Erinnerungen. — Berlin, 1989.

Stützle W. Kennedy und Adenauer in der Berlin — Krise 1961–1962. — Bonn, 1973.

Weidenfeld W. Konrad Adenauer und Europa. — Bonn, 1976.

Weymar P. Konrad Adenauer. — München, 1955.

Иллюстрации

Отец К. Аденауэра — Конрад Аденауэр

Мать К. Аденауэра — Елена Аденауэр

Открытка из Фрайбурга, где учился К. Аденауэр, сестре Лили

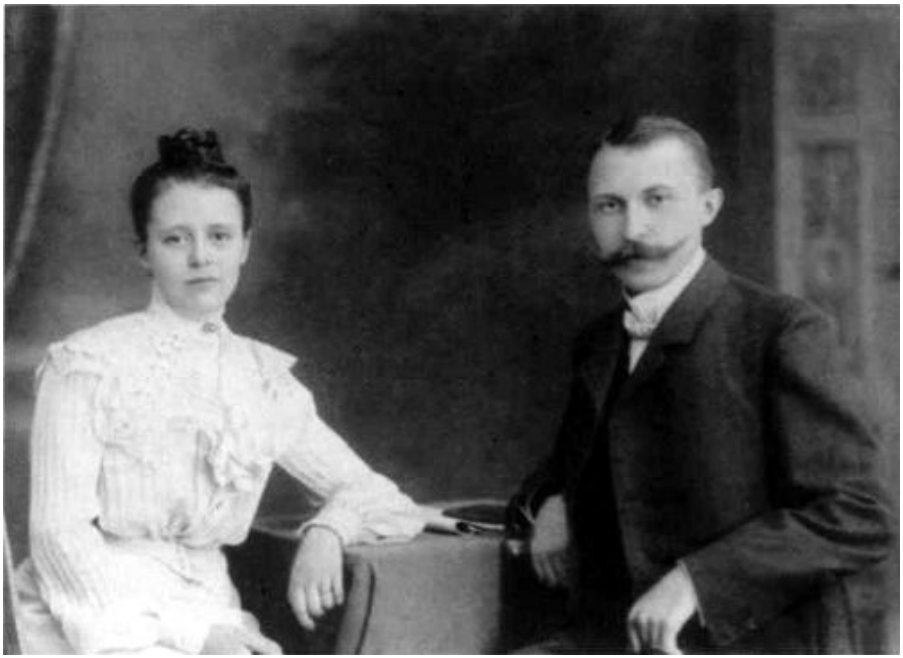
Табель успеваемости К. Аденауэр в кёльнской католической гимназии за 1893/94 учебный год

К. Аденауэр со студенческим другом Шлюгером

К. Аденауэр со студентами своего курса. 1896–1897 гг.

К. Аденауэр и Эмма Вейер во время помолвки. 1902 г.

Эмма с первенцем Конрадом. 1906 г.

Августа — вторая жена К. Аденауэра

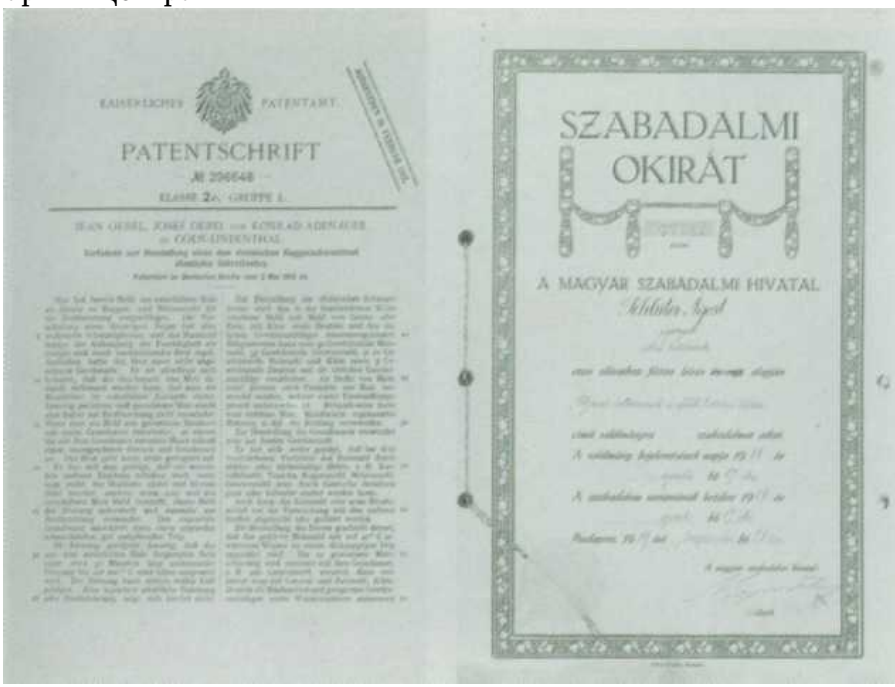
Августа с тремя своими детьми. 1919 г.

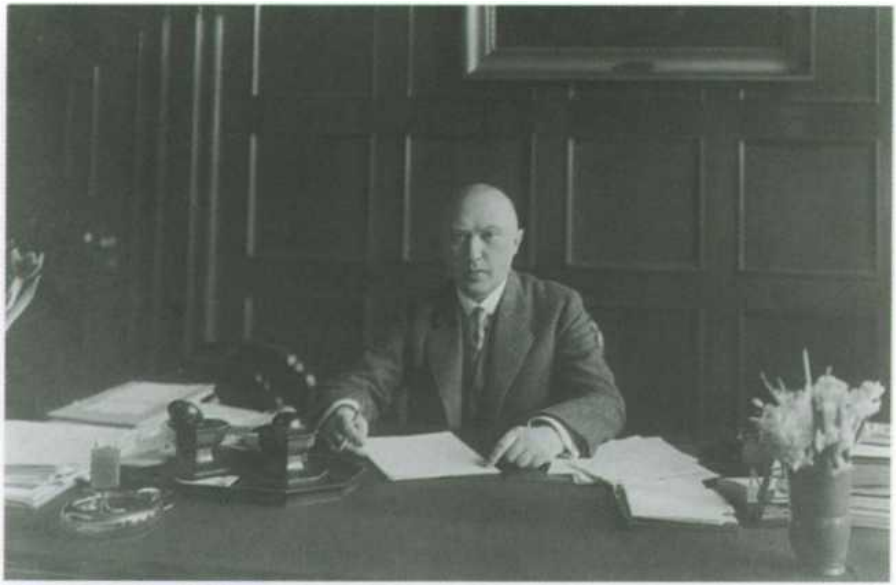
Конрад и Августа с детьми от первого брака Аденауэра

Аденауэр с депутатами кёльнского городского собрания от партии Центра

Патенты на производство хлеба из кукурузной муки и колбасы из сои — изобретения Аденауэра в голодные годы Первой мировой войны

К. Аденауэр — обер-бургомистр Кёльна в рабочем кабинете

Kölner

Local-Anzeiger

General-Anzeiger für die rheinische Hauptstadt. • Kölner Fremdenblatt.

Köln, Mittwoch, 19. September 1917. 51. Jahrgang.

Der neue Kölner Oberbürgermeister.

Gegen Wilson.

Публикация в кёльнской газете об избрании К. Аденауэра обер-бургомистром

Британские оккупационные войска в Кёльне. 1919–1920 гг.

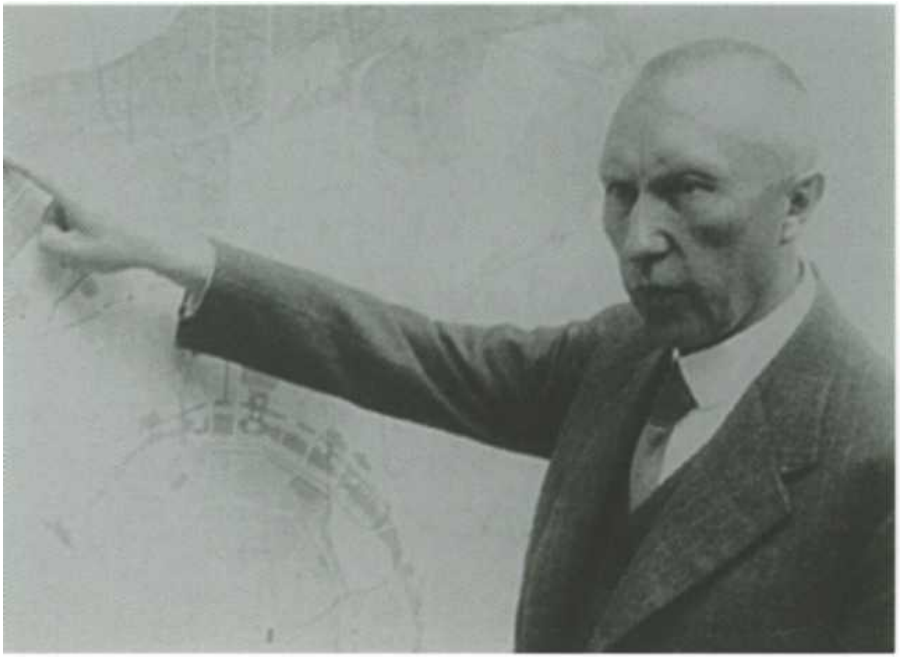
К. Аденауэр произносит речь по случаю вывода из Кёльна британских войск. 1926, 31 января

Банкноты в 100 миллионов марок[5], подписанные К. Аденауэром, — инфляционные деньги 1923 г.

Обер-бургомистр К. Аденауэр на сдаче в эксплуатацию моста через Рейн. 1929 г.

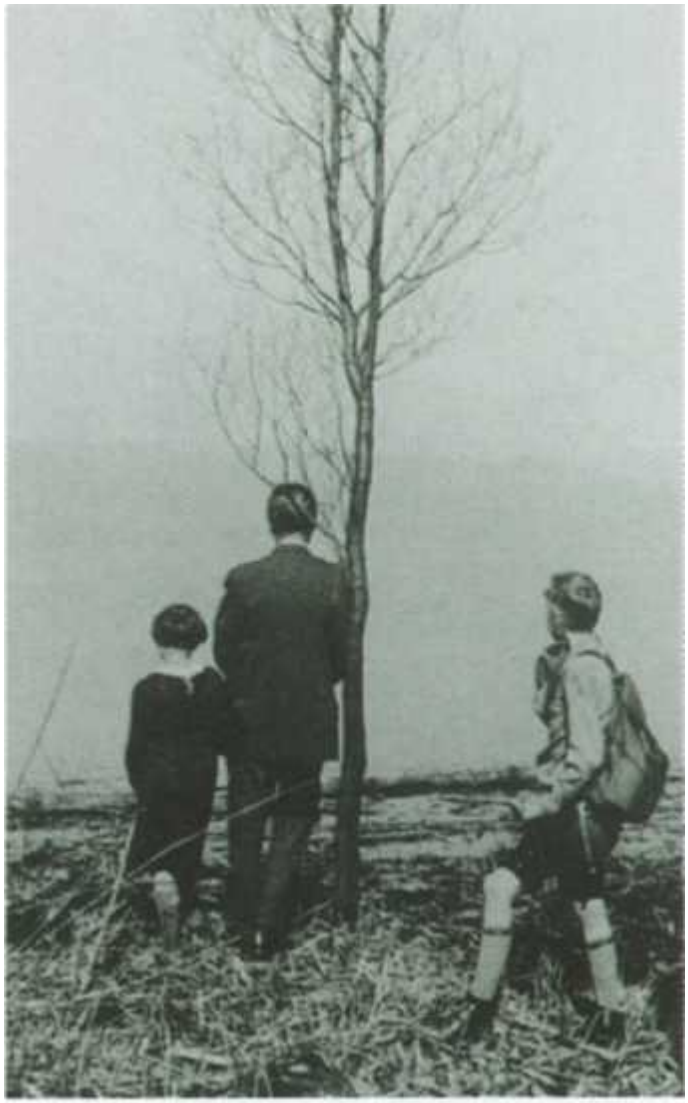
На посту обер-бургомистра: Аденауэр представляет план разбивки зеленого кольца Кёльна; на автомобильном заводе Форда в Кёльне. 1928 г.

На посту обер-бургомистра: Аденауэр участвует в радиодискуссии; с советской делегацией на Международной выставке прессы в Кёльне. 1928 г.

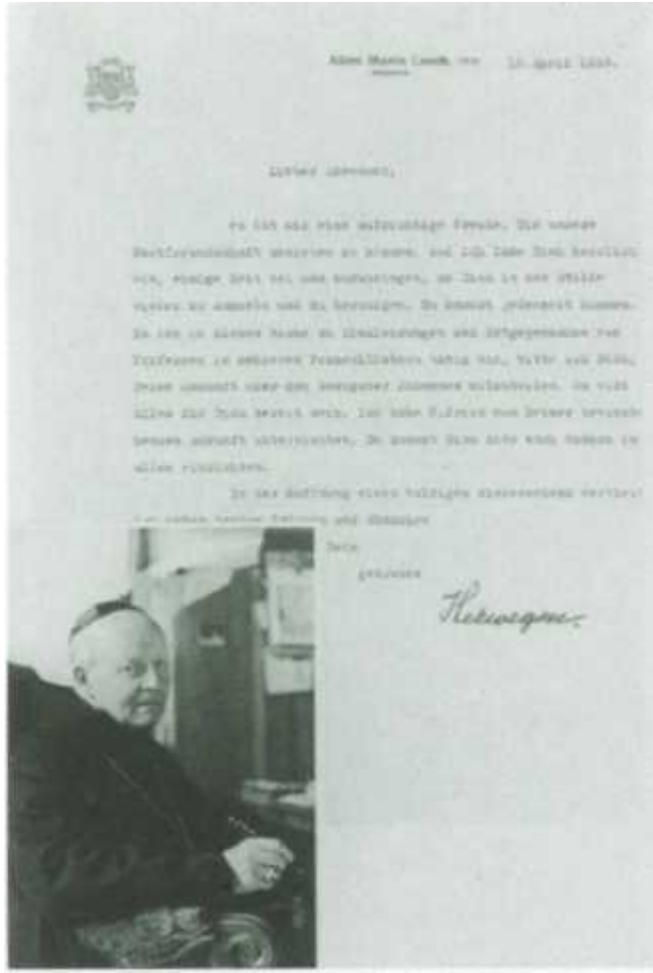

На озере Лаах К. Аденауэр скрывался от нацистов. 1933 г.

Газета «Вестдойчер Беобахтер» от 7 марта 1933 г. и листовка нацистов с призывами расправиться с К. Аденауэром

Настоятель католического монастыря «Мария Лаах» И. Херверген и его письмо К. Аденауэру с приглашением укрыться в монастыре от нацистов. 1933 г.

Аденауэр с американским бизнесменом Д. Хайнеманом, помогавшим ему при нацистах

Geheim!

Einschreiben

Распоряжение о полицейском надзоре за К. Аденауэром от 21 мая 1935 г.

К. Аденауэр с семьей в Рёндорфе. 1935 г.

Строительство собственного дома в Рёндорфе. 1937 г.

rrau Auguste Adenauer Rhöndorf b. Honnef a.Rh., d
Zennigweg 8a

An die Geheime Staatspolizeistelle Köln
K ö l n
Appellhofplatz 23/25

betr.: Antrag auf Haftveränderung des Oberbürgermeister
Dr. h.c. Konrad Adenauer.

Mein Mann, Dr. Konrad Adenauer, wurde am Mittwoc
durch die Gestapo in Bonn festgenommen und nach Köln-We
Lager überführt.

Mein Mann ist 68 Jahre alt und befindet sich in
ten Gesundheitszustand, was aus beiliegendem Attest des
behandelnden Arztes hervorgeht. Jede Erregung verschlim
und ausserdem muss er sehr streng Diät leben.

Auf Grund dessen bitte ich um Haftveränderung, a
falls dies nicht möglich ist, so bitte ich, ihn in Fran
Lazarettbehandlung zu geben.

Письмо Августы Аденауэр в гестапо Кёльна с просьбой освободить ее мужа из тюрьмы. 1944 г., 25 августа

К. Аденауэр с семьей по возвращении из тюрьмы. 1944 г., 27 ноября

Разрушенный Кёльн. 1945 г.

К. Аденауэр с британским военным губернатором Бараклафом (второй справа). 1945 г.

К. Аденауэр с близкими перед временным помещением кёльнской ратуши. 1946 г.

К. Аденауэр с британскими солдатами и гражданскими лицами в Кёльне

Визит на Петерсберг к Верховным комиссарам. 1949 г.

Вручение К. Аденауэру Оккупационного статута. 1949 г.

В Парламентском совете. 1949 г.

Прибытие Д. Д. Эйзенхауэра с визитом в Бонн. 1959 г.

К. Аденауэр и государственный секретарь США Д. Ф. Даллес

Визит Дж. Кеннеди в ФРГ и Западный Берлин. 1963 г.

У. Черчилль в Германии. 1956 г.

К. Аденауэр на конференции министров иностранных дел Бенилюкса, Франции, ФРГ и Италии в Баден-Бадене. 1953 г.

Конференция НАТО. 1954 г.

К. Аденауэр на аэродроме Кёльн/Ван после завершения официального визита в Москву. 1955 г.

Глава правительства СССР Н. А. Булганин, К. Аденауэр и Н. С. Хрущев в Москве. 1955 г.

Благодарность немецкой матери за освобождение ее сына из советского плена. 1955 г.

Официальный визит К. Аденауэра во Францию. 1962 г.

К. Аденауэр с Ш. де Голлем в резиденции французского посла в ФРГ. 1963 г.

Первая встреча К. Аденауэра и израильского премьер-министра Д. Бен-Гуриона в Нью-Йорке. 1960 г.

Визит К. Аденауэра в Ватикан. С Папой Римским Павлом VI. 1963 г.

К. Аденауэр со своим помощником Г. Глобке в саду дворца Шаумбург.

К. Аденауэр и правящий бургомистр Западного Берлина В. Брандт. 1962 г.

К. Аденауэр и председатель ХСС Ф. И. Штраус на приеме в честь 87-летия канцлера. 1963 г.

Уход К. Аденауэра в отставку. Прощальный парад войск. 1963 г.

К. Аденауэр с семьей в день своего 90-летия. 1966 г.

Игра в боччо в саду дворца Шаумбург.

Работа над мемуарами

Рабочий кабинет К. Аденауэра в Рёндорфе

Отпевание К. Аденауэра в Кёльнском соборе. 1967 г.

Семейная усыпальница Аденауэров на кладбище в Рёндорфе

notes

Примечания

1

Катер по-немецки кот (der Kater). — Примеч. авт.

2

М. Г. Первухин — заместитель Председателя Совета Министров СССР. В. А. Кабанов — министр внешней торговли СССР. В. С. Семенов — заместитель министра иностранных дел СССР. — Примеч. авт.

3

В Рапалло в 1922 г. был подписан советско-германский договор, означавший прорыв экономической и политической блокады Советской России. — Примеч. авт.

4

Польско-германская граница, зафиксированная в Потсдамском соглашении 1945 г. — Примеч. авт.

5

Так в книге (valeryk64)